

В. Ю. Копров

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС

**РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ
С АНГЛИЙСКИМ И ВЕНГЕРСКИМ**

**Воронеж
2010**

**ББК 81.2-2
К658**

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки З.Д. Попова

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор В.И. Казарина
доктор филологических наук, профессор В.Б. Кашкин

В. Ю. Копров
К658 Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

ISBN 978-5-904686-04-8

Работа относится к теоретико-прикладному, «университетскому», направлению. На основе методики поаспектного анализа семантики и функционирования предложения по-новому решены некоторые спорные вопросы синтаксической теории и практики, русский синтаксис системно сопоставлен с английским и венгерским. В центре внимания находятся категории и компоненты номинативного аспекта предложения. Отдельно рассматриваются средства выражения субъектно-объектных отношений, локализации и посессивности в трех языках, а также отмечаются особенности синтаксиса русского официально-делового стиля на фоне английского.

Книга рассчитана на студентов, магистрантов и аспирантов-филологов, специалистов по межкультурной коммуникации, переводчиков, преподавателей языков как иностранных.

ISBN 978-5-904686-04-8

© В. Ю. Копров, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предложение как главная единица языка содержит в себе ключ к решению многих фундаментальных и прикладных проблем языкознания, поэтому описание его устройства и использования в речи издавна занимает умы лингвистов самых разных теоретических школ и направлений, продолжая оставаться предметом оживленных научных дискуссий.

Функциональная лингвистика объединяет несколько направлений, каждое из которых располагает собственной теоретической базой, понятийным аппаратом, методикой анализа и практическими реализациями, охватывающими большой языковой материал. Прагматический характер функционализма создает своеобразный переход от теоретического изучения языка к его практическому использованию, поэтому это направление получает новое осмысление и развитие в рамках теории речевого общения, когнитивной лингвистики, типологии языков, лингвопрагматики, лингвистики текста, социолингвистики, психолингвистики, теории перевода. Однако пока нельзя сказать, что в функциональной лингвистике исчерпывающим образом решены все теоретические и прикладные проблемы. В каждом новом научном труде или учебном пособии по синтаксису русского, английского или других языков предлагаются разительно отличающиеся друг от друга перечни семантических и структурных типов предложения. При таком положении дел студенту, аспиранту, преподавателю языков как иностранных или переводчику трудно найти в специальной литературе достаточно полную и непротиворечивую информацию о типах, внутреннем устройстве и особенностях функционирования предложений того или иного языка. Совершенно очевидно, что необходимы дополнительные исследования по семантико-функциональному синтаксису разноструктурных языков.

В отличие от многих контрастивных исследований, в которых сравниваются явления только двух языков (обычно – родного и иностранного), в нашей работе мы предлагаем взглянуть на проблемы устройства и функционирования предложения сразу с трех сторон: со стороны флективного (синтетического) русского языка, со стороны флективно-изолирующего (аналитического) английского языка и со стороны агглютинативного венгерского языка.

В монографии по-новому решается ряд спорных грамматических проблем, к которым, в частности, относятся:

– методика поаспектного анализа устройства и функционирования предложения;

– применение критерия информативного минимума в семантико-структурной типологии простого предложения;

– целесообразность замены деления предложений на односоставные / двусоставные на классификацию по количеству информативно-обязательных актантов в структуре предложения;

– уточнение состава номинативных частей речи и входящих в них лексико-грамматических разрядов слов;

– проблема оптимального порога категоризации и субкатегоризации семантических актантов (субъекта, объекта, адресата, локализатора);

– взаимосвязь категории личности / безличности с подлежащностью / бесподлежащностью предложения;

– соотношение категории залога и возвратности в семантико-функциональном поле залоговости в языках различного строя;

– взаимосвязь лексической и грамматической составляющих категории определенности / неопределенности (обобщенности) семантических актантов;

– семантико-функциональная типология предложения русского языка на фоне английского и венгерского языков.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов по теоретической грамматике и по теории перевода, по сопоставительной грамматике русского, английского и венгерского языков, а также в практике перевода и преподавания русского и других языков как иностранных. Таким образом, по своим общим параметрам наша работа относится к актуальному в наше время теоретико-прикладному направлению.

Некоторые из рассматриваемых проблем были впервые освещены в наших предыдущих монографиях (Копров 1999; 2000). За прошедшие годы благодаря привлечению нового фактического материала и изучению новейшей литературы вопроса многие положения были нами переосмыслены, уточнены и дополнены.

ЧАСТЬ I. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГЛАВА 1. Критический обзор концепций типологии предложения

С середины 60-х годов прошлого века появление монографий по типологии предложения и синтаксической семантике различных языков у нас в стране и за рубежом носило «взрывной» характер. Казалось, еще немного объединенных усилий – и ключевые проблемы синтаксической теории и практики будут решены. С каких только сторон не подступались к анализу предложения исследователи! Каждый раз, завершая свой труд, они, очевидно, надеялись, что им удалось подобраться к решению поставленных задач ближе, чем предшественникам; однако проходило совсем немного времени, и предложенные концепции сначала подвергались обоснованной критике, а затем, при появлении новой научной парадигмы, уступали место другим.

При анализе сложнейших языковедческих проблем, которые в силу своей многогранности, очевидно, вообще могут не иметь однозначного решения, невозможно обойтись без сжатых по объему, но достаточно полных по охвату критических обзоров трудов предшественников и современников.

Это, во-первых, позволяет наиболее наглядным образом определить место разделяемых автором взглядов в общем лингвистическом процессе. Во-вторых, замечания и комментарии, сделанные по ходу обзора, дают возможность самым экономным путем снять некоторые сомнения и возможные возражения читателя относительно обоснованности выдвинутых автором теоретических положений.

1.1. Основные концепции типологии русского предложения

Чтобы расставить хотя бы приблизительные ориентиры в огромной литературе вопроса, попытаемся систематизировать источники по трем достаточно условным направлениям:

- традиционный подход;
- логико-грамматический подход;
- ситуативный подход.

К первой группе источников мы относим многочисленные монографии и учебные пособия по русскому синтаксису, в которых

получили отражение **традиционные** взгляды и идеи, в наиболее обобщенном виде изложенные в академической Грамматике русского языка 1954 года (ГРЯ 1954).

За время своего существования традиционная классификация предложений неоднократно подвергалась конструктивной критике за ее слишком общие определения, недостаточную строгость, четкость и т.п. Можно даже представить всю новейшую теоретическую грамматику как стремление что-то подправить, дополнить и уточнить в традиционной грамматике.

Как отметил И.П. Распопов, традиционная грамматика является, во-первых, недостаточной, поскольку она ограничивает минимально необходимый конструктивный состав предложения только наличием главных членов, во-вторых, не вполне обоснованной, поскольку неточно определяет признаки, по которым осуществляется дифференциация отдельных типов, и, в-третьих, чисто атомистической, поскольку не принимает во внимание того, как различные конструктивные типы предложения соотносятся друг с другом в синтаксической системе языка (Распопов 1970, с. 67).

По справедливой оценке Г.А. Золотовой, опыты упорядочения синтаксических явлений в грамматиках традиционного направления предлагают квалификации предложений на основе признаков, одновременно отражающих разные стороны их устройства. Так, среди класса простых предложений мы встречаем в виде отдельных типов односоставные – двусоставные, глагольные – именные, личные – безличные и т. п. предложения. При этом, как правило, почти не обсуждаются вопросы о том, соотносятся ли и как соотносятся между собой эти различные характеристики предложения, составляют ли они иерархию как основные и производные, являются ли они совместимыми, дополняющими или взаимоисключающими друг друга, чем отличаются друг от друга противочлены перечисленных оппозиций, какое место предложения с этими характеристиками занимают в общей системе синтаксиса данного языка. Обращает также на себя внимание детализация типов односоставных предложений и ее отсутствие по отношению к двусоставным предложениям. Разнообразие структур двусоставных предложений получало косвенное отражение в описании способов выражения сказуемого (глагольного, адъективного, субстантивного и др.), но разграничивать на этом основании типы предложений было не принято (Золотова 1982, с. 101-102). См. также (Белашапкина 1977, с. 97-99; Сиротина 1980, с. 74-75) и др.

При этом традиционная классификация русских предложений, по нашему мнению, может послужить отправной точкой для семантико-

функциональных и сопоставительно-типологических исследований, поскольку она учитывает целый ряд наиболее существенных и универсальных признаков семантики и конструктивного устройства предложения. Мы разделяем мнение о том, что традиционная грамматика «все равно продолжает оставаться первоосновой наших грамматических знаний» (Кубрякова 1986, с. 100).

Второе направление в теории синтаксиса представлено **логико-грамматическим** подходом к описанию устройства предложения. Этот доминирующий в современном синтаксисе подход вытекает из традиционного взгляда на предложение как на прямое отражение логического суждения и в той или иной степени отождествляет субъектно-предикатную структуру суждения (в терминах формальной логики) с грамматическим устройством предложения (подлежащее – сказуемое).

Большое влияние на становление логико-грамматической типологии предложения оказал В.Г. Адмони. Опираясь на предшествующие исследования немецких ученых, исследователь предложил выделять сначала 5 (в статье 1935 года), а позднее – до 12 логико-грамматических типов предложения (Адмони 1935; 1988; 1994).

Одним из ведущих представителей данного направления в русистике является Т.П. Ломтев. Ученый рассматривает два основных способа представления структуры означаемого предложения: как субъектно-предикатного построения и как системы с отношением. При этом в логике отношений бинарное субъектно-предикатное построение «S есть Р» понимается лишь как частный случай пропозициональной функции с аргументами, в качестве которых выступают переменные. Т.П. Ломтев разграничивает предложения с одноместными, двухместными, трехместными и четырехместными предикатами. Такое решение о необходимых элементах структуры предложения позволяет, по мнению ученого, построить более разветвленную систему структур по сравнению с классификациями представителей «субъектно-предикатной» логики (Ломтев 1979, с. 26-35, 68-99, 177-193).

Логико-семантическому анализу предложения посвящает свои работы Н.Д. Арутюнова. Логико-синтаксические структуры представляют собой, по мнению автора, наиболее общие модели, в которых мысль формирует смысл. Применительно к материалу русского языка Н. Д. Арутюнова выделяет четыре логико-грамматических начала: отношения экзистенции, или бытийности; отношения идентификации, или тождества; отношения номинации, или именованности; отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина. В монографиях автора последовательно подробнейшим образом описываются предложения, связанные с тем

или иным логико-грамматическим «началом» (Арутюнова 1976, с. 17-18; 1988; 1999; Арутюнова, Ширяев 1983).

Опираясь на концепцию Н.Д. Арутюновой, Е.Ю. Иванова исследует речевые реализации логико-семантических типов предложений русского языка, противопоставляя при этом логико-семантический подход логико-грамматическому: если первый описывает, каким образом устройство предложения отражает особенности человеческого мышления, то второй рассматривает соответствие конкретных высказываний типам логических суждений (Иванова 2003, с. 7-14).

С оригинальной логико-грамматической типологией русского предложения выступил А.М. Ломов. Автор исходит из экзистенциальной концепции предложения (суждения), связанной с именем философа и логика М.И. Каринского (Каринский 1956). В соответствии с этой концепцией любое предложение (суждение) является двучленным и состоит из константной идеи существования (экзистенциальный компонент), с одной стороны, и переменной величины – того, что утверждается как существующее (вещественный компонент), – с другой. Именно вещественный компонент может быть либо одночастным и выступать в виде отдельного предмета: *Есть болезнетворные микробы*, либо двучастным и представлять собой отношение «определяемое – определяющее»: *Кит есть животное млекопитающее*. В концепции А.М. Ломова отвергается восходящая к Аристотелю мысль об асемантической связки и традиционное положение о том, «односоставность» и «двусоставность» определяют существо предложения. Это позволяет автору начать вычленение моделей русского предложения с двух иерархически вершинных оппозиций односоставность / двусоставность, маркирующая здесь, однако, не предложение в целом, а только его вещественный компонент. Разработанная классификационная схема, по мнению ученого, приложима ко всему корпусу предложений, разрешающих содержательное и формальное варьирование своих элементов в условиях коммуникации. Отмечается также, что максимальной типологической значимостью обладают два вида варьирования предложений: по линии словесных единиц, замещающих те или иные позиции в номинативном центре предложений, и по линии шести грамматических категорий: утверждения – отрицания, наклонения, времени, вида, актуальности – потенциальности и интегральности – фазисности. На экзистенциальный компонент ориентированы еще три морфологические категории – лица, рода и числа (Ломов 1994, с. 29, 41-42, 51-60). Подробный обзор других логико-грамматических концепций предложения см. в работе (Казарина 2005, с. 5-31).

Во многих работах логико-грамматического направления наблюдается абсолютизация идеи отражения структуры логического суждения в предложении и недооценка разнообразных психолингвистических факторов. Как отмечает В.С. Юрченко, в действительности предложение постоянно перерастает структуру мысли, предстает ли она в субъектно-предикатном или в предикатно-аргументном виде (Юрченко 1995). Это, на наш взгляд, имеет следствием чрезмерную универсальность некоторых предлагаемых типологий, поскольку одни и те же логико-грамматические модели характерны для неродственных и разноструктурных языков. Кроме того, подчас наблюдается и излишнее, на наш взгляд, расширение объекта анализа за счет разного рода распространенных, осложненных и даже сложных конструкций, с одной стороны, и непредикативных словосочетаний, эллиптированных высказываний, фразеологизмов – с другой.

Третья группа концепций в совокупности составляет относительно новый подход к исследованию организации предложения, развитие которого связано как с **психологическим** направлением в традиционном синтаксисе, так и с современными лингвокогнитивными разработками. Как известно, в русском языкознании первым применил психологический подход к языку А.А. Потебня (Потебня 1958). Существенный вклад в систематизацию широкого разнообразия русских синтаксических конструкций со сходных позиций внес А.А. Шахматов (Шахматов 1941). Активные психолингвистические исследования в области синтаксиса продолжались и к середине 70-х годов вылились в формирование семантического синтаксиса, а позже, на его основе, – в когнитивно ориентированный синтаксис.

В центре внимания ряда исследователей данного направления находится ситуация объективного мира, отраженная сознанием человека и кодированная средствами того или иного языка. Такой подход к описанию устройства предложения можно в целом обозначить как **ситуативный** (номинативный, денотативный). «Когда говорящий желает что-либо сообщить другому, – пишет Б.А. Серебренников, – он вычленяет какую-то часть ситуации, так как единичный речевой акт не в состоянии описать всей ситуации в целом, и строит элементарную языковую модель избранной им естественной микроситуации. Он обязан прежде всего указать на составляющие ее элементы... и выразить средствами языка связи между этими предметами» (Серебренников 1970, с. 57).

Сущность ситуативного подхода к анализу устройства предложения наиболее полно изложена в работах В.Г. Гака. Исследователь высказал ключевую мысль о том, что референтом высказывания является

ситуация, т. е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания. В объективной реальности человеческое сознание выделяет устойчивые элементы – материальные объекты (субстанции), но взятый в отдельности материальный объект еще не образует ситуации: о нем нельзя сказать, что он существует. Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний (Гак 1973, с. 358-364). Как считает В. Г. Гак, в объективной действительности можно выделить следующие типы ситуаций: бытие; определение предмета, его признаков, качеств; бессубъектный процесс; субъектно-бесобъектный процесс, сосредоточенный в самом субъекте; субъектно-объектный процесс, проявление субъекта по отношению к другому предмету (локализация субъекта, отношение субъекта к объекту, действие субъекта по отношению к объекту) (Гак 1981, с. 71). Проанализированный автором обширный материал русского и французского языков позволил ему глубоко проникнуть в такие проблемы языкознания, как соотношение между формами языка и мышления, соотношение между языком и действительностью, взаимодействие между различными уровнями языковой системы, причины изменений и вариативности в языке (Гак 1998).

Анализируя употребление термина «ситуация» в работах современных исследователей, А.В. Бондарко констатирует, что сама идея ситуации как факта языка и речи требует дальнейшего развития в сторону последовательной ориентации на собственно языковую семантику, на семантические категории в их языковом воплощении. Ученый развивает концепцию, которая вычленяет категориальные аспекты в передаваемой высказыванием семантической ситуации и связывает их с функционально-семантическими полями данного языка. При этом, как отмечает А.В. Бондарко, предлагаемое им понимание ситуации не имеет специальной синтаксической ориентации в духе теории Л. Теньера, т.е. оно не связано с теорией актантов и партиципантов (Бондарко 2002, с. 319-339).

Акцент на семантических ситуациях и их различных отражениях в организации предложения характерен для работ по теории диатезы и залога (Холодович 1979, с. 112-172; Храковский 1974: 6-9; Сильницкий 1973, с. 373-391; Богданов 1978). Варианты реализации ситуативного подхода на материале предложения разных языков см. в работах (Апресян 1969, с. 304; Алисова 1971; Богданов 1977; Гайсина 1981; Москальская 1974).

Для семантико-функциональной типологии предложения решающее значение имеет выбор и использование исследователем критерия для определения **минимального состава предложения**. Как показало изучение литературы вопроса, здесь имеются три варианта:

исследователь исходит из концепции предикативного минимума предложения;

исследователь разделяет концепцию информативного (номинативного) минимума предложения;

исследователь в своей работе опирается одновременно (или последовательно) на оба указанных выше критерия.

В первую группу мы объединяем весьма распространенные в научном (преимущественно в логико-грамматическом понимании), а также в школьном и вузовском синтаксисе классификации, согласно которым в основе типологии предложения лежит его **предикативный минимум**.

Данная точка зрения, развиваемая Н.Ю. Шведовой и ее учениками, получила широкое распространение благодаря целой серии академических грамматик – от «Грамматики современного русского литературного языка» 1970 года через «Русскую грамматику» 1980 года до «Краткой русской грамматики» 1989 года (далее в тексте – Г-70, РГ-80, КРГ-89). Одним из главных результатов творческих усилий Н.Ю. Шведовой и возглавляемого ею коллектива явилось внедрение в повседневный обиход русистов важнейшего понятия – **структурной схемы предложения** – и связанной с ним номенклатуры структурных формул из нескольких десятков единиц.

Открывшая новое направление Г-70 с ее 33 структурными схемами русского предложения представляла собой огромный шаг вперед в систематизации и обобщении фактического материала по сравнению с предшествовавшими ей многословными и недостаточно структурированными описательными классификациями. Однако вскоре предложенный в Г-70 список структурных схем подвергся аргументированной критике и впоследствии был неоднократно существенно пересмотрен.

Так, С.И. Кокорина, приведя набор из 20 структурных схем, оговаривает, что данный список не может служить основой построения всех минимальных грамматически и информативно достаточных предложений. После введения в структурную схему распространителей, участвующих в формировании семантической структуры предложения, этот список расширился до 64 единиц. Если же считать неопределенно-личные предложения модификациями определенно-личных, то число схем сократится до 40 единиц (Кокорина 1980 с. 221-23). Между С.И. Кокориной и И.П. Распоповым,

критиковавшим саму концепцию предикативного минимума предложения, развернулась настоящая научная полемика; см. работы (Кокорина 1975; Распопов 1976; Кокорина 1979, с. 40-41; 1980; 1988; Распопов 1981, с. 9-13).

Между тем основные идеи данного направления получили дальнейшее закрепление и развитие в РГ-80. В этом труде, содержащем массу тонких наблюдений над огромным фактическим материалом русского языка, выделяется 31 схема, каждая из которых сопровождается подробным описанием ее парадигматики, лексического наполнения, речевых реализаций и порядка слов. В силу этих достоинств РГ-80 представляет собой непревзойденную до сих пор энциклопедию, объемный нормативный справочник по синтаксису современного русского литературного языка.

За время, прошедшее после выхода из печати РГ-80, на нее появилось много рецензий как в нашей стране, так и за рубежом. Сошлемся здесь только на мнение, высказанное об этом труде Г.А. Золотовой. Представив классификацию структурных схем предложения по числу компонентов, по спрягаемости – неспрягаемости глагольной формы, по наличию – отсутствию подлежащего и сказуемого, по наличию – отсутствию координации между ними, по наличию – отсутствию лексически ограниченных компонентов, по морфологической принадлежности главного члена (только однокомпонентных предложений), РГ-80 по существу дала отрицательные ответы на следующие вопросы: о возможности единого критерия классификации, о семантической значимости формальных различий, о грамматической значимости признаков, принятых в качестве оппозиционных (Золотова 1982 с. 176-177); см. об этом также работы (Дэже 1984, с. 131-156; Бондарко 1987).

По мнению авторов другой работы этого направления – «Краткой русской грамматики», «простое предложение представляет собой элементарную предназначенную для передачи относительно законченной информации единицу, обладающую такими языковыми свойствами, которые делают возможным отнесение сообщаемого в тот или иной временной план» (КРГ 1989, с. 405).

Процитированное определение вызывает вопрос: каким образом информация может быть «относительно» законченной? Относительно чего или кого? Вряд ли информация может быть незаконченной по отношению к самой выражаемой предложением ситуации (мысли). Также невозможно предположить, что передаваемая предложением информация воспринимается как незаконченная адресатом высказывания – это сделало бы бессмысленным само порождение подобного речевого произведения. Думается, что включение в

определение простого предложения слов о передаче им «относительно законченной информации» является попыткой объединить оба подхода – предикативного и информативного – в рамках одной синтаксической концепции.

Таким же противоречивым представляется нам и введенное здесь в описание устройства предложения понятие «объект». Так, утверждается, что «основными категориями семантики отвлеченного образца простого предложения являются предикативный признак и субъект (т. е. носитель предикативного признака) в их отношении друг к другу, а также объект (т. е. то или тот, к чему / кому этот признак обращен, на кого / что он направлен)» (КРГ 1989, с. 410). В связи с этим можно предположить, что авторы включают объект в качестве полноправного компонента и в семантическую структуру предложения; однако в числе постулируемых здесь же «минимально необходимых компонентов» схем мы его не находим. Далее уточняется, что в языке действует разветвленная система правил распространения предложения, т. е. введения в него таких дополняющих членов, которые могут вносить в предложение как дополнительную, в какой-то степени второстепенную, информацию, так и первостепенно важную информацию. В частности, в распространяющем члене предложения может заключаться значение семантического субъекта (*Ему нравится картина; У него талант*), объекта (*Мальчик читает книгу*) (Там же, с. 412). Остается все-таки непонятным, каким образом можно «вносить в предложение» какую-либо информацию; кроме того, «внесенная» в предложение *Мальчик читает* информация *книгу* (объектный распространяющий член) – это информация «первостепенной» или «второстепенной» важности?

Всего в КРГ-89 выделена 31 структурная схема простого предложения, причем 22 из них – двукомпонентные и только 9 – однокомпонентные (Там же, с. 415). Как видим, крен в сторону большей дробности классификационных рубрик односоставных предложений, который был характерен для традиционной грамматики, сменился здесь на противоположный.

Таким образом, практикуемое сторонниками концепции предикативного минимума предложения сведение всего многообразия предложений к двучленным (субъектно-предикатным) построениям, на наш взгляд, не отражает с достаточной полнотой весь инвентарь русских синтаксических конструкций. Вместе с тем в работах представителей данного направления в виде равноправных минимальных единиц часто даются и разнообразные модификации предложения – модальные, фазисные, эмоционально-экспрессивные, а также фразеологизированные и эллиптические высказывания, что

чрезмерно расширяет и размывает типологию простого предложения. См. об этом в работе (Чень Готин 2003, с. 410-416).

Вторую группу источников составляют труды ученых, которые в той или иной степени разделяют идею об **информативном** (номинативном) **минимуме** предложения: Л. Теньер, В.Г. Адмони, Т.П. Ломтев, В.Г. Гак, Т.Б. Алисова, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, М. Грель, П. Адамец, Я. Светлик, М. Кубик, Р. Зимек, И. П. Распопов, П.А. Лекант и многие другие.

Так, развивая свою концепцию строения простого предложения, И.П. Распопов пришел к выводу о том, что из двух пониманий минимума структурной схемы предложения предпочтение должно быть отдано информативному, которое одновременно учитывает как грамматическую, так и информативную достаточность конструкций (Распопов 1981, с. 78-85).

Внутри этого общего направления выделяются несколько более частных концепций, делающих акцент на трансформационно-валентностной или семантико-ситуативной сторонах предложения.

В **трансформационно-валентностном** контексте (в русле информативного минимума) активно разрабатывают типологию предложения чешские и словацкие русисты (реферативный обзор основных работ см. (Актуальные проблемы 1984, с. 123-255, 295-306)).

В основе классификации русских предложений Я. Светлика лежит определение предикации как «предложениеобразующего» акта, заключающего в себе отнесенность содержания сообщаемого к действительности в модальном плане и во времени. По типу предикации простые предложения распадаются на двусоставные и односоставные. Внутри двух указанных рубрик предложения классифицируются по способу выражения предикативного ядра на глагольные, связочно-именные, инфинитивные, именные, междометные и предложения, содержащие посессивную предикативную конструкцию. В основу дальнейшего деления связочно-именных предложений на группы положены части речи. Всего, включая разного рода модальные, фазисные и т. п. модификации, классификация содержит 79 формул предложения (Светлик 1970).

В «Лекциях по синтаксису русского языка» под редакцией М. Кубика в структурную модель предложения помимо ядра (подлежащего, сказуемого или единого главного члена) включаются все компоненты, необходимые для коммуникативной полноты данного предложения. Сюда относятся разные виды субстантивных и инфинитивных дополнений, обстоятельств, сказуемых определений и т. п. Эти члены предложения изучаются в неразрывной

связи с предикативным ядром предложения на основе учета семантических групп предиката и его валентности. Всего здесь выделяется 19 структурных моделей, по которым строятся все основные типы простого предложения (Лекции 1971).

Механизм трансформационного синтаксиса широко используется в работе П. Адамца. Ядерные предложения, возникшие из глубинных структур, содержащих только примарные индикаторы, автор классифицирует по нескольким признакам. Прежде всего, он выделяет подлежащие и бесподлежащие предложения; затем внутри каждого класса разграничиваются глагольно-предикатные, эссивно-предикатные, адъективно-предикатные, субстантивно-предикатные, адвербиально-предикатные и нумеративно-предикатные предложения; наконец, в зависимости от валентности предиката предложения делятся на однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные. При этом различается валентность облигаторная, без реализации которой не может возникнуть предложение, и узуальная, когда позиция может остаться незаполненной, но в большинстве случаев заполняется, например: *Брат пишет (книгу)*. Глаголы в предложениях этого типа могут иметь или одноместную валентность или потенциально двухместную, но с нереализованным местом объекта (Адамец 1973 с. 6-13). Отметим, что из-за «пересеченности» различных классификационных оснований и рубрик, а также вследствие недостаточного последовательного использования формул для обозначения типов предложения подсчитать их точное количество нам не представилось возможным.

Наиболее подробная валентностная классификация предложения представлена в «Русской грамматике» коллектива чешских авторов (далее – РГ-79). Во главу угла элементарной синтаксической структуры как основы предложения авторы помещают глагол. В зависимости от общей семантики глагола в основу структуры предложения входят компоненты, которые обусловлены валентностью глагола. Число типов глагола (и, соответственно, элементарных структур) сводится к шести: 1) глаголы с нулевой валентностью, исключаящие какого бы то ни было участника действия: *Вечереет*; 2) глаголы, нуждающиеся в одном независимом участнике: *Дети играют*; 3) глаголы, исполняющие роль транзитного члена, указывающего на характер связи между двумя участниками; кроме независимого / активного участника элементарная структура содержит позицию участника / компонента, затрагиваемого действием: *Мать любит детей*; 4) глаголы, нуждающиеся – наряду с независимым / активным участником – еще в двух участниках / компонентах, в той или иной мере затрагиваемых глагольным действием: *Сестра укладывает вещи в чемодан; Полковник вручил*

награду бойцу; 5) глаголы без активного / независимого участника, но с обязательным участником / компонентом пассивным: *Его раздавило; Тебе повезло*; 6) глаголы без независимого / активного участника, нуждающиеся в двух участниках / компонентах пассивных: *Его влечет к науке* (РГ 1979, с. 670-671). Хотя авторами делается оговорка, что у них нет возможности перечислить все семантические реализации структурных схем и все семантические комбинации обстоятельственных компонентов схем, в общей сложности мы насчитали около 100 двусоставных и 29 односоставных структурных основ предложений; а с учетом модальных модификаций, экспрессивных моделей предложения и различных квази-предложений число схем, приведенных в книге, достигает 176!

Валентностный подход успешно применяет в своих работах по синтаксису русских односоставных предложений Н.Н. Арват (Арват 1974; 1976; 1984). С опорой на валентность глагола подробно и последовательно описывает семантику предложения Л.М. Васильев (Васильев 1976; 1981; 1990; 2000). В работе Т.М. Дорофеевой и Н.М. Лебедевой приводятся 53 модели русского предложения (Дорофеева 1996); см. также (Дорофеева 1986). У Т.С. Мониной исходной позицией для выделения компонентов формулы предложения являются трансформационные потенции моделей, составляющих синонимический ряд. Основой систематизации типов предложения служит соотношение предложений с тождественными номинативными, но различными интерпретационными значениями (Монина 1995, с. 149-152).

Глубокое систематизированное описание моделей русского простого предложения и присущих этим моделям значений дает в своих работах М.В. Всеволодова (Всеволодова 1999; Всеволодова 2000). В основу классификации предложений положена следующая типология денотативных предикатов: экзистенциальный (бытийный); акциональный (действие, событие); статальный (состояние); реляционный (отношения); характеристический (признак). Каждый тип предиката может быть представлен несколькими подтипами. В качестве пересекающегося признака используется сфера их проявления: физическая, физиологическая, эмоционально-психическая, интеллектуальная, социальная, духовная. Внутри каждого класса предикатов дается многофакторная характеристика моделей предложения. В ее основе лежит синтаксическая парадигма, учитывающая различные модификации ядерной модели: грамматические (время, внешнесинтаксическая модальность, лицо); структурно-семантические (фазисность, внутрисинтаксическая модальность, авторизованность, отрицательность, вопросительность);

экспрессивно-коммуникативные; монопредикативные синонимические варианты с неизосемическими компонентами; полипропозитивные осложнения. Кроме того, принимается во внимание коммуникативная организация предложения и содержательные разновидности – неопределенно-личная и безличная – трансформации исходной модели. Полученный в результате список содержит 134 модели русского простого предложения, причем некоторые из них имеют внутреннюю рубрикацию. Несомненным достоинством типологии предложения М.В. Всеволодовой является ее ярко выраженная лингводидактическая направленность.

Таким образом, при разделяемом разными авторами общем подходе к минимуму предложения вопрос о количестве выделяемых структурных схем в одном и том же языке решается по-разному. Это обусловлено, в частности, тем, что семантико-структурные типы предложения могут разграничиваться с различной степенью обобщения в зависимости от того, какая цель преследуется ученым – прикладная (например, исчисление структурных схем для их практического изучения, последующего сопоставления с другими языками, обучения переводу и т.п.) или теоретическая (разработка типологии предложения на базе новой синтаксической теории).

Третью группу составляют так называемые «неконфронтационные» концепции, в которых критерии предикативного и информативного минимума предложения призваны дополнить друг друга.

Так, В.А. Белошапкина разграничивает в терминах традиционных членов предложения два уровня описания его устройства. Сначала определяются главные члены предложения, составляющие его предикативную основу, а затем характеризуются второстепенные члены, которые подразделяются на две группы в зависимости от вхождения или невхождения в номинативный минимум – расширенную структурную схему предложения (Белошапкина 1977, с. 111, 115-117, 144). Список структурных схем, состоящий из 10 единиц, см. в работе (Белошапкина 1981, с. 50).

Одну из наиболее глубоко разработанных и цельных синтаксических концепций типологии русского предложения выдвинула Г.А. Золотова.

За единицу описания синтаксиса ею принимается понятие синтаксемы. Синтаксемы с предметным и с признаковым значением, вступая в предикативную связь, образуют модель предложения с определенным типовым значением. Утверждается, что компоненты предикативного минимума модели образуются, как правило, синтаксемами свободного или обусловленного типа. Синтаксемы, вступающие в присловную связь, в случае семантической

недостаточности одного из главных компонентов также входят в его состав. При таком подходе проблема противопоставления грамматической и информативной достаточности модели, по мнению Г. А. Золотовой, не встает. В моделях предложений субъект подразделяется на личный и предметный (в который включены и зоонимы); предикат классифицируется по частям речи: глагольный, наречный, адъективный, квантитативный и субстантивный. Этим типам предиката соответствуют пять типовых значений (семантических структур) предложений: действие субъекта (акциональный признак), состояние субъекта (статуальный признак), свойство предмета (квалитативный признак), количество предметов (квантитативный признак), отнесение к классу предметов (кваликативный признак). Наряду с исходными моделями предложений приводятся их фазисные, модально-волеитивные, субъектные (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные), объектно-пассивные, инволюитивные (безличные) модификации (Золотова 1982, с. 98-99, 179; Золотова 1998, с. 104-137).

Л.П. Иванова делит семантико-структурное устройство предложения как бы на две «половинки» и применяет к анализу каждой из них свой подход: к синтаксической – предикативный минимум, к семантической – номинативный минимум. Подобным способом в работе выделяется 19 типов синтаксических и 7 типов семантических структур простого предложения (Иванова 1991).

В коллективной монографии «Книга о грамматике», предназначенной для преподавателей русского языка как иностранного и иностранных студентов продвинутого этапа обучения, представлено описание грамматического строя русского языка в функционально-коммуникативном аспекте (Книга о грамматике 2004). В работе излагается традиционный подход, учитывающий деление простых предложений на двусоставные и односоставные; вслед за В.А. Белошапкиной и Г.И. Володиной используется понятие «расширенная структурная схема предложения», которая включает, кроме компонентов, составляющих предикативную основу предложения, также компоненты, необходимые для его информативной завершенности. Языковое выражение того или иного смысла связывается с особенностями лексического наполнения структуры, которое определяется спецификой отображаемого фрагмента действительности или результата мыслительной деятельности и в силу своих формально-семантических особенностей выдвигает определенные требования к полноте структуры, дополняет структурные образцы необходимыми компонентами. Всего насчитывается 28

минимальных структурных схем русского предложения и их регулярных реализаций (Красильникова 2004, с. 18-28).

Одна из наиболее глубоко продуманных и обоснованных «неконфронтационных» концепций устройства предложения русского языка составной частью входит в динамическую модель языка, созданную З.Д. Поповой (Волохина 1999; Попова 2009).

В динамической модели языка синтаксические конструкции рассматриваются в их отношении к синтаксическим концептам. Оставляя за термином «предложение» его традиционное содержание, З.Д. Попова пользуется терминами «позиционная схема высказывания», «пропозиция», «структурная схема простого предложения» и «предикативное отношение». Структурная схема в понимании исследователя состоит не менее чем из двух словоформ, поскольку в ней должны быть указаны субъект и предикат мысли, отношение между которыми она выражает. В конкретном высказывании словоформа субъекта может отсутствовать, но ее место сохраняется и при необходимости всегда может быть занято. Структурная схема может состоять и из трех компонентов, обозначая отдельными словоформами не только субъект и предикат мысли, но и отношение между ними; существует и некоторое число четырехкомпонентных структурных схем (Попова 1996, с. 257).

Выявление списка конкретных структурных схем, указывает З.Д. Попова, надо начинать с классификации позиционных схем высказывания, так как именно они представляют собой первую ступень обобщения компонентов конкретных предложений по типам выражаемых в них ситуаций реальной действительности. В позициях этой схемы обобщены знания человека о типовых ситуациях повседневной жизни (факт, событие), типизируются и повторяются следующие смыслы: деятель, действие, объект действия, орудие, место, время и др. Смыслы позиций, отраженные позиционной схемой, образуют пропозицию высказывания. Структурная схема абстрагируется от многих одинаковых по структуре конкретных высказываний, поэтому она вторична по отношению к составляющим высказывание словоформам конкретных лексем, лишена референции.

Разграничение указанных уровней анализа позволяет ученому более строго и точно выделить структурные схемы простого предложения. Так, многие конструкции, казавшиеся построенными на разных схемах, оказываются реализациями одной и той же схемы с опущенными компонентами, которые могут быть легко восстановлены. Ср.: *Нам надо ехать – Нам ехать – Ехать!* Предложение *Мне грустно* представляет ту же схему, что и *Растениям просторно*, а *На душе у меня грустно* – ту же, что и *На площади просторно*. По отношению к

общей пропозиции обнаруживаются и разнообразные группировки структурных схем, например: *Хозяйка разделила нас столом; Стол разделил нас; Мы были разделены столом; Мы были разделены; Нас разделили* (Попова 1996, с. 259-265).

Синтаксические структуры нарабатываются для тех ситуаций внешнего мира, которые часто возникают в жизни людей, имеют для них большое значение и поэтому являются коммуникативно востребованными. Типовые синтаксические структуры, которые отражают в концептосфере человека связи и отношения явлений и объектов реальной действительности, – это, по мнению ученого, и есть синтаксические концепты: «бытие объекта», «бытие признака объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса», «воздействие агенса на объект», «речемыслительная деятельность человека», «претерпевание пациенсом состояния», «небытие объекта». Используя полевой подход к описанию отношений в синтаксисе, З.Д. Попова разграничивает в поле русских синтаксических структур ядро и периферию (ближнюю, дальнюю, крайнюю). Каждая ядерная схема имеет свой сектор поля – парцеллу. Такой подход, в частности, позволяет отделить структуры, образующие поле, от их разнообразных речевых реализаций (Волохина 1999; Попова 2009, с. 29-32).

В рамках данной теории в работах других исследователей подробно описываются отдельные синтаксические концепты (Казарина 2002; Булынина 2004; Селеменова 2006; Карасева 2008; Пешехонова 2008).

Обзоры концепций организации русского предложения см. также в работах (Бабайцева 1984; 2006; Норман 1994, с. 122-159; Казарина 2007; Попова 2009, с. 7-14, 17-23).

Мы в своем исследовании используем **ситуативный** подход к анализу устройства предложения и предпочитаем опираться на концепцию его **информативного минимума**.

1.2. К типологии английского простого предложения

Перечисленные выше общие идеи и направления в исследовании предложения можно проследить и в англистике. Здесь также обнаруживается чрезвычайное разнообразие концепций и подходов (см. работы (Аракин 1979; Бархударов 1966; Блох 1986; Воронцова 1960; Гуревич 2003; Жигадло 1956; Кобрин 1965; Иванова 1981; Ильиш 1971; Левицкий 1995; 2003; Мухин 1968; 1980; Почепцов 1971; Смирницкий 1957; 1975; Чахоян 1979; Allen 1965; Anderson 1971; Baker 1989; Dixon 1992; Matthews 1987; McCawley 1988; Quirk 1982) и др.).

В зарубежной литературе понятие «модель предложения» одним из первых использовал Э. Сепир, который считал, что «в основе всякого законченного предложения лежит готовый образец, предложение-тип, характеризуемый определенными формальными чертами. Эти определенные типы или как бы фундаменты предложений могут служить основой для любых построений, потребных говорящему или пишущему, но сами они в застывшем виде «даны» традицией» (Сепир 1993, с. 53).

Естественно, наибольший интерес для нас здесь представляют результаты классификационного анализа английского предложения, однако чаще всего в английских грамматиках перечней типов или моделей предложений не приводится.

С. Поттер сводит все многообразие английских предложений всего к трем типам: *The sun warms the earth; The sun is a star; The sun is bright* (Potter 1960, p. 82). Один из разработчиков трансформационной грамматики, З. Хэррис, выделяет семь ядерных конструкций, которые в результате трансформаций дают все предложения английского языка (Хэррис 1962, с. 627-628).

Семь типов предложения мы встречаем и в коллективной монографии английских авторов: 1) *Mary is in the house*; 2) *Mary is kind; Mary is a nurse*; 3) *Somebody caught the ball*; 4) *I put the plate on the table*; 5) *We have proved him wrong / a fool*; 6) *She gives me expensive presents*; 7) *The child laughed* (Quirk 1982, p. 154-155). Здесь, как видим, под рубрикой (2) оказались объединенными предложения разных частеречных типов – адъективные (*Mary is kind*) и номинативные (*Mary is a nurse*); предложения типа (5) не являются собственно простыми (определение собственно простого предложения см. ниже); в данном списке не нашли отражения нумеративные предложения и пассивные конструкции.

У А. Хорнби номенклатура конструктивных типов предложения возрастает до 25 единиц, но сюда оказываются включенными разнообразными по семантике и структуре высказывания, далеко выходящие за рамки простых повествовательных предложений (Хорнби 1958).

Много внимания изучению структуры английских предложений уделяет А. Н. Мухин. В своей монографии ученый приводит список из 35 синтаксических и юнкционных моделей повествовательных, вопросительных, восклицательных простых и сложных предложений (Мухин 1980, с. 296-298).

Подробному описанию английских ядерных предложений посвящена книга Г.Г. Почепцова. Эта наиболее обширная отечественная типология (39 единиц) наглядно сопоставляется здесь с

более краткими списками базисных структур (от 4 до 8 единиц) зарубежных грамматистов З. Хэрриса, П. Робертса, Н. Стэйджберга, И. Хука (Почепцов 1971, с. 106-111).

В грамматике И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой и Г.Г. Почепцова приводятся шесть структурных схем элементарных глагольных предложений: 1) *Pages rustle*; 2) *Mor was enjoying the port*; 3) *I've taught him that*; 4) *The Judge is in the chair*; 5) *That was long ago*; 6) *They had been seized*. Как видим, здесь отдельными схемами представлены предложения пространственной (4) и временной (5) локализации; кроме того, присутствует пассивная конструкция (6). К сожалению, относительно общего количества схем предложений в работе говорится только, что оно составляет несколько десятков единиц (Иванова и др. 1981, с. 209-213).

Одной из последних по времени работ в этой области является исследование Ю.А. Левицкого, в котором набор моделей минимальных предложений определяется на основе валентностного типа глагола, выступающего в качестве сказуемого. В указанный набор входят 10 моделей:

- 1) N1 Be N2: *Peter is a student*;
- 2) N Be A: *Peter is clever*;
- 3) N1 Be p N2: *Peter is at a lesson*;
- 4) N Be D: *Peter is here*;
- 5) N V: *Peter runs*;
- 6) N1 V N2: *Peter reads books*;
- 7) N1 V N2 N3: *Peter gives his brother a book*;
- 8) N1 V N2 p N3: *Peter puts his book on the table*;
- 9) N1 V p N2: *Peter looks at a picture*;
- 10) N1 Have N2: *Peter has a cat*.

Все остальные типы предложений, по мнению ученого, представляют собой либо формальные варианты исходных моделей, либо их распространения.

Несомненным достоинством данной классификации является то, что в ней отображены отдельными схемами предложения с объектными компонентами (6), (7), (8), (10). Однако здесь разграничиваются две модели с пространственным локализатором (3) и (4), а также отдельно приводится модель посессивного (субъектно-объектного) предложения (10); в то же время представлены не все частеречные типы – нет схем с числительным и с пассивным причастием (отсутствуют пассивные конструкции) (Левицкий 1995, с. 92-93).

Краткий обзор показывает, что семантико-функциональную типологию английского простого предложения, соответствующую целям и задачам нашего исследования, еще предстоит разработать.

1.3. К типологии венгерского простого предложения

Традиционное угро-финское языкознание не отличалось богатством специальных работ по семантико-структурному устройству венгерского простого предложения. Так, в фундаментальном труде А. Клемма по исторической грамматике венгерского языка классификация простых предложений по их типам (составу) в явном виде отсутствует (Klemm 1928).

В наиболее известной у нас работе Й. Балашша дается только краткий обзор типов предложений. Они классифицируются по некоторым частям речи, выступающим в роли сказуемого:

Barátom orvos (Мой друг – врач); A hegy magas (Гора высокая); Az ég felhős volt (Небо было облачное); Tárva (nyitva) az ajtó (Дверь распахнута (раскрыта); дословно: Дверь распахнувшись (раскрывшись)) и другие.

Автор говорит также об обобщенных и неопределенных подлежащих и об одном типе безличных предложений: *A toronyban délet harangoznak (На башне звонят полдень); Lassan járj, tovább érsz (Тише едешь, дальше будешь); Puyen sötétben alig látni (В такой темноте еле видно / видать); Havazik (Порошит)* (Балашша 1951, с. 305-307).

В практических пособиях для венгерских и иностранных учащихся синтаксис часто не выделяется в отдельную тему или раздел (см., например (Kalmán 1951; Науменко-Папп 1982; Сий 1979)).

В учебнике М. Мико синтаксический раздел представлен, но в нем говорится только о двух структурных типах простого предложения – неопределенно-личном и безличном (Мико 1953, с. 248-260).

В последние десятилетия в Венгрии интерес к структурно-семантическому устройству предложения значительно возрос. Так, в курсе современного русского языка, построенном на основе трансформационной грамматики, приводятся параллели ряда конструктивных типов венгерских и русских предложений (Болла 1977, с. 457-528). На сопоставлении венгерских предложений с русскими, представленными в РГ-80, построена основная часть исследования Л. Дэже (Дэже 1984). А. Шальга описывает грамматическую систему венгерского языка в сопоставлении с русской, имея целью облегчить овладение ею русскими преподавателями, работающими с венгерскими учащимися (Шальга 1984, с. 95-106).

Наиболее полным описанием грамматики венгерского языка, в том числе и синтаксиса простого предложения, до настоящего времени остается фундаментальный трехтомный труд К.Е. Майтинской (Майтинская 1955; 1959; 1960). В данной работе, созданной, очевидно,

под сильным влиянием традиционной концепции академической грамматики русского языка ГРЯ-54, выделяются те же типы предложения, что и русском языке, однако учитываются и результаты, которые были получены венгерскими учеными-предшественниками. Венгерские предложения делятся здесь на двусоставные и односоставные; те и другие могут быть нераспространенными и распространенными, полными и неполными. Наряду с этими традиционными группировками выделяются «частично-полные» предложения, в которых часть необходимых для самостоятельного высказывания членов выражена не отдельными словами, а грамматическими формами других членов предложения или указывается в придаточном предложении.

Особый интерес с точки зрения сопоставительной типологии языков представляют подробно описанные венгерские «частично-полные» предложения. В таких предложениях личной формой глагольного сказуемого указывается не только на опущенное подлежащее, которое могло бы выражаться личным местоимением 1-го и 2-го лица единственного или множественного числа, но и на опущенное прямое дополнение, которое могло бы выражаться личным местоимением 2-го лица единственного и множественного числа или личным местоимением 3-го лица единственного и множественного числа, а также указательным местоимением *ez, az* в единственном и во множественном числе:

Szeretlek én, szeretlek téged (Я люблю (тебя), люблю тебя); Majd megtudjuk holnap (Мы это узнаем завтра).

К подобным предложениям отнесены также конструкции, в которых лично-притяжательной формой имени, выступающего в роли подлежащего, указывается на лицо обладателя, который мог бы выражаться языке личным местоимением в форме дательного падежа, а не родительного, как в русском:

Bizonyosan stambuchja is van (Наверно, у него есть альбом); Nem lehet sok pénzem (У меня не может быть много денег).

Односоставные предложения распределяются по следующим традиционным группам: неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и номинативные. К.Е. Майтинская выделяет в венгерском языке семь разрядов безличных предложений:

1) предложения, выражающие явления природы, с главным глагольным членом в форме 3-го лица единственного числа: *Fagy (Морозит); Havazik (Снег идет);*

2) предложения, в которых главный член состоит из формы глагола *lenni (иметься)* + инфинитив другого глагола + местоимение *ki, mi* в формах косвенных падежей или с послелогоми: *Erre nem volt mit*

mondani (На это нечего было сказать); *Van kihez fordulni* (Есть к кому обратиться);

3) предложения с инфинитивами от глаголов, выражающих чувственные восприятия: *hallani* (слышать), *látni* (видеть): *A felhők miatt nem látni a hegyket* (Из-за туч не видно горы (досл. не видеть)).

К четвертому разряду относятся побудительные предложения разных типов, к пятому – восклицательные предложения, к шестому – приветствия и обороты вежливости, к седьмому – утверждения и отрицания.

Номинативными (назывными) называются предложения, состоящие из имени существительного (очень редко местоимения) в форме основного падежа. В номинативных предложениях нет глагола, поэтому, по мнению автора, в них не может выражаться отнесенность ко времени, тем более что они большей частью содержат лишь констатацию, утверждение факта.

Различается несколько групп номинативных предложений: собственно назывные предложения, которые встречаются на вывесках, в надписях; предложения, указывающие на непосредственно обозреваемое лицо или предмет: *Odanézzetek! Oázis! Friss víz!* (Смотрите! Оазис! Чистая вода); *Fogják meg! Tolvaj!* (Держите! Вор!); повторенное название лица или предмета, о котором говорилось в предыдущем предложении; восклицательные предложения со словами, выражающими субъективную оценку лица или предмета; призыв, предупреждение, слова благодарности и извинения; предложения с отглагольным существительным в именительном падеже: *Indulás!* (Отправление!); обращение (Майтинская 1960, с. 119-224).

См. также опыт описания грамматики венгерского языка в работе (Скаличка 1967).

1.4. Цели, задачи и материал исследования

Как показал обзор литературы вопроса, подходы к описанию устройства простого предложения в трех сопоставляемых языках отличаются крайним многообразием, вследствие чего номенклатура структурных схем, выделяемых даже на материале одного языка, варьирует в очень широких пределах. То же характерно и для типологии предложения других, не сопоставляемых здесь языков (см. (Гак 1981, с. 72-74; Алисова 1970, с. 37-39; Москальская 1981, с. 61-67)). Все это весьма затрудняет сопоставительную типологию синтаксиса разноструктурных языков и их практическое изучение.

Основными **целями и задачами** нашего исследования являются:

1. Разработка нового подхода к сопоставительной типологии предложения, сущность которого заключается в разграничении взаимосвязанных аспектов описания семантико-структурного устройства и функционирования предложения.

2. Описание номинативного аспекта устройства предложения как основы для сопоставления синтаксиса разноструктурных языков путем уточнения состава компонентов ситуативно-структурного подаспекта (семантических актантов, номинативных частей речи, лексико-грамматических разрядов слов) и описания категорий релятивно-структурного подаспекта (залогости, личности / безличности, и определенности / неопределенности (обобщенности) семантических актантов).

3. Создание семантико-функциональной сопоставительной типологии простого предложения русского, английского и венгерского языков.

4. Применение предлагаемой модели семантико-функционального синтаксиса разноструктурных языков в теории и практике перевода и в прагмалингвистике (на материале синтаксиса официально-делового стиля русского и английского языков).

Материалом исследования послужили предложения, выбранные главным образом из художественных произведений русских и английских писателей XX века и их переводов, выполненных профессиональными переводчиками. Некоторые материалы были получены с использованием информантов – студентов из различных университетов Великобритании, которые проходили стажировку в Воронежском госуниверситете. Венгерский фактический материал заимствован в основном из практических учебников и пособий по грамматике венгерского языка, а также получен от информантов во время работы автора в Будапештском филиале Института русского языка им. А.С. Пушкина. Использовались и электронные ресурсы Интернета.

В следующих главах Части I мы постараемся осветить основные теоретические положения нашего подхода к семантико-функциональному описанию синтаксиса русского языка на фоне английского и венгерского языков.

ГЛАВА 2. Предложение как продукт когнитивной деятельности

В своем анализе фактического материала мы продвигаемся по своеобразной цепочке: общая теория языка – типология предложения конкретных языков – сопоставительное описание предложения разноструктурных (см. об этом в работе (Кибрик 1992, с. 41, 63-64, 263)).

Основное направление нашего семантико-функционального исследования – «от значения к форме» – в настоящее время не требует особого обоснования. Однако, поскольку на практике в чистом виде данный подход фактически не применяется, в работе используется процедура двусторонней корректировки данных о значении и форме предложения – так называемая «челночная процедура» (Степанов 1981, с. 4; Бондарко 1984; 1996).

Наибольшей объяснительной силой в синтаксисе, на наш взгляд, обладает психологическая теория предложения-высказывания, которую в русском языкознании выдвинул А.А. Шахматов (Шахматов 1941, с. 19-29); обзор различных определений предложения см. в книге (Звегинцев 1976).

2.1. О речемыслительном процессе порождения предложения-высказывания

Дополнив и уточнив известные исходные положения новыми данными, полученными за последние годы психолингвистикой, семасиологией, когнитивной лингвистикой и семантическим синтаксисом, мы представляем себе речемыслительный процесс порождения предложения следующим образом.

2.1.1. Довербальный этап

В экстралингвистической основе предложения лежит отраженная сознанием предметная ситуация и отображающая ситуацию общения психологическая предикация.

При отражении той или иной **предметной ситуации** сознание прежде всего выделяет и создает образ **субстанции** (или образы нескольких субстанций – в зависимости от состава ситуации), которая является носителем какого-либо признака. Затем формируется образ **признака** данной субстанции или образ **отношения** между несколькими субстанциями.

Мыслительный процесс соединения субстанции и ее признака в совокупность психологических образов, имеющий место вследствие

воздействия на сознание человека какого-либо внешнего или внутреннего стимула, может носить атрибутирующий или предикцирующий характер.

Соединение предметного и признакового образов, происходящее без соотнесения полученного комплекса с речевой ситуацией, составляет сущность **атрибуции**.

Акт мышления, происходящий при соотнесении отраженной предметной ситуации с конкретной речевой ситуацией (ситуацией общения), составляет сущность **предикации** (о понятии «речевая ситуация» см. (Теоретические проблемы 1977; Бондарко 1985а)).

Существование предикации как нейрофизиологического явления было убедительно доказано в ходе экспериментов. По данным нейролингвистики, предикцирующий акт мышления сопровождается инструментально фиксируемым электрическим импульсом, возникающим в результате определенной химической реакции в возбужденных окончаниях нервных клеток (см. об этом (Основы теории 1974; Слобин 1976; Лурия 1975; 1979)).

Таким образом, на довербальной стадии мышления экстралингвистический денотат предложения – предметная ситуация – предстает в сознании человека в виде комплекса предметного и признакового образов (или связанных отношением двух и более предметных образов), который в момент предикцирования соотносится с речевой ситуацией. См. об этом также (Мельников 1974).

2.1.2. Этап языкового кодирования

Денотат предложения получает свое языковое выражение в процессе **кодирования** (вербализации). При этом особыми языковыми средствами передается как совокупность предметного и признакового образов (предметная ситуация), так и связывающая их психологическая предикация (о вербальном кодировании когнитивных структур см. также (Сусов 1988)).

При кодировании составляющие ситуацию предметный (или предметные) и признаковый образы раздельно передаются в предложении соответствующими предметными (актантными) и признаковыми словоформами, например:

Дети шумят;

Идеальных людей нет;

Моя дочь – студентка;

Кошка разбила вазу;

Друзья подарили мне телевизор; (здесь выделены признаковые компоненты).

Предметный образ при кодировании ситуации может и не быть представлен в предложении определенной словоформой. В таких случаях он остается в сознании говорящего в виде предельно обобщенного предметного образа – носителя выражаемого признака, например:

Темнеет; Похолодало (речь здесь идет о состоянии-процессе окружающей среды).

Кроме того, тот предметный образ, который при кодировании получил свое языковое выражение в виде того или иного актанта семантической структуры предложения, вследствие асимметрии языкового знака может быть не представлен словоформой в синтаксической структуре предложения. См. предложения с различными нелексикализованными актантами:

Дорогу замело (снегом);

Станция не достроена (строителями);

Здесь платяют нерегулярно (хозяин, владелец, директор и т.п.);

Мальчик читает (журнал, книгу) и т. п.

Признаковый же компонент кодируемой ситуации обязательно получает свою реализацию и в семантике, и в структуре предложения (см. приведенные выше примеры).

Предикация, в отличие от предметного и признакового образов, не входит в структуру предметной ситуации и, следовательно, после языкового кодирования ситуации не становится отдельным компонентом семантической структуры предложения. Однако, являясь неотъемлемой частью денотата предложения, предикация всегда передается тем или иным языковым способом: окончанием глагольной словоформы, связкой (в том числе нулевой формой). Содержание предикативного акта мышления находит свое системное выражение прежде всего в **предикативных категориях**.

На протяжении многих лет не утихают споры вокруг содержания, объема, иерархии и форм выражения как предикации (предикативности) в целом, так и ее отдельных компонентов (категорий). Существует большое количество работ, в которых предлагаются различные определения данного понятия (Попов 1969; Банару 1973; 1975; Ильенко 1975; Лекант 1974; Всеволодова 1997, с. 54).

Наиболее точное, по нашему мнению, определение предикации предложил В.Г. Адмони: «Такое активное, динамическое утверждение, происходящее в момент построения предложения или его воспроизведения и являющееся обязательным условием всякого предложения, и есть содержание той важнейшей синтаксической категории, которая обычно носит наименование «предикативного отношения» или просто «предикативности» (Адмони 1955, с. 39). Ср. определения предикации в работах (Савченко 1986; Литвин 1987 с. 23; Левицкий 1995, с. 85).

Способы выражения предикации часто кладутся в основу классификации предложений. При использовании этого критерия все простые предложения делятся на два больших класса:

1) **глагольные**, в которых предикативные значения (грамматические по природе) синтетически выражаются одновременно с признаковым (лексическим) значением одной словоформой – глаголом;

2) **именные**, в которых предикативное и признаковое значения реализуются аналитически: предикативное – делексикализованной грамматической формой (так называемой связкой), а признаковое – именной словоформой.

Иногда производится дальнейшая классификация предложений по отдельным категориям предикативности. Однако, поскольку такое описание носит, главным образом, не синтаксический, а морфологический (внутримодельный) характер (например, *Мальчик спит – Мальчик спал – Мальчик будет спать – Мальчик спал бы* и т.д.), освещение данной проблематики не входит в наши задачи. Ограничимся здесь ссылкой на известную работу В.В. Виноградова, в которой общее грамматическое значение предикативности конкретизируется в виде комплекса категорий модальности, времени и лица (Виноградов 1975, с. 264-271). См. об этом также (Русская грамматика 1980).

В заключение раздела отметим, что недостаточное внимание к теоретическому осмыслению таких важнейших понятий, как предметная ситуация, экстралингвистический денотат предложения, речемыслительный процесс кодирования предметной ситуации, асимметрия семантики и формы предложения как двух сторон языкового знака, является, по нашему мнению, одной из причин разногласий и дискуссий по поводу описания устройства предложения.

2.2. Собственно простое предложение и «непростые» предложения

Как известно, в синтаксической литературе к простым предложениям относят самые разные по устройству синтаксические конструкции: нераспространенные и распространенные, неосложненные и осложненные, предикативно-минимальные и детерминативно-расширенные, полные, «частично-полные», эллиптические, фразеологизированные и т. п. Как уже отмечалось, это расширяет объект типологического анализа до необъятных размеров и, по нашему мнению, снижает его объяснительную силу.

В связи с этим необходимо определить, что мы понимаем под **простым** предложением.

Рассмотрим примеры предложений, относимых к числу простых.

1) *Мальчик спит; Маленькие дети красиво танцуют вальс;*

2) *Курить вредно; Хожение пешком полезно всем;*

3) *В профиль он похож на отца; Из-за забастовки транспорта он опоздал на поезд;*

4) *Схватив портфели, школьники разбежались; Мы пришли серьезно поговорить с вами;*

5) *Он вернулся из Турции миллионером; В больницу его привезли еще живым.*

Пользуясь введенными ранее понятиями, попытаемся «отделить зерна от плевел». Проанализируем данные предложения с точки зрения представленных в них предметных ситуаций и предикаций.

В предложениях типа (1) представлена одна ситуация и одна предикация. Предложения типа (2) отличаются от (1) только тем, что в них в качестве компонента ситуации выступает вторая, «**свернутая**» (т.е. представленная одной событийной словоформой) ситуация. В предложениях типа (3) свернутая ситуация, в отличие от (2), не входит в состав основной, а определяет ее целиком (обстоятельственный детерминант). В предложениях типа (4) свернутая ситуация, определяющая основную, представлена инфинитивным, причастным или деепричастным оборотом и характеризуется некоторыми собственными предикативными значениями; такие предложения, в отличие от однопредикативных (1)-(3), часто называют «полупредикативными». Предложения типа (5) содержат не одну, а две развернутые ситуации, связанные одной предикацией (описание подобных конструкций см. в работах (Чеснокова 1988; Кормилицына 1988; Алексеева 2005).

Предложения, которые содержат две (и более) ситуации и две (и более) предикации, относятся к **сложным** (различные типологии сложных предложений см. в работах (Колосова 1980; Щеулин 1993; Федоров 1972; Волохина 2003) и др.).

Таким образом, **собственно простым** мы считаем только предложение типа (1). Условно в этот типологический класс можно включить и предложения типа (2), в составе которых свернутые ситуации «ведут себя» как обычные предметные компоненты простого предложения (ср. понятие «собственно простое предложение» с ядерным однобазовым (Адамец 1973), монопредикативным (Золотова 1982), монопредикативным и монопропозициональным (Гак 1998, с. 131-136) простым предложением).

Предложения остальных перечисленных типов (3)-(5) по своей семантико-структурной организации выходят за рамки собственно простого и, следовательно, остаются за пределами нашей типологии. При необходимости расширения охвата фактического материала в

будущем они легко могут быть добавлены к созданной типологии собственно простых предложений.

Даже в таком предельно минимизированном виде простое предложение представляет собой сложнейшим образом организованную единицу языка, которая нуждается в тщательном всестороннем изучении.

В собственно простом предложении уже содержатся все важнейшие языковые антиномии: диалектика системы языка и процесса речи, коммуникативности и номинативности, языка и мышления, логики и грамматики, языка и действительности, грамматической формы и грамматической семантики, социального и индивидуального. Многогранность, многоаспектность простого предложения обуславливает его практическую неисчерпаемость для анализа (Попова 1987, с. 150).

2.3. Межъязыковые сопоставления в практике преподавания языков как иностранных

Предлагаемый нами семантико-функциональный подход к описанию синтаксиса разноструктурных языков имеет прямой выход в практику перевода и преподавания языков как иностранных, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов на иностранном языке путем усвоения семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных форм, категорий и конструкций.

Такой практически ориентированный синтаксис обязательно должен использовать результаты сопоставительных исследований языков.

Как известно, в процессе овладения иностранным языком учащийся (сознательно или неосознанно) постоянно обращается к системе родного языка, к тем языковым категориям, посредством которых в его сознании ранее уже нашла свое отражение объективная действительность. Однако при системном учете в учебном процессе результатов анализа категорий родного и изучаемого языков родной язык «из неизбежного и беспощадного конкурента иностранного языка становится опорой усвоения языковых значений его структур» (Гальперин 1972: 67).

Как известно, многие грамматические категории не связаны с конкретными языками и представляют собой межъязыковые универсалии, которые передаются в языках различными способами в зависимости от типологии конкретного языка. При обучении иностранному языку не происходит простого перевода универсальных

межъязыковых категорий в систему изучаемого языка, поскольку овладение иностранным языком идет по линии коррекции уже имеющихся у студента знаний. Каждая новая единица иностранного языка как бы попадает в уже готовую «ячейку» означаемого и размещается в ней вследствие общности семантики знаковых систем разных языков. В тех случаях, когда ячейка не обнаруживается, она легко создается с помощью арсенала средств мышления, который базируется на владении родным языком (Шубин 1963: 60). Поэтому при разработке учебного грамматического материала преподавателю полезно знать, как передаются универсалии в изучаемом и в родном языке (или языке-посреднике) учащихся.

Выявленные в результате сопоставительных исследований межъязыковые сходства и расхождения позволяют предвидеть и наиболее эффективным образом преодолеть типичные трудности, которые возникают в процессе овладения грамматикой изучаемого языка у учащихся той или иной национальности. Часто подобные трудности обусловлены даже не отсутствием в языке-цели категорий, представленных в родном языке учащегося, и наоборот, а различным внутренним подразделением семантики и функционирования форм, имеющих в обоих языках.

В связи с этим факты изучаемого и родного языков должны сопоставляться не прямолинейно, а рассматриваться в нескольких планах:

1) в плане описания способов и особенностей выражения того или иного общего грамматического значения;

2) в плане содержания, когда рассматриваются случаи передачи семантики той или иной грамматической категории или формы, отсутствующей в одном из сопоставляемых языков;

3) в плане функционирования, когда единицы с одинаковым значением по-разному используются в сравниваемых языках.

В целом, говоря об учете родного языка в практике преподавания языков как иностранных и перевода, мы имеем в виду не столько постоянное сопоставление параметров двух языков или использование родного языка (языка-посредника) на занятии, сколько предварительное изучение проблем взаимодействия языков в сознании обучаемого, которое осуществляется высококвалифицированным преподавателем в процессе разработки курса (спецкурса) занятий.

ГЛАВА 3. Аспекты анализа семантико-структурного устройства простого предложения

3.1. Концепции многоаспектного описания предложения

Идея структурировать предложение как объект лингвистического анализа на некоторое количество его составляющих (аспектов, планов, уровней, компонентов, блоков и т.п.) не является абсолютно новой. Проблема заключается в поисках механизма и оптимального уровня дробности такого структурирования.

Еще Ш. Балли указал, что во всяком высказывании следует различать **два аспекта**: диктум, соответствующий представлению об описываемом событии, и модус, отражающий коррелятивную операцию, которую производит мыслящий субъект (Балли 1955, с. 44-45). На данном высказывании, как на солидном фундаменте, базируется большинство современных уровней концепций предложения.

Номинативный и коммуникативный аспекты разграничивает Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1971; 1976). И. П. Распопов производил анализ строения предложения по конструктивному и коммуникативному аспектам; при этом своей главной задачей ученый считал исследование предложения в коммуникативном аспекте (Распопов 1970; 1981а, с. 16-22). По мнению П. Адамца, в основе каждого предложения лежит лексико-семантическая база и комплекс индикаторов (Адамец 1973, с. 3-9). М.И. Лещенко различает виртуальный и актуальный аспекты предложения (Лещенко 1988). А.М. Ломов интерпретирует предложение как феномен, который, с одной стороны, именуется тот или иной коммуникативно значимый фрагмент действительности (номинативный аспект), а с другой – обеспечивает коммуникативное сотрудничество говорящего и слушающего за счет сообщаемых первым сведений о своих оценках и речевых установках (прагматический аспект) (Ломов 1994, с. 18).

Ряд авторов видит в устройстве предложения **три аспекта**.

Так, П.А. Лекант считает, что предложение имеет структурно-синтаксический, коммуникативно-синтаксический и логико-синтаксический аспекты (Лекант 1971, с. 28). Г.Г. Почепцов рассматривает семантику предложения на уровне слагаемых, надстройки и текста (Почепцов 1973, с. 66-73). О событийном, логическом и оценочном компонентах смысла предложения пишет Т.В. Шмелева (1978, с. 64-67; 1988б). Л.М. Васильев выделяет в предложении номинативный, модальный и коммуникативный планы, причем два первых, представляющих денотативную и сигнификативную семантику

высказывания, противопоставляются третьему, который содержит различные виды неденотативной и несигнификативной информации (Васильев 1976, с. 125). У А.А. Леонтьева в качестве исходных содержательных единиц выступают пропозициональная структура высказывания, набор семантических компонентов, конституирующих грамматические характеристики высказывания, и экспрессивно-эмоциональная окрашенность высказывания (Леонтьев 1983, с. 27-28). В.В. Богданов в плане содержания предложения разграничивает следующие аспекты: номинативный, коммуникативный и аспект, связанный с использованием предложения в конкретном речевом акте (Богданов 1988). Сходные аспекты – когнитивный, коммуникативный и прагматический – предлагает разграничивать в семантике предложения В.М. Никитин (Никитин 1988, с. 129-142).

В некоторых синтаксических работах фигурируют **четыре аспекта**.

И.П. Сусов, придавая большое значение анализу коммуникативного содержания предложения, различает следующие его аспекты: аспект структуры ситуации (который включает в себя реляционный и предикационный аспекты), номинативный аспект, аспект локализации сообщения относительно ситуации и речевого акта (включает в себя частные аспекты: модальный, утверждения / отрицания, персональный, темпоральный, целевой установки, актуального членения) и эмоциональный (экспрессивно-эмоциональный) аспект (Сусов 1975, с. 64-67). В своей более поздней работе автор представляет язык в виде ряда тесно связанных друг с другом и вместе с тем относительно автономных блоков. При порождении предложения первыми начинают функционировать блоки семантический и прагматический, которые адресуют свои задания блокам синтаксическому, лексическому и морфологическому (Сусов 1998, с. 19).

Сопоставляя синтаксические конструкции с целью установления их синонимичности, В.С. Храковский рассматривает предложения на уровне лексикографического толкования глагола-вершины, на уровне лексем, на уровне грамматических значений и на уровне логической акцентуации (Храковский 1974, с. 26).

Анализируя взаимодействие смысла и синтаксической семантики предложения, Е.В. Гулыга разграничивает следующие основные аспекты предложения: формально-синтаксический, семантико-синтаксический, коммуникативный и номинативный. Семантико-синтаксический аспект представляет собой совокупность грамматических категорий целеустановки, предикативности и модальности (Гулыга 1976).

В.В. Бабайцева считает, что основными аспектами, необходимыми при многостороннем изучении и описании предложения, являются

логический, структурный, семантический и коммуникативный, так как именно в них проявляются функции предложения, являющегося средством формирования, выражения и сообщения мысли (Бабайцева 1983, с. 7).

Логико-ориентированный, структурный, актуальный и аналоговый аспекты разграничивает в предложении-высказывании Н.А. Слюсарева (Слюсарева 1986, с. 4).

М.В. Всеволодова выделяет в предложении следующие уровни: денотативный – базовый – уровень, реализующийся в денотативной структуре высказывания; коммуникативный (актуальное членение); семантический; формальный (Всеволодова 1997, с. 55); см. также (Всеволодова 1997, с. 20).

Немецкий учёный В. Гладров предлагает разграничивать конструктивно-грамматическое, пропозиционально-семантическое, актуально-информативное и коммуникативно-прагматическое устройство предложения. Конструктивно-грамматическое устройство предложения представляют морфологически выраженные формы конститuentов предложения: глагольные формы и падежные формы имен. Предикативность является главным грамматическим признаком предложения; кроме того, его конструктивно-грамматическое устройство характеризуют структурные схемы, парадигмы и распространители структурных схем. Пропозиционально-семантическое устройство предложения передает в отвлеченном виде фрагмент мира – пропозицию (экзистенция, действие, деятельность, процесс, состояние, признак, идентификация, притяжательность, наименование, отношение). Актуально-информативное устройство предложения отражает расположение его семантических конститuentов в зависимости от степени информированности реципиента и выражается в словопорядке и фразовой интонации. В коммуникативно-прагматическом устройстве выражается отношение говорящего к содержанию высказывания, к реальному или фиктивному положению дел и к коммуникативной ситуации с учетом слушающего (интенция говорящего, модусные модификации сообщения и дискурсные маркировки высказывания) (Гладров 2001, с. 85-86).

В.Г. Гак писал о **пяти аспектах** содержательной стороны предложения, основным из которых является предмет речи; другими аспектами предложения ученый считает отношение говорящего к событию (модальность в широком плане), отношение адресата к предмету речи (информативный аспект), отношения между собеседниками и общие условия разговора (социальный аспект), отношение события к моменту речи (время) (Гак 1977б, с. 44).

А.В. Ким в качестве пяти основных аспектов семантики предложения выделяет типовое значение, модальность, актуальное членение, цель высказывания и эмоциональное значение (Ким 1978, с. 55-57).

Строя модель языка, А.Е. Кибрик выделяет в структуре семантического представления **восемь** наиболее важных составляющих (компонентов / слоев / сфер): ситуационный, дейктический, коммуникативный, референциальный, модальный, логический, эмоциональный, интенционный (иллокутивный). При этом автор делает оговорку, что приводимый им перечень неполный (Кибрик 1992, с. 183-186).

Краткий обзор концепций аспектного (уровневого) устройства предложения позволяет нам сделать некоторые **выводы**.

1. Нынешний этап развития синтаксической науки создал все условия для успешного поаспектного анализа устройства предложения. В большинстве концепций фигурируют два наиболее крупных аспекта (уровня) предложения. В специальных работах по этой проблеме число выделяемых аспектов возрастает и варьирует в широких пределах (от трех до восьми) в зависимости от общетеоретических взглядов и целей исследователя.

2. Разграничиваемые в работах разных авторов аспекты (уровни) далеко не равнозначны по своему удельному весу, месту и роли в организации предложения. Если внутренняя структура некоторых аспектов достаточно проста, доступна для наблюдения и хорошо исследована, то проникновение в устройство других представляет собой сложнейшую теоретическую проблему.

3. В нашей семантико-функциональной работе мы исходим из признания неразрывности двух основных слагаемых предложения-высказывания: собственно языкового, единицы которого – предложения – составляют синтаксическую систему языка, и речевого, которое охватывает сферу функционирования предложений в речи – высказывания.

Внутри каждого из этих слагаемых мы выделяем ряд составляющих их аспектов.

3.2. Основные аспекты устройства и функционирования предложения-высказывания

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо дать определение крайне неоднозначно трактуемому в синтаксических работах термину «аспект» предложения-высказывания (далее для краткости изложения предложение-высказывание мы будем обозначать термином ‘предложение’ – В. К.).

Опираясь на приведенный выше обзор концепций, сделаем это методом «от противного». Аспекты предложения – это не традиционные уровни предложения как языковой единицы высшего ранга, включающей в себя иерархически связанные фонологический, лексический, морфологический и синтаксический уровни. Это и не ступени речемыслительного процесса порождения предложения, такие как пресуппозиция, интенция, выбор структуры, лексическое наполнение структуры, актуализация и т. п.). Аспекты устройства предложения не имеют также ничего общего с встречающимися иногда в работах противопоставлением семантики и синтаксиса, поскольку, исходя из двусторонней сущности предложения как языкового знака, мы не считаем синтаксическую форму асемантической, а синтаксическую семантику – бесформенной.

Аспект – это угол зрения, под которым исследователь в научных или практических целях рассматривает семантико-структурное и функциональное устройство предложения.

Используя многоаспектный (поаспектный) подход, то есть последовательно поворачивая к себе предложение той или иной его гранью, ученый получает возможность сосредоточить своё внимание на выявлении характеристик именно данной, отдельно взятой стороны объекта в отвлечении от всех других его сторон. При этом взгляд исследователя, концентрируясь подобно лучу прожектора на ограниченном участке бескрайнего предложенческого пространства, приобретает большую пронизательность и разрешающую способность.

Мы предлагаем разграничивать следующие аспекты устройства предложения:

1. Целевой аспект.

Аспект целевой установки говорящего, обусловливаемый целью коммуникации (повествование – вопрос – побуждение), четко вычлняется и описывается практически во всех синтаксических трудах. Поскольку именно цель высказывания задает многие его параметры, на первом этапе анализа устройства предложения допустимо ограничиться описанием системы повествовательных предложений.

2. Номинативный аспект.

Данный аспект является важнейшим среди всех аспектов структурно-семантического устройства простого предложения, это его становой хребет. Хотя номинативный аспект в качестве особого объекта описания устройства предложения выделен давно (см. работы (Гак 1967; 1998, с. 310-364; Арутюнова 1971)), к настоящему времени многие вопросы здесь еще не полностью решены. В частности,

подлежат дальнейшей разработке и уточнению номенклатура, системные отношения и обозначения классов признаковых компонентов и актантов, группировок выражающих их слов, грамматических категорий и образуемых этими единицами семантических и синтаксических структур предложений (см. об этом (Кривченко 1982; Никитин 1988, с. 119-129)).

Ввиду сложности внутренней организации номинативного аспекта мы предлагаем выделить в нем **два подаспекта**: ситуативно-структурный и релятивно-структурный.

В свете **ситуативно-структурного** подаспекта строение предложения рассматривается как опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации. При этом предложения сначала дифференцируются по семантике и количеству предметных (актантных) и признакового компонентов их семантической структуры, затем – по принадлежности признакового компонента к той или иной части речи, далее – по принадлежности актантов к тому или иному лексико-грамматическому разряду слов внутри частей речи.

В пределах **релятивно-структурного** подаспекта рассматривается категориально-грамматическая семантика актантов в предложениях того или иного конструктивного типа. Эти параметры актантов варьируются в зависимости от интерпретации говорящим выражаемой предметной ситуации по линии категорий залога, личности / безличности, определенности / неопределенности (обобщенности).

Если относительно признания роли первого подаспекта в типологии предложения в новейшей литературе достигнут определенный «консенсус» (споры идут, в основном, о таксономии предметных ситуаций и номенклатуре их актантов), то второй подаспект, объединяющий грамматические категории предложения, до сих пор изучается не достаточно комплексно.

В своём исследовании мы исходим из того, что при сопоставительном описании языков, как и при любом сравнении объектов или явлений, необходимо опираться на нечто имеющееся у них общее. Компоненты ситуативно-структурного подаспекта устройства предложения по своей природе более универсальны, поэтому при переходе от языка к языку с целью выявить совпадения в интерпретации некоторого факта действительности носителями разных языков и раскрыть функции языковых средств в отражении данного события, мы берем за основу именно этот подаспект.

Так как составляющие релятивно-структурного подаспекта более идиоэтничны, анализ предложений в данном подаспекте способствует решению главной задачи сопоставительной типологии предложения –

на основе соотнесения конструкций друг с другом выявить сходства и различия в их семантике и функционировании.

3. **Предикативный** аспект.

В соответствии с разделяемым нами определением предикации данный аспект составляют следующие компоненты: модальность (объективная), темпоральность, аспектуальность. Признавая важную роль данных компонентов в организации предложения, мы считаем возможным оставить данный материал (преимущественно морфологического характера) за пределами настоящей работы, ограничиваясь в необходимых случаях ссылками на обширную литературу вопроса по соответствующим категориям.

4. **Релятивно-номинативный** (осложняющий) аспект.

Используя арсенал средств выражения субъективной модальности, фазисности, каузативности и т. п., говорящий может обозначить свое отношение к ситуации в целом или к ее отдельным компонентам. Он также может устанавливать причинные, временные, целевые и т. п. отношения между кодируемой ситуацией и сопутствующими ей другими событиями. Как уже отмечалось выше, компоненты данного аспекта не входят в состав собственно простого предложения.

5. **Актуализирующий** аспект.

Актуализация предложения (включение его в ситуацию общения, в контекст) превращает предложение в конкретное речевое произведение – высказывание. К числу важнейших средств выражения актуального членения (в другой терминологии – коммуникативной перспективы) высказывания относится, как известно, и синтаксически значимый параметр – порядок слов.

6. **Эмоционально-экспрессивный** аспект.

В конкретных высказываниях могут присутствовать различные компоненты, передающие эмоции говорящего или сообщающие высказыванию особую экспрессивность. Некоторые из этих средств достаточно хорошо известны (например, произнесение предложений с восклицательной интонацией, использование специальных восклицательных конструкций, включение в состав предложения частиц и междометий, эллипсис, разного вида образные выражения и фразеологизмы), другие средства попали в центр внимания исследователей недавно, в связи с развитием лингвистической прагматики.

Мы считаем, что такие формы целесообразно изучать отдельно от инвентаря эмоционально и экспрессивно не окрашенных конструкций, которые составляют ядро синтаксической системы языка. В дальнейшем эмоционально и экспрессивно модифицированные

конструкции можно включить в общую типологию предложения на правах её специального раздела.

7. Стилистический аспект.

Предложение включается в речевой контекст с учетом общих особенностей коммуникации (устная – письменная речь, разговорный – официально-деловой – научный стиль, монологическая – диалогическая речь и т. д.). Стилистическая специфика текста сказывается на выборе говорящим той или иной конструкции, если в системе данного языка возможность такого выбора имеется. В связи с этим можно говорить о сопоставительной стилистике как отдельном направлении в прагматических исследованиях языков (см., например, работу (Федоров 1971).

Семь перечисленных выше аспектов с точки зрения анализа устройства предложения-высказывания распадаются на две группы:

системно-языковую – номинативный, номинативно-релятивный и, частично, предикативный аспекты;

речевую – целевой, предикативный (частично), актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический аспекты.

Семантический синтаксис исследует прежде всего системно-языковую группу аспектов устройства предложения. На результатах этого анализа базируется семантико-функциональное описание предложения-высказывания.

Достигнутые в современной семантико-функциональной грамматике успехи позволяют расширить объект исследования за счет привлечения различных прагматических характеристик высказывания, приобретаемых им в речи (тексте). В прагматическом компоненте высказывания, указывает И.П. Сусов, представлено коммуникативное назначение этой единицы, ее использование говорящим в качестве орудия речевого действия, воздействия и взаимодействия с поведением и деятельностью говорящего (Сусов 1980, с. 5-8). При этом, как отметил В.Г. Гак, многие аспекты, которые сейчас связываются с прагматикой, в нашей стране давно и плодотворно разрабатываются в теории речевой деятельности, в функциональной грамматике, в стилистике и теории текста (Гак 1998, с. 566).

Приветствуя тот факт, что современное языкознание становится антропоцентричным, Ю.Н. Караулов отметил, что 80-е годы прошлого века не привели к смене «лидера» в лингвистике. Системно-структурный подход по-прежнему занимает главенствующее положение в парадигме лингвистических исследований, хотя акцент с содержания общения сместился на его условия и цели. Коммуникативно-прагматическая волна усиливает потенциал системно-структурных исследований, расширяет возможности этого

подхода за счет вторжения в сферу социального и социально-психологического (Караулов 2007, с. 18-19).

Таким образом, предлагаемый нами **многоаспектный (поаспектный) подход** к анализу устройства предложения, как представляется, позволяет адекватно решить целый ряд сложных лингвистических проблем.

1. Поаспектный подход дает возможность системно ограничить материал сопоставительно-типологического исследования. Так, в нашей работе в качестве материала для сопоставительного анализа предложения русского, английского и венгерского языков были отобраны повествовательные, не осложненные компонентами релятивно-номинативного аспекта, экспрессивно нейтральные предложения.

2. Разграничение указанных аспектов дает возможность производить процедуру сопоставления языков более системно, начиная с типологически наиболее релевантных аспектов. Полученные таким методом результаты анализа устройства предложения одного языка могут быть затем сопоставлены в том же аспекте с синтаксической системой других языков. В последующем охват материала может быть далее безболезненно расширен до необходимых пределов за счет добавления информации о других аспектах устройства предложения.

3. В процессе поаспектного анализа в рамках одного его этапа не следует смешивать различные аспекты описания предложения. Однако, анализируя предложение в избранном аспекте, не следует и полностью игнорировать другие его параметры, так как привлечение информации о смежных аспектах может способствовать более глубокому раскрытию содержания основного из них.

4. Подход к предложению как многоаспектной сущности позволяет построить его типологию, обладающую большей объяснительной силой по сравнению с разного рода одномерными концепциями, так как он дает возможность выявить и смоделировать всю систему компонентов, категорий и отношений, существующих в сфере простого предложения.

5. Аспектный подход позволяет неконфронтационно соотнести такие понятия как, язык – речь и предложение – высказывание, рассредоточив описание этих понятий по их важнейшим аспектам. Поскольку все аспекты предложения неразрывно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом в составе единого целого – предложения-высказывания, за подобным системным анализом предполагается синтез его итогов. Этап синтеза особенно актуален для построения семантико-функциональной модели языковых подсистем, для лингвопрагматики.

6. Еще раз подчеркнем, что постулируемое разделение на аспекты и компоненты такого многомерного диалектического единства, каким является предложение, представляет собой один из наиболее эффективных методов его исследования. Сам этот процесс уместно сравнить с постепенным восхождением на вершину горы, которая олицетворяет синтаксическую систему языка. Внизу, у ее подножия, ученый имеет дело с неисчерпаемым разнообразием конкретных речевых произведений. По мере подъема по склону горы их круг последовательно сужается за счет абстрагирования от частного к общему, и так до самой вершины, на которой располагается искомый список типов предложений, лежащих в основе всех высказываний данного языка. Продолжая сравнение, добавим, что успех восхождения достигается лишь при соблюдении двух условий: на пути не должно встречаться ни неприступных скал, ни непреодолимых пропастей (нерешенных теоретических вопросов); избранный путь должен также обеспечить возможность как беспрепятственного спуска к подножию горы, так и быстрого повторного подъема на любой из заранее намеченных промежуточных уровней.

7. Поскольку предложение является многоаспектной единицей, предлагаемый подход к сопоставительной типологии предложения допускает построение не какой-то одной «окончательной и абсолютной» типологии, а нескольких дополняющих друг друга классификаций, каждая из которых призвана с максимальной полнотой отразить основные черты устройства предложения в рамках избранного исследователем аспекта (или нескольких аспектов) анализа.

Предлагается следующая **процедура поаспектного анализа** устройства и функционирования предложения.

Прежде всего охарактеризованное по целевому назначению предложение определяется как повествовательное, вопросительное или побудительное.

После этого устройство предложения анализируется в номинативном аспекте (сначала в ситуативно-структурном, затем – в релятивно-структурном подаспектах).

Забегая вперед, скажем, что в ситуативно-структурном подаспекте с предварительно заданной степенью дробности производится исследование плана содержания предложения (типовое значение, инвариантная семантическая структура, вариант семантической структуры) и плана выражения (структурная схема). По частеречной принадлежности признакового компонента простое предложение относится к определенному частеречному классу.

Далее предложение получает характеристику по линии категорий релятивно-структурного подаспекта – личности / безличности,

залоговости и определенности / неопределенности (обобщенности) актантов.

Предикативная составляющая предложения анализируется в рамках предикативного аспекта по категориям модальности, темпоральности, аспектуальности, персональности.

Распространенные и осложненные простые предложения описываются в релятивно-номинативном аспекте.

Предложение, взятое в контексте, рассматривается в актуализирующем аспекте с точки зрения его членения на тему – рему.

Далее предложения-высказывания характеризуются с точки зрения их эмоционально-экспрессивной окрашенности и стилистической принадлежности.

Таким образом, к номенклатуре синтаксических конструкций, уже выявленных в результате анализа устройства предложения в номинативном аспекте, последовательно добавляются конструкции, которые на первом этапе исследования преднамеренно были оставлены за его рамками: модально-фазисные модификации предложений (в том числе инфинитивные), разного рода «непростые» (полутора- и двупредикативные) предложения, предложения с инвертированными компонентами, эмоционально окрашенные конструкции (в том числе междометные), эллиптические высказывания и т.д.

Прежде чем перейти к анализу фактического материала, проясним наше отношение к еще нескольким дискуссионным вопросам синтаксической теории.

ГЛАВА 4. О некоторых спорных вопросах синтаксической теории

4.1. Семантическая структура предложения

Приоритет в разработке проблем устройства предложения с разделяемых нами теоретических позиций принадлежит Л. Теньеру. Общий подход ученого к типологии предложения за истекшие десятилетия не только не устарел, но, напротив, стал еще актуальнее; можно сказать, что он задал основные направления и приемы типологического изучения устройства предложения на многие годы вперед (Теньер 1988).

В своих изысканиях на материале французского языка Л. Теньер использовал и доступные ему работы по грамматике русского языка, написанные в 20-е годы русскими лингвистами, особенно разделы, относящиеся к глагольному управлению и разбору предложения по его членам. Не случайно идеи Л. Теньера были наиболее органично восприняты и развиты в трудах отечественных исследователей – В.Г. Гака, Т.П. Ломтева, Н.Д. Арутюновой и др.

Основным вкладом Л. Теньера в синтаксическую науку считается, как известно, разработанная им теория **актантов**. Эта теория дала толчок для разработки модели предложения А.-Ж. Греймаса, в которой уже особо подчеркивалось, что при синонимических трансформациях предложений меняется только синтаксическая форма семантических актантов (Greimas 1966) (критический анализ обеих концепций см. (Гак 1998, с. 409-418)). Теория актантов Л. Теньера широко использовалась также в падежной грамматике Ч. Филлмора (Fillmore 1968). В дальнейшем разработка семантического синтаксиса пошла по пути раздельного описания семантических актантов, отображающих функции предметов в ситуации, и синтаксических компонентов, являющихся членами предложения.

Особый интерес для нас представляют исследования по проблемам выявления и определения семантических актантов.

Т.П. Ломтев, используя терминологию предикатной логики, разграничивает семь «функций предмета»: производитель действия, производитель действия с наличием момента независимости действия от воли его производителя, объект прямого воздействия, объект косвенного воздействия, орудие или средство воздействия на другой предмет, место двухмерного пространства, место трехмерного пространства (Ломтев 1965).

В.Г. Гак также выделяет семь актантов: субъект, объект, адресат, субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина), пространственный конкретизатор, временной конкретизатор, субстанция, которой принадлежит либо часть которой составляет субъект или объект (Гак 1969, с. 80-81).

Ч. Филлмор, развивая концепцию Л. Теньера, предлагает следующий расширенный перечень функций аргументов предиката: агентив, контрагентив (т. е. сила или сопротивление, вопреки которому совершается действие), объектив, результатив, инструмент, источник, реципиент (экспериментер); кроме этих функций, автор выделяет локальные и темпоральные уточнители, необходимые при глаголах движения, местонахождения и т. п. Однако уже сам автор высказал неудовлетворенность тем, что на материале одного языка (английского) не удалось получить универсального типологического списка так называемых «глубинных падежей» (Филлмор 1981). Другой американский лингвист, У. Чейф, предложил свой список актантов: агенс, пациенс, реципиент, бенефициант, инструмент, комплемент (уточняет или дополняет наименование действия), локальное уточнение (Чейф 1975). См. также статью М.А.К. Хэллiday, в которой каждому типу простого предложения приписывается отдельный тип структуры, похожей на падежную структуру (Halliday 1967, p.137-181).

По мере углубления семантико-синтаксических исследований, количество выделяемых актантов все время увеличивалось.

Так, у И.П. Сусова фигурируют восемь предметных релятов: агентивная, неагентивная, пациентивная, атрактивная, локативная, директивная, аблативная, инструментальная (Сусов 1973). Т.Б. Алисова выделяет четырнадцать функций актантов (Алисова 1971, с. 40-55). Столько же семантических функций, полученных методом обследования четырех языков, в том числе русского и английского, исчисляет В.В. Богданов (Богданов 1977). У Ю.Д. Апресяна число подобных функций увеличивается до двадцати пяти (Апресян 1974, с. 279-325).

Как видим, перечни предметных семантических актантов (функций, компонентов) сильно отличаются как по вкладываемому в них содержанию, так и по объему, хотя наиболее характерные типы актантов отмечены практически всеми исследователями. Дело тут заключается не столько в выборе оптимального порога дробности, сколько, как указывает И.П. Распопов, в выработке надежных критериев квалификации компонентов семантической структуры предложения (Распопов 1981, с. 90). Осознавая важность решения данной проблемы для типологии предложения, исследователи неоднократно предпринимали попытки упорядочить номенклатуру актантов путем

отказа от одномерного подхода к моделированию семантической структуры предложения в пользу ее **многоуровневого** анализа.

Чаще всего в работах разграничиваются **два** уровня семантики предложения. Так, Н.Н. Арват считает кардинальными при изучении семантики предложения понятия семантическая структура предложения и семантический тип предложения; каждое из этих понятий является лингвистической абстракцией, выведенной на основе множества речевых фактов (Арват 1976). Описывая семантику предложения, А.В. Бондарко определяет типовое значение предложения как явление понятийного уровня семантики предложений разных типов, т. е. как некоторые обобщенные типы сигнификативных ситуаций, отражающие определенные типы денотативных ситуаций (Бондарко 1978, с. 69-70). По мнению З.Д. Поповой, при изучении устройства предложения необходимо разграничивать анализ семантики позиционной схемы высказывания и анализ семантики структурной схемы простого предложения (Попова 1996, с. 260).

В качестве постановки вопроса Л.М. Васильев предлагает систематизировать весь массив предикатов по **трем** основаниям: 1) по доминирующим компонентам их значений, выделяемым на базе лексических парадигм; 2) по ядерным компонентам, выполняющим функцию идентификаторов основных семантических классов слов, которые выделяются по денотативному (ономазиологическому) принципу; 3) по синтагматическим компонентам, вычленившимся на базе семантико-синтаксических моделей предложений, основой которых являются предикаты. Однако, по признанию автора, эти три классификации перекрещиваются между собой и пока не претендуют на теоретическую завершенность (Васильев 1990, с. 118-125).

Исследователи по-разному соотносят указанные ими ономазиологические сущности: как частное и общее, как конкретно-языковое и понятийно-языковое, но главная мысль, которая прослеживается в приведенных высказываниях, – это продуктивность неодномерного моделирования синтаксической семантики.

Исходя из стоящих перед нами задач, мы считаем целесообразным разграничивать **три уровня** описания семантического устройства предложения, которым соответствуют три соотносимых понятия:

- 1) типовое значение предложения (ТЗ),
- 2) инвариантная семантическая структура предложения (ИСС),
- 3) лексико-грамматический вариант инвариантной семантической структуры предложения (ВСС).

Семантическая структура предложения в этом свете представляет собой родовое понятие по отношению к перечисленным выше единицам.

Как уже отмечалось, семантическую структуру предложения составляет совокупность предметного актанта (или нескольких актантов) и признакового компонента. Соответственно, анализ семантики предложений в рамках ситуативно-структурного аспекта должен вестись на трех указанных семантических уровнях по двум взаимосвязанным направлениям:

а) по линии установления количественного и качественного состава актантов;

б) по линии определения номинативной специфики признакового компонента.

Сразу оговоримся, что эти направления не следует уподоблять двум непересекающимся линиям, подобным параллельным рельсам железнодорожной колеи. В процессе анализа семантики предложения, начав движение по одному пути, в нужном месте вполне допустимо перейти на другой путь, затем опять вернуться на первый, чтобы в итоге получить единое целое – модель семантико-структурного устройства предложения.

4.2. Структурная схема предложения и ее компоненты

По нашему мнению, конструктивный тип предложения наиболее адекватным способом представляет его **структурная схема**.

Обозначение синтаксической структуры предложения схемой (формулой) широко использовалось в трансформационной грамматике. Пожалуй, можно даже сказать, что трансформационная и порождающая модели злоупотребляли формализацией описания устройства предложения. Возможно, именно поэтому идею использования структурных схем и в семантико-синтаксических исследованиях положительно восприняли не все отечественные ученые (см. об этом (Золотова 1973, с. 14-15)).

Думается, однако, что полный отказ от использования структурных схем явился бы шагом назад в развитии типологии предложения.

Рассмотрим некоторые аргументы «за» и «против».

Во-первых, противниками структурных схем часто выдвигается тезис о том, что в схемах не учитывается лексическое наполнение конструкций. Очевидно, однако, что реализовать требование учета лексического наполнения предложений уже на самой первой стадии их типологического анализа довольно затруднительно. Решение проблемы взаимовлияния процессов лексической и синтаксической номинации требует предварительного освещения целого ряда сложных вопросов, таких как:

а) уточнение системы частей речи путем вычленения их синтаксически значимых различительных признаков;

б) выделение синтаксически релевантных лексико-грамматических групп (разрядов) слов внутри частей речи;

в) описание взаимодействия элементов структурной схемы и разрядов слов в каждой конструкции в отдельности.

Все эти предварительные задачи в совокупности составляют отдельный предмет исследования (причем его необходимый объем сильно варьирует от языка к языку, а внутри отдельно взятого языка – от структуры к структуре). Неизбежное привлечение при этом огромного лексического материала грозит размыть границы типологии структурных схем до необозримых размеров (см., например, попытку подобной типологии в РГ-1979). Мы считаем, что этим целесообразно подробно заниматься только после выявления номенклатуры конструктивных типов предложения, т. е. на следующих этапах работы.

Во-вторых, в синтаксисе, как и в других науках, формализация результатов научных изысканий способствует их системному осмыслению и наиболее экономному изложению (представим себе на минуту, что от использования символов, формул и схем отказались бы математика, физика, химия).

В-третьих, как в русском, так и в зарубежном языкознании по многим языкам уже накоплен и систематизирован в виде «интернациональных» структурных схем огромный фактический материал. Это, несомненно, облегчает и оптимизирует их дальнейшее изучение и сопоставление. Кроме того, накоплен положительный опыт использования структурных схем и в практике преподавания языков.

Сказанное, разумеется, не умаляет значимости описательных исследований материала, выполненных без опоры на структурные схемы. В свою очередь, использование структурных схем отнюдь не исключает применения в случае необходимости и других систем обозначений (см., например, формулы типа «кто делает что?» в работах (Никитин 1988, с. 122; Кибрик 1992, с. 187; Волохина, Попова 1999; Попова 2009; Казарина 2002; 2007)).

В данной монографии для обозначения синтаксического (конструктивного, формального) устройства предложения мы используем как структурные схемы, так и типизированные примеры.

Применяются следующие условные обозначения:

N 1 / 2... – существительное или местоимение в соответствующем падеже;

V – глагол; refl – возвратная форма; 3 s – безличная форма; 3 pl – неопределенно-личная форма;

Adj – прилагательное; sh – краткая форма;

Num – числительное;

Part – причастие; act – активная форма; pass – пассивная форма;

V adv – деепричастие

Inf – инфинитив;

cop – связка;

p – предлог.

4.3. «Составность» или актантность?

Одной из отличительных черт развиваемой нами концепции является то, что она позволяет отказаться от традиционного противопоставления **односоставных / двусоставных** предложений как «вершинного» классификационного принципа.

Этот критерий, издавна справедливо критикуемый синтаксистами с разных теоретических направлений за его противоречивость и непоследовательность, оказался удивительно живучим: в том или ином виде он до сих пор фигурирует во многих типологиях предложения и в большинстве учебников по русскому языку. Отметим только некоторые издержки, связанные с применением данного критерия.

Так, Я. Светлик в основу деления предложений на двусоставные / односоставные кладет не структурный, а семантический признак, вследствие чего в класс двусоставных предложений у него включаются и традиционно односоставные – определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, а также предложения с субъектом в форме родительного падежа (Светлик 1970).

В РГ-79 предложения также сначала делятся на двусоставные и односоставные. Затем это членение структурных основ предложения усложняется в соответствии с количеством информативно необходимых компонентов. Полученные в результате шесть типов предложения затем подвергаются более дробной классификации, основанной на форме зависимых детерминантов сказуемого и на их объектном или обстоятельственном характере (Русская грамматика 1979). В итоге авторы получают подробную классификацию структурных схем предложения, в которой первоначальная оппозиция оказывается, на наш взгляд, совершенно излишней.

В.Г. Гак, не отказываясь от использования данной оппозиции в сравнительной типологии французского и русского предложений, относит ее к структурному плану, который асимметричным образом противопоставит плану семантическому. Соответственно, исследователь констатирует, что личное предложение может принимать форму односоставного бесподлежащего (в русском языке *Иду*), а неопределенно-личное и безличное предложения могут оформляться как двусоставное (во французском языке *Il pleut; On sonne*) (Гак 1976, с. 188-194). См. также отмеченное выше нетрадиционное

использование терминов односоставность / двусоставность в работе (Ломов 1994).

В ряде работ, в которых этот критерий применяется как главный, основной, формальная (структурная) оппозиция односоставных / двусоставных предложений, как правило, раньше или позже пересекается с их семантической односоставностью / двусоставностью, или наоборот, в результате чего проводимая рубрикация запутывается.

Мы полагаем, что при последовательном использовании этой оппозиции в типологии русского предложения подлинно односоставных, т. е. и структурно, и семантически односоставных предложений не обнаружилось бы. Все предложения (в том числе *Мороз; Мне холодно; В дверь постучали; Мальчик заболел; Он любит классическую музыку* и т. д.) попали бы в один огромный класс **семантически двусоставных**. При этом часть из них пришлось бы считать **структурно двусоставными** (*Была весна; Мальчик заболел; Он любит классическую музыку*), а другую часть – **структурно односоставными** (*Мороз; Мне холодно; В дверь постучали*).

См. в этой связи тезис Г.А. Золотовой о принципиальной двусоставности всех русских предложений, сопряженный как с отрицанием «односоставности» в ее традиционном понимании, так и со сведением к двусоставным моделям всех более пространных (трех- и четырехкомпонентных) предложений (Золотова 1988 с. 13; Золотова 1998). Ср. также высказывание З.Д. Поповой о том, что структурная схема состоит не менее чем из двух словоформ, поскольку в ней должны быть указаны субъект и предикат мысли, отношение между которыми она выражает. При этом в конкретном высказывании словоформа субъекта может отсутствовать, но ее место сохраняется и при необходимости может быть всегда занято (Попова 1996, с. 256).

Эти же соображения распространяются и на известные попытки классификации предложений венгерского языка на односоставные / двусоставные. В английском же языке, в силу его «тотальной подлежащности», вообще все предложения являются структурно двусоставными.

На этом основании мы пришли к заключению, что в семантико-функциональном сопоставительном синтаксисе деление предложений на односоставные и двусоставные обладает минимальной объяснительной силой, и от него целесообразно отказаться в пользу более последовательного семантико-структурного критерия. В качестве такого критерия предлагается количество актантов семантической структуры предложения. Соответственно, все предложения будут делиться на одно-, дву-, трех- и четырехактантные (см. об этом подробнее ниже).

4.4. Форма *быть* в семантико-структурной типологии предложения

Начнем с одного из ключевых вопросов типологии предложения – определения статуса формы *быть*.

Эта форма, как известно, имеет в лингвистике два основных истолкования (обзор литературы см. в работе (Голицына 1983)), выбор того или иного из которых имеет принципиальное значение, так как с ним связано классификационное определение целого ряда предложений (бытийных, локативных, посессивных и т.д.), адекватность традиционного деления предложений на односоставные и двусоставные, на глагольные и именные и т.д.

1. *Быть* – это делексикализованная, чисто грамматическая форма – так называемая **связка**. Будучи полностью лишенной лексического значения, она предназначена для выражения компонентов предикации (модальности, времени, персональности), а также согласовательных категорий числа и рода подлежащего в предложениях именного типа. Этот подход, восходящий к учению Аристотеля, в том или ином виде реализован в большинстве теоретических и практических грамматик, поэтому нет необходимости далее комментировать его.

2. *Быть* – это во всех случаях лексически полнозначный **глагол**. Как любой другой глагол, он одновременно с лексическим значением своей формой выражает и грамматические (предикативные) значения.

Некоторые сторонники второго подхода, предполагая наличие в семантике глаголов всех лексико-семантических групп общей «бытийной» семы, находят ее и в семантике предложений всех структурно-семантических типов. Мы полагаем, что лексикализация всех случаев употребления формы *быть* возвращает типологию предложения, хотя и с несколько иных теоретических позиций, к известному отождествлению предложения и логического суждения.

Так, в частности, получается, что денотатом любого, даже самого минимального по структуре предложения, является не одна, а две предметные ситуации: всеобщая «предмет и его бытие» и конкретная кодируемая предложением предметная ситуация. Такое усложнение семантического устройства предложения не представляется нам лингвистически достаточно мотивированным. Даже если, в порядке эксперимента, пойти на такое излишнее, по нашему мнению, умножение сущностей, то, руководствуясь правилом упрощения, следовало бы сразу же вынести эту «всеобщую» семантическую структуру за скобки предложения и сократить. После этой «операции очищения от формально-логического наложения» можно бы начать собственно языковой анализ предложения.

Как своеобразный синтез обеих указанных трактовок формы *быть* можно расценить подход, предложенный Н.Ю. Шведовой.

Исходя из представления о том, что предложения типа *Была зима* являются неполной обусловленной реализацией бытийной схемы, Н.Ю. Шведова говорит о двойственной природе формы *быть*. С одной стороны, здесь, как в предложениях типа *Было холодно*, форма *быть* выражает только наклонение и время; с другой стороны, предполагается возможность осмысления рассматриваемой схемы и как бытийной (Шведова 1973). См. также различные интерпретации данной формы в работах (Бенвенист 1974, с. 205-209; Бондарко 1984, с. 63-66; Васильев 1990, с. 119-120; Ломов 1994, с. 29).

Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.А. Белошапкова справедливо считали, что *быть* является глаголом не всегда. В предложениях *Дети будут счастливы; Мой отец был врач* связка *быть* не обозначает никакого действия (Щерба 1957, с. 32; Виноградов 1972, с. 475; Белошапкова 1977, с. 89). Точку зрения указанных авторов разделяет Н.Д. Арутюнова, которая убедительно разграничила связку и глагол *быть* в близких по форме предложениях. Так, в предложении *В саду были яблони* глагол *быть* имеет собственное экзистенциальное значение; в предложении *В саду была тишина* форма *быть* имеет значение, обычно выражаемое в языке при помощи категорий времени и модальности (Арутюнова 1976, с. 231; 1980, с. 257). См. также об этом (Кокарева 2001, с. 19-20; Казарина 2007, с. 222-248).

Таким образом, в предложениях локализации (*Дима был дома; Дома будет Дима; Заседание кафедры будет в четверг*) и в локативно-посессивных предложениях (*У Димы будет машина*) форма *быть* выступает как полнозначный глагол, в предложениях других семантико-структурных типов – как связка, выражающая предикативные значения (*Дима будет программистом; Дима был маленьким*).

Ср. с формами *to be* и *van* в английском и венгерском языке соответственно.

В английском предложении и глагол *to be*, и связка *to be* всегда представлены (*Peter is / was / will be at home – Peter is / was / will be clever*).

В венгерском языке связка *van* и глагол *van* противопоставлены более четко, чем соответствующие формы *быть* в русском языке.

Так, в именных предложениях связка *van* обычно не употребляется (*A barátom orosz tanár – Мой друг – преподаватель русского языка*). Однако в предложениях со значением локализации глагол *van* и в форме настоящего времени является обязательным компонентом (*Itt van a város – Город здесь*).

См. в этой связи гипотезу об опущении связки *быть* в древнерусском языке под влиянием угро-финского языкового

субстрата (Veenker 1967). С течением времени в русских предложениях со значением настоящего времени стала регулярно опускаться не только связка (*Дима программист*), но и бытийный глагол *быть* (*Дима дома*), что, вероятно, и обусловило известные трудности с их разграничением, в то время как в венгерском языке это явление на глагол не распространилось.

4.5. К проблеме синтаксической синонимии и вариантности

Интерес лингвистов-теоретиков и практиков к проблемам синтаксической синонимии никогда не иссякал, но особенно он возрос в связи с разработкой функциональной грамматики и актуализацией вопросов теории и практики перевода, а также с расширением обучения иностранным языкам.

Так, практика преподавания показывает, что учащиеся даже продвинутых этапов обучения испытывают затруднения при использовании близких по значению иноязычных синтаксических конструкций. Обладая уже определенной суммой знаний в области грамматики, многие из них, как правило, недостаточно отчетливо представляют себе различия в семантике и сфере функционирования «конкурирующих» языковых средств. Это заставляет учащихся использовать в подобных ситуациях только наиболее ясные для них, семантически прозрачные формы, как правило, являющиеся прямыми эквивалентами форм родного языка. В результате нарушается свойственная каждому языку частотность функционирования тех или иных единиц, и речь (или переводной текст) учащихся на изучаемом языке приобретает «иностранный» оттенок.

Несмотря на огромную литературу вопроса, многие проблемы, связанные с синонимией, еще не нашли своего удовлетворительного решения. Под сомнение подчас ставится не только практическая полезность изучения данного явления, но и реальность его существования как одного из механизмов, функционирующих в языковой системе. Дело осложняют дискуссионность критериев синонимичности конструкций и недифференцированное использование в работах целого ряда смежных терминов, таких как синоним, вариант, перифраза, конверсив, трансформ, дублет и т.п.

Как известно, впервые понятие **синтаксические синонимы** встречается в работе А.М. Пешковского, который считал важным разграничивать их с точки зрения стилистики. Ученый выделяет 32 разряда синонимов – различных по своей структуре синтаксических единиц, включая в их число словосочетания с предлогами (например, *от стыда – со стыда – из-за стыда – вследствие стыда*),

обстоятельственные формы и придаточные предложения (*Он не пришёл по болезни – Он не пришёл, потому что был болен*), полные и неполные предложения (*Дайте воды сюда! – Воды сюда!*). А.М. Пешковский считал синонимами и одни и те же предложения с разным порядком слов (Пешковский 1927).

А.Н. Гвоздев также рассматривал синонимы со стороны стилистики, определив их как параллельные обороты речи, которые различаются только тонкими оттенками в значениях и поэтому во многих случаях могут заменять один другой. По мнению автора, в основе общности синтаксических синонимов лежит смысловая общность и, в некоторых случаях, общность по цели высказывания (Гвоздев 1955). При этом осталось не совсем ясным, какие именно единицы автор понимает под «параллельными оборотами», о каких именно оттенках идет речь и каковы условия и границы взаимозаменяемости синонимов.

Е.И. Шендельс выделяет два вида синонимии: межаспектную и одноаспектную. Признавая важность межаспектной синонимии, на которой основаны ряды А.Н. Гвоздева и А.М. Пешковского, исследователь считает, что при изучении грамматического строя языка межаспектная синонимия неприемлема и должна уступить место одноаспектной синонимии, которая имеет дело только с грамматическими формами (структурами) и их значениями. Так, структуры *после легкого завтрака* и *после того, как я легко позавтракал* несмотря на то, что они выражают примерно одинаковые отношения реальной действительности, не представляют собой грамматических синонимов, так как они относятся к единицам, расположенным на разных уровнях грамматики, и их можно отнести только к разноаспектной синонимии. Деепричастный оборот *легко позавтракав* и придаточное предложение *после того, как я легко позавтракал* грамматически более близкие единицы и, хотя полной однородности между ними нет, их можно считать синонимичными (Шендельс 1959).

В.П. Сухотин считает такое разграничение синонимов недостаточно обоснованным, указав, что понятия «одноаспектность» и «разноуровневость» в статье Е.И. Шендельс не раскрываются. Ученый понимает под синтаксическими синонимами «такие различающиеся по структуре свободные соединения одних и тех же слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности» (Сухотин 1960, с. 14). При этом синтаксические синонимы выделяются автором внутри более обширной группы «синтаксических параллелизмов», отличие которых от собственно

синонимов состоит в том, что их структурное подобие не достигает той степени близости или однородности, которые обусловили бы возможность взаимозамен без нарушения основного значения конструкций. Нельзя ограничиваться рассмотрением синонимии только словосочетаний или предложений в отдельности, так как в плане функционально-семантических отношений элементы этих категорий взаимодействуют и перекрещиваются. В.П. Сухотин считал, что при исследовании синтаксической синонимии важно выявить различия и специфические оттенки значения сопоставляемых конструкций, и, как совершенно справедливо полагал он, с этим будут связаны наибольшие затруднения в разработке проблем синтаксической синонимии.

Г.А. Золотова впервые обращается к проблемам синтаксических синонимов в связи с очень актуальными в настоящее время проблемами культуры речи. Автор пишет, что всякая синтаксическая конструкция в системе языка существует в ряду других конструкций, более или менее близких по смыслу и по стилистической окраске. Говорящий (или пишущий) бессознательно или с большей или меньшей осознанностью в процессе речи совершает выбор (более или менее удачный) из ряда возможных одной конструкции, которая необходима для выражения требуемого смысла в данной речевой ситуации. Г.А. Золотова полагает, что синтаксическими синонимами можно назвать те конструкции, которые однородны с точки зрения структурно-смысловой и функциональной, но различаются семантическими оттенками (в пределах общего их значения) и стилистической окраской. Критерием для выделения синонимов необходимо считать их смысловую и конструктивную общность (Золотова 1970, с. 179).

Исходя из проблематики общего и машинного перевода, Ю.Д. Апресян считает понятие синтаксических синонимов, предложенное в работах В.П. Сухотина, Е.И. Шендельс и др., недостаточно формализованным из-за отсутствия в них записи синтаксических структур и правил. В этой связи автор подробно описывает в своей работе формальные правила перефразирования конструкций и их ограничения (Апресян 1974).

По этим направлениям и развернулись впоследствии дискуссии, которые продолжаются до сих пор. Границы этого явления оказались настолько размытыми, что В.В. Ковтунова, подчеркивая необходимость установления сходства грамматических значений у синонимичных конструкций, предложила ввести проблему синонимии в строгие грамматические рамки или же отказаться от нее совсем (Ковтунова 1965, с. 126). Практически нет ни одного крупного грамматиста, который обошел бы своим вниманием проблему синонимии (см. об этом (Шендельс 1970; Золотова 1982, с. 204;

Всеволодова 1976; Цейтлин 1979; Лекант 1980; Распопов 1981; Чагина 1990; Моница 1995; Бондарко 1996б; Володина 1999; Лариошина 2001; Столярова 2001; Károly 1970; 1971) и мн. др.).

Прежде всего лингвисты стремятся установить **критерии синонимичности** синтаксических конструкций с учетом их семантических и формальных признаков.

В качестве таких признаков в большинстве работ выделяются:

- 1) тождественность лексического состава;
- 2) общность грамматического значения;
- 3) разноструктурность.

Некоторые исследователи дополнительно включают в число параметров синонимичности тождество грамматических (синтаксических) отношений между компонентами конструкций (Кононенко 1970, с. 19) и взаимозаменяемость конструкций, под которой понимается предопределенная общностью их грамматической семантики способность быть употребленными в идентичных функциях (Шведова 1967, с. 209-210).

Думается, что такое расширение показателей синонимичности конструкций также не совсем оправдано. Первый из них чрезмерно сужает сферу синонимичности за счет исключения из нее таких конструкций, как *Он бросал в прохожих камни – Он бросал в прохожих камнями* (прямое дополнение – косвенное дополнение). Второй дополнительный критерий нуждается в более четком определении условий его применения, поскольку взаимозаменяемость является не условием, а следствием синонимичности конструкций.

Критерий тождественности лексического состава у синтаксических синонимов применяется большинством исследователей. Однако в коллективной монографии Г.А. Золотова постулировала отказ от этого требования для установления синонимичности синтаксических конструкций: «По-видимому, нет надобности в жестком требовании лексического тождества для установления синонимичности синтаксических конструкций. Упрощая работу, это требование вместе с тем нереалистично: в живом языке синтаксическая синонимия вступает во взаимодействие с синонимией лексической» (Золотова и др. 1998, с. 188-189).

Критерий общности грамматического значения представляется нам слишком широким. Именно его недостаточная определенность позволяет исследователям подводить под него совершенно разноаспектные и разноплановые явления, дискредитируя тем самым само понятие синтаксической синонимии.

Посмотрим теперь, в какой мере отвечают трем критериям синонимичности перечисленные выше синтаксические единицы.

По определению Ю.С. Степанова, **перифразы** – это различные предложения, описывающие одну и ту же ситуацию, но различающиеся способом представления этой ситуации, т. е. смыслом: *Иван продает машину Петру → Петр покупает машину у Ивана*. В силу того, что лексикализация наиболее специфична для каждого языка, так же этнически специфичны и перифразы (Степанов 1989, с. 129).

См., например, русские перифразы, по-разному описывающие одну и ту же посессивную ситуацию: а) *Она владеет дачей – б) Дача принадлежит ей*. Здесь одна и та же ситуация по-разному воспринимаются познающим субъектом и, соответственно, с разных сторон отражается в языке: со стороны актанта-посессора в виде предложения обладания (а) или со стороны объекта посессивности в виде предложения принадлежности (б).

Ср. еще примеры различного отражения ситуации в перифразах: *Иван дал Маше книгу – Маша получила книгу от Ивана – Книга перешла от Ивана к Маше*. Подобные конструкции, которые иногда также называют **конверсивами**, не отвечают критерию лексического тождества и, следовательно, не являются синонимами. У синонимов, в свою очередь, нет свойственной конверсивам обратимости. Сопоставим с рассматриваемых позиций средства выражения ситуации «сравнение качества двух предметов» в трех языках.

В русском языке: 1) *Иван старше, чем Петр*; 2) *Иван старше Петра*; 3) *Петр моложе, чем Иван*; 4) *Петр моложе Ивана*.

В английском языке: 1) *Ivan is older than Peter*; 2) *Peter is younger than Ivan*.

В венгерском языке: 1) *Iván öregebb, mint Péter*; 2) *Iván öregebb Péternél*; 3) *Péter fiatalabb, mint Iván*; 4) *Péter fiatalabb Ivánnál*.

В русском языке данная ситуация реализуется четырьмя конструкциями, которые составляют две пары синонимов: (1) и (2), (3) и (4), причем (1) и (3), (2) и (4) являются по отношению друг к другу конверсивами. В венгерском языке наблюдается аналогичное соотношение форм. В английском же языке синонимии в данной сфере нет, а имеются лишь два конверсива.

В определении **трансформов** различаются два подхода – широкий и узкий. При широком подходе в число трансформов включаются конструкции не только с измененной внутренней структурой, но и с добавленной внешней структурой, например:

1) *Иван продает машину Петру → 2) Машина продается Иваном Петру → 3) Продажа машины Иваном Петру → 4) Тот факт, что машина продается Иваном Петру → 5) Машина, продаваемая Иваном Петру* и т. д.

Преобразование (1) → (2) изменяет внутреннюю грамматическую структуру высказывания (пассивизация); преобразование (1), (2) → (3) создает именной эквивалент предложений (номинализация); преобразование (1), (2), (3) → (4) изменяет внешнюю грамматическую структуру предложения, сохраняя его внутреннюю структуру с ее выражением времени, модальности и т. д., что позволяет предложению войти в качестве актанта в другое предложение: *Тот факт, что машина продается Иваном Петру, еще не означает, что продажа совершится*; конструкцией (5) реализуется совсем другая ситуация (см. об этом (Степанов 1989, с. 130)).

Разделяя узкий подход к синонимичности трансформов, мы относим к числу синонимов только конструкции (1) и (2) как отвечающие всем трем критериям синонимичности.

Синтаксическими **синонимами** мы считаем конструкции, которые характеризуются тождественностью компонентов в ситуативно-структурном аспекте при наличии расхождений в составе реализуемых ими компонентов релятивно-структурного аспекта.

Соответственно, при анализе на предмет синонимичности / несинонимичности предложения первоначально исследуются в ситуативно-структурном аспекте с целью установления общности между ними. Затем, в рамках релятивно-структурного аспекта, внимание сосредоточивается на выявлении свойственных им грамматических различий. Предлагаемое понимание синтаксической синонимии хорошо согласуется с закономерностями когнитивной деятельности человека. Между различными наблюдаемыми объектами первоначально отыскиваются коренные черты сходства, что позволяет системно ограничить круг исследования. В последующем при более пристальном рассмотрении каждого объекта внутри намеченного круга отыскиваются и систематизируются их отличительные (дифференцирующие) признаки.

Таким образом, синонимичность / несинонимичность синтаксических конструкций наиболее оптимальным способом выявляется при их последовательном анализе в двух указанных подаспектах номинативного аспекта устройства предложения.

Вариантными мы считаем такие формы предложений, которые при общности номинативного аспекта их семантико-функционального устройства выражают различные компоненты других аспектов – категориально-грамматического, коммуникативного, стилистического, эмоционально-экспрессивного и др. Иногда встречаются варианты формы, которые не обнаруживают различий ни в одном из перечисленных аспектов, например: *Он был учитель – Он был учителем*. Однако случаи подобного – **дублетного** –

функционирования форм не многочисленны вследствие действия универсального закона экономии языковых средств.

В учебных целях варианты формы могут последовательно противопоставляться на традиционных языковых уровнях (лексическом, грамматическом, стилистическом). Эти уровни взаимосвязаны и охватывают все перечисленные выше семантико-функциональные аспекты организации изучаемых форм. Порядок описания вариантов форм соответствует иерархии данных уровней.

По принятому нами определению две (три и более) формы представляют собой варианты при общности хотя бы одного компонента их номинативной (лексической) семантики. Однако соотносительные в целом варианты формы могут выражать и разные компоненты номинативного значения. В таких случаях формы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, и в конкретных речевых ситуациях используется только одна из них. Например, варианты личная активная, пассивная и безличная конструкции составляют синонимический ряд, только если в качестве актанта-производителя действия выступает неодушевленное явление: *Ветер сорвал крышу – Ветром сорвана крыша – Ветром сорвало крышу*. Если же производитель действия одушевленный, то синонимический ряд сокращается до двух единиц – личной активной и пассивной конструкций: *Мальчик сломал игрушку – Игрушка сломана мальчиком – *Мальчиком сломало игрушку*. Таким образом, понятие «вариант» по своему объему шире, чем понятие «синоним» (сходное мнение см. в работе (Лаптева 1984, с. 100)).

Выбор той или иной вариантной формы, как правило, определяется компонентами выражаемого ими категориально-грамматического значения. Незнание этих, иногда очень тонких и поэтому трудных для описания и изучения, оттенков значения форм приводит к некорректному использованию их в речи, что воспринимается образованными носителями языка как типичные грамматические неточности или ошибки.

Вариантные формы могут также различаться по своей стилистической принадлежности. Одни из них – стилистически нейтральные – широко представлены во всех функциональных стилях литературного языка, другие – окрашенные – используются преимущественно в одном стиле (книжном или разговорном); при этом отдельные варианты формы функционируют только за пределами современного литературного языка – в просторечии или в диалектах. Стилистические различия между конкурирующими формами не являются смысловыми различиями и, следовательно, не затрудняют коммуникации. Однако, поскольку русский язык стилистически более

структурирован, чем другие языки (например, английский, немецкий), окрашенность вариантных форм обуславливает уместность и естественность их использования в соответствующих контекстах.

Совокупность разноаспектных компонентов семантики конкурирующих форм и определяет сферу функционирования той или иной из них в языке. Можно предположить, что описание взаимодействия смысловых признаков вариантных форм моделирует сложнейший речемыслительный процесс выбора говорящим одной из форм в конкретных ситуациях общения (попытку такого моделирования в целях обучения русскому языку иностранцев см. в пособии (Копров 2006)).

В свете изложенного нашему пониманию синтаксической системы языка в наибольшей степени соответствует картина, нарисованная Ю.С. Степановым.

Синтаксис индоевропейского предложения уподобляется обширному континууму, в котором имеется хорошо структурированная часть – сетка, или решетка, состоящая из узлов (структурных моделей предложений) и линий отношений (трансформаций), связывающих узлы. В континууме имеются ряды синтаксических единиц, различающихся вариациями в своем типичном лексическом составе и заполняющих промежутки между узлами и линиями решетки. Отличия одной вариации от другой (перифразы) могут быть минимальны, но крайние члены каждого вариативного ряда принадлежат уже разным узлам – разным моделям предложений (Степанов 1989, с. 7).

Синтаксические варианты, синонимы, конверсивы и перифразы при их системном изучении объединяются в системы и подсистемы, составляющие в языках **семантико-функциональные поля** и микрополя.

4.6. Об использовании в работе некоторых грамматических терминов

Уточнив, что мы понимаем под такими терминами как «ситуация», «предикация», «простое предложение», «связка», «синтаксический синоним», «вариантная форма» мы оказались перед необходимостью определить и ряд других не менее дискуссионных понятий, без чего наши дальнейшие рассуждения могли бы быть неверно истолкованными. При этом, осознавая опасность пойти по пути излишнего умножения сущностей, мы постараемся придерживаться хорошо известных и устоявшихся терминов.

1. В работе термины «высказывание», «предложение» и «синтаксическая конструкция» используются как синонимичные с одной оговоркой.

При анализе функционирования предложений в речи мы обычно используем термин **высказывание** (или составной термин предложение-высказывание). В общем плане мы обычно недифференцированно относим к рассматриваемым примерам нейтральный термин – **предложение**. Если же речь идет о структуре предложения, о его компонентах и конструктивных особенностях, то мы используем термин **синтаксическая конструкция**. Из сказанного, в частности, следует, что, не противопоставляя язык и речь, мы вслед за Т.П. Ломтевым считаем, что это не два разных объекта исследования, а один объект, взятый с разных его сторон (Ломтев 1979, с. 42). В разрабатываемой нами концепции такими «сторонами» выступают аспекты семантико-структурного устройства предложения.

2. В соответствии с основным направлением нашего анализа языкового материала – от семантики формы к ее организации и функции – мы предпочитаем использовать в работе термин **«семантико-функциональный»** вместо более распространенного синонимичного термина «функционально-семантический».

3. Вместо довольно распространенного избыточного, по нашему мнению, термина **«семантико-синтаксический»** (может ли быть синтаксис без семантики?) для обозначения направленности анализа устройства предложения «сверху», т.е. со стороны его значения в нашей работе используется термин **«семантико-структурный»**; при взгляде на устройство предложения «снизу», т.е. со стороны его формы, используется термин **«структурно-семантический»**.

4. В работе используется термин **«семантико-функциональный»** вместо более привычного для многих грамматистов «функционально-семантический» (семантико-функциональный синтаксис, семантико-функциональная категория, семантико-функциональное поле). На наш взгляд, первый термин точнее отражает характер и общую направленность проводимого исследования – от семантики грамматических форм к их функционированию (см. об этом также (Ломов 2004, с. 287-290)).

5. Из двух основных путей описания синтаксиса – или от лексических и морфологических форм как элементов предложения к самому предложению, или от предложения как многоаспектной единицы к его лексическим и морфологическим составляющим – мы, вслед за Ю.С. Степановым (Степанов 1989, с. 9) и другими синтаксистами, выбираем второй путь – **от предложения** к его разноуровневым компонентам.

Другие спорные понятия синтаксической теории будут обсуждаться по мере их введения в соответствующих разделах нашей книги.

ЧАСТЬ II. СИТУАТИВНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДАСПЕКТ НОМИНАТИВНОГО АСПЕКТА УСТРОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В соответствии с развиваемой нами концепцией анализ семантико-структурного устройства предложения производится на трех иерархически связанных уровнях: типового значения, инвариантной семантической структуры и варианта семантической структуры.

ГЛАВА 1. Типовые значения, инвариантные семантические структуры и ситуативно-структурные типы простого предложения

1.1. Типовое значение предложения

Общепринятого перечня типовых значений (ТЗ) предложений пока нет, так как в этом вопросе проявляются различия в подходах авторов к интерпретации языковых явлений (см. работы (Богородицкий 1935, с. 206-213; Адмони 1955, с. 102-162; Москальская 1974; 1977, с. 46-47; Арутюнова 1976, с. 18; Чейф 1975, с. 116-120; Золотова 1982, с. 178-181; 1998, с. 104-105; Попова 2009) и мн. др.).

Поскольку в типовых значениях предложений получает свою наиболее обобщенную языковую реализацию структура отраженных сознанием предметных ситуаций, мы, вслед за С.Д. Кацнельсоном, исходим из первичного разбиения всех простых предложений на два класса:

предложения, выражающие признак какой-либо субстанции;

предложения, выражающие отношения между субстанциями (Кацнельсон 1972, с. 174-179).

С учетом типов отношений, существующих между субстанциями, разграничиваются следующие **типовые значения**.

I. «Предмет и его признак»: *Теплеет; День удлиняется; Эта игра интересная; Их было трое* и т.д.

II. «Отношение между предметами»:

1) отношение между двумя предметами: *Мальчик читает книгу; Я не курю; Дети на даче* и т.д.;

2) отношение между тремя предметами: *Я отдал книгу коллеге; Я бросил письмо в почтовый ящик* и т.д.;

3) отношение между четырьмя предметами: *Инспектор переложил пистолет из кобуры в карман*.

1.2. Инвариантные семантические структуры

Типовые значения, относящиеся к числу языковых универсалий, могут послужить основой для общего сопоставления синтаксиса неблизкородственных языков.

Однако для более детального сопоставления родственных разноструктурных языков целесообразно обратиться к менее абстрактному уровню семантики предложения – **инвариантным семантическим структурам** (ИСС), которые разграничиваются внутри ТЗ на основе принадлежности признакового компонента предложения к той или иной части речи.

Как отмечалось выше, семантическая структура предложения формируется в результате языкового кодирования структуры предметной ситуации. При этом структура ситуации отражается в ИСС предложения в виде одного или нескольких актантных и признакового компонентов, что дает возможность использовать здесь **критерий количества актантов** в качестве основного классификационного принципа.

1.3. Семантико-структурные типы простого предложения

В соответствии с указанным принципом выделяются следующие семантико-структурные типы простого предложения:

1) **одноактантный**: *Мороз; Холодно; Морозит; Дети спят; Моя дочь – студентка*;

2) **двуактантный**: *Кошка разбила вазу; Бензоболонку закрыли; Машина в гараже; У нас двое детей*;

3) **трехактантный**: *Он подарил жене котенка*;

4) **четыреактантный**: *Она переложила деньги из кошелька в карман; Диван перенесли из спальни в детскую комнату*.

Как во всех сферах языка, здесь наблюдаются разного рода переходные случаи: в речевых реализациях предложений может иметь место как опущение, так и добавление актантов, но это не меняет принадлежности предложения к одному из типов (1 – 4).

Так, предложения могут быть одноактантными по своей семантической структуре, но «двуактантными» по синтаксическому устройству. Это увеличение состава высказывания часто имеет место, когда в позицию субъекта или объекта вводится указание на само действие, при замене глагола-сказуемого глагольно-именным словосочетанием и т. д. (Гак 1998, с. 367-519). Ср.:

Он погулял – Он совершил прогулку; Учителя уважают ученики – Учитель пользуется уважением у учеников.

Несовпадение количества актантов в семантике предложений часто наблюдается и при переводе предложений с одного языка на другой. Ср. русские предложения и их переводы на английский язык:

Рейнгольд передернул плечами (Д. Гранин) → *Rheingold shrugged*; *Нюся сразу же испугалась* (Ю. Герман) → *Nyussia took fright at once*; *Потом его машина загорелась* (Ю. Герман) → *And then his plane caught fire*; *Устименко не ответил* (Ю. Герман) → *Ustimenko made no reply*; *Ужинали дома* (Ю. Герман) → *They had supper at home*.

Причины этого распространенного в переводческой практике явления лежат в разных плоскостях.

Это может быть и замена признакового компонента двумя компонентами, один из которых – в объектной позиции – именуется признаком, а второй – глагольная лексема в полусвязочной функции (*совершить, пользоваться; to take, to make, to give*) – выражает предикацию. Заметим, кстати, что в процессе глобализации под влиянием английского языка характерные для его аналитического строя составные номинации все шире проникают в синтаксис русского языка, например: *to make a call – сделать звонок* (вместо *позвонить*).

Это могут быть и проявления межъязыковых расхождений в способах номинации событий (ср.: *загореться – to catch fire*), и последствия других видов преобразований.

Поэтому при реализации количественно-актантного критерия в сопоставительной типологии предложений мы руководствуемся следующими принципами:

1) сначала анализируется и классифицируется фактический материал каждого языка **в отдельности**;

2) анализу подвергаются **изосемические** (специализированные) конструкции в максимально возможном отвлечении от их разноаспектных трансформов;

3) в неоднозначных случаях определяющей является номинативная характеристика предложения, т. е. количество актантов в его информативно минимальной **семантической** структуре.

ГЛАВА 2. Инвариантные семантические структуры и частеречные типы предложений

Поскольку одно типовое значение может объединять несколько инвариантных семантических структур подобно тому, как более абстрактная рубрика включает в себя менее абстрактные, для разграничения ИСС в рамках того или иного ТЗ используется критерий принадлежности признакового компонента предложения к классам слов, традиционно называемых частями речи (ЧР).

2.1. Система номинативных частей речи

Значимость категории частей речи для синтаксиса хорошо осознавали еще В. фон Гумбольдт и его последователи, в частности, А.А. Потебня (Потебня 1958, с. 71). В том или ином объеме и в тесном переплетении с другими критериями части речи использовались при классификации предложений и традиционной грамматикой.

В работах Г.А. Золотовой частеречная классификация простых предложений постулируется в качестве самостоятельного основания. Хотя вся система ЧР автором в деталях не анализируется, ее контуры (в составе пяти-шести компонентов) широко используются при описании конкретных русских предложений (Золотова 1973, с. 33-34; 1982, с. 32; 1989; Золотова 1998, с. 105-110). Достаточно последовательно данный критерий реализован при классификации русских предложений в чешской грамматике (Русская грамматика 1979). А.М. Ломов вносит некоторые коррективы в традиционную систему ЧР и использует ее при создании типологии русского предложения (Ломов 1986; 1994, с. 38-39).

В нашей работе принадлежность признакового компонента простого предложения к той или иной ЧР выступает вторым по значимости типологическим **критерием** (первым, как отмечалось выше, мы считаем количество актантов в семантической структуре предложения).

Преимуществами опоры на систему ЧР для выявления семантико-структурных типов предложения являются:

1) полнота и стройность типологии как результат последовательного использования единого систематизирующего признака;

2) возможность обобщения полученных классификационных рубрик (для выхода на более высокий уровень лингвистической абстракции) или их дальнейшей детализации (на основе выделения лексико-грамматических разрядов слов внутри каждой ЧР);

3) готовность классификации предложений одного языка для системного сопоставления с материалом других языков, имеющих сходные системы ЧР.

Основной относительный недостаток избранного подхода заключается в дискуссионности имеющихся в распоряжении синтаксистов систем ЧР (см. об этом (Щерба 1957, с. 63-84; Суник 1966); о разных подходах к выделению ЧР и принципах их описания см. (Алпатов 1986; 1990, с. 6-50; Петрова 1989; Шатуновский 1996; Кубрякова 1997, с. 4)).

Ознакомившись с современной литературой вопроса, мы, вслед за многими другими исследователями, пришли к выводу: все это уже было, было, было... В наши задачи не входит создание еще одной системы ЧР, однако во избежание возможных неясностей по существу решаемых здесь вопросов необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать наше понимание проблемы.

Как и большинство предшественников, мы берем за основу традиционную «школьную» четырехчленную систему ЧР, в состав которой входят существительное, глагол, прилагательное, наречие. Этой системе (с некоторыми оговорками и уточнениями, которые будут сделаны ниже) отдается предпочтение, поскольку она наилучшим образом согласуется с общеграмматическими значениями слов, вытекающими из закономерностей познавательной деятельности человека.

Прежде чем использовать ЧР в целях классификации предложений, обозначим особенности нашего подхода к проблеме:

во-первых, применим к системе ЧР **поаспектный** анализ;

во-вторых, поскольку не все ЧР одинаково релевантны для семантико-структурной типологии предложения, обратим особое внимание на уточнение номенклатуры **номинативных** ЧР.

При этом мы будем опираться на высказывание Л.В. Щербы о том, что ученый должен руководствоваться не какими-то умными принципами, а искать, какая именно классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой (Щерба 1957, с. 64).

2.1.1. Существительное и глагол как важнейшие номинативные части речи

В соответствии с теорией когнитивной лингвистики понятие наблюдаемого объекта формируется в наглядном опыте человека при выделении им топологических отдельностей и целостностей, компактно организованных в виде обгаемых глазом фрагментов пространства, которые обладают определенными физическими характеристиками. Это понятие привязывается цепочкой переходов к понятиям отдельности

(единицы), членимой или же нечленимой совокупности, к понятиям вещи и тела, лица и предмета как долго не меняющих тождества самим себе во времени и при передвижении в пространстве. Такие понятия в языке передаются именами существительными.

Противопоставление динамических и статических ситуаций по признаку наличия или отсутствия в них видимого изменения связано с процессом постепенного становления категории глагола и с дифференциацией в этой категории единиц статического типа, фиксирующих наблюдаемые положения дел, и единиц динамических, фиксирующих протекание изменения во времени и пространстве (Кубрякова 1997, с. 221-223).

Таким образом, ядро системы номинативных ЧР составляют **существительное и глагол**.

В русском, английском и венгерском языках их определения отличаются от общеграмматических очень незначительно (краткий обзор концепций системы английских ЧР см. в работе (Иванова 1981, с. 14-19); об именах и глаголах в венгерском языке см. (Балашша 1951, с. 76-77)).

2.1.1.1. Проблема частеречного статуса «неличных форм» глагола

Большое значение для получения синтаксически релевантной системы ЧР имеет решение проблемы квалификации личной формы глагола и неличных форм – инфинитива, причастия, деепричастия и герундия.

В русистике здесь, как известно, борются две основные тенденции:

1) считать все перечисленные формы единой ЧР – глаголом (широкий подход к глаголу);

2) выводить за рамки собственно глагола две или три формы в качестве отдельных ЧР (узкий подход к глаголу). Подробный обзор работ по этой теме см. (Буланин 1986).

Рассмотрим под нашим углом зрения обе указанные возможности.

Широкое понимание глагола как ЧР, объединяющей личные и неличные формы, представлено большим числом теоретических и практических работ (Буслаев 1959, с. 343; Шахматов 1941, с. 461; Исаченко 1960, с. 20; Гвоздев 1967, с. 293-294; Жирмунский 1969, с. 11; Буланин 1976, с. 101-167; 1986, с. 11; Болла 1977; Распопов 1984, с. 87-90). Данный подход к глаголу базируется на лексико-семантическом принципе: все четыре глагольные формы объединяются в единую ЧР на основе присутствия в их семантике общего компонента – процессуального признака. Этому способствует также наличие у некоторых из них общих категориальных форм – видо-временных и залоговых. При таком понимании глагол является единицей уровня

частей речи, а его неличные формы частями речи не являются и на одном уровне с существительным, прилагательным, числительным, местоимением, наречием и с самим глаголом не стоят.

Вторая – **узкая** – трактовка также достаточно распространена. Ее сторонники акцентируют тот факт, что каждая форма (спрягаемая и неспрягаемые) своеобразно интерпретирует общеграмматический глагольный признак «процессуальность» и при этом обладает специфическим набором категориально-грамматических форм.

Так, у спрягаемой формы глагола данный признак выступает в наиболее чистом виде. Инфинитив, только называя действие в отвлечении от его временных параметров, «опредмечивает» его и представляет собой гибридную глагольно-именную ЧР. В причастии общеграмматический глагольный признак ослабляется за счет усиления значения, присущего прилагательному, в результате чего получается гибридная глагольно-адъективная ЧР. Деепричастие выражает процессуальность, но не прямо относит ее к носителю признака, как это делает спрягаемая форма, а через другой признак, т. е. как признак признака, что сближает данную форму по семантике и функции с наречием; получается особая гибридная глагольно-адвербиальная ЧР (см. работы А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, Д.Н. Овсянико-Куликовского, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова; из современных работ см. (Маслов 1975, с. 209-214).

В рамках этого подхода также имеются варианты.

Во-первых, особыми частями речи считаются:

а) только причастие и деепричастие (Овсянико-Куликовский 1912, с. 32, 49-50; Шанский 1981, с. 214, 223);

б) только причастие (Янко-Триницкая 1962, с. 19, 26);

в) только деепричастие (Панов 1960; Арбатский 1980, с. 108-109).

Во-вторых, данные формы вводятся в состав других частей речи:

а) причастие и деепричастие – в прилагательное и наречие соответственно (Богородицкий 1935, с. 106; Виноградов 1972, с. 221, 308);

б) только причастие – в прилагательное (Иванникова 1974).

Промежуточное место между узким и широким пониманием глагола занимает концепция, разграничивающая личные и неличные формы глагола и усматривающая в последних явление функциональной транспозиции глагола, понимаемого в узком смысле. Выделяются причастия (адъективно-атрибутивные транспозиторы), предикативные формы страдательных причастий (адъективно-предикативные транспозиторы), деепричастия (наречно-обстоятельственные транспозиторы) и инфинитив (нейтрально-неопределенный транспозитор). Транспозиторы не считаются самостоятельными частями речи и остаются в системе глагола (Русская грамматика 1979, с. 205-206).

Ср. трактовку инфинитива, причастия и деепричастия как результата транспозиции глагола соответственно в существительное, прилагательное и наречие в работе (Богданов 1977, с. 162).

В англистике также ведутся дискуссии вокруг разграничения личных (финитных) и неличных (нефинитных) форм глагола.

Термин «глагол» О. Есперсен применяет только к тем предикативным формам, которые обладают способностью образовывать предложения. Другие формы – вербиды (причастия и инфинитивы) – представляют собой промежуточный разряд между существительными и глаголами (Есперсен 1958).

Дж. Керм разграничивает в рамках глагола финитные и нефинитные формы (причастие, инфинитив и герундий). Специфической формой английского глагола является герундий, который, не отличаясь от причастия по форме, отличается от последнего по функции: герундий чаще всего используется с предлогом. Хотя герундий в современном языке часто имеет полную потенцию глагола и может, как глагол, принимать объект, он, в отличие от глагола, не сочетается с именительным падежом субъекта; более того, часто герундий ведет себя как существительное, выступая в качестве субъекта или объекта глагола или в составе предложного сочетания (Сурге 1935).

У А.И. Смирницкого основой объединения личных и именных форм в систему форм одного слова является наличие у них одних и тех же вещественных, лексических значений. Различия между ними заключаются в том, что первые выступают как предикативные, а вторые – как непредикативные компоненты предложения. Кроме того, они разграничиваются в зависимости от того, с какой степенью полноты и насколько ярко представлен в той или иной форме процесс: как текущий и продолжающийся во времени (личный глагол); как частично представленный в виде признака (причастие); как частично опредмеченный (инфинитив и герундий). Эти различия позволили А.И. Смирницкому выделить в английском языке специальную категорию репрезентации (Смирницкий 1959, с. 246-247).

Если в традиционной английской грамматике принято говорить о двух «инговых» формах (причастии I и герундии), то Л.С. Бархударов считает их двумя типами синтаксического употребления одной и той же формы. По его мнению, система неличных форм глагола представлена инфинитивом, инговой формой и причастием II (Бархударов 1975, с. 148-150).

Неличные формы венгерского глагола обычно трактуются как отглагольные имена и рассматриваются как одна отдельная от глагола ЧР. Отглагольные имена образуются здесь от глаголов с помощью суффиксов (Балашша 1951).

К.Е. Майтинская считает, что поскольку инфинитив, причастие и деепричастие могут быть образованы по определенным правилам практически от всех глаголов, их следует рассматривать как формы изменения глагола (Майтинская 1955, с. 243).

Об **инфинитиве** следует сказать особо.

Как отмечал Ж. Вандриес, индоевропейский язык первоначально не имел инфинитива; его создание совершилось в каждом из языков независимо и представляло собой большой шаг в направлении к отвлеченности мышления (Вандриес 1937, с. 108). В процессе исторического развития языка в сфере глагола произошло своеобразное «оборачивание»: исходной, основной формой для глагольной лексемы в некоторых языках стал не финитный глагол – первичная форма, а именно инфинитив – вторичная форма; тем самым инфинитив стал как бы заглавной формой для всей системы глагольных форм (см. об этом (Юрченко 1995, с. 44-45)).

В венгерском языке словарной формой глагола является не инфинитив, как в русском и английском языках, а 3-е лицо единственного числа глагола безобъектного спряжения, так как именно в этой форме глаголы (за исключением так называемых «иковых») имеют нулевое окончание. Венгерский инфинитив всегда оканчивается на *-ni*: *olvasni* (*читать*) и может изменяться по лицам путем присоединения лично-притяжательных прилеп (суффиксов): *írni* (*írnot, írnod*) *kell – ему (мне, тебе) надо писать*. В целом инфинитив употребляется в венгерском языке гораздо реже, чем в русском и английском, так как во многих случаях вместо инфинитивного оборота используется придаточное предложение. Ср.:

Он надумал жениться – He decided to get married – Úgy gondolta, hogy megnősül; Я посоветовал ей уехать – I advised her to go away – Azt tanácsoltam neki, hogy utazzon el.

Целям и задачам нашего исследования в большей степени отвечает **узкий подход** к глаголу. Приняв его за основу, сделаем некоторые замечания.

1. В предложениях современного русского языка инфинитив выступает как форма номинации признака процессуальности (действия или состояния), так сказать, в чистом виде. Компоненты предикации при этом находят свое выражение в специальных служебных (связочных, модальных, фазисных и т. д.) словах, в особой интонации. Спрягаемые формы называют тот же признак, но обязательно сопровождают его выражением компонентов релятивно-структурного и предикативного аспектов.

Таким образом, в номинативном аспекте предложения глагол и инфинитив представляют собой разные формы именования одного и

того же признака. Если оставить в стороне вопрос о «первородности» той или другой формы, то отрывать инфинитив от глагола и противопоставлять их друг другу в виде отдельных ЧР веских оснований нет. См. высказывание Л.В. Щербы по этому поводу: «Попытка... представить инфинитив как особую от глагола «часть речи», конечно, абсолютно неудачна, противоречива естественному языковому чутью, для которого *идти* и *иду* являются формами одного и того же слова» (Щерба 1957, с. 76).

Таким образом, говоря об инфинитиве, корректнее было бы использовать фразы типа «глагол в форме инфинитива» или «инфинитивная форма глагола». Для удобства изложения мы сохраняем здесь использование более краткого общепризнанного термина «инфинитив». Об особом статусе инфинитива в частеречной классификации предложений подробнее скажем ниже.

2. Целесообразность выделения причастия и деепричастия в отдельные ЧР в сравнительно-типологических исследованиях сомнений у нас не вызывает (подробную аргументацию правомерности такого решения см. в указанном труде Д.Н. Овсяннико-Куликовского).

От себя добавим: использование в типологии предложений более разветвленной системы ЧР, включающей причастие и деепричастие, способствует получению более детальной классификации. Если бы мы пошли по другому пути и включили бы данные формы в глагол, то это усложнило бы последующее сопоставление предложений разноструктурных языков, поскольку внутри класса глагольных предложений в целях повышения разрешающей способности классификации все равно пришлось бы разграничивать собственно глагольные, причастные и деепричастные подклассы.

2.1.2. Прилагательное как номинативная часть речи

С определением прилагательного как ЧР в русском языке связан целый круг спорных вопросов, корень которых заключается в узком или широком подходе к данной ЧР (см. об этом (Смирницкий 1959; Ломов 1994, с. 222)). К числу этих вопросов относятся следующие:

правила функционирования полной и краткой форм прилагательного;

соотношение прилагательного с наречием, «категорией состояния», «компаративом», числительным, причастием.

Проще всего проблема решается при узком подходе: в этом случае к прилагательным относятся только слова с непроцессуальным признаковым значением типа *веселый* (*весел*), *золотой* и т. п.

Внимание синтаксистов, разделяющих **широкий** подход к прилагательному (к их числу мы относим и себя), привлекает, прежде

всего, семантика и сферы функционирования двух форм прилагательного – полной (ПФП) и краткой (КФП).

1. КФП свою главную и единственную роль исполняет в предложении: выражая признаковый компонент семантической структуры предложения, она является типологически релевантной. Абсолютизация данного факта даже позволила Л. Бэбби включить КФП в так называемый «исходный глагол» (Бэбби 1985, с. 173). Интересно отметить, что в языках, в которых отсутствует согласование прилагательного с определяемым существительным как в предикативной, так и в атрибутивной позиции (например, в английском и венгерском), не наблюдается и дихотомии полной / краткой форм прилагательного.

2. Именно КФП мы, по нашему мнению, находим в предложениях, в которых некоторыми лингвистами, вслед за Л.В. Щербой, обнаруживается так называемая «**категория состояния**»:

Кругом тихо; Здесь вам будет удобно.

Поскольку прилагательному в рамках общего категориального значения непроецессуального признака вообще свойственны два значения – качества и состояния, способность кратких форм на -о обозначать разновидность непроецессуального признака – состояние, не является, на наш взгляд, достаточным основанием для выделения ее в отдельную ЧР.

Действительно, ведь и глагол выражает не только процессуальный признак «действие», но и «состояние», что не приводит к делению глагола на две ЧР. Кроме того, особую форму (среднего рода единственного числа на -о) КФП принимает в соответствии с общими закономерностями использования так называемой безличной формы в позиции признакового компонента структуры предложения. Ср. с безличной формой глагола и краткого страдательного причастия в составе безличных предложений соответствующего типа; (см. об этом также (Мигирин 1970, с. 150-157)).

3. Известные трудности возникали при определении статуса слов, которые употребляются в составе простого предложения в синтетической форме сравнительной степени. Ср.:

Он стал веселее; Он рассказывал веселее; Ему стало веселее.

На том основании, что во всех трех случаях форма слова *веселее* совпадает и не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по падежам, подобные слова иногда выделяют в особую категорию, занимающую промежуточное положение между прилагательным и наречием – так называемый **компаратив** (см. об этом (Немченко 1975, с. 64)).

Мы склонны видеть в трех данных примерах не компаратив или наречие, не прилагательное, наречие и категорию состояния соответственно, а все ту же КФП (в первом и третьем примерах) и,

возможно, наречие (во втором примере). Оговорка «возможно» сделана нами потому, что широкое понимание прилагательного предполагает возможность использования КФП и для актуализации свойств (признаков) глагольного процесса (Богородицкий 1935; Смирницкий 1959; Ломов 1994, с. 222), т.е. в функции, которую в традиционной грамматике отводят наречию.

Вопрос о прилагательном как отдельной ЧР в венгерском языке является спорным.

Находясь перед определяемым словом, венгерское прилагательное не согласуется с ним ни в числе, ни в падеже, ни по категории притяжательности. Этим обуславливается легкость перехода слов с предметным значением – существительных – в слова, обозначающие признак предмета, – прилагательные – и наличие слов, которые одинаково могут выражать и предмет, и признак предмета, например: *arany* – *золото* и *золотой*. В связи с этим многие финно-угроведы считают, что в данных языках нет отдельных ЧР существительного и прилагательного, а есть только общая категория имени (Балашша 1951).

Однако, по мнению К.Е. Майтинской, в венгерском языке группа таких недифференцированных слов постепенно уменьшается. Большинство прилагательных имеют специальные словообразовательные суффиксы, отличные от суффиксов существительного. Слова, обозначающие одновременно и предмет, и признак предмета, в последнем значении имеют тенденцию присоединяться к определяемому имени, и поэтому в современном языке чаще встречаются в составе сложных слов. Так, сочетание *arany óra* (*золотые часы*) фактически превратилось в сложное слово *aranyóra* (Майтинская 1955, с. 147-148).

В английском языке наблюдается похожая картина.

Таким образом, в венгерском и английском языках существительные и прилагательные менее четко отличаются друг от друга, чем в русском языке.

2.1.3. О номинативном статусе наречия

Существование наречия как ЧР, на равных правах соотносимой с другими номинативными ЧР, вызывает у нас сомнения.

С одной стороны, лингвистике известна попытка признать наречие центральной ЧР в ущерб прилагательному (Шахматов 1941, с. 425-427). С другой стороны, как мы видели ранее, широкое определение прилагательного существенно сужает круг явлений, которые можно было бы отнести к наречию (о включении наречия на -о, -е в краткую форму прилагательного см. (Аванесов, Сидоров 1945); о выведении

наречия из категории прилагательного с позиций трансформационной грамматики см. (Бэбби 1985, с. 195-197)).

Наиболее полное традиционное определение данной ЧР дано в «старой» академической грамматике: «Наречием называется неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета и выступающая в предложении в роли обстоятельственного слова или несогласованного определения» (Грамматика русского языка 1952, с. 606).

Наречия, как известно, могут определять не только глаголы, но и прилагательные, другие наречия или ситуацию, выраженную простым предложением, в целом (см. выделение А.А. Шахматовым определяющих, дополняющих и сопутствующих обстоятельств).

По выполняемой в предложении функции обстоятельственные слова могут быть разделены на три группы:

атрибутивные наречия (образа действия, качества и меры другого признака),

ситуативные наречия (места, времени),

сопутствующие наречия (определяющие минимальную ситуацию в целом: причину, следствие, время, место и т. д.).

Только обстоятельственные слова первой группы связаны с определяемым словом так же тесно, как прилагательные, и только они входят в **номинативный** минимум предложения (ср.: *Она выглядит хорошо* – *Она хорошо работает*). Но именно эту группу составляют слова, которые идентифицируются нами как краткая форма прилагательного в безличном употреблении. Следовательно, наречия первой группы отличаются от соответствующих КФП не по своей номинативной природе, не по форме, а только по функции в предложении. Ср.:

Он хорошо говорит по-французски (наречие-обстоятельство);

Это средство хорошо для пожилых людей (КФП – сказуемое).

В связи с этим имеются основания полагать, что в русском языке наречие представляет собой не до конца оформившуюся **функциональную** по природе ЧР.

В роли средства выражения «признака» признака в предложении сначала стала регулярно использоваться специализированная признаковая форма – КФП в безличной форме; позже в этой функции начали выступать некоторые существительные в неизменяемой форме, а также предложно-падежные формы. См. высказывание В.М. Жирмунского о том, что образование наречий из существительных и прилагательных лежит в истории индоевропейских языков на поверхности, совершаясь в период их отдельного существования вплоть до наших дней. Поэтому наречие из всех ЧР представляет в

морфологическом отношении наиболее пеструю категорию, отчетливо сохранившую следы своего синтаксического происхождения из обстоятельств и свою первичную обстоятельственную функцию (Жирмунский 1968, с. 27).

С учетом указанных соображений возникает соблазн вообще отказаться от выделения наречия в отдельную ЧР. Этому шагу, однако, не способствует формально выраженное противопоставление прилагательных и наречий, наблюдаемое в современном английском и венгерском языках. Ср.: *good – well; jó – jól; хороший (хорошо) – хорошо; beautiful – beautifully; szép – szépen; красивый (красиво) – красиво*.

Думается, что большая формальная мотивированность выделения наречия в отдельную ЧР, отмеченная в английском, венгерском (а также во французском) языках, является тем доводом, который склоняет чашу весов в пользу включения данной ЧР в качестве самостоятельной и в систему ЧР русского языка. Другое дело – ответ на вопрос, является ли наречие как ЧР релевантным для типологии простого предложения.

Мы склоняемся к следующему решению. Поскольку семантико-синтаксическая структура предложения формируется одним или несколькими предметными актантами и только одним признаковым компонентом, еще один компонент с номинацией «признака» признака по определению не может входить в номинативный минимум предложения. Следовательно, наречие, всегда предполагая существование в структуре предложения какого-либо «первичного», основного признакового компонента, выраженного той или иной номинативной ЧР, **не образует особого типа предложений**.

См., например, глагольные предложения в сопоставляемых языках:

Он хорошо одевается – He dresses well – Jól öltözik; Ты выглядишь хорошо – You look well – Jól néz ki.

Хотя в некоторых случаях подобные предложения без наречного компонента могут восприниматься как неполные, наречия здесь как бы компенсируют, дополняют лексически неполнозначные глаголы, составляя вместе с ними **единый** признаковый компонент (*выглядишь хорошо*).

Таким образом, наречие как ЧР находится за пределами системы номинативных ЧР, релевантных для типологии простого предложения в номинативном аспекте.

2.1.4. Числительное

Спорным является также статус числительного.

В.Г. Адмони считает, что числительное представлено в русском языке как особая ЧР и имеет полевую структуру, а ее ядро составляют количественные слова (Адмони 1968, с. 99-106).

Другие исследователи, исходя из возможности отнесения отдельных групп количественных слов к существительным или прилагательным, вообще не выделяют их в особую ЧР (Пауль 1960, с. 415-416; Буланин 1976, с. 17; Юрченко 1995, с. 33).

Третьи относят к числительному только количественные и собирательные разряды слов, относя порядковые к прилагательным (Виноградов 1972; Вукович 1972; Русская грамматика 1980; Ломов 1986, с. 80-82).

В большинстве грамматик английского языка, изданных в нашей стране, числительное выделяется и описывается как отдельная ЧР; при этом разграничиваются те же разряды числительных, что и в русском языке (Gordon 1974, p. 300-301; Бархударов 1973, с. 126-130; Новицкая 1971, с. 38-42). В то же время в теоретической грамматике М.Я. Блоха числительное не включено в класс «слов полной номинативной силы», к которым относятся существительные, глаголы, прилагательные и наречия (Блох 1986, с. 73-81).

Й. Балашша рассматривает венгерское числительное не как ЧР, а как самостоятельный член предложения (Балашша 1951, с. 113).

К.Е. Майтинская, исходя из критерия формы, распределяет венгерские счетные слова по другим ЧР, как это часто делается и в отношении русского числительного (Майтинская 1955, с. 160-161).

Относительно номинативной природы количественных числительных можно выдвинуть следующую гипотезу: не являются ли они результатом деадъективации порядковых прилагательных в позиции предиката предложения?

Свойственное счетным словам особое общеграмматическое значение «количества» на некоторой ступени познания человеком окружающей действительности приобрело жизненно важное значение и тем самым выделилось из ряда других качеств (свойств) предмета, а сами счетные слова получили в языке статус отдельной ЧР – числительного. Например, при счете мамонтов, проходивших мимо охотников, могли рождаться предложения с порядковыми прилагательными: *Мамонт первый; Мамонт второй*. Итог мыслительной операции по обобщению (суммированию) счета предстает в виде количественно-именного сочетания «*два мамонта*», где существительное стоит в зависимой форме родительного падежа (ср. со словосочетаниями *вкус мамонта* или *бег мамонта*).

Появившийся в результате этого новый класс самостоятельных счетных слов стал затем регулярно использоваться в признаковой позиции для обозначения результата счета: *Мамонтов было два*.

Таким образом, потребность в числительном как ЧР обусловлена семасиологической важностью количественных отношений в ситуациях объективного мира.

Ср. в этой связи высказывание о том, что числительные – это высокоорганизованный продукт человеческого ума, в котором воплощен закон бесконечной прогрессии, в силу которого мы осознаем исчисляемость групп, не прибегая к самой операции счета (Menninger 1970, p. 8).

Включение числительного в систему номинативных ЧР соответствует выдвинутому критерию выделения ЧР и отвечает задачам классификации предложений в ситуативно-структурном аспекте.

2.1.5. О номинативном статусе местоимений и междометий

Что касается **местоимений**, то, как видно уже из самого наименования этой группировки слов, они при определенных условиях просто занимают в предложении место номинативных ЧР, не выполняя при этом самостоятельной номинативной функции. Поэтому мы в принципе допускаем оба известных решения проблемы местоимений:

а) объединение всех подобных (дейктических) слов в рамках отдельной ЧР, но с обязательным указанием на ее принадлежность к другому (не номинативному) аспекту предложения;

б) распределение местоименных слов по другим ЧР в качестве их особых лексико-грамматических разрядов.

Разные точки зрения на проблему см. в работах (Вукович 1972, с. 51-52; Маслов 1975, с. 200-219; Ломов 1986, с. 78-80; Шведова, Белоусова 1995); см. также о выделении гибридной ЧР «местоимение-существительное» в книге (Русская грамматика 1980).

Для нас определяющим здесь является то, что местоимения, не будучи номинативными единицами, **не образуют** самостоятельных ситуативно-структурных типов предложения, сопоставимых с предложениями других частеречных типов.

Междометия, по мнению ряда ученых, составляют отдельную ЧР (Карцевский 1984, с. 127-137; Ломов 1986, с. 78); иная точка зрения на статус междометия представлена в работе (Суник 1966, с. 45).

В отличие от других ЧР, междометия служат не для обозначения компонентов семантической структуры предложения, а для выражения эмоций и чувств, а также для эмоционально-экспрессивной модификации высказываний разных типов. Поэтому формируемые ими

(или с их участием) предложения типа *Увы! Ах! Он еще о-го-го!* также выходят за рамки номинативного аспекта предложения (о неноминативной природе междометий см. также (Киприянов 1983).

Итак, при классификации предложений сопоставляемых языков в ситуативно-структурном аспекте мы опираемся на следующую **систему номинативных ЧР**:

глагол,
существительное,
прилагательное,
числительное,
причастие,
деепричастие.

При этом во всех трех языках в состав системы номинативных ЧР входят существительное, глагол, прилагательное, числительное, причастие. В русской и венгерской системах, кроме того, представлено деепричастие. В английском языке деепричастие отсутствует, но имеется специфическая ЧР – герундий, которая, однако, в признаковой позиции в простом предложении не встречается и, соответственно, не образует отдельного частеречного типа.

Как видим, русская, английская и венгерская системы номинативных ЧР во многом совпадают. Этот факт подтверждает правомерность использования ЧР в качестве одного из **критериев** при сопоставительной типологии предложений разноструктурных языков.

В соответствии с уточненной выше системой номинативных частей речи простые предложения, в которых в качестве признакового компонента семантической структуры выступает та или иная ЧР, подразделяются на следующие **частеречные классы**:

номинативный,
вербальный (глагольный),
адъективный,
нумеративный,
партиципальный,
деепричастный (вербально-адвербиальный).

2.2. Инвариантные семантические структуры и частеречные типы предложений

Предметными по номинативной природе **семантическими актантами** инвариантной семантической структуры предложений являются субъект, объект, адресат и локализатор.

Из-за неоднозначности терминов «субъект» и «объект» (ни одна современная синтаксическая работа не обходится без той или иной их трактовки), необходимо зафиксировать здесь наше их определение.

Обзор литературы вопроса показал, что существуют три различных подхода к определению данных понятий:

1) как компонентов отраженной сознанием предметной ситуации (денотата предложения);

2) как компонентов семантической структуры предложения;

3) как компонентов синтаксической структуры предложения (подлежащее, дополнение). См. об этом (Алисова 1971, с. 41-42; Кацнельсон 1974; Падучева 1974, с. 218-226; 1996; Воронина 1976; Богданов 1978, с. 40-41; Адмони 1979, с. 32; Кокорина 1979; Золотова 1982; 1998, с. 112-114, 229-299; Ван Валин 1982, с. 385; Бабина 1984; Шмелева 1988а, с. 46-48; ТФГ 1992, с. 55, 65; Онипенко 1994; Всеволодова 1997, с. 53; Гак 1998) и др.

Наш взгляд на проблему заключается в следующем.

Субъект – это актант, который в отражаемой предметной ситуации и соответствующей ей ИСС предложения является производителем действия или носителем состояния.

Объект – это второй актант – участник ситуации, который в составе ИСС предложения связан с субъектом определенным отношением – действием.

Если отношение связывает не два, а три актанта, то третий из них выступает в ИСС как еще один объектный компонент – **адресат**: *Я сообщил ему об этом.*

Статус **локализатора** является одним из наиболее спорных вопросов в синтаксической семантике.

Локализатор (локатив, локум) с позиции предикативного минимума предложения, как правило, выносятся за рамки семантической структуры минимального предложения и трактуют в качестве обстоятельственного осложнителя. С разделяемых нами позиций информативного минимума предложения локализатор реализует в двуактантном предложении пространственные или временные отношения, которые можно определить как положение какого-либо предмета (субъекта) в пространстве и / или во времени.

Многоаспектный подход к анализу устройства простого предложения позволяет четко структурировать систему локативных словоформ, используемых в предложениях разных типов:

1) локализатор как обязательный актант ИСС предложений локализации, который совместно с глаголом выражает идею ориентации субъекта в пространстве и времени: *Сашиа в школе; Следующий экзамен будет в среду;*

2) локализатор как актант ИСС трехактантных или четырехактантных предложений, в которых с его помощью локализуется не сам субъект, как в предыдущем случае, а объект: *Он положил деньги в карман;*

3) не локализатор, а **локатив** как компонент релятивно-ситуативного аспекта – обстоятельственный распространитель (осложнитель) всего состава информативно-минимального простого предложения: *В коридоре он снял шапку; Машину отремонтируют в конце недели.*

Отметим, что если в исследованиях предложения, основанных на концепции предикативного минимума, в центре внимания обычно находится только субъект, то в нашей работе в соответствии с принципом информативного минимума большое значение придается выявлению грамматических характеристик всех обязательных актантов – и объекта, и адресата, и локализатора.

Систему инвариантных семантических структур и выражающих их предложений различных частеречных типов можно представить следующим образом.

I. В рамках ТЗ «субстанция и ее признак» разграничиваются следующие ИСС и частеречные типы предложений:

1) «окружающая среда и ее процессуальное состояние» – вербальные предложения;

2) «субъект и его действие / состояние» – вербальные предложения;

3) «окружающая среда и ее непроцессуальное состояние» – адъективные предложения;

4) «субъект и его качество» – адъективные предложения;

5) субъект и его предметный качественный признак – номинативные предложения;

6) «субъект и его количественный признак» – нумеративные предложения;

7) «субъект и его процессуальный качественный признак» – партиципальные предложения;

8) «субъект и его «действенный» качественный признак» – деепричастные предложения;

II. В рамках ТЗ «отношение между двумя субстанциями» различаются следующие ИСС и выражающие их частеречные типы предложений:

1) субъектно-объектные отношения: «субъект – действие / состояние – объект»:

а) вербальные предложения;

б) партиципальные предложения;

в) деепричастные предложения;

2) отношение локализации: «субъект – локализация – локализатор» – вербальные предложения;

3) отношение посессивности: «субъект – посессивность – объект» – вербальные предложения;

4) отношение сравнения: «субъект сравнения – качественный признак – объект сравнения» – адъективные предложения.

III. ТЗ «отношение между тремя субстанциями» представляют следующие ИСС и частеречные типы предложений:

1) «субъект – действие – объект – адресат»:

а) вербальные предложения;

б) партиципальные предложения;

2) «субъект – действие – объект – локализатор»:

а) вербальные предложения;

б) партиципальные предложения.

IV. ТЗ «отношение между четырьмя субстанциями» представляет одна ИСС: «субъект – действие – объект – локализатор – локализатор» и два частеречных типа предложений:

а) вербальные предложения;

б) партиципальные предложения.

2.3. Частеречные типы простого предложения в русском, английском и венгерском языках

2.3.1. Номинативные предложения

Номинативными предложениями N – (cop) N передаются одноактантные ИСС: «субъект и его предметный признак»:

Я учитель – I'm a teacher – Tanár vagyok.

В русской лингвистической традиции принято называть номинативными и предложения (V) – N типа *Зима; Вечер; Ночь; Шла война* (Пешковский 1938; Шахматов 1941; Виноградов 1950; Грамматика русского языка 1954, с. 57).

Семантика, структура и, следовательно, типологический статус подобных предложений служат предметом оживленных дискуссий.

Значение некоторых номинативных (назывных) предложений толкуется как «наличие, существование» (см., например (Золотова 1973, с. 136; Грамматика русского языка 1980, с. 358; Бондарко 1984, с. 65)). Н.Д. Арутюнова отделяет собственно номинативные предложения от бытийных по принципу допустимости / недопустимости употребления в них *быть (есть), нет* (Арутюнова 1976, с. 341). А.В. Бондарко противопоставляет предложения типа *Зима* и *Была зима* как особые типы, не связанные парадигматическими отношениями

(Бондарко 1984, с. 66). О.Н. Селиверстова также полагает, что семантические и формальные различия, существующие между бытийными и номинативными предложениями, не позволяют относить их к одному типу (Селиверстова 1990).

С.Н. Цейтлин считает, что некоторые номинативные предложения типа *Тишина* представляют собой редукцию двусоставных предложений типа *В лесу тишина* (Цейтлин 1972). Обосновывая производный характер номинативных предложений рассматриваемого типа Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев указали, что в их структуре задана незамещенная синтаксическая позиция **локализатора** (выделение наше. – В.К.), значение которой извлекается из контекста или конституции (Арутюнова 1983, с. 67). З.Д. Попова рассматривает номинативные предложения с единственной формой именительного падежа как выражающие семантику видимого, чувственно воспринимаемого предмета, существующего в момент речи в пространственном локализаторе (Волохина 1999, с. 19-32).

В число номинативных предложений иногда включают и именительный представления (темы) типа *Москва...* (подробный обзор концепций см. в работе (Казарина 2007, с. 222-250)).

В своих предыдущих монографиях (Копров 1999; 2000) мы, вслед за многими исследователями, включали и назывные предложения типа *Была весна*, и именительный представления *Весна!* в класс номинативных предложений, правда, в качестве его особого «безактантного» типа с нерасчлененной семантической структурой. После уточнения разрабатываемой концепции устройства предложения мы отнесли назывную конструкцию к классу **вербальных предложений локализации**, в которых локализатор, обычно находящийся в препозиции, может быть не лексикализован, например: (*Сейчас / здесь*) **Весна**; (*Тогда / там*) **Была весна** (см. об этом подробнее в главе о грамматической категории определенности / неопределенности (обобщенности) актантов).

Все другие сходные по форме высказывания оставлены нами за пределами типологии простого предложения.

2.3.2. Адъективные предложения

1. Адъективными предложениями (N) – (cop) Adj выражаются одноактантные ИСС.

1) ИСС: «окружающая среда и ее состояние»:

Туманно – It's foggy – Ködös; На улице скользко – It's slippery in the street – Az utca csúszós (букв. *Улица скользкая*).

2) ИСС: «человек и его состояние»:

Мне тепло – I am warm – Melegem van.

3) ИСС: «субъект и его качественный признак»:

Я счастлив – I'm happy – Boldog vagyok.

Вариантные в русском языке полная / краткая формы прилагательного в других языках передаются недифференцированно:

Ребенок послушный / Ребенок послушен – The child is obedient – A gyerek szófogadó.

Таким образом, в русском языке имеются две близкие по значению, но различающиеся по семантике и форме одноактантные адъективные конструкции, которым в английском языке соответствует только одна конструкция: *Мне грустно / Я грустен → I am sad.*

2. Двухактантными адъективными предложениями N – cop Adj – N выражается ИСС «субъект – отношение сравнения – объект»:

Эта башня выше того здания – This tower is higher than that building – Ez a torony magasabb annál az épületnél.

2.3.3. Нумеративные предложения

Нумеративными предложениями N – cop Num выражаются одноактантные ИСС «субъект и его количественный признак»:

Нас двое – There are two of us – Ketten vagyunk.

Мне тридцать шесть лет – I'm thirty-six – Harminchat vagyok.

2.3.4. Вербальные предложения

Предложениями вербального типа выражаются ИСС всех степеней сложности – от одноактантных до четырехактантных.

1. Предложения (N) – V выражают одноактантные ИСС:

а) ИСС «окружающая среда и ее состояние»: *Темнеет – (It's growing dark) – Sötétedik;*

б) ИСС «субъект и его состояние»: *Я нервничаю – (I'm nervous) – (Ideges vagyok);*

в) ИСС «субъект и его действие»: *Лифт не работает – The lift isn't working – A lift nem működik.*

2. Предложениями N – V – N выражаются двухактантные ИСС «субъект – действие – объект»: *Я сломал очки – I have broken my glasses – Eltörtem a szemüvegemet;*

3. Предложениями N – V – p N выражается двухактантная ИСС «субъект – локализация – локализатор»: *Сын на работе; В Москве живет брат жены.*

Предложения локализации находятся в центре дискуссий. В работах, написанных в русле формальной логики, их семантика описывается как «субъект и его признак», т.е. глагольный признак и локализатор объединяются в один компонент предложения – предикат.

При этом глагольная форма считается не полнозначным глаголом со значением локализации, а связкой (Смирницкий 1957, с. 112-113; Кондаков 1975, с. 229); аргументированную критику этого утверждения см. в работе (Мухин 1980, с. 261-263). В своих ранних работах мы относили такие предложения к числу одноактантных признаков, но после уточнения разрабатываемой типологии мы стали считать их дваактантными вербальными предложениями, выражающими отношения между двумя предметами.

Двуактантные вербальные предложения локализации входят в синтаксическую систему всех сопоставляемых языков. Ср.:

Я живу на первом этаже – I live on the ground floor – A földszinten lakom.

Как уже отмечалось, к числу предложений локализации мы относим и предложения типа (p N) – (V) – N: *Ночь; Зима; Наводнение; Война; Бомбежка; Тишина; Мороз.*

Ср.: *Весна – Tavasz – It is spring.*

4. Вербальной конструкцией N – V – N выражается также ИСС «субъект – посессивность – объект»: *Он имеет машину*; эквивалентная конструкция имеется в английском языке: *Многие люди имеют сберегательные счета – Many people have saving accounts.*

В венгерском языке прямого эквивалента данной конструкции нет.

5. В русском языке обладание чаще выражается локативно-посессивной конструкцией: У N 2 – (V) – N: *У нас есть дача.*

В венгерском языке имеется ее эквивалент с субъектом в дательном падеже N 3 – V – N: *Sok embernek van bankbetétje.*

6. В русском и английском языках конструкцией N – V – N 3 выражается принадлежность объекта субъекту: *Дача принадлежала тестю – The dacha belonged to my father-in-law.*

7. Конструкцией N – V – Num N выражается ИСС «субъект – измерение – объект»: *Это стоило двадцать форинтов – It cost twenty forints – Húsz forintba került.*

8. Трехаактантными предложениями N – V – N – N 3 выражается ИСС «субъект – действие – объект – адресат»: *Он передал книгу мальчику – He gave the book to the boy – Ánadta a könyvet a fiúnak;*

9. Предложением N – V – N – p N реализуется ИСС «субъект – действие – объект – локализатор»: *Я положу книгу на стол – I'll put the book on the table – Az asztalra teszem a könyvet.*

10. Четырехаактантными конструкциями N – V – N – p N – p N выражается ИСС «субъект – действие – объект – локализатор – локализатор»: *Министерство перевело его из Петербурга в Москву – The Ministry transferred him from Petersburg to Moscow.*

2.3.5. Партиципиальные предложения

1. Оказионально партиципиальными предложениями N – cop Part act реализуются одноактантные ИСС «субъект и его процессуальный качественный признак».

В русском и английском языках данные предложения по семантике близки к одноактантным адъективным предложениям: *Лицо мальчика было сияющее – The boy's face was shining.*

В венгерском языке используются причастия, не утратившие в полной степени глагольности; это прежде всего относится к причастиям на -ó, -ő: *De az ősök maguk mézeskaláccsal sem voltak előcsalogathatók (Но самих предков даже пряниками не могли выманить).*

2. Партиципиальными предложениями N – (cop) Part pass – (N) в русском и английском языках выражаются дваактантные ИСС «субъект – действие / состояние – объект» (пассивная конструкция):

Он уважаем всеми – He is respected by everyone; Дорога была залита водой – The highway was covered by water; Диссертация не была защищена – The thesis was not defended; Дом был построен за два месяца – The house was built in two months.

3. Партиципиальными предложениями N – cop Part – N 3 – N 5 реализуется трехаактантная ИСС «субъект – действие / состояние – объект – адресат» (пассивная конструкция):

Книга будет передана вам моей сестрой – The book will be given to you by my sister.

4. Партиципиальными предложениями N – V – N – p N в русском и английском языках выражается трехаактантная ИСС «субъект – действие / состояние – объект – локализатор»: *Книга поставлена мною на место – The book was replaced by me.*

5. В русском и английском языках партиципиальными конструкциями N – cop Part – N – p N – p N реализуется четырехактантная ИСС «объект – его состояние как результат действия – субъект – локализатор – локализатор»:

Книга была переставлена мною с полки в шкаф – The book was transferred by me from the shelf to the bookcase.

В венгерском языке многоактантных партиципиальных конструкций нет. Здесь им, как правило, соответствуют деепричастные предложения.

2.3.6. Деепричастные предложения

Предложения с деепричастием в качестве признакового компонента N – cop V adv регулярно встречаются только в венгерском литературном языке. Ими выражается одноактантная ИСС «субъект – состояние»:

Én meg vagyok elégedve veled (Я тобой доволен); A tanárok nem voltak megelekedve veletek (Преподаватели были вами недовольны).

В русском языке деепричастные предложения крайне редки. Так, Л.П. Иванова, подвергнув статистическому анализу около 20 тысяч примеров простых предложений русского языка из произведений писателей XIX-XX веков, отметила только два подобных примера: *Иван Миронов был выпивши* (Л. Толстой); *Аль простудимшись?* (А. Эртель) (Иванова 1991, с. 36). Эти примеры являются отражением севернорусского диалекта, в котором деепричастные конструкции, возможно, появились под воздействием финно-угорского речевого субстрата.

См. также пример соответствия русскому деепричастному предложению английской партиципальной конструкции: *В то время я был уже очень выпивши – I was really drunk at that time.*

В английском языке, в котором в качестве особой части речи выделяется герундий, соответствующий класс предложений не отмечен.

2.4. О месте инфинитивных предложений в типологии предложения

Существование отдельного класса инфинитивных предложений, сопоставимого в ситуативно-структурном аспекте с шестью другими частеречными классами, представляется нам весьма спорным. Аргументируем это мнение подробнее.

Благодаря своей особой природе инфинитив может выступать в предложении как в качестве части признакового компонента (зависимый инфинитив), так и в роли актанта (независимый инфинитив), что значительно осложняет семантико-структурную классификацию таких предложений (обзор взглядов на квалификацию русского инфинитива см. в работах (Гехтляр 1996, с. 16-51, 217-234; Казарина 2007, с. 204-220)).

1. Совершенно очевидно, что предложения с зависимым инфинитивом, представляя собой модифицированные вербальные предложения (*Мальчик начал / собирает / обязан читать книгу*), не составляют отдельного частеречного класса. Независимый инфинитив, как известно, употребляется в предложении в позиции подлежащего или сказуемого (или в обеих этих позициях одновременно). Рассмотрим эти случаи.

2. Предложения с инфинитивом в позиции подлежащего, входя в состав предложений других частеречных типов, не образуют особых ситуативно-структурных классов, например: *Трудиться – доблесть* (номинативный тип); *Кататься весело* (адъективный тип).

В семантике подобных предложений присутствуют также осложняющие их устройство оценки прагматического, эмоционального, этического, эстетического, психологического и т. п. плана (см. об этом (Золотова 1982, с. 267-268; 1998, с. 138-149; Шелякин 1996, с. 296-299)).

Использовать инфинитив в признаковой позиции позволяет его глагольная природа. Однако, становясь сказуемым предложения, инфинитив непременно приобретает модальную окрашенность – значение долженствования, необходимости, дебитивности, оптативности. Подобным предложениям также часто свойственна особая экспрессивность и эмоциональная окрашенность (Тимофеев 1950, с. 265-291), что свидетельствует о «вторичности» их типологического статуса по сравнению с предложениями вербального типа. Ср.: *Я завтра поеду в Минск → Мне завтра ехать в Минск; Молчите → Молчать!*

3. К третьей группе инфинитивных предложений, претендующих на особый частеречный статус, относятся конструкции, в которых инфинитив с отрицанием сочетается с безличной формой связки; для таких конструкций характерно индикативное модальное значение: *Не видать еще (было) весны*. К.Е. Майтинская рассматривает венгерские предложения с инфинитивами от глаголов чувственного восприятия *hallani (слышать), látni (видеть)* как конструкции с опущенным модальным глаголом *lehet (мочь): A felhők miatt nem látni a hegyket (Из-за туч не видно горы (досл. не видеть))*. Такая стилистически отмеченная конструкция получила распространение в просторечии: *Ilyen sötétben alig látni (В такой темноте еле видать (видно))* (Майтинская 1960, с. 220-221). В английском языке инфинитивный эквивалент подобных конструкций без модального глагола отсутствует.

4. Особого обсуждения заслуживают предложения типа *У нас есть чем угостить вас; Ей было что рассказать*.

В синтаксических исследованиях первоначально основное внимание обращалось на определение места данных предложений в традиционной системе координат: односоставность – двусоставность, личность – безличность, глагол – связка, глагольное сказуемое – составное именное сказуемое, утвердительность – отрицательность и др. (см. об этом (Брицин 1990, с. 183)).

А.А. Шахматов, отметив специфику предложений типа *Тогда-то будет нам о чем повесть словечко*, помещает их в раздел «Инфинитивно-глагольные безличные предложения», в рубрику, где речь идет об инфинитиве, осложненном 3-м лицом единственного числа *есть, было, будет, было бы* и прямым дополнением. Отрицательные предложения типа *(Нам) говорить не о чем* исследователь относил к инфинитивным двусоставным

несогласованным, в которых инфинитив является главным членом господствующего состава, а главным членом зависимого состава может быть безличная форма глагола, наречие или существительное (Шахматов 1941, с. 106, 149).

В состав безличного составного сказуемого отрицательных предложений, по мнению А.М. Пешковского, входит безличная связка (*было – будет*, в настоящем времени – нулевая), бесформенное слово в качестве безлично-предикативного члена предложения (*некогда, некуда, неоткуда, нечего, негде, незачем*) и инфинитив. Как добавочная, необязательная в таких предложениях может использоваться форма дательного падежа существительного, которая здесь соответствует подлежащему личного предложения, – «дательный действующего предмета». Отмечается также, что глагол в данной модели первоначально был не связочным, а полновесным безличным глаголом, и предложений было не одно, а **два** (здесь и далее выделение наше. – В.К.). Слияние наречия с отрицанием и образование этим путем безлично-предикативного члена, примкнувшего уже к глаголу, а не к инфинитиву, превратило глагол в безличную связку (Пешковский 1938, с. 325-333). Сходная точка зрения обнаруживается в Грамматике-54 (Грамматика русского языка 1954, с. 29). У Е.М. Галкиной-Федорук модели с утверждением отнесены к экзистенциальным предложениям, где сказуемое выражено безличным глаголом бытия, существования *есть*, а субъект отсутствует, хотя и мыслится. Предложения с отрицанием исследователь называет односоставными безличными инфинитивными со сказуемым, состоящим из инфинитива и отрицательных местоимений и наречий. Критически оценивая взгляды А.А. Шахматова, считавшего исследуемые конструкции несогласованными двусоставными, Е.М. Галкина-Федорук отмечает, что в таких предложениях членение на два состава – подлежащее и сказуемое – невозможно, так как здесь представлен такой акт мысли, в котором нет членения на субъект и предикат. Далее, однако, отмечается, что часто структурной частью таких предложений является дательный субъекта (Галкина-Федорук 1958, с. 123, 183-187, 242-245).

По мнению А.С. Попова, утвердительные конструкции, включающие сильноударяемый глагол *быть*, местоимение и инфинитив, содержащий основной смысл конструкции, необходимо считать аналогичными двусоставным предложениям, состоящим из сказуемого *есть, был, будет* и подлежащего обычного типа (*Есть река. Была книга. Будет время*). Поэтому утвердительные конструкции можно расценить как двусоставные предложения с подлежащим, похожим на придаточное предложение. Такое подлежащее, в свою очередь, членимо: главным элементом его является инфинитив, от

которого зависят местоимение и другие члены, то есть местоимение включается лишь в группу подлежащего, но не в само подлежащее. Конструкции типа *Некуда идти* А.С. Попов считает безличными отрицательными предложениями «своеобразного типа», к которых отрицательное местоимение или местоименное наречие подчинено инфинитиву, а глагол *быть*, входящий в сочетание с инфинитивом, является структурно ведущим элементом, но по грамматической функции (выражение предикативных категорий времени и наклонения) и акцентным показателям (ослабленное ударение) его следует считать связкой (Попов 1962, с. 67-70). Анализируя конструкции типа *Некого было послать*, А.Н. Гвоздев констатирует синонимичность их **сложному** предложению, в котором главное указывает на отсутствие объекта, субъекта, обстоятельства, а придаточное сообщает о действии, потенциально возможном в связи с данным объектом, субъектом, обстоятельством: *Не было никого, кого можно было бы послать* (Гвоздев 1965, с. 196-197).

А.В. Исаченко полагает, что все инфинитивные предложения в русском языке не могут считаться первичными («ядерными»), поскольку они являются результатом трансформаций личных предложений с целью придания высказыванию модальных оттенков. Соответственно, предложения типа *Мне некуда обратиться* рассматриваются как **трансформы** вопросительных инфинитивных предложений: *Куда мне (было) идти?* → *Мне некуда (было) идти*. Отрицательные предложения исследуемого типа были отнесены ученым к безличным инфинитивным (Исаченко 1965, с. 164-165).

Е.А. Седельников также предложил классификацию инфинитивных предложений, построенную на основе анализа трансформационных возможностей личных предложений различных типов. Соотнесенность инфинитивных предложений с различными моделями исходных предложений определяет структурные особенности трансформов и свойственную им общую потенциальную модальность. Рассматривая инфинитивные предложения с отрицательными местоимениями и наречиями, ученый отмечает, что произошедшее в русском языке слияние отрицания и местоимения затемнило действительную структуру этих предложений. Так, при преобразовании таких предложений из отрицательной формы в утвердительную получают конструкции особого типа, где глагол *есть* употребляется не в качестве связки, а в роли полнозначного сказуемого с тем же значением, как в противопоставлении *Книги есть — Книг нет*. Утвердительные конструкции типа *Им есть что терять* не признаются обычными инфинитивными предложениями, так как глагол *есть* в них занимает позицию полнозначного сказуемого по

отношению к остальной группе *что им терять*, занимающей позицию подлежащего и присоединяющейся к сказуемому *есть* посредством союзного слова *что* (Седелников 1970, с. 80-82, 93-94).

К.А. Тимофеев считает, что предложение *Там есть где развернуть холодные крылья* следует рассматривать как двучленные, в которых на месте подлежащего находится инфинитив в сочетании с относительным местоимением, а форма *быть* имеет самостоятельное значение, то есть не является связкой. Предложения типа *Мне некуда пойти* ученый представляет как занимающие промежуточное положение между собственно-инфинитивными и глагольно-инфинитивными предложениями (Тимофеев 1950, с. 289-291). Идея о «переходности» исследуемых конструкций в синтаксической системе русского языка получила дальнейшее развитие. В.В. Бабайцева данные предложения считает односоставными, представляющими собой переходный тип между безличными и инфинитивными предложениями, наличие которого обусловлено гибридным характером инфинитива (Бабайцева 1968, с. 112-113). Как промежуточную группу между инфинитивными и безличными предложениями, стоящую ближе к безличным, определил рассматриваемый тип предложений А.Н. Гвоздев. По его мнению, грамматическую особенность этих предложений составляет двойственная природа местоименных слов. С одной стороны, они сохраняют значение второстепенных членов, выражая различные объекты или обстоятельства, и в этом смысле обнаруживают зависимость от инфинитива. С другой стороны, они совмещают со значением второстепенных членов предикативное значение невозможности действия и довольно явно, в свою очередь, подчиняют себе инфинитив (Гвоздев 1965, с. 97).

В работах П.А. Леканта отмечается, что такие предложения имеют общие черты и с безличными, и с инфинитивными предложениями. С безличными их роднит связочный глагол в безличной форме и наличие временной парадигмы (*Спорить было не о чем; Спорить будет не о чем*). С другой стороны, как и в инфинитивных предложениях, независимый инфинитив здесь выражает модальное значение невозможности без специального лексического показателя. Однако данные конструкции обладают особенностью, которая отличает их как от безличных, так и от инфинитивных предложений: в их состав входят отрицательные местоимения или отрицательные наречия, участвующие вместе с главным членом предложения в выражении модального значения невозможности, и в то же время они выполняют обстоятельственную или объектную функцию (Современный русский язык 2000, с. 435-436). Е.С. Пронина, называя вслед за П.А. Лекантом подобные предложения переходными безлично-инфинитивными,

отмечает, что в таких предложениях отрицательные местоимения и местоименные наречия синтаксически подчинены инфинитиву и занимают позицию второстепенного члена. При этом независимым главным членом является инфинитив, но без местоименного члена он не реализует модального значения невозможности (Пронина 1978, с. 38-3). Сходную точку зрения выражает Е.С. Скобликова, указывая на двойную синтаксическую нагрузку местоименных слов в предложениях указанного типа и двусторонний характер формальных грамматических отношений между отрицательным местоимением и инфинитивом (характер взаимного подчинения) (Скобликова 1977, с. 158-15).

В Грамматике-70 утвердительные конструкции квалифицируются как односоставные предложения именного класса, где главный член – фразеологизированное сочетание «есть + местоименное наречие локального, целевого или причинного значения + инфинитив» или «есть + косвенно-падежная форма относительного местоимения + инфинитив» (Грамматика 1970, с. 565). В Русской грамматике-80 предложения типа *Есть куда пойти, Есть с кем поговорить, Есть о чем подумать* трактуются как нечленимые фразеологизированные предложения (Русская грамматика 1980, с. 385). Предложения типа *Некому работать* относятся к двукомпонентным не подлежащно-сказуемостным, строящимся без спрягаемой формы глагола (Указ. соч., с. 346-348). Это представление отражено и в Краткой русской грамматике (Краткая русская грамматика 1989, с. 450); см. также (Брицин 1990, с. 182-187).

В типологии предложения А.М. Ломова исследуемые нами предложения определены как односоставные функтивные, потому что они констатируют существование / несуществование реалий не путем отсылки к тому или иному частеречному признаку, а путем указания на выполняемую ими функцию: *У них есть с кем посоветоваться; Ему негде жить*. Некогда предложения исследуемого типа представляли собой сложные построения: роль придаточного в них выполняли дебитивные структуры с относительными словами. Позднее они были переосмыслены языковым сознанием как синтаксически простые построения (Ломов 1994, с. 261-262).

С.Я. Гехтляр относит исследуемые нами отрицательные предложения к подтипу дативно-инфинитивных предложений. Исследователь считает, что эти структуры являются своего рода компрессантами сложного предложения, то есть в свернутом виде представляют два сообщения: 1) констатация отсутствия (субъекта, объекта, обстоятельства); 2) констатация их возможной связи с инфинитивным действием. Поскольку информация о действии, названном инфинитивом, всегда связана с его производителем,

обязательная соотносительность с субъектом определяет подход к таким предложениям как двухкомпонентным, хотя второй компонент вербализуется не во всех случаях (Гехтляр 1996, с. 63, 86-92).

Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев относят предложения исследуемого нами типа к числу бытийных, в которых место имени бытующего предмета занимают относительные местоимения в сочетании с инфинитивом: *Есть что сказать; Было куда пойти* и др. В отрицательных формах отрицательное местоимение получает предикативную функцию, вследствие чего в настоящем времени предложение становится безглагольным: *Нечего делать; Незачем сердиться*. В других временах и наклонениях употребляется соответствующая форма глагола *быть*, имеющая чисто грамматическое значение (Арутюнова 1983, с. 26). К числу бытийных относит предложения типа *Поговорить есть о чем / не о чем* и С.И. Кокорина (Кокорина 1988, с. 80). См. также трактовку данных предложений в функционально-коммуникативном синтаксисе М.В. Всеволодовой (Всеволодова 2000, с. 242). Н.Е. Синичкина, описывая отрицательные предложения типа *Некуда пойти*, отмечает, что эти предложения обладают всеми признаками, присущими типу отрицательно-инфинитивных предложений: предикативная функция инфинитива, облигаторность отрицания, вхождение в структурно-семантическую схему высказывания субъекта-агенса. Поскольку средством отрицания в данных предложениях служит местоименный компонент, автор считает возможным квалифицировать их как местоименно-наречные отрицательно-инфинитивные предложения (Синичкина 2002, с. 131-132).

Подводя итоги обзора литературы вопроса, прежде всего отметим, что споры по поводу односоставности / двусоставности рассматриваемых предложений в свете достижений современной лингвистики потеряли свою актуальность. В то же время, в ходе изучения материала лингвисты выявили основные компоненты структуры таких предложений: имя в дательном падеже, «бытийный» глагол (здесь это именно глагол, а не связка!), местоимение в роли одного из актантов или обстоятельственных компонентов инфинитивного оборота, а также подметили связь семантики данных предложений со сложными синтаксическими построениями. Все это позволило по-новому взглянуть на семантико-структурную организацию предложений типа *Нам (у нас) есть чем / нечем торговать*.

По нашему мнению, в данных предложениях находят свое отражение **две** отраженные сознанием предметные **ситуации**.

Первая типовая ситуация не эксплицируется в виде предложения, а остается в **свернутом** виде, то есть входящий в ее состав признак

(отношение) не получает предикативного оформления, поскольку выражается инфинитивом. В основе такой инфинитивной конструкции может лежать любая предметная ситуация, получившая первичную развернутую номинацию в виде изосемических предложений различных частеречных типов. Приведем пример. Субъектно-объектная ситуация отражается в инвариантной семантической структуре «субъект – действие – объект», реализуемой дваактантным глагольным предложением: *Мы торгуем бытовой техникой*. Но это предложение может не вербализовываться в таком виде. В соответствии с установкой говорящего происходит его **модальная модификация**: *Нам можно (нужно и т.п.) торговать бытовой техникой*. Затем эта ситуация сворачивается в инфинитивный оборот (инфинитив с актантными и обстоятельственными позициями – *нам торговать бытовой техникой*), т.е. лишается некоторых собственных предикативных значений. Далее этот оборот включается в качестве компонента в состав второй предметной ситуации. Это может быть локативно-посессивная ситуация (инвариантная семантическая структура «посессор-локализатор – обладание – объект») или локативная ситуация (инвариантная семантическая структура «локализатор – отношение локализации – субъект»). Именно эта ситуация выдвигается говорящим на передний план и передается в развернутом виде предикативной конструкцией – предложением. При этом первую позицию в предложении, как правило, занимает локализатор (*в городе, в университете, на острове, на кафедре* и т.п.) или локализатор-посессор (*нам / у нас*). В признаковой позиции (отношения локализации или обладания) выступает глагол соответствующей лексико-семантической группы (*быть, иметься, хватать, оставаться* и т.д.). Во вторую актантную позицию порождаемого предложения ставится местоимение (местоименное наречие) (*чем, о чем, кем, куда, кому, из-за чего* и т.д.), которое в результате **проминализации** заменяет наиболее важный для говорящего компонент первой свернутой ситуации, передаваемой инфинитивным оборотом.

В результате описанного речемыслительного процесса получается предложение: *Нам (у нас)* (локализатор-посессор) *есть* (глагол обладания) *чем* (проминализованный объектный компонент свернутой ситуации – *бытовой техникой*) *торговать*; см. также его варианты: *У нас есть кому торговать; У нас есть где торговать*.

В процессе порождения отрицательного предложения глагол *есть* по общему правилу в настоящем времени опускается, а отрицательная частица *не* присоединяется к местоимению: *Нам (у нас) нечем торговать*. Точно так же свернутая ситуация, представленная инфинитивом с зависимыми словами, включается в развернуто

передаваемую ситуацию **локализации**: *В городе есть театры; Мы могли бы вечером пойти в театр* → **В городе** (локализатор) (нам) **есть** (глагол локализации) **куда** (прономинализованный локативный компонент свернутой ситуации) **пойти вечером**.

В качестве второго варианта интерпретации лингвокогнитивного процесса порождения предложений данного типа можно предположить, что две те же предметные ситуации первоначально кодируются языком в виде **сложноподчиненного** предложения. В качестве его главной части выступает предложение, передающее локативно-посессивную ситуацию (*У нас есть бытовая техника*), в качестве придаточной – определительное предложение с модальным значением, представляющее вторую ситуацию (*которой нам можно торговать*): *У нас есть бытовая техника, которой (нам) можно торговать*. Далее, под действием универсального закона экономии речевых усилий, происходит прономинализация актанта главного предложения и сворачивание придаточного предложения в инфинитивный оборот, в результате чего и порождается простое локативно-посессивное предложение, осложненное местоименно-инфинитивным оборотом: *У нас есть чем торговать*. Пример с предложением локализации: *В городе есть театры, в которые мы могли бы пойти вечером* → *В городе есть куда пойти вечером*.

Таким образом, одним предложением одновременно выражаются две взаимосвязанные предметные ситуации. При этом одна из них передается **местоименно-инфинитивным оборотом** в свернутом виде, а вторая реализуется двуактантным вербальным предложением со значением локализации или обладания. В соответствии с развиваемой нами концепцией данное предложение является семантически сложным, а структурно – простым, но осложненным инфинитивным оборотом. С точки зрения грамматической оппозиции личность / безличность все рассматриваемые предложения являются безличными.

Мы предлагаем называть синтаксическую конструкцию рассмотренного типа **локативно-посессивным предложением с местоименно-инфинитивным оборотом**.

Информативно обязательным компонентом предложений данного типа является локализатор-посессор, представленный в форме родительного падежа с предлогом *у* или в дательном падеже без предлога: *У нас есть кем заменить вас; Им было чем гордиться*. В редких случаях локализатор-посессор может иметь форму родительного падежа с предлогом *для*: *Для аудиофилов теперь есть где послушать музыку с высочайшим качеством*. В предложениях локализации локализатор выражается различными предложно-падежными формами: *В магазине есть из чего выбрать; На выставке*

есть на что посмотреть. Все эти формы в предложениях рассматриваемого типа указывают на грамматически **определенный** актант. Этот субъектный актант может совпадать или не совпадать с актантом потенциального действия, названного инфинитивом, сравните: *У нас есть чем (нам) заняться – У нас есть чем вам заняться*. Однако часто в исследуемых конструкциях субъектный компонент не эксплицируется, т.е. выступает как **неопределенный или обобщенный** (о грамматической категории определенности / неопределенности (обобщенности) актантов см. специальную главу в Части III нашей работы): *Эту страну есть за что любить*.

В зависимости от **актуального членения** высказывания порядок слов в локативно-посессивных предложениях с местоименно-инфинитивным оборотом может меняться, например: *Нам есть за что любить эту страну* (нейтральный, прямой порядок слов) – *Любить эту страну (нам) есть за что – Есть за что нам любить эту страну – Эту страну нам есть за что любить*. В данном аспекте отличительной особенностью предложений рассматриваемого типа является неразрывная последовательность глагола (*есть*) и местоименного компонента (*за что*).

Итак, локативные и локативно-посессивные предложения с местоименно-инфинитивным оборотом не относятся к собственно простым предложениям ни по семантике, ни по структуре. В семантике данных предложений отражены две ситуации, одна из которых выражена глагольной конструкцией в развернутом виде, а вторая – местоименно-инфинитивным оборотом в свернутом виде, т.е. в целом они представляют собой **полуторапредикативные** предложения.

Интересно сопоставить русские предложения данного типа с соответствующими конструкциями таких разноструктурных языков, как английский, французский и венгерский.

В аналитическом английском языке соответствующие значения передаются локативными (с *there is* в препозиции к остальному составу) и личными посессивными предложениями (с глаголом *to have*), которые осложняются местоименно-инфинитивными оборотами: *There was something (for us) to discuss* (Нам было что обсудить); *He had nothing to say* (Ему было нечего сказать).

Во французском языке для выражения данной семантики также используются предложения двух типов – с конструкцией *il y a* (локализация и посессивность) и *avoir* (посессивность): *Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу. Есть, что делать, Парфен! Есть, что делать на нашем русском свете, верь мне!* (Ф. Достоевский) – *C'est une des premières convictions que je me suis faites dans notre Russie. Il y a à faire, Parfione! Il y a*

beaucoup à faire sur notre terre russe, crois-moi! Мне нечего писать вам о себе, нечего рассказывать (Ф. Достоевский) – *Je n'ai rien à vous dire de moi, rien à raconter* (Попова 2007, с. 59-60).

Агглютинативный венгерский язык в этой области оказался очень близким к флективному русскому языку: здесь мы находим такие же по семантике и структуре локативные и локативно-посессивные предложения с местоимением и инфинитивом в качестве осложняющего компонента, например: *Ему было не о чем говорить* – *Nem volt miről beszélnie; Nem volt mire várni* – *Нечего было ждать; Van kihez fordulni* – *Есть к кому обратиться*.

Отличительной особенностью венгерских безличных предложений по сравнению с русскими является то, что инфинитив здесь может принять личное окончание в соответствии с лицом локализатора-посессора, который при этом не эксплицируется отдельной словоформой: *Nincs mit olvasnom* – *Мне нечего читать; Nem volt mit csinálnom* – *Мне было нечего делать*. Если же в венгерском предложении присутствует форма локализатора-посессора в дательном падеже, то личные окончания у инфинитива обычно опускаются: *A pulikon és birkákon kívül Jánoskának nem volt kivel beszélgetni* – *Кроме овчарок и овец, Яношке не с кем было поговорить* (Майтинская 1960, с. 218-219).

Ср. пример локативно-посессивного предложения с местоименно-инфинитивным оборотом в четырех языках: *Мне нечего декларировать* – *Semmi elvámolnivalóm sincs* (венг.) – *I have nothing to declare* (англ.) – *Je n'ai rien à déclarer* (фр.).

Таким образом, локативные и локативно-посессивные предложения с местоименно-инфинитивным оборотом, представленные в русском, венгерском, английском и французском языках, представляют собой результат действия универсального закона экономии речевых усилий. Свойственная таким предложениям осложненность номинативной семантики, модальность и экспрессивность выводит их за пределы системы изосемических информативно минимальных простых предложений и требует специальных исследований семантико-функционального и прагматического характера.

Итак, рассмотрев все структурно-семантические разновидности инфинитивных предложений в русском, английском и венгерском языках, мы пришли к выводу о том, что они не составляют самостоятельного частеречного класса простых предложений. Свойственная таким конструкциям модальная, экспрессивная, стилистическая окрашенность и осложненность семантико-структурного устройства делает неправомерным их включение на равных основаниях в номенклатуру частеречных типов предложений. При реализации многоаспектного подхода к типологии предложения

различные конструкции с инфинитивом следует анализировать в рамках релятивно-номинативного, эмоционально-экспрессивного и стилистического аспектов.

Подводя **итоги** сопоставительного анализа семантико-структурной организации предложений различных частеречных типов, отметим, что в ситуативно-структурном подаспекте синтаксис **русского** простого предложения представлен следующими конструкциями:

1. N – (cop) N: *Петя студент* (*Петя был / будет студентом*);
2. N – (cop) Num: *Пете* (*было / будет двадцать лет*);
3. N – (cop) Adj: *Петя умный* (*Петя был / будет умным*);
4. N – V: *Петя бежит*;
5. N – V – N: *Петя читает книгу*;
6. N – (V) – p N: *Петя* (*был / будет*) *на уроке; На уроке* (*был / будет*) *Петя*;
7. N – V – N – N: *Петя даёт книгу брату*;
8. N – V – N – p N: *Петя кладёт книгу на стол*.

Та же номенклатура синтаксических конструкций имеется в **английском** языке.

1. N – cop N: *Peter is a student*;
2. N – cop Num: *Peter is twenty*;
3. N – cop Adj: *Peter is clever*;
4. N – V: *Peter runs*;
5. N – V – N: *Peter reads books*;
6. N – V – p N: *Peter is at a lesson*;
7. N – V – N – N / p N: *Peter gives his brother a book; Peter gives a book to his brother*;
8. N – V – N – p N: *Peter puts his book on the table*.

В синтаксис **венгерского** языка входит еще одна – девятая – конструкция – деепричастная: N – cop V adv: *Peter van fáradvá*.

Таким образом, в ситуативно-структурном подаспекте устройства предложения между русским, английским и венгерским языками существует много общего, что подтверждает тезис об эффективности использования данного подаспекта в качестве основы для сопоставительного анализа синтаксиса разноструктурных языков.

Главные расхождения проявляются, как мы увидим позже, при сопоставлении синтаксических систем языков в релятивно-структурном подаспекте.

ГЛАВА 3. Лексико-грамматические разряды слов и варианты семантической структуры предложения

На уровне лексико-грамматических вариантов семантической структуры предложения (ВСС) проявляется взаимодействие синтаксических и лексических единиц – так называемое «**лексическое наполнение**» синтаксических структур. Описание закономерностей и особенностей этого явления как на материале одного языка, так и, в особенности, в сопоставительном плане, представляет собой актуальную и во многом до сих пор не решенную задачу.

Один из путей решения этой задачи – выявление инвентаря ВСС внутри той или иной ИСС, которое производится с учетом подразделения номинативных частей речи, занимающих в предложении как признаковую, так и предметные позиции, на более мелкие грамматически значимые группировки слов – **лексико-грамматические разряды** (ЛГР).

3.1. Лексико-грамматические разряды номинативных частей речи

Одним из первых обратил внимание на то, что «лексика регулярно вторгается в синтаксис», В.В. Виноградов (Виноградов 1972, с. 30). Проблема взаимодействия лексики и грамматики в предложении занимает большое место в работах ведущих современных синтаксистов (Грамматика русского языка 1952; Гак 1972; Арутюнова 1972, с. 376; Ярцева 1968; Апресян 1974, с. 79-94; Бондарко 1973, с. 50-56; 1976, с. 155-196; 1983, с. 100-101; Арват 1975; Шмелев 1976; Золотова 1973, с. 34-37; 1977; 1982; 1988; Шмелева 1978; Кларк 1984, с. 224-225; Столярова 1990; Казарина 2007, с. 103-115; Попова 2009).

Выделение тех или иных разрядов слов внутри ЧР по-разному теоретически обосновывается и опирается зачастую одновременно на разные принципы: номинативный (семантический), словообразовательный, морфологический, синтагматический и т. д. (см. об этом (Степанова, Хельбиг 1978, с. 108-121)). В классификациях существительных разных языков используется от двух до двух сотен классификаторов (см. об этом (Адамец 1984, с. 115-116; Столярова 1990)).

В нашей работе выделение лексико-грамматических разрядов слов основывается на едином для всех частей речи **номинативном** критерии.

3.1.1. Лексико-грамматические разряды существительных

Традиционная классификация существительных основывается одновременно на двух разнородных признаках: на реальных свойствах отображаемых ими предметов и на отношении существительного к категории числа (Грамматика русского языка 1952, с. 104-120). В классификации А.Н. Гвоздева принцип отношения существительных к категории числа становится ведущим (Гвоздев 1973, с. 152-158).

Наибольшую значимость для сопоставительных семантико-синтаксических исследований имеет, на наш взгляд, противопоставление одушевленных и неодушевленных предметов.

В области категории **одушевленности / неодушевленности** между сопоставляемыми языками наблюдаются существенные расхождения.

В русской грамматике одушевленные существительные четко противопоставляются неодушевленному, хотя содержание грамматической категории одушевленности / неодушевленности не полностью совпадает с одноименными свойствами отображаемых предметов. Не являясь строго номинативной по природе, данная категория базируется на противопоставлении форм винительного падежа, в результате чего такие существительные, как *полк*, *отряд* попадают в разряд неодушевленных, в то время как *ферзь* – в разряд одушевленных. Кроме того, в русском синтаксисе, как будет показано ниже, является релевантным противопоставление одушевленных «лиц» и «не лиц».

В английском языке одушевленные лица противопоставлены животным и неодушевленным предметам, вместе составляющим один ЛГР. В предложениях для обозначения лиц используется местоимения 3-го лица (*he*, *she*) и местоимение *it* – для обозначения как животных, так и неодушевленных предметов.

В венгерском языке к одушевленным существительным относятся только названия людей – «лиц». На этот признак указывают личные местоимения 3-го лица (*ő*, *ők*, *őt*), которые употребляются только по отношению к человеку (ср. с английским языком). Чтобы избежать использования этих местоимений по отношению к животным, предметам и явлениям, они или опускаются, или заменяются соответствующими существительными или указательными местоимениями.

В работах исследователей используются и другие дифференцирующие признаки, которые ранжируются по-разному.

Так, Н. Хомский в качестве доминантного выбрал признак «нарицательность» (Хомский 1972, с. 74-78). У. Чейф считает наиболее значительным различие между исчисляемыми и собирательно-вещественными существительными. Исчисляемые существительные могут факультативно определяться как «потенционные», если они обозначают предметы, которые обладают или считаются обладающими

собственной внутренней энергией: *The wind opened the door* (Ветер открыл дверь); *The ship destroyed the pier* (Корабль разрушил пирс). Дальнейшее углубление характеристики существительного, по признанию У. Чейфа, представляется «сложным и довольно темным делом». Автор предлагает факультативно определять потенционное существительное как одушевленное или неодушевленное, а затем первое из них – как лицо мужского или женского рода. При этом понятие «лицо» относится только к человеческим существам в отличие от других живых существ. Присутствие этой семантической единицы определяет наличие в английском языке различных поверхностно-структурных манифестаций в виде оппозиции местоимений *it* и *he*; ср. английские предложения и их переводы на русский язык:

They found the elephant which escaped. It was gone three days (Они нашли слона, который бежал. Он отсутствовал три дня) – *They found the man who escaped. He was gone three days* (Они нашли человека, который бежал. Он отсутствовал три дня) (Чейф 1975, с. 127-130).

В системе семантических признаков, предложенной В.В. Богдановым, относительно главной семы «одушевленность / неодушевленность» располагаются семы «человечность», «нарицательность», «исчисляемость», «единичность», «женскость». От системы Н. Хомского данный список отличается отсутствием семы «абстрактность / конкретность», но зато в нем присутствуют, как и в системе У. Чейфа (см. ниже), семы «женскость» и «единичность» (Богданов 1977, с. 55-76).

Н. Сальников, анализируя существительные в форме творительного падежа в составе русского безличного предложения типа *Градом побило рассаду*, использует еще один признак – «потенциальная энергия». Под потенциальной энергией у исследователя подразумевается любая энергия, содержащаяся в системе (в нашем случае в предмете) в скрытом виде. Потенциальная энергия в физике противопоставляется кинетической в том смысле, что последняя является энергией движения, а первая зависит лишь от взаимного расположения предметов. Если система подвергается внешним воздействиям, то энергия превращается из одной формы в другую. Не все предметы обладают потенциальной энергией (например, *дом*), в то время как *кирпич*, находящийся на определенной высоте (на балконе, на крыше дома) такой энергией обладает. Признак «энергия» свойствен только неодушевленному существительному, которые служат названиями предметов и явлений реальной действительности, т. е. являются конкретными (Сальников 1977, с. 282-284).

Сравнение понятий, стоящих за двумя сходными по форме классификационными семантическими признаками – «потенционность» у У. Чейфа и «потенциальная энергия» у Н. Сальникова, позволяет

заметить, что они не только не совпадают по содержанию, но и находятся на разных местах в иерархии классификационных признаков. Признак «потенционность / непотенционность» занимает более высокое положение, поскольку среди «непотенционных» субстанций можно далее выделить предметы, обладающие потенциальной энергией (*кирпич, бревно, песок, пуля*) и не обладающие ею (*дорога, холм, поляна*).

По мнению Т. Гивон, в иерархии категориальных признаков наибольшую роль играют следующие противопоставления: единица > темпоральная > конкретная > одушевленная > человек. Если существительное является обозначением отдельной единицы как того, что существует в мире, его называют абстрактным (*свобода, достоинство*). Если такая единица приобретает признак темпоральности, она обозначает временной интервал (*воскресенье, неделя*) и называется полуабстрактной. Конкретные, но неодушевленные существительные обозначают предметы (*стул, дерево*). Среди одушевленных существительных противопоставляются люди и «нелюди» (Givón 1984, p. 56-57).

В соответствии с разделяемым нами номинативным подходом при делении существительных на лексико-грамматические разряды на передний план выдвигаются следующие задачи:

а) уточнение номенклатуры наиболее грамматически релевантных семантических признаков (сем) существительных;

б) установление иерархии выделенных семантических признаков, которая, однако, может варьироваться в зависимости от анализируемого в данный момент фактического материала;

в) распределение существительных по ЛГР с оптимальной для структурно-семантической типологии предложения степенью дробности.

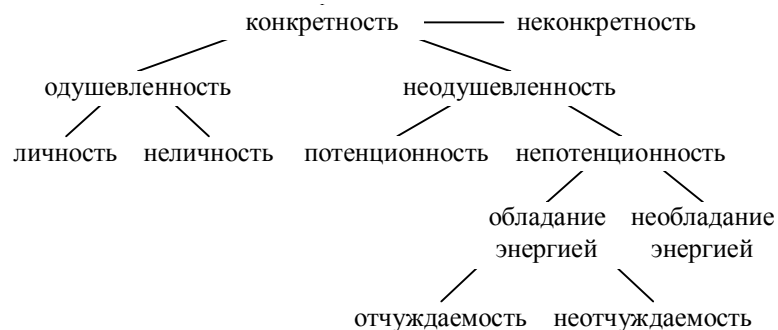
При описании системы семантических признаков существительных мы будем продвигаться по ступеням от вершины иерархии вниз. На вершине находятся самые обобщенные признаки, на основе которых выделяются наиболее обширные классы слов. На следующей ступени расположены признаки, которые отличаются меньшей распространенностью и при учете которых внутри крупных классов разграничиваются более мелкие группы слов. Так, по мере движения вниз, мы доходим до признаков, характерных для самых мелких, но еще грамматически релевантных групп слов. Еще ниже будут располагаться предельно узкие и даже уникальные семы и, соответственно, небольшие группы существительных и даже отдельные слова, описание которых представляет интерес уже не для грамматистов, а для исследователей-лексикологов.

В наиболее пригодном для решения наших задач виде система семантических признаков существительного предстает в следующем виде:

конкретность – абстрактность;
 одушевленность – неодушевленность;
 личность – неличность;
 потенционность – непотенционность;
 обладание энергией – необладание энергией;
 отчуждаемость – неотчуждаемость (ср.: *поднять камень – поднять голову*).

При необходимости данный список может быть дополнен и другими, более частными признаками. Перечисленные семантические признаки образуют своеобразную иерархически организованную **систему**.

Иерархия семантических признаков существительного

Опора на выявленную иерархию указанных семантических признаков дает следующие их комбинации:

- неконкретность;
- конкретность + одушевленность + личность;
- конкретность + одушевленность + неличность;
- конкретность + неодушевленность + потенционность;
- конкретность + неодушевленность + непотенционность + обладание энергией + отчуждаемость;
- конкретность + неодушевленность + непотенционность + обладание энергией + неотчуждаемость;
- конкретность + неодушевленность + непотенционность + необладание энергией.

Наложение данной системы признаков на массив слов, составляющих ЧР существительное, дает **семь** его лексико-грамматических разрядов:

1) ЛГР неконкретных существительных, в который входят слова, обозначающие разного рода абстрактные понятия (*демократия, справедли-*

вость, дружба, ненависть), и существительные, являющиеся производными от других частей речи (*синева, красота, деление, бег, пятерка* и т. п.);

2) ЛГР антропонимов (*отец, мальчик, студентка*);

3) ЛГР зоонимов (*собака, лошадь, попугай*);

4) ЛГР существительных, обозначающих природные явления (*ветер, дождь, наводнение, молния*), производные от действий явления, такие как *взрыв, выстрел, удар*, а также так называемые «самодвижущиеся» технические средства и предметы вооружения (*автомобиль, мотоцикл, корабль, кран; снаряд, граната, осколок*);

5) ЛГР существительных, которые обозначают предметы, способные под влиянием каких-нибудь внешних сил оказывать воздействие на другие предметы (*кирпич, дерево, топор, нож, дверь, доска*);

6) ЛГР существительных, обозначающих части тела (*рука, нога, кулак, палец, лапа, хвост*);

7) ЛГР других конкретных существительных, негативно охарактеризованных по линии всех указанных выше признаков (*дом, сад, небо, поле*); при необходимости решения каких-либо других исследовательских задач подобные слова могут быть далее классифицированы с использованием системы дополнительных семантических признаков.

Соответствующие ЛГР существительных выделяются и на материале других сопоставляемых языков.

3.1.2. Лексико-грамматические разряды глаголов

Глагол с самого начала исследований семантико-синтаксических исследований попал в центр внимания лингвистов, поэтому неслучайно, что и с интересующей нас точки зрения эта часть изучена значительно лучше, чем другие.

Имеется огромное количество работ по отдельным и зачастую пересекающимся друг с другом разрядам (группам) глаголов. К настоящему времени достигнуты существенные результаты в классификации глаголов на лексико-семантические группы и подгруппы, в анализе сочетаемости и управления глаголов различных групп (Русская грамматика 1979; Цой 1980; Васильев 1981; 1990; Гайсина 1981; Апресян 1982; Золотова 1982, с. 156-167; 1998, с. 59-80; Арутюнова 1983; Кильдибекова 1985; Кириллова 1988; Лексико-семантические группы 1988; Шведова 1989; Бабенко 1989; Моисеева 2006).

Однако, как справедливо указывает В.С. Юрченко, зачастую наблюдается своеобразный порочный круг: в семантике из окружения глагола выводится его значение, а в синтаксисе из значения глагола выводится его окружение (Юрченко 1995, с. 11).

Кроме того, группы глаголов, выделенные на основе одного критерия, зачастую входят в состав других групп или, наоборот, 104

включают в себя подгруппы, разграничение которых основывается на учете иных критериев (семантической валентности глаголов, их функциональных, качественных, количественных признаков и т. п.).

Часто наблюдается также превалирование лексикологического начала над грамматическим, в результате чего выделенные ряды глаголов называют лексико-семантическими группами, а не лексико-грамматическими разрядами.

При этом, с одной стороны, некоторые группировки глаголов излишне расширяются (например, в так называемую «группу глаголов бытия» включают глаголы локализации, посессивные глаголы, а также частично или полностью делексикализованные формы); с другой стороны, порог дробности выделенных групп иногда опускается вплоть до отдельных лексем (Лексико-семантические группы 1988).

Такое положение дел вполне обычно для современной лингвистики, для нас же главное здесь – это последовательное применение номинативного критерия при классификации глаголов на синтаксически релевантные разряды.

Исходя из разграничения типовых значений и инвариантных семантических структур предложения, мы сначала выделяем большие **классы** глаголов:

в рамках ТЗ «предмет и его признак» – глаголы действия и состояния субъекта;

в рамках ТЗ «отношения между двумя (и более) предметами» – глаголы действия и отношения между двумя (тремя, четырьмя) актантами.

Внутри каждого указанного класса разграничиваются **лексико-грамматические разряды** глаголов.

I. Класс «действие субъекта»:

1) ЛГР движения: *идти, ехать, лететь, падать, проникать*;

2) ЛГР физиологического действия: *дышать, кашлять, зевать, чихать*;

3) ЛГР профессионально-трудовой деятельности: *работать, трудиться, служить, рыбачить, учительствовать*;

4) ЛГР звучания: *кричать, свистеть, грохотать, шуметь*.

II. Класс «состояние субъекта»:

1) ЛГР качественного состояния: *дичать, мелеть, тупеть, бледнеть, взростеть*;

2) ЛГР поведения: *хвастаться, капризничать, шутить, обманывать, бедствовать*;

3) ЛГР эмоционального состояния: *веселиться, нервничать, ревновать, плакать*;

4) ЛГР физиологического состояния: *голодать, мерзнуть, болеть*.

III. Класс «отношение действия между двумя актантами»:

1) ЛГР физического воздействия: *бить, давить, держать, наклонять, чистить, рыть, трогать, обрабатывать, портить, повреждать, убивать, пропитывать, соединять, разделять, разрушать*;

2) ЛГР физиологического воздействия: *отрезвлять, спаивать, утомлять*;

3) ЛГР интеллектуальной деятельности: *читать, говорить, понимать, узнавать, думать, сравнивать, проверять, выбирать, решать, воображать, определять, обвинять, называть, обозначать; изменять, переделывать, реформировать, увеличивать, уменьшать*;

4) ЛГР социальной деятельности: *добиваться, стремиться, заниматься, использовать, исполнять, изображать, осуществлять, сопротивляться, критиковать, хвалить*;

5) ЛГР физиологического действия: *есть, пить, курить*;

6) ЛГР сохранения или утраты объекта: *находить, доставать, менять; беречь, хранить, экономить, терять, тратить, лишаться, расходовать*;

7) ЛГР восприятия: *воспринимать, чувствовать, видеть, слышать, осязать*.

IV. Класс «отношение состояния»:

1) ЛГР эмоционального состояния: *веселить, волновать, возмущать, интересовать, обидеть, смешить, удивлять*;

2) ЛГР посессивности:

а) обладание: *владеть, иметь, иметься, обладать, располагать*;

б) принадлежность: *принадлежать*;

3) ЛГР локализации субъекта (в пространстве и времени): *быть, находиться, располагаться, лежать, сидеть, стоять*;

4) ЛГР проявления признака:

а) качественного: *пахнуть, излучать*;

б) количественного: *весить, стоить, различаться, проявляться*.

VI. Класс «отношение действия между тремя предметами»:

1) ЛГР приобретения, передачи: *получать, брать, отнимать, покупать, давать, возвращать, вручать, завещать, передавать, платить, присылать, продавать, учить, снабжать*;

2) ЛГР перемещения субъектом объекта: *помещать, вписывать, вешать, вбивать, заполнять, поглощать, покрывать, надевать, прятать, удалять*.

VII. Класс «отношение действия между четырьмя предметами»:

ЛГР перемещения субъектом объекта из одного места в другое: *везти, нести, кидать, передвигать, таскать, импортировать*.

Принадлежность глагола к тому или иному ЛГР определяется инвариантной семантической структурой предложения, а семантика конкретного глагола, в свою очередь, уточняет возможный актантный состав вариантов семантических структур. При этом глаголы тех или иных ЛГР одного языка не всегда имеют прямые эквиваленты в других языках, что требует их системного сопоставления в составе предложения (подробнее об этом будет сказано в Части IV нашей работы).

3.1.3. Лексико-грамматические разряды прилагательных

Об основных ЛГР прилагательных (качественных, относительных, порядковых) уже упоминалось при рассмотрении номинативной сущности прилагательного как части речи. При попытках дальнейшей субкатегоризации адъективной лексики наблюдается сложная и противоречивая картина. Имеющиеся таксономические построения, использующие как чисто семантические, так и семантико-синтаксические критерии, далеко не совершенны. Ни принцип полярности, ни противопоставление отчуждаемого и неотчуждаемого свойства, ни признак градуируемости не смогли стать теми объективными критериями, на основании которых могла бы быть разработана непротиворечивая классификация прилагательных (см. об этом (Теория грамматики 1990, с. 101-114)).

Так, согласно классификации А.Н. Шрамм, все прилагательные делятся на два больших класса: эмпирийные и рациональные. Эмпирийные прилагательные, в свою очередь, подразделяются в зависимости от того, каким органом чувств воспринимается обозначаемый словом признак, на семь групп. Рациональные прилагательные в зависимости от сочетаемости разделяются на четыре группы (прилагательные, обозначающие признаки человека, животных, предметов, и прилагательные, обозначающие признаки всех указанных разрядов предметов). Каждая группа разбивается затем на виды, подвиды и разряды (Шрамм 1979, с. 24-43).

Ж.П. Соколовская классифицирует прилагательные на основе двух параметров – категорий диалектики и категорий бытия. В этой системе выделяются классы и поля слов, которые находятся на пересечении полей, отражающих категории познания (бытие, пространство, время, движение, отдельное, качество, количество), и классов, называющих сферы бытия (всеобщие формы бытия, природа, человек, общество). Соответственно, по горизонтали прилагательные объединяются в группы по типу обозначаемых ими свойств и качеств (пространственные, временные, количественные, качественные и др. характеристики). По вертикали они соотносятся с наименованиями тех

предметов, объектов и явлений реальной действительности, которым эти признаки присущи (Соколовская 1990).

Наибольший интерес для нас представляют классификации, которые строятся на семантико-структурных свойствах прилагательных. Например, на материале немецкого языка выделены классы предикативных, атрибутивных и предикативно-атрибутивных прилагательных, разбитые затем на группы в зависимости от того, каким падежом они управляют и с каким предлогом при этом связаны (среди предикативных прилагательных – более 30 подклассов) (Motsch 1971). О некоторых семантико-грамматических типах прилагательных см. также (Вольф 1985; Носкина 1988; Сидорова 1994).

Другие части речи, занимающие в предложении признаковую позицию, из-за своего небольшого (по сравнению с тремя рассмотренными) объема и обусловленной этим обстоятельством менее важной роли в типологии предложения почти не подвергались специальному изучению с целью деления на ЛГР. Отдельные соображения на этот счет были высказаны нами выше при обсуждении номинативной природы таких ЧР. На широком материале трех сопоставляемых языков такую работу еще предстоит проделать.

3.2. Актанты вариантов семантических структур

На уровне описания ВСС применимы многочисленные термины, используемые в синтаксической литературе для обозначения именных компонентов семантических структур, которые на уровне ИСС объединяются нами под двумя понятиями: субъект и объект.

Так, субъект подразделяется на агенс, каузатор, экспериенсив, поессор, дескриптив и т. д.

Объект также по-разному дифференцируется. В физической и интеллектуально-творческой сферах выделяется объектив, в предложениях с глаголами ЛГР созидания – креатив или результатив. Разграничиваются также эврикатив – компонент объектного типа при глаголах ЛГР действия в интеллектуально-творческой сфере; пациентив – одушевленный объект; перцептив – объект физиологического или эмоционально-психического действия, состояния, отношения; делиберат – лицо, предмет, событие – объект речемыслительной деятельности и т. д.

Даже простое перечисление ВСС, возможных в рамках выявленных ИСС, заняло бы слишком много места. Поэтому ограничимся здесь примером анализа ВСС, входящих в состав только одной ИСС – «субъект – действие – объект».

Учет ЛГР лексем, занимающих актантные и признаковую позиции в предложениях данного семантического типа, позволяет выделить следующие ВСС:

«агенс – физическое воздействие – пациенс»: *Мальчик перевернул лодку; Лодку перевернули;*

«deskриптив – свойство – deskриптив»: *Кислота растворяет металл; Металл растворяется в кислоте;*

«каузатор – эмоциональное состояние – экспериенсив»: *Эта книга увлекла меня; Я увлекся этой книгой;*

«экспериенсив – интеллектуальная деятельность – обьектив»: *Он узнал правду;*

«экспериенсив – восприятие – перцептив»: *Нина услышала свою фамилию; Нине послышалась ее фамилия;*

«экспериенсив – эмоциональное отношение – объект»: *Я люблю ее; Она нравится мне;*

«посессор – посессивность – объект»: *Светлана имеет машину; У Светланы есть машина; Машина принадлежит Светлане* и т. д. (анализ русских предложений некоторых других семантических типов см. в работе (Величко 1986)).

Рассмотрим подробнее актантный состав одного из наиболее распространенных в языке ВСС предложения – «агенс – физическое воздействие – пациенс».

В семантической структуре предложений физического воздействия (ФВ) выделяются **обязательные** и **факультативные** актанты.

Число **обязательных** компонентов определяется выражаемым им типовым значением «отношение между субстанциями»; здесь оно равно двум (ТЗ «отношение между двумя предметами»). Тип актантов – субъект и объект – определяется ИСС предложения «субъект – действие – объект». В ВСС предложений с глаголом ЛГР физического воздействия входят два обязательных актанта – агенс и пациенс.

Факультативные актанты могут быть представлены в ВСС предложений с глаголами только определенных подгрупп внутри данного ЛГР (о классификациях глаголов физического воздействия на подгруппы см. (Попова 1971)).

Под **агенсом** здесь понимается производитель, источник воздействия, под **пациенсом** – актант, испытывающий воздействие или возникающий как его результат, например:

Командарм зажег стичку (К. Паустовский); *Капитан Озеров раскрыл планшет* (М. Бубеннов); *Торф этот мы копали до самой отправки в Норвегию* (А. Иванов); *Марфа несла самовар* (К. Паустовский); *Кружжлин достал папирасы* (А. Иванов); *Ветер косо*

нес прозрачные на свету листья (К. Паустовский); *В лесу несколько бойцов варили в котелке кашу* (Ю. Нагибин).

В предложениях с глаголами ЛГР физического воздействия различных подгрупп наблюдаются следующие факультативные компоненты.

1. В предложениях с глаголами подгруппы «воздействие с изменением объекта» в качестве факультативного актанта выступает **инструмент** (орудие), под которым понимается предмет, вовлеченный в действие и способствующий его осуществлению.

Инструмент субкатегоризируется на **неотчуждаемый** (*рука, палец* и т.п.): *Мы обламывали руками отдельные льдинки* (К. Паустовский) и **отчуждаемый** (*молоток, компьютер* и т.п.): *Комариха заботливо приперла дверь колом* (Ю. Нагибин); иногда инструмент противопоставляют **средству** (расходуемому в процессе действия инструмента): *Дно окопа забросал сухой травой* (М. Бубеннов).

ВСС таких предложений обобщенно обозначается формулой: «агенс – изменение – пациенс – (инструмент / средство)».

2. Факультативным компонентом ВСС предложений с глаголами созидания является **материал**, под которым понимается субстанция, из которой в результате деятельности агенса возникает пациенс:

Валька Бессонов мигом смастерил из газеты полумаску (В. Кетлинская); *После труб Охватов из куска покрепче свернул котелок с проволочной окантовкой и дужкой* (И. Акулов).

В ВСС предложений данного типа может входить также **адресат**:

Раз в день буду варить ему кулеш (Г. Троепольский); *Бабушка сшила Ильке сумку из своего старого передника* (В. Астафьев).

Обобщенный ВСС: «агенс – созидание – пациенс – (материал / инструмент / адресат)».

Оба указанных ВСС относятся к числу языковых универсалий, но выражающие их в разных языках синтаксические структуры могут различаться.

3.3. Субкатегоризация агенса и пациенса

В связи с тем, что диапазон ситуаций, связанных с физическим воздействием одного предмета на другой, очень широк, в качестве актантов в предложениях выступают имена, обозначающие самые различные субстанции.

См., например, русские предложения с глаголом ЛГР физического воздействия *тащить*:

Парни тащили его в гору (В. Кетлинская); *Но последние несколько дней меня тащил на себе Савелий* (А. Иванов); *Усталые быки еле*

тащили повозку (И. Калашников); Буксир тащил против течения вереницу барж (К. Паустовский).

ВСС: Агенса — ФВ — Пациенса

<i>парни</i>	<i>тащить</i>	<i>его</i>
<i>Савелий</i>		<i>меня</i>
<i>быки</i>		<i>повозку</i>
<i>буксир</i>		<i>баржи</i>
...		...

Анализ лексического наполнения актантных позиций в предложениях данного семантико-структурного типа не требует подстановки в эти позиции всех возможных с конкретными глаголами имен – для выявления лексико-грамматических особенностей той или иной конструкции достаточно сделать это на уровне ЛГР **существительных**.

3.3.1. Субкатегории агенса

В качестве агенса могут выступать различные конкретные субстанции, способные оказывать физическое воздействие на пациенс. Совокупность существительных, обозначающих такие субстанции, делится на следующие разряды:

- 1) ЛГР антропонимов (*парень, Савелий* и т. д.);
- 2) ЛГР зоонимов (*бык, лошадь*);
- 3) ЛГР существительных, обозначающих природные явления (*течение, ветер, молния*);
- 4) ЛГР существительных, обозначающих неприродные явления (*взрыв, выстрел, удар*), «самодвижущиеся» технические средства (*буксир, трактор*) и предметы вооружения (*снаряд, ракета*);
- 5) ЛГР существительных, которые обозначают предметы, способные под влиянием внешних сил оказывать воздействие на другие предметы (*бревно, кирпич*).

Произведенный нами анализ фактического материала показал, что для синтаксически релевантной субкатегоризации агенса физического воздействия достаточно различать не пять, а только три его типа:

1) агенса-антропоним, в роли которого выступают существительные первого ЛГР, характеризующиеся семантическими признаками «одушевленность» + «антропонимичность»: *Солдат отстранил его* (К. Федин);

2) агенса-зооним, в роли которого выступают существительные второго ЛГР, характеризующиеся признаками «одушевленность» +

«неантропонимичность»: *В саду ципал траву привязанный к дереву телок с белым пятном на лбу* (К. Паустовский);

3) агенса-каузатор, в роли которого выступают существительные третьего, четвертого и пятого ЛГР, характеризующиеся признаками «потенционность» + «неодушевленность» (3), «неодушевленность» + «непотенционность» + «обладание энергией» (4), «неодушевленность» + «непотенционность» + «необладание энергией» (5):

Потоки вспухали, подмывали склоны (К. Паустовский); *Ударная волна разрывов свалила его...* (В. Кожевников); *За окном ветер гнул молодые деревья, шумел листьями, нес пыль* (К. Паустовский); *В одном из боев осколок снаряда оторвал ему пальцы* (А. Кондаков); *При отдаче ракетница ударила его по виску* (И. Акулов).

Если правомерность выделения двух первых субкатегорий агенса сомнений у синтаксистов обычно не вызывает, то относительно третьей субкатегории ведутся споры, вплоть до исключения ее из категории агенса. И почва для разногласий здесь, как представляется, есть, поскольку под рубрикой агенса-каузатор оказываются объединенными очень разные по номинативной природе субстанции и явления:

потенционные, т.е. обладающие способностью оказывать физическое воздействие на другую субстанцию (*ветер, ливень, наводнение*);

непотенционные по своей номинативной природе, но обычно воспринимаемые как потенциальные (*машина, танк; снаряд, пуля, осколок*);

непотенционные, но обладающие способностью приобретать в определенных условиях способность оказывать физическое воздействие на другие субстанции (*дерево, палка, кирпич*).

Самодвижущиеся технические средства и предметы вооружения обычно оказываются в роли агенса-каузатора вследствие метонимического переноса, например:

Машина привезла картины утром (С. Крутилин); *Два мостовых крана разгружали железнодорожные платформы* (В. Кожевников); *Туда же швырнула до пятка снарядов и пушка* (И. Акулов).

Многие непотенционные агентивные субстанции в ситуациях физического воздействия регулярно выступают также в роли инструмента / средства. Эта полифункциональность данных субстанций и вызывает разногласия при описании их статуса в семантике конструкций, особенно в тех, в которых формы выражения агенса и инструмента совпадают (пассивная и безличная конструкции). В связи с этим возникает необходимость в дальнейшей субкатегоризации агенса-каузатора.

Мы предлагаем разграничивать следующие **субкатегории агенса-каузатора**:

а) агенса-каузатор с функцией **причины**. В данной роли выступают потенционные субстанции (явления природы), которые посредством языка осмысливаются как самодостаточные производители действия, т. е. как полноценные агенты предложений. Но в других ситуациях им может быть свойственна и обстоятельственная роль причины физического действия-состояния субъекта. Ср.:

Ветер колышет листья деревьев (агенса-каузатор) – *Листья деревьев колышутся от ветра* (причина); *Сквозняк распахнул дверь* (агенса-каузатор) – *Дверь распахнулась от сквозняка* (причина);

б) агенса-каузатор с функцией **инструмента**. В этой роли выступают неприродные явления и самодвижущиеся технические средства, которые, будучи в реальности непотенционными, регулярно воспринимаются нами как потенционные, т. е. как агенты. При этом они, однако, тесно ассоциируются с деятельностью человека и часто выполняют в ситуации роль инструмента. Ср.:

Взрыв разрушил перемычку плотины (агенса-каузатор) – *Строители гидроэлектростанции точно рассчитанным взрывом за одну минуту перекрыли русло реки* (инструмент); *Танки с ходу раздавили гусеницами землянку* (А. Иванов) (агенса-каузатор) – *Одним танком можно было бы всю их оборону смести* (А. Иванов) (инструмент);

в) **«пациентивный»** агенса-каузатор. В этой роли выступают непотенционные субстанции, которые, являясь в предшествующей ситуации пациенсом, приобретают способность (потенционную энергию) играть в другой ситуации, которую выражает рассматриваемое предложение, роль агенса-каузатора, например:

Недалеко от обрыва лежала вывороченная бурей толстая ель, припахивающая гнильцой и плесенью. Падая, она вырвала вместе с корнями и поставила плашмя большой пласт дерна (М. Бубеннов); *Павлик вбежал на крыльцо, распахнутая им дверь толкнула какого-то человека* (Ю. Нагибин).

Еще раз подчеркнем, что во всех указанных выше случаях мы имеем дело именно с разными типами агенса-каузатора, а не с причиной, инструментом или пациенсом. Объединяет все три типа агенса-каузатора в единую субкатегорию общий для всех выражаемых ими субстанций номинативный признак «обладание энергией», который дает им возможность в соответствующих ситуациях оказывать физическое воздействие на другую субстанцию.

Таким образом, агенса-антропоним, агенса-зооним и агенса-каузатор представляют собой субкатегории одного именованного актанта – агенса. Таково современное состояние русского языка, и абсолютизировать

или игнорировать различия, существующие в экстралингвистической действительности между денотатами субкатегорий агенса, синтаксис достаточных оснований не дает.

3.3.2. Субкатегории пациенса

При классификации пациентивных существительных основным дифференцирующим признаком оказывается «одушевленность / неодушевленность» субстанции, выступающей в качестве объекта физического воздействия. С опорой на данную оппозицию выделяются два ЛГР конкретных существительных:

1) существительные, обозначающие одушевленные субстанции – людей и животных;

2) существительные, обозначающие все остальные (неодушевленные) субстанции.

Конечно, можно было бы пойти на более дробную категоризацию пациенса – номенклатура пациентивных ЛГР существительных это позволяет. Однако здесь мы руководствовались положением о том, что в обусловленности категорий можно выделить две стороны – денотативно-отражательную и языковую (Бондарко 1978, с. 88). Именно языковая сторона рассматриваемой категории продиктовала нам решение ограничиться только двумя рубриками:

а) **одушевленный** пациенс: *Лозневой волоком потащил Черню с огорода* (М. Бубеннов); *Подстегнули коней* (В. Шукшин);

б) **неодушевленный** пациенс: *Кульчицкая листала словарь* (Ю. Нагибин); *Алексей круто повернул лодку* (И. Лазутин).

Итак, определив субкатегории агенса и пациенса, мы можем с оптимальной степенью дробности анализировать лексико-грамматическое наполнение агентивной и пациентивной позиций в синтаксических конструкциях, выражающих рассматриваемую вариантную семантическую структуру в трех сопоставляемых языках (см. об этом в третьей главе Части IV нашей работы).

Подведем некоторые **итоги**.

1. Анализ компонентного состава семантических структур предложений различных конструктивных типов позволил заменить критерий односоставности / двусоставности предложения на более последовательный и детализированный типологический критерий количества актанта их типового значения. В соответствии с данным критерием выделены одноактантные, дваактантные, трехактантные и четырехактантные предложения.

2. Уточнена система номинативных частей речи, которая включает в себя существительное, глагол, прилагательное, числительное, причастие и деепричастие.

3. Обоснован типологический критерий, согласно которому внутри классов предложений, разграниченных по количеству актантов их типового значения, предложения делятся на частеречные классы в соответствии с частью речи, занимающей в них признаковую позицию. Выделены номинативный, вербальный, адъективный, нумеративный, партиципальный и деепричастный классы. Предложения, в структуру которых входит инфинитив, не образуют отдельного частеречного типа и должны анализироваться за рамками ситуативно-структурного подаспекта устройства предложения.

4. В результате произведенного сопоставления частеречных типов предложений русского, английского и венгерского языков в ситуативно-структурном аспекте их устройства выявлены важнейшие типологические сходства и различия в этой сфере.

5. Проанализированы обязательные актанты инвариантных семантических структур: субъект, объект, адресат, локализатор. Составлена типология инвариантных семантических структур, сопряженных с частеречными типами и структурными схемами предложений.

6. На основе номинативного критерия выделены лексико-грамматические разряды существительных и глаголов. Произведена категоризация обязательных актантов инвариантной семантической структуры «субъект – действие – объект». Внутри варианта данной ИСС проанализирован ВСС «агнс – физическое воздействие – пациент» и определен круг его факультативных компонентов: инструмент, средство, материал, адресат.

7. Произведена субкатегоризация агенса и пациенса. В категории агенса выделены синтаксически релевантные субкатегории: агенс-антропоним, агенс-зооним, агенс-каузатор; внутри агенса-каузатора далее разграничены агенс с доминантой причинности, агенс-инструмент и агенс-пациенс. В категории пациенса субкатегоризированы его одушевленный и неодушевленный подтипы.

Применение изложенной методики к анализу системы инвариантных семантических структур предложения в перспективе позволит получить полную картину ситуативно-структурного устройства простого предложения разноструктурных языков.

ЧАСТЬ III. РЕЛЯТИВНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДАСПЕКТ НОМИНАТИВНОГО АСПЕКТА УСТРОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГЛАВА 1. Релятивно-структурный подаспект и его компоненты

1.1. Место релятивно-структурного подаспекта в сопоставительной типологии простого предложения

Ученые, занимающиеся проблемами семантико-функционального и сопоставительно-типологического анализа предложения, сталкиваются с целым рядом вопросов, ответы на которые следует искать за пределами ситуативно-структурного подаспекта номинативного аспекта его устройства.

Чем принципиально отличается глубинное (семантическое) представление структуры предметной ситуации от ее поверхностного (синтаксического) представления?

Почему не все компоненты семантической структуры предложения эксплицитно реализуются в синтаксической конструкции?

Что вызывает необходимость семантико-синтаксических перестроек, подчас до неузнаваемости изменяющих исходное семантическое представление?

Каков лингвистический механизм этих преобразований?

Как проявляются отдельные составляющие этого механизма в каждом конкретном языке?

Кроме того, в синтаксических работах часто смешиваются такие понятия, как носитель признака, семантический субъект, агенс, субъект предложения, подлежащее; семантический объект, пациенс, дополнение и т. д. Эта путаница в терминах, на наш взгляд, является следствием того, что два ряда понятий – семантических (семантические актанты) и конструктивных (синтаксические позиции) – пытаются соотнести друг с другом **напрямую**, то есть без учета их взаимодействия с компонентами второго подаспекта номинативного аспекта устройства предложения – релятивно-структурного.

Существование подобного «промежуточного слоя» компонентов в устройстве предложения признают многие синтаксисты (отсюда оживленные дискуссии о сущности и языковой природе личности и безличности, грамматической перспективы, конверсивности, о диатезах, залогах и т. п.).

Как отмечает Ч. Филлмор, всякий раз, когда мы понимаем какое-

либо языковое выражение, мы одновременно имеем дело с фоновой сценой и перспективой, налагаемой на эту сцену. Выбор конкретного выражения из инвентаря выражений, которые активизируют сцену события, вызывает представление о целой сцене, о целой ситуации события, но выносит на передний план – в перспективу – только какой-то конкретный аспект или участок этой сцены (Филлмор 1981, с. 521). См. также высказывание Р. Лангакера о том, что в число человеческих способностей входит способность описывать одну и ту же ситуацию разными языковыми формами: «Воображение играет значительную роль в восприятии и ведет к разному членению ситуации, от него зависит, что выступит при ее описании в качестве фона, а что – в качестве фигуры, на чем будет сосредоточено внимание, и с какой степенью детальности она будет представлена» (Langacker 1987, с. 120-121, 128-139). См. об этом также (Кубрякова 1997, с. 180).

Однако в большинстве концепций устройства предложения сам этот «промежуточный слой» описывается недостаточно системно и последовательно, что затрудняет сопоставление результатов анализа синтаксиса разноструктурных языков.

1.2. Компоненты релятивно-структурного подаспекта

Вопрос о номенклатуре компонентов релятивно-структурного подаспекта устройства предложения продолжает оставаться открытым.

Такие понятия, как личность / безличность, определенно-личность / неопределенно-личность, обобщенно-личность, действительность (активность) / страдательность (пассивность) и другие, как известно, использовались при классификации предложений в традиционной грамматике. На этой основе были выявлены важнейшие отношения (оппозиции), существующие между предложениями.

Однако применялись эти оппозиции не в составе единой системы, а по отдельности, причем зачастую для описания наиболее ярко противопоставленных по тому или иному признаку предложений. В результате только отдельные типы предложений оказались достаточно подробно описанными как со стороны их семантики, так и в конструктивном плане. При этом многие классификации, во-первых, базировались на категориальной семантике только одного компонента – подлежащего, в то время как семантика дополнения оставалась в тени. Во-вторых, в большинстве классификаций семантика предложений не дифференцировалась по линии категории залога. В-третьих, в них недостаточно полно отражались особенности взаимодействия актантных и признаковых грамматических категорий.

В 60-е годы прошлого века вследствие активизации системного

подхода в синтаксисе на передний план лингвистических исследований выдвинулся вопрос о **парадигматике** простого предложения.

Е.А. Седелников установил, что категории, которые выявляются внутри отдельно взятой модели предложения и могут быть свойственны разным моделям предложений, не служат основанием для противопоставления разных моделей. Категории, которые служат основанием для такого противопоставления, обнаруживаются в результате межмодельных трансформаций: это категория одушевленности / неодушевленности и тесно связанная с ней категория личности / неличности, категория определенности / неопределенности, категория активности / пассивности и (частично) категория утвердительности / отрицательности (Седелников 1970, с. 212-226).

Именно второй класс категорий оказался затем в центре структурно-семантических исследований предложений различных языков.

Так, для выявления системного характера соотношения двусоставных, односоставных и нечленимых предложений В.В. Бабайцева использовала ось определенность – неопределенность предмета (Бабайцева 1968, с. 19-27).

В работе Я. Светлика при описании формул предложений впервые (насколько нам известно) наряду с оппозицией активность / пассивность использовалась оппозиция невозвратность / возвратность глагола (Светлик 1970).

В своей концепции смысловой структуры предложения Т.Б. Алисова рассматривает формы устранения конкретной информации о семантическом субъекте (неопределенно-субъектная трансформация) и залоговые трансформации, а также прослеживает взаимосвязь между грамматической и коммуникативной структурой субъектно-предикатных отношений (Алисова 1971, с. 116-160, 175-226).

Т.П. Ломтев анализировал следующие категории предложения: конвертируемость, определенность, обобщенность, неопределенность, формальность, активность и демиактивность (Ломтев 1972).

П. Адамец выделяет индикаторы грамматической перспективы предложения: активности, пассивности, демипассивности и реверсивно-активной перспективы (Адамец 1973, с. 4-5, 99-100).

В РГ-79 разного рода модификации структурных схем (по линии категории определенности / неопределенности субъекта, объекта и локального детерминанта, а также залоговые преобразования и так называемый переход схем двусоставного предложения в односоставное) вынесены авторами за пределы системы языка и помещены в речь (Русская грамматика 1979, с. 741-749).

Исследованию синтаксической парадигматики английского глагола на основе теории диатез и залогов посвящена монография И.Б.

Долининой (Долинина 1989).

В типологии русского предложения А.М. Ломова выделяются подклассы активно-процессных и пассивно-процессных предложений (Ломов 1994, с. 165-169, 195).

См. также различные точки зрения по затронутой проблеме на материале разных языков в работах (Шведова 1967; Гак 1969; Сусов 1973, с. 51-84; Чейф 1975, с. 251; Колшанский 1975, с. 93-94; Бондарко 1978, с. 65; Москальская 1978; Золотова 1982, с. 175; Блох 1986, с. 128-141).

С позиций поаспектного анализа семантико-структурной организации предложения выделим следующие тенденции в анализе категорий предложения:

а) с одной стороны, наблюдается расширение числа компонентов (категорий, трансформаций, индикаторов) релятивно-структурного подаспекта за счет единиц других аспектов устройства предложения: ситуативно-структурного (одушевленность / неодушевленность), предикативного (модальность, время, вид) и т. д.;

б) с другой стороны, происходит сужение числа грамматических категорий предложения за счет вынесения категорий залога (активности / пассивности) или определенности / неопределенности актантов за рамки релятивно-структурного подаспекта;

в) часто в качестве критерия описания устройства предложения используется только одна категория – или определенности / неопределенности (причем только одного актанта – субъекта), или залога.

Мы исходим из положения о том, что в номинативных языках «поверхностное» оформление актантов осуществляется не только в соответствии с их ролями в семантической структуре предложения, но и с семантикой компонентов «категориально-грамматической рамки», накладываемой на актанты в процессе порождения высказывания.

Таким образом, в пределах релятивно-структурного подаспекта предметом изучения являются **категориально-грамматические характеристики актантов**, которые они получают при занятии информативно обязательных позиций в синтаксических конструкциях.

Наборы дифференцирующих категориально-грамматических признаков актантов варьируют от языка к языку, что во многом объясняет национальную специфику их синтаксических систем. При этом ситуативно-структурный статус актантов, обладающих различными наборами признаков, остается неизменным (субъект, объект, адресат, локализатор). Отсюда следует, что взаимодействующие с актантами грамматические категории каждого языка необходимо подвергнуть тщательному анализу.

В сопоставляемых языках релятивно-структурный подаспект устройства предложения составляют следующие **грамматические категории**:

1) подлежащность / бесподлежащность и соотнесенная с ней в русском и венгерском языках категория личности / безличности;

2) залоговость;

3) определенность / неопределенность (обобщенность) семантических актантов.

В нескольких словах выразим свое отношение к статусу категории **утвердительности / отрицательности**, которую иногда рассматривают в одном ряду с указанными выше категориями предложения.

С одной стороны, утвердительность / отрицательность часто включают в область модальности как категорию «правдивости» высказывания (Русская грамматика 1979, с. 835-840), т.е. в нашей терминологии эта категория является компонентом предикативного аспекта предложения. С другой стороны, утвердительность / отрицательность охватывает и некоторые синтаксические конструкции (по крайней мере, в русском языке). Поэтому, не выделяя данную категорию в качестве отдельного компонента релятивно-структурного подаспекта, мы в необходимых случаях будем обращаться к ней с целью дополнительной дифференциации синтаксических конструкций. Ср. с точкой зрения В.Г. Гака, который, рассматривая утвердительные и отрицательные предложения в рамках категории истинности, относит последнюю частично к диктуму, а частично – к модусу (Гак 1981, с. 149-152).

Грамматические категории могут входить в состав одноименных **семантико-функциональных полей (СФП)**: залоговости, личности / безличности, определенности / неопределенности актантов. При изучении структуры каждого поля анализируется иерархия составляющих его языковых средств: что относится к грамматическому центру, что передается периферийными лексико-грамматическими средствами, как взаимодействуют центральные и периферийные компоненты поля.

Перечисленные поля настолько тесно взаимосвязаны друг с другом в рамках релятивно-структурного подаспекта, что, говоря об одном из них, невозможно не затрагивать другие.

Кроме того, при рассмотрении некоторых компонентов этих полей невозможно избежать выхода за рамки релятивно-структурного подаспекта. Особенно часто приходится обращаться к понятиям рассмотренного выше ситуативно-структурного подаспекта, а также к категориям предикативного аспекта.

На этой основе выявляются сферы функционирования конструкций в одном языке и устанавливаются важнейшие межъязыковые расхождения в рассматриваемой области.

ГЛАВА 2. Категория личности / безличности в типологии простого предложения

2.1. О соотношении понятий личность / безличность и подлежащность / бесподлежащность в сопоставительной типологии предложения

Начиная изложение данного раздела, прежде всего отметим, что оба ряда терминов – подлежащность / бесподлежащность и личность / безличность – не совсем верно отражают существо стоящих за ними языковых явлений. В связи с этим представляется необходимым очертить границы используемых в нашей работе понятий.

1. Распространенная в традиционной грамматике оппозиция **личность / безличность** при описании устройства предложения часто пересекается с двумя другими сходными по названию категориями:

личностью (одушевленностью) / неличностью (неодушевленностью) семантического актанта – носителя признака;

личностью / определено-личностью / неопределено-личностью / безличностью признакового компонента – глагола.

При этом обычно происходит смешение компонентов обоих рядов.

Так, например, утверждается, что в качестве носителя признака в безличном предложении выступает только неліцо (т. е. неодушевленный предмет или явление). Но этому утверждению противоречит существование в русском языке безличных предложений типа *Ребенку холодно*; *Мне не спится* и т. п., где в качестве носителя признака выступает «личный» субъект (антропоним). И, наоборот, в личных предложениях регулярно используются разного рода «неличные» производители действия: *Мыши прогрызли пол* (агенс-зооним); *Ветер сорвал крышу* (агенс-каузатор) и т.д.

Кроме того, в так называемых неопределено-личных предложениях субъектом всегда является лицо (агенс-антропоним), а глагол стоит в неопределено-личной форме: *Зарплату бюджетников не индексуют*; здесь «личность» актанта коррелирует с «личностью» (хотя и неопределенной) признаковой формы.

Следовательно, в традиционной классификации обозначение типа предложения зависит не столько от номинативной природы актанта (носителя признака), сколько от формы глагола (или связки) – личной, неопределено-личной или безличной.

Положение еще более осложняет пересечение указанных понятий с грамматической **категорией лица**. Здесь термины 1-е, 2-е и 3-е лицо используются как для характеристики актантов (при их выражении

личными местоимениями), так и для обозначения формы лица признакового компонента – глагола (или связки).

Так, говоря о «безличности» таких хрестоматийно безличных предложений, как *Меня / тебя / его / ее знобит*, исследователь входит в противоречие с распространенным пониманием семантики категории лица, поскольку глагол стоит здесь в фиксированной безличной форме 3-го лица (!) единственного числа, а местоимениями обозначаются разные значения категории лица (говорящий / адресат / неучастник ситуации общения).

К безличным относят и конструкции типа *Тебе не сидится*, где актантом-носителем признака является лицо (антропоним), которое характеризуется по линии категории лица как 2-е лицо (адресат коммуникации), но глагол при этом стоит в безличной форме, которую определяют как возвратную форму 3-го лица!

Еще А.А. Потебня отметил, что «под безличностью глагола давно привыкли понимать не отсутствие грамматического лица, а известные его свойства» (Потебня 1958, с. 91). См. также высказывание А.М. Пешковского: «Термины «безличный» глагол и «безличное» предложение очень неточны, так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может... И действительно, вдумываясь в значение безличных глаголов, мы все-таки откроем в них следы третьего лица. Как бы ни устранялся из мысли в выражении *Светает* деятель, производящий свет, он во всяком случае не кажется скрытым во мне или в человеке, с которым я говорю, а, напротив, может и должен быть скрытым где-то вне нас обоих» (Пешковский 1934, с. 306).

Наиболее широкое определение безличности в русском языке предложила Г.А. Золотова: «Безличность – это значение непроизвольности действия или состояния, независимости его от воли субъекта, сигнализируемое особой формой глагола-сказуемого, стоящей особняком от глагольной парадигмы 1-2-3-го лица, либо предикативным наречием (категорией состояния), либо устойчивыми оборотами со значением состояния – в сопряжении с соответствующими падежными формами имени субъекта, располагающими или не располагающими личной парадигмой соответственно принадлежности к личному или предметному классу субъектов» (Золотова 1982, с. 120-121).

Как справедливо констатировал П.А. Лекант, имея огромную литературу по проблемам безличности, мы не можем утверждать, что данная категория всесторонне изучена, что все спорные вопросы решены; напротив, их становится больше (Лекант 1994, с. 7).

2. В то же время и вторая пара терминов – **подлежащность / бесподлежащность** – применительно к описанию синтаксического

устройства предложения – служит объектом обоснованной критики. Споры идут, главным образом, вокруг соотношения в предложении подлежащности / бесподлежащности и личности / определенно-личности / неопределенно-личности / безличности.

Традиционные определения термина **подлежащее** хорошо известны, поэтому мы останавливаться на них здесь не будем; упомянем лишь некоторые более новые его трактовки.

Очередная попытка дать многофакторное определение подлежащего была осуществлена Э. Кинэном (Кинэн 1982). Несмотря на то, что автор отразил в своей работе и традиционные признаки подлежащего, он не только не рассеял, но еще больше усилил сомнения в природе этого синтаксического понятия. Вслед за указанной статьей появился ряд работ, подвергающих сомнению тезис об универсальности подлежащего (Шахтер 1982). См. также различные интерпретации соотношения понятий «подлежащее» и «субъект» в работах (Ломтев 1972; Кацнельсон 1974; Чейф 1982; Нунэн 1982; Варшавская 1984; ТФГ 1992, с. 55, 65; Всеволодова 1997, с. 52-53) и др.

На наш взгляд, одна из основных проблем типологии предложения в релятивно-структурном аспекте заключается в выяснении статуса и специфики **бесподлежащих** предложений в системе языков номинативного строя.

Так, с одной стороны, в русском и венгерском языках разбиение предложений на подлежащные / бесподлежащные еще не означает их характеристики и по линии личности / безличности. В обоих языках представлены конструкции, которые, являясь бесподлежащими по синтаксической структуре, далее противопоставляются друг другу как безличных (*Вечереет – Esteledik*) и неопределенно-личные (*Звонят – Csengetnek*).

Венгерский типолог Л. Дуже объясняет бесподлежащность русского языка его принадлежностью к языкам семипартитивного подтипа номинативного типа, в которых субъект в одноактантном предложении может принимать форму не только именительного падежа, но и родительного, дательного падежей. Этот подтип противопоставляется языкам тотального подтипа номинативного типа с эксплицитным субъектом в форме номинатива, к которым, по мнению автора, относится и венгерский язык. В качестве иллюстрации ученый приводит примеры русских бесподлежащих предложений, семантика субъекта которых осложнена признаками количества или негации, и их подлежащих венгерских эквивалентов: *Воды убывает – Apad a víz; Несчастья не случилось – Szerencsétlenség nem történt* (Дуже 1984, с. 146).

Для типологии английского предложения оппозиция подлежащности / бесподлежащности вообще не релевантна, поскольку все предложения здесь являются **подлежащими**, а сама позиция подлежащего в

синтаксической структуре предложения всегда эксплицирована. Эта типологическая черта коренным образом отличает английский язык от других сопоставляемых здесь языков. Даже в иногда называемых «безличными» вербальных и адъективных предложениях типа *It was raining; It is cold* обязательную позицию подлежащего занимает компонент *it*, определяемый как пустой, формальный.

Мы полагаем, что поскольку признаковый компонент в таких предложениях обычным способом согласуется с носителем признака – подлежащим *it*, то все они с грамматической точки зрения должны считаться не безличными, а **личными**. Можно сказать, что в английском языке безличность выражается не грамматически (как в русском и венгерском языках), а лексически – «пустой» местоименной формой 3-го лица единственного числа *it*. Таким образом, оппозиция личность / безличность в современном английском языке грамматически не выражена. Хотя, как отмечает В.Н. Ярцева, так было не всегда: в древнеанглийском языке безличность была представлена и специальными конструкциями (Ярцева 1968, с. 54).

Следовательно, грамматическая оппозиция личность / безличность релевантна только для типологии предложений русского и венгерского языков.

3. Таким образом, если бы мы подошли к проблеме соотношения двух рассмотренных рядов понятий – «подлежащность / бесподлежащность» и «личность / неопределенно-личность / безличность» – чисто механистически и попытались бы их просто суммировать (как это, впрочем, иногда и делается), то в русском языке пришлось бы вести речь о так называемых «подлежащих личных», «бесподлежащих личных», «бесподлежащих лично-безличных», «бесподлежащих нелично-безличных», «неопределенно-личных» и т. п. предложениях. В то же время все предложения английского языка характеризовались бы только как «подлежащие личные». Если же учесть еще крайнюю неоднозначность толкования самого термина «подлежащее», то получилась бы пестрая, противоречивая и, как следствие, малопригодная для сопоставительной типологии языков картина.

Имея в виду вышесказанное, но руководствуясь принципом не изобретать новых терминов без крайней на то необходимости, мы считаем целесообразным закрепить за каждым из традиционных терминов строго определенные сферы использования в нашей работе.

За оппозицией **подлежащность / бесподлежащность** мы закрепляем статус типологически различительного признака языков.

По данному признаку противопоставляются:

а) «тотально подлежащий» английский язык, не допускающий бесподлежащей структуры предложения;

б) нестрого подлежащий русский язык, в синтаксической системе которого подлежащие предложения сочетаются с бесподлежащими.

в) венгерский язык, занимающий в этом отношении промежуточную позицию между английским и русским языками.

Таким образом, соотношение между языками по степени их **подлежащности** может быть представлено формулой:

английский > венгерский > русский.

4. Грамматическая категория **личности / безличности**, наиболее широко представленная в синтаксической системе русского языка, требует к себе особого внимания.

2.2. Грамматическая категория личности / безличности в типологии русского предложения

В русском языке категория личности / безличности соотносится с оппозицией подлежащность / бесподлежащность следующим образом.

Во всех языках номинативного строя, как известно, существует универсальный **падеж** подлежащего, который не зависит от типа и формы сказуемого – именительный (основной) падеж, противопоставленный благодаря своей инвариантности всем другим членам падежной парадигмы (если она имеется). В этих условиях между подлежащим и сказуемым наблюдается особый тип двусторонней зависимости – **согласование** (координация) сказуемого с подлежащим.

В русском языке это явление выражено наиболее отчетливо, так как проявляется в формах трех грамматических категорий: лица (персональности), числа и рода. В существовании у глагольного или связочно-именного сказуемого форм согласования с подлежащим заключается его категориально-грамматический признак **личности**.

В современном английском языке у сказуемого сохранились только отдельные согласовательные формы лица и числа.

Интересно, что венгерские русисты даже говорят о единой категории «лица – рода – числа» глагола в русском языке, поскольку она (в отличие от агглютинативного венгерского языка) одновременно выражается единичными морфемами и имеет единое содержание (Болла 1977, с. 363-365).

Почему же далеко не все предложения в русском языке являются грамматически личными? Коренные причины существования **безличных** конструкций служат предметом споров языковедов-синтаксистов, психолингвистов, культурологов, этнофилологов.

Сталкиваясь с разнообразием русских синтаксических конструкций, не имеющих прямых эквивалентов в других языках, некоторые ученые склонны искать причины этого явления не в самой системе языка, а в

экстралингвистических факторах: специфических, чаще всего негативных, культурных традициях русского народа, неконтролируемости и иррациональности его менталитета, недостаточной ответственности русского человека, в его безволии, пассивности, покорности судьбе и т. п. Особенно часто русский язык и его носители в этом плане явно или скрытно противопоставляются английскому языку и его носителям (см., например (Вежбицкая 1996, с. 55-76)). Подобные недостаточно обоснованные с лингвистических позиций умозаключения неоднократно подвергались справедливой критике в работах Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, З.К. Тарланова, В.В. Колесова, З.Д. Поповой и многих других ведущих ученых.

Исследователи истории славянских, германских, угро-финских и других языков находят безличные конструкции и в этих языках в разные периоды их существования, что свидетельствует об общечеловеческих условиях и причинах возникновения данных конструкций. Другое дело, что в процессе изменения грамматических систем конкретных языков (усиление аналитизма или синтетизма, креолизация под давлением языка завоевателей и т. д.) сфера безличности в одних из них так и не «оторвалась» от подлежащности, т. е. не смогла развиваться в специфическую подсистему; в других языках она, возникнув на определенном этапе развития, со временем сузилась; в третьих, наоборот, значительно расширилась и продолжает развиваться в настоящее время (Autour 1991; Арутюнова 1999 с. 794-795).

Об одной возможной причине параллельного функционирования личных и безличных конструкций писал на материале обско-угорских языков А.Н. Баландин. Мансийско-хантыйские конструкции типа *Старику медведь убился и У старика медведь убился* восходят к общей закономерности финно-угорской речи, особенность которой состоит в представлении действия так называемого «скрытого» реального субъекта этого действия через оформление его названия с помощью суффиксов косвенных падежей (латива и локатива). В силу этого реальный субъект действия (*старик*) воспроизводится как посредник, соучастник (*для старика, старику, у старика, возле старика, с помощью старика, со стариком*), а не как прямой исполнитель действия (Баландин 1967, с. 303).

Это объяснение, если исходить из реальности воздействия на русский язык финно-угорского субстрата, помогает раскрыть специфику некоторых русских безличных конструкций, например: *Молнией убило охотника*. Позиция подлежащего, в которой должен был бы находиться «скрытый субъект», в таких предложениях отсутствовала, а «видимый» производитель действия ставился в форму косвенного падежа. В результате глаголу согласовывалась своя форму

(как это имеет место в личном предложении) было не с чем, и он приобрел фиксированную (несогласуемую) безличную форму.

По мнению З.Д. Поповой, синтаксический концепт «пациент претерпевае состояние», выражаемый дативной структурой, фиксирует такую ситуацию, когда человек вынужден выполнять то, чего по своей воле выполнять не стал бы. Войны, стихийные бедствия, социальные потрясения вынуждают людей вступать в борьбу за жизнь, за спасение родных и близких, за свою страну. Носители восточнославянских языков, полагает ученый, ощущают эти ситуации острее и, используя безличную конструкцию, выражают их ярче, чем носители других индоевропейских языков (Попова 2009, с. 11-12). См. об этом также (Золотова 1998, с. 240-241; Тарланов 1999, с. 5-16; Колесов 2000, с. 57-59; Зарецкий 2007).

Специалистам-славистам хорошо известно, что, например, дативная безличная конструкция – не собственно русская, она имеется в украинском и белорусском языках, отмечается в чешском языке. При этом по отношению к данным языкам и менталитетам их носителей приведенные выше уничижительные определения почему-то не применяются!

Современный английский язык, потеряв в ходе креолизации категорию личности / безличности (как и многие другие категории) и став по своей типологии тотально подлежащим, просто не предоставляет говорящему возможности выбора подобных вариантных форм для выражения тонких семантических оттенков. Мы еще вернемся к этому весьма актуальному в современных условиях вопросу в четвертой главе Части IV нашей работы.

Грамматическая сущность оппозиции личность / безличность заключается, по нашему мнению, в следующем.

В синтаксической структуре предложений многих языков номинативного строя имеется позиция носителя признака – подлежащего, и признаковый компонент – сказуемое – согласуется с находящимся в этой позиции актантом в числе, роде, лице. Для типологической характеристики таких подлежащих предложений используется пусть и не совсем корректный, но широко распространенный термин **личное предложение**.

Если в предложении носитель признака имплицитован или представлен формой в косвенном падеже, то позиция подлежащего в структуре предложения отсутствует, грамматического согласования признакового компонента с его носителем, естественно, не происходит, и признаковый компонент приобретает закрепленную в системе языка так называемую «безличную» форму.

В качестве показателя безличности в грамматике фиксируется одна из согласовательных форм признакового компонента. У ограниченной группы русских специализированных безличных глаголов и у многих других глаголов, занимающих в бесподлежащих предложениях признаковую позицию, показатели безличности – это окончания *-ет, -ит, -о*. Русские прилагательные в краткой форме в бесподлежащих предложениях также обладают собственным формальным показателем – безличным окончанием *-о*: *Холодно; Мне тепло*. То же явление наблюдается и в бесподлежащих предложениях с пассивным причастием типа *Закрото; У меня убрано*. В предложениях с прилагательными и причастиями показатель безличности может дублироваться: используется соответствующее окончание признакового компонента *-о* и окончание связки *-ет, -ит, -о*: *Было (будет) холодно; У меня было убрано*. Все такие предложения, не вполне терминологично, но в соответствии со сложившейся традицией, мы называем **безличными**.

Предлагаемое понимание подлежащности / бесподлежащности и личности / безличности в сочетании с изложенными ранее классификационными принципами, как мы полагаем, позволяет более дифференцированно охарактеризовать семантически и структурно разнородные модели предложений, традиционно объединяемые под рубрикой «безличные».

2.3. Типология русских безличных предложений на фоне венгерских и английских конструкций

2.3.1. Одноактантные безличные предложения

1. В русском и венгерском языках в системе вербальных конструкций безличность представлена особой лексико-грамматической группой глаголов, обозначающих явления природы, которые вообще не имеют личных форм, типа *Вечереет – Esteledik*.

Семантика таких безличных глаголов включает в себя номинацию производителя действия (или носителя процессуального состояния), что делает экспликацию соответствующего актанта излишней.

Как отмечает А.Н. Баландин, древние мифы обско-угорских народов донесли до нас скрытый субъект в том виде, в каком он реально существовал в представлении предков современных манси и ханты. Это – *торэм (небо)*, которое воплощало в себе силы природы: *Торум хоталали ос этими (Небо рассветает и темнеет)* (Баландин 1967, с. 303-304). Ср. утверждение А. Клемма о том, что в венгерских предложениях типа *Esteledik; Villámlik* у «иковых» глаголов в окончании

3-го лица единственного числа дано подлежащее, а у других глаголов в предложениях типа *Fagy; Mennydörög* на подлежащее указывает отсутствие личного окончания (Klemm 1928, old. 141-144). О семантической инкорпорации в содержание безличного предиката его субъектного аргумента см. также (Бирюлин 1984; Пупынин 1992, с. 49).

В английском языке используются такие же семантически «самодостаточные» глаголы, поэтому актанта здесь также не эксплицируется специальной словоформой. Лексически пустая форма *it* служит только для представления позиции подлежащего, что придает предложению статус подлежащего, т. е. грамматически **личного**: *It is snowing*. Используется также адъективная конструкция с глагольной формой *to get*: *It is getting dark*.

2. В русском языке в оппозиции личность / безличность отражаются способы, при помощи которых говорящий имеет возможность по-разному характеризовать в предложении семантический актанта – носитель признака:

а) в русских **личных** предложениях семантический носитель признака выступает и как грамматический носитель данного признака – подлежащее предложения; тем самым грамматически подчеркивается его роль – производителя признака или носителя состояния в передаваемой ситуации;

б) в **безличных** предложениях семантический носитель признака выступает в косвенном падеже уже не как его грамматический носитель (подлежащее), а как второстепенный компонент синтаксической структуры предложения – дополнение; тем самым его роль в передаваемой ситуации грамматически ослабляется, затушевывается.

Таким образом, в русском языке часто имеется возможность **выбора** личной или безличной конструкции для выражения одной и той же инвариантной семантической структуры. Ср., например:

Вчера я не спал – Вчера мне не спалось.

В личном предложении субъект предстает как неохарактеризованный, нейтральный производитель действия – не хотел или не мог спать в силу каких-то причин. В безличном предложении субъект получает дополнительную характеристику: хотел, но не мог спать из-за каких-то неизвестных, непонятных причин.

В английском и венгерском языках вследствие отсутствия эквивалентных безличных конструкций для передачи подобных значений используются личные предложения с модальными глаголами:

Вчера ему не спалось – Yesterday he could not sleep – Tegnap (ő) nem tudott aludni.

Русский язык предоставляет говорящему возможность использовать еще и эту (уже третью!) конструкцию – личное предложение с модальным глаголом *Вчера он не мог спать*, в котором причины известны, но не называются.

Ср.: *Сегодня я не могу работать / Сегодня мне не работается → I can't work today – Ma nincs kedvem dolgozni.*

3. Русскими предложениями с глаголами, не имеющими личных форм, типа *Меня знобит; В горле першило* передается процессуальное состояние субъекта-антропонима или его неотчуждаемой части, вызванное воздействием эксплицитной или имплицитной причины, ср.:

Меня знобит (от высокой температуры); В горле першило (от дыма).

4. В английском и венгерском языках русским безличным предложениям различных типов соответствуют **личные** вербальные предложения или предложения других частеречных типов, например:

Меня тошнит – I feel sick – Kavarog a gyomrom;

В голове шумело – His head was dizzy – Zúgott a feje;

Из дома повеяло сыростью – The hut smells of dampness – A kunyhóból nedvesség szaga csapott meg.

2.3.2. Дваактантные безличные предложения

1. Среди русских дваактантных бесподлежащих предложений с неопределенным субъектом имеются конструкции двух типов:

неопределенно-личные: *По крыше застучали* и

безличные (неопределенно-безличные): *По крыше застучало.*

Семантика таких предложений будет подробно рассмотрена ниже, в специальной главе.

2. Безличность русского предложения, как известно, непосредственным образом связана и с **категорией утвердительности / отрицательности**.

Так, в предложениях локализации так называемое общее отрицание вызывает замену формы именительного падежа субъекта утвердительного предложения формой родительного падежа, что влечет за собой обезличивание конструкции:

Моя дочь сейчас в университете → Моей дочери сейчас нет в университете;

Приведения существуют → Приведений не существует.

Неполными (эллиптированными) речевыми вариантами безличных предложений данного типа являются, на наш взгляд, высказывания, которые смоделированы в КРГ-1989 четырьмя отдельными структурными схемами:

Нет N 2: Нет сомнений; Нет времени; Нет друга;

130

Ни N 2: *Ни* облачка; *Ни* звука;
Никого (*ничего*) N 2: *Никого* знакомых; *Ничего* нового;
Никакого (*ни* одного, *ни* единого, *ни* малейшего) N 2: *Никакой* надежды; *Ни* единой ошибки (Краткая русская грамматика 1989, с. 447-450).

Такое же обезличивание наблюдается в сфере посессивных предложений, где чередуются падежные формы семантического объекта:

У них есть дети → *У них нет детей*; *Другой выход у нее был* → *Другого выхода у нее не было* (Д. Гранин).

В английском и венгерском языках категория утвердительности / отрицательности подобным образом не проявляется. Ср.:

У меня есть кое-какие деньги – *I have some money* – *Van pénzem*;

У меня с собой денег нет – *I have no money on me* – *Nincs nálam pénz*.

3. Среди русских предложений различных частеречных типов наблюдается **дублетность** личной / безличной форм предложений с отрицанием. См., например:

вербальные: *На небе не сияла ни одна звезда* – *На небе не сияло ни одной звезды*;

пассивные вербальные: *Отлучки в город не разрешались* / *Отлучек в город не разрешалось*; *Никакие сплетни не собирались* / *Никаких сплетен не собиралось*;

партиципиальные: *Никакой отзыв так и не был написан* / *Никакого отзыва так и не было написано*;

адъективные: *Следы не видны* / *Следов не видно*.

4. Соотношение между безличной конструкцией типа *Пулей пробито окно* и двумя личными конструкциями (активной *Пуля пробита окно* и пассивной *Пулей пробито окно*) будет подробно анализироваться ниже с привлечением понятийного аппарата категории залога.

5. Отдельно ниже также будут рассмотрены партиципиальные безличные предложения типа *За доктором было послано*, которые представляют собой сложный продукт взаимодействия категорий личности / безличности, залога и определенности / неопределенности актантов.

Итак, в русском языке грамматическая категория личности / безличности выступает как компонент, во многом определяющий своеобразие устройства релятивно-структурного аспекта предложения.

ГЛАВА 3. Залог и залоговость в типологии простого предложения

3.1. О концепциях категории залога и залоговости в языках номинативного строя

Существование оппозиции действительный / страдательный залог в предложениях всех языков номинативного строя обусловлено господством в синтаксической структуре их предложений инвариантной формы производителя действия – подлежащего. Не случайно в языках, имеющих эргативный строй предложения, залоговое противопоставление отсутствует.

В теории категории залога, несмотря на то, что она уже почти два столетия находится в центре интенсивных научных поисков, до сих пор имеется немало неясностей и спорных моментов. Подробные обзоры залоговых концепций приведены в работах (Мучник 1971; Королев 1969, с. 199-215; Фюреди 1976; Зимек 1978, с. 79-87) и др.

Указывая на сложную и противоречивую природу залога в русском языке, В.В. Виноградов определил залог как явление, лежащее на самой пограничной черте между грамматикой (ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии), лексикологией и фразеологией (Виноградов 1972, с. 476-494).

Эта многоуровневость залога требует применения полевого подхода в данной сфере. В соответствии с концепцией, разрабатываемой А.В. Бондарко, грамматическая категория залога лежит в центре семантико-функционального поля залоговости (Бондарко 1972; 1978; 1983, с. 418).

В свете многоаспектного подхода к анализу устройства предложения в структуре данного поля прослеживаются следующие линии:

1) соотношение компонентов синтаксической структуры предложения с компонентами его семантической структуры;

2) взаимодействие категории залога и залоговости с категориями и субкатегориями семантических актантов и с лексико-грамматическими разрядами выражающих их слов;

3) связь компонентов залоговости с лексико-грамматическими разрядами признаков глагольных лексем;

4) зависимость залоговых форм от видо-временных характеристик признакового компонента;

5) взаимосвязь залоговости с категориями подлежащности / бесподлежащности и личности / безличности;

6) взаимосвязь залоговости с категорией определенности / неопределенности семантических актантов;

7) взаимодействие залоговости и категории порядка слов.

Разделяемая нами трактовка категории залога восходит к высказыванию В.А. Богородицкого о том, что если действительный залог обозначает действие, которое производится субъектом над кем-либо или чем-либо, то это же самое действие может быть представлено и со стороны испытывающего его объекта; глагольные выражения такого обратного действия носят название страдательного залога (Богородицкий 1935, с. 165).

С данным определением связаны три важнейшие характеристики категории залога.

1. Залог – это синтактико-морфологическая (а не морфологическая, лексико-грамматическая или чисто синтаксическая) категория, поэтому ее анализ неразрывно сопряжен с изучением семантико-структурного устройства предложения. При этом синтаксическая составляющая залога для языков номинативного строя является универсалией, а морфологическая варьирует от языка к языку в довольно широких пределах.

2. Синтаксическая сущность категории залога заключается в возможности изменять соответствие между двумя рядами компонентов: компонентами семантической структуры предложения – актантами и компонентами синтаксической структуры предложения – подлежащим и дополнением (дополнениями) (см. об этом (Моисеев 1958, с. 71; Королев 1969, с. 213-214; Холодович 1970, с. 13; Алисова 1971, с. 126-130; Зимек 1978, с. 79-84; Перельмутер 1987)).

Таким образом, действительный и страдательный залоговые конструкции позволяют говорящему по-разному представить в синтаксической структуре предложения одни и те же семантические актанты – субъект и объект. Из этого, в свою очередь, следует, что залоговую характеристику актанты получают только в том случае, если в семантической структуре предложения их имеется не менее двух. Поэтому, на наш взгляд, одноактантные конструкции могут характеризоваться не как формы категории залога, а как компоненты СФП залоговости.

3. В синтаксисе предложения категорией залога выражается разная **грамматическая направленность признака** по отношению к его грамматическому носителю – подлежащему и второму обязательному компоненту – дополнению. Причины и следствия такого варьирования грамматической направленности (ракурса, точки зрения говорящего и т. п.) описываются по-разному (Тимофеев 1958, с. 8-10; Смирницкий 1959, с. 265-267; Гухман 1964, с. 8-14; Шендельс 1970, с. 112, 124; Адамец 1973, с. 99-100; Буланин 1986).

А.В. Бондарко определяет залог как грамматическую категорию, образуемую оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной языковой семантической интерпретацией понятийного соотношения «субъект – понятие действия – объект», что определяется различиями в соответствии между понятийными категориями субъекта и объекта, с одной стороны, и синтаксическим содержанием членов предложения, репрезентирующих эти категории, – с другой. Различия в залоговых значениях предложений типа *Такие вопросы решают специалисты – Такие вопросы решаются специалистами* описываются автором рассматриваемой концепции следующим образом.

При активе субъект интерпретируется как независимая субстанция – носитель предикативного признака, объект – как субстанция, зависимая от предикативного признака, а понятие действия – как предикативный признак с центробежной направленностью (имеется в виду направленность содержания предикативного признака по отношению к содержанию его носителя, занимающего позицию центра предложения – подлежащего). При пассиве как независимая субстанция – носитель предикативного признака – интерпретируется не субъект, а объект; субъект представлен косвенным дополнением как зависимая субстанция, занимающая периферийное положение в содержательно-синтаксической структуре предложения. Понятие действия при этом интерпретируется как предикативный признак с центростремительной направленностью (Бондарко 1978, с. 59-60).

Важнейшей отличительной особенностью данной концепции залога по сравнению с другими его трактовками, по нашему мнению, является то, что в ней говорится о соотношении семантических и структурных компонентов предложения, а не о варьировании в предложении чисто формальных (асемантических) позиций подлежащего и дополнения (Богданов 1977, с. 120-124; Яхонтов 1974, с. 47-52; Сильницкий 1974, с. 54-72). В таких работах, как правило, отсутствует специальный этап анализа, направленный на выявление категориально-семантических различий между различными типами залоговых конструкций.

Нас же в первую очередь интересует именно то, чем активная конструкция отличается **в семантическом плане** от пассивной.

В том, что такие различия – не некий лингвистический конструкт, а языковая реальность, убеждает само существование и синонимичное функционирование противопоставленных по залоговому статусу конструкций во всех языках номинативного строя. См. в этой связи высказывание З.Д. Поповой о том, что сходство денотативной ситуации, даже ее полное тождество, не гарантирует ни тождества, ни близости синтаксического значения. Тождественная ситуация (*Я читаю книгу – Книга читается*

мной) в синтаксических сигнификатах изображается по-разному: противопоставление активности / пассивности субъекта принципиально в языковой системе (Попова 1979, с. 69).

3.2. Семантика и формы категории залога в сопоставляемых языках

3.2.1. Категория залога в русском языке

Опираясь на вышеизложенное, попытаемся определить **залоговую семантику актантов**, приобретаемую ими в активных и пассивных конструкциях.

1. Рассмотрим типичные предложения, которые противопоставляются по категории залога как активная – *Мальчик сломал игрушку* и пассивная – *Игрушка была сломана мальчиком*.

Оба предложения выражают одну и ту же дваактантную семантическую структуру «агенса – физического воздействия – пациенс».

В **действительной** (активной) конструкции в качестве носителя глагольного признака – подлежащего – выступает агенс, в качестве зависимой субстанции – дополнения – представлен пациенс. Грамматическая направленность признака от подлежащего к дополнению – «центробежность» – совпадает здесь с ситуативной (реальной) направленностью действия от агенса к пациенсу. Тем самым ситуативная роль агенса как производителя признака получает грамматическую поддержку, т. е. усиливается, и **агенса** в позиции подлежащего приобретает залоговый признак «**активность**». Ситуативная роль пациенса как предмета, подвергнутого физическому воздействию, так же грамматически подчеркивается, и **пациенса** характеризуется как «**пассивный**» участник кодируемой предложением ситуации.

В **страдательной** (пассивной) конструкции в качестве носителя признака – подлежащего – выступает пациенс, а производитель действия – агенс – представлен дополнением как зависимый синтаксический компонент. Грамматическая направленность признака – «центробежность» – противоречит здесь его ситуативной направленности, которая выглядит здесь как «центростремительная» (от дополнения к подлежащему). Тем самым пассивный участник ситуации – **пациенса** – в позиции подлежащего грамматически как бы **активизируется**, а производитель воздействия – **агенса** – в позиции дополнения **пассивизируется**. См. в этой связи высказывание А.А. Потебни о том, что «в предложении *Книга эта читается всеми* книга делает так, что все

ее читают. Конечно, такая самодеятельность субъекта страдательного сказуемого фиктивна, но она действительна в грамматическом смысле как способ изображения» (Потебня 1958, с. 100).

Схематично описанную выше залоговую семантику актантов можно представить следующим образом:

Активная конструкция

агенса	–	воздействие	→	пациенса
<u>Мальчик</u>		<u>сломал</u>		<u>игрушку</u>
подлежащее	–	сказуемое	→	дополнение
« активность »				« пассивность »

Пассивная конструкция

пациенса	←	воздействие	–	агенса
<u>Игрушка</u>		<u>сломана</u>		<u>мальчиком</u>
подлежащее	→	сказуемое	–	дополнение
« активность »				« пассивность »

2. Здесь нельзя не упомянуть о том, что различия между залоговыми конструкциями сводят к изменениям коммуникативной перспективы высказывания (Мурзин 1978, с. 118-119). Действительно, порядок слов в русском активном предложении соответствует в русском языке прямому порядку слов. При этом семантический субъект, находящийся в начальной позиции подлежащего, выступает как «тема» высказывания; объект, стоящий в конечной позиции дополнения, выступает как «рема»:

Девочка читает книгу
Тема **Рема**

В трехчленном пассиве с тем же прямым порядком слов темой высказывания становится объект, а субъект перемещается в рематичную позицию:

Книга читается девочкой
Тема **рема**

Однако, как мы показали выше, вследствие относительно свободного порядка слов изменением коммуникативной нагрузки актантов при залоговых преобразованиях в русском языке залоговая семантика отнюдь не исчерпывается. За счет **инверсии** компонентов высказывания коммуникативная перспектива, свойственная активной конструкции, может передаваться пассивной и наоборот, ср.:

Девочка читает книгу – *Девочкой читается книга*;
Книга читается девочкой – *Книгу читает девочка*.

Анализ этого достаточно сложного речевого явления должен вестись не на уровне номинативной семантики синтаксических конструкций, а в рамках **актуализирующего аспекта** устройства предложения-высказывания.

3. В зависимости от видо-временной семантики признакового компонента в русском языке пассивное значение выражается двумя конструкциями – вербальной: Книга **читается** девочкой и партиципиальной: Игрушка **была сломана** мальчиком.

4. Некоторые затруднения возникают у исследователей при идентификации залоговой семантики **неопределенно-личной конструкции** в связи с особой формой представления в ней позиции подлежащего. См. высказывание И.П. Распопова о том, что позиция подлежащего здесь оказывается частично разрушенной (Распопов 1970, с. 77-79), и Р. Ружички о наличии в данной конструкции подлежащего, но не открытого, не на уровне поверхностной структуры (Ружичка 1978, с. 21). В литературе встречаются интерпретации залоговой семантики данной конструкции и как активной (Светлик 1970, с. 122-124; Бондарко 1976, с. 229-230), и как пассивной (Богородицкий 1935, с. 165; Храковский 1974, с. 13-26).

Используя понятия, примененные нами ранее при анализе семантики активной и пассивной конструкций, неопределенно-личную конструкцию можно описать следующим образом:

пациенс	← действие –	агенс
<i>Дверь</i>	<i>захлопнули</i>	<i>Ø</i>
дополнение	← сказуемое –	подлежащее
«пассивность»		«активность»

Грамматическая направленность признака здесь совпадает с ситуативной, как это имеет место в активной конструкции, и значение грамматической **активности** у неопределенного агенса отчетливо ощущается во многих примерах:

Но его схватили, ахнули оземь, придавили коленями (В. Астафьев);
Сегодня ночью на реке шлюзы открыли (К. Паустовский).

3.2.2. Категория залога в английском языке

В английском языке категория залога представлена одной оппозицией форм: вербальная активная конструкция / пассивная партиципиальная конструкции:

The boy broke the toy (Мальчик сломал игрушку) – *The toy was broken by the boy* (Игрушка была сломана мальчиком).

Как в русском языке, субъект в активной конструкции выступает как грамматически активный, а в пассивной – как пассивный. Объект, соответственно, также имеет в залоговых конструкциях противоположные грамматические признаки: «пассивность» в активной конструкции и «активность» – в пассивной.

Как показывает анализ фактического материала, категория английского залога отличается от русского **более широкой сферой функционирования**, которая охватывает следующие дополнительные области.

1. В качестве носителя грамматического признака может выступать практически **любой объект**, т. е. выраженный не только прямым, но и косвенным дополнением:

It was thought about (ср.: *Об этом подумали* – неопределенно-личная конструкция).

2. Залоговые преобразования здесь возможны по отношению не к двум актантам, как в русском языке (субъекту и объекту), а к трем актантам: субъекту, объекту и **адресату**:

The teacher gave me the book / The teacher gave the book to me (Учитель дал мне книгу) – *The book was given to me (by the teacher) – I was given the book (by the teacher)*.

3. В пассиве может употребляться семантическая структура с **локализатором**, не свойственная ни русскому, ни венгерскому языкам:

Nobody lived in this room (Никто не жил в этой комнате) → *This room was not lived in*.

Таким образом, в позиции носителя грамматического признака (подлежащего) в английском пассиве может выступать **любой** семантический актант.

4. Наблюдается более частотное, чем в других сопоставляемых языках, использование пассивной конструкции с имплицитным (неопределенным, обобщенным) субъектом – **двучленного пассива**:

The dinner wasn't eaten (Обед не был съеден).

Среди английских пассивных предложений доля двучленных конструкций доходит до 70 % (Жигадло 1956) (подробнее о причинах этого явления будет сказано в главе о категории определенности / неопределенности актантов).

5. В трехчленных пассивных конструкциях английского и русского языков отмечены значительные расхождения в количественном соотношении субъектов различных **субкатегориальных** типов. Так, если в русском пассиве соотношение агентов-антропонимов и агентов-каузаторов различных подтипов приблизительно равно (агент-зооним представлен единичными примерами), то в английском пассиве частотность неодушевленного агенса (каузатора и зоонима) возрастает

3.2.3. О залоге в венгерском языке

до двух третей всех пассивов. Такая диспропорция объясняется, в частности, тем, что в русском языке для выражения «неактивности» агенса-каузатора во многих случаях используется не пассив, а безличная вербальная конструкция типа *Ветром сорвало крышу*, в то время как в английском языке вследствие отсутствия таковой во многих подобных обстоятельствах применяется трехчленный пассив (хотя возможен и актив).

6. В английском языке, с его фиксированным порядком слов, залоговые конструкции чаще, чем в других языках, используются для передачи **коммуникативной перспективы** высказывания. См. высказывание Х. Поутсмы о том, что в трехчленном пассиве целью сообщения становится действующее лицо (Poutsma 1926, p. 101). Преувеличение значения этой важной, но далеко не единственной функции приводит некоторых исследователей к отрицанию у английской категории залога собственной грамматической семантики.

Мы разделяем мнение, согласно которому коммуникативная выделенность субъекта в английских трехчленных пассивных конструкциях наблюдается не всегда. Так, по подсчетам Т.А. Кузнецик, в 63 % трехчленных пассивных высказываний действительно центром коммуникации является агенс, однако в 19,5 % случаев в качестве центра коммуникации выступает признак, в 2 % – пациенс, а в остальных – другие компоненты высказывания (Кузнецик 1976, с. 52-53). Особого внимания заслуживает также предположение о том, что в склонном к тематизации подлежащего английском языке главное назначение пассивной конструкции состоит не в рематизации субъекта, а в представлении в качестве темы высказывания семантического объекта (Яхонтов 1974, с. 51).

Следовательно, коммуникативный статус субъекта и в английском трехчленном пассиве не является величиной постоянной, что подтверждает мнение о наличии в английском залоге собственной категориальной семантики.

Таким образом, в семантико-структурном устройстве предложения английского языка категория залога играет более важную роль, чем в русском языке. Данная категория является здесь единственным компонентом релятивно-структурного подаспекта, поэтому ее формы берут на себя и функции, выполняемые в русском языке двумя другими категориями – личности / безличности и определенности / неопределенности актантов. Более тесно английские залоговые преобразования связаны и с актуализирующей категорией порядка слов.

Сам факт наличия грамматической категории залога в венгерском языке часто ставится лингвистами под сомнение.

Так, в работе К. Болла, Э. Палл и Ф. Паппа отмечается очень слабая выраженность категории залога в венгерском языке (Болла 1977, с. 409). Сопоставив русские залоговые конструкции с их различными венгерскими соответствиями, Ф. Папп делает вывод о том, что в венгерском языке «мы имеем дело, собственно говоря, не с категорией залога: переходные или непереходные глаголы выступают в тех или иных причастных формах и сохраняют при этом свою переходность или непереходность. Эта их черта через призму окружающих нас индоевропейских языков, в том числе и русского, может восприниматься как залоговое значение» (Там же, с. 483).

Как отметил А. Шальга, само слово «залог» на венгерский язык не переводится: ни один вариант его перевода (*igealak, változat*) не может адекватно передать сущность этого грамматического термина. Как полагает исследователь, поскольку действительные формы глагола в венгерском языке не противопоставляются страдательным формам в рамках залоговых значений, венгерскому глаголу категория залога не присуща (Шальга 1984, с. 51).

Особую позицию в этом вопросе занимает Л. Дэже. С одной стороны, он отмечает, что венгерский язык не имеет парадигматического оформления страдательного залога и, следовательно, пассивных конструкций в нем нет. С другой стороны, автор признает возможность преобразования исходной (активной) диатезы в пассивную и приводит много примеров такого преобразования. Например, русскому двучленному пассиву с глаголом несовершенного вида типа *Дом строится* соответствуют две венгерские конструкции:

а) деепричастная: *A ház épül;*

б) неопределенно-личная: *A házat építik.*

Кроме таких более или менее систематических способов передачи пассивной диатезы здесь имеется и ряд других периферийных конструкций. Однако в целом венгерский язык, по мнению автора, противопоставляется русскому как язык без пассивных конструкций языку, представляющему собой один из подтипов выражения пассива. Другой подтип, по мнению автора, представлен английским языком, в котором сфера употребления и формы выражения залога отличаются от русского (Дэже 1984, с. 22-25).

На наш взгляд, говорить о полном отсутствии в системе венгерского языка форм, передающих залоговые значения актантов, было бы преувеличением. Мы считаем, что полевый семантико-

функциональный анализ венгерского языка позволяет обнаружить в нем если не категорию залога, то **залоговость**. Приведем некоторые соображения на этот счет.

1. Венгерские глаголы, как и русские, делятся на переходные и непереходные, однако в венгерском языке между теми и другими нет такого четкого разграничения, как в русском. Целый ряд глаголов, которые по своей семантике должны быть непереходными, в известных случаях могут выступать и как переходные. По этому параметру венгерский язык занимает промежуточную позицию между русским и английским языками.

2. Можно согласиться с рядом исследователей, что в современном венгерском языке категория залога отсутствует среди грамматических категорий глагола. Во-первых, залоговые оттенки значения обозначаются здесь множеством разнообразных глагольных суффиксов. Во-вторых, выражение залоговой направленности действия не связано с какими-либо особыми формами спряжения: глаголы нейтральной, возвратно-средней или страдательной направленности спрягаются одинаково.

1) Для большинства суффиксов, выражающих переходность глаголов, характерным является наличие в них согласного *-t*. Суффиксы, выражающие страдательное залоговое значение (*-at, -et, -tat, -tet*), по звуковому составу сходны с суффиксами каузативных глаголов. Однако глаголы страдательного значения спрягаются по типу глаголов с *-ik*, каузативные же глаголы, как и огромное большинство переходных глаголов, спрягаются по типу глаголов без *-ik*. Признаком страдательных глаголов является то, что в 3-м лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения в безобъектном спряжении они получают соответствующие суффиксы, которые могут присоединяться к любому переходному глаголу: *épít – építetik (строят – строятся); mond – mondatik (говорят – говорятся)*. Страдательный глагол в предложении выражает действие, которое совершает не актанта (объект), занимающий позицию подлежащего, а кто-то другой: *A fiú megdicsértetik (Мальчика хвалят; буквально – *Мальчик хвалится кем-то)*.

Однако, как отмечают венгерские и русские авторы, такие формы в современном венгерском языке фактически не употребляются: будучи стилистически маркированными, они только изредка встречаются в деловых и юридических документах. Единственным «страдательным» глаголом, бытующим в венгерском разговорном языке, является *születni (рождаться)*, но и он уже воспринимается как обособленная лексическая единица без залогового значения (Балашша 1951, с. 92; Майтинская 195, с. 102-103).

2) Так как применение собственно страдательных глаголов в современном венгерском языке весьма ограничено, то наблюдается тенденция употреблять вместо них возвратные глаголы. Однако значение у возвратных глаголов несколько иное, чем у страдательных. Ср. предложения с пассивной и возвратной формами глагола:

Az ügy elintéztetett (Дело было решено) – Az ügy elintéződött (Дело решилось).

Второе предложение означает, что дело получило свое разрешение без всякого вмешательства или воздействия извне, т. е. решилось как бы само собой, в то время как страдательные глаголы обозначают действие, совершаемое каким-либо лицом. Ср. также:

*A ház felépítetett (Дом построен) – A ház felépült (*Дом построился)*.

Отчетливо выражено смысловое различие между следующими выражениями с возвратной и пассивной формами глагола:

A gyümölcs összerázódott a kosárban – Фрукты тряслись в корзине (от тряски телеги) и A gyümölcs összerázott – Фрукты тряслись (потому, что их намеренно кто-то тряс).

3) Тем не менее, констатирует И. Балашша, иногда и в разговорном языке нельзя обойтись без страдательной глагольной формы, например, там, где писатель не называет действующее лицо. Заменять в этих случаях страдательную форму возвратным глаголом недопустимо, как недопустимо употреблять вместо нее и деепричастную конструкцию. Поэтому, по мнению ученого, нельзя сказать *Egy hivatal egy másik házban helyeződött el* (дословно: Учреждение поместилось в другом доме), но нужно: *helyeztetett el (было помещено)* или, используя неопределенно-личную форму, *helyezték el (поместили)* (Балашша 1951, с. 135, 276-277).

В большинстве случаев мысль, выраженную двучленной страдательной формой, можно передать и предложением действительного строя. Однако при этом имплицитный субъект приходится так или иначе эксплицировать. Ср.:

Megvizsgáltatott és helyesnek találtatott (Это изучено и признано правильным) – Megvizsgáltam és helyesnek találtam (Я изучил это и нашел правильным) – Megvizsgáltuk és helyesnek találtuk – (Мы изучили это и нашли правильным).

Таким образом, пассивное (страдательное) значение не имеет в современном венгерском языке регулярной морфологической формы глагола для своего выражения.

Но такое же заключение в какой-то мере справедливо и для русского языка, в котором пассивное значение реализуется не особой специализированной залоговой формой глагола несовершенного вида, а чрезвычайно многофункциональным постфиксом *-ся*. Более того,

опираясь на этот морфологический критерий, мы пришли бы к отрицанию категориальности залога и в английском языке: ведь здесь у глагола вообще нет противопоставленных по данной категории морфологических форм (значения активности / пассивности актантов выражаются синтаксическими конструкциями разных частеречных типов – вербальными и партиципиальными). Тем не менее, наличие в русском и английском языках категории залога большинством исследователей сомнению не подвергается. Следовательно, и в отношении современного венгерского языка отсутствие четко противопоставленных по залогу морфологических форм глагола не может быть признано решающим доводом в пользу полного отрицания существования в нем залоговости.

3. Кроме того, русским пассивам партиципиального типа регулярно соответствуют венгерские **деепричастные** конструкции с объектом в качестве подлежащего и со связкой, которая эксплицитно выражается и в настоящем времени. В функции признакового компонента здесь употребляются только деепричастия на *-va, -ve*:

Домашнее задание выполнено учениками – A házi feladat el van készítve a tanulók által / A házi feladatot elkészítették a tanulók által;

см. также: *A ház fel van építve (Дом построен); A ház fel volt építve (Дом был построен).*

При этом в венгерском литературном языке недопустимо будущее время; в этом случае следует использовать личную форму соответствующего непереходного глагола: *Дом будет построен – A ház fel (fog) épül (-ni)*. Ср. с отсутствием подобного временного ограничения в пассивных партиципиальных конструкциях русского и английского языков:

Дом будет построен – The house will be built.

Таким образом, противопоставление залоговых форм достаточно отчетливо поддерживается в венгерском языке синтаксической оппозицией **активная вербальная конструкция – деепричастная пассивная конструкция**. Ср., с одной стороны, с английским языком, где подобная залоговая оппозиция (активная вербальная конструкция – пассивная партиципиальная конструкция) – единственная, и, с другой стороны, с русским языком, в котором категория залога опирается на более системное противопоставление актива двум формам пассива – синтетической (с глаголом на *-ся*) и аналитической (с краткой формой страдательного причастия). Следовательно, венгерский язык по количеству грамматических способов выражения пассивности (окказиональная синтетическая и более регулярная аналитическая формы) располагается между русским языком (с его двумя категориально отмеченными формами) и английским языком (с его единственной аналитической формой). Например:

Дело решается – Az ügy intéződik – The case is being solved;

Дело решено – Az ügy el van intézve – The case has been solved.

Как видим, в сфере залоговых форм в сопоставляемых языках наблюдается параллелизм форм: пассивное значение регулярно выражается в них конструкциями с аналитическими формами пассива.

4. Еще одним доводом против признания категориальности залога в венгерском языке выдвигается регулярное или даже обязательное отсутствие формы творительного падежа субъекта в венгерских эквивалентах русских и английских трехчленных пассивов. Действительно, в деепричастных пассивных конструкциях именами или местоимениями в форме аблатива (*-tól, -től*) или социатива (*-val, vel*), а также именами и местоимениями с послелогом *által* или послеложным местоимением с основой *által* выражается, как правило, не субъект, а инструмент / средство:

Lugasszerű zöld kerítéssel van körülvéve (Он обведен зеленым забором в форме бечедки); A terrazon a márványasztalok vastag porréteggel voltak letakarva (На террасе мраморные столы были покрыты толстым слоем пыли).

В таких случаях мы имеем дело с так называемым «стативом».

Но в подавляющем большинстве случаев и венгерский пассив является двучленным: *A csomag persze össze van kötve (Сверток, конечно, перевязан); Mi ketten meg voltunk mentve (Мы двое были спасены)*. О чем говорит этот факт? На наш взгляд, главным образом, о двух вещах.

1) В венгерском языке категории залога не свойственна функция порядка слов, имеющаяся у английского и (в значительно меньшей степени) русского языков. Это объясняется тем, что порядок слов в венгерском языке менее свободен, чем в русском, но не так жестко закреплён, как в английском. В венгерском высказывании выделяемое ударением прямое дополнение и обстоятельство должны ставиться перед сказуемым и начинать собой речевой такт (см. об этом подробнее (Балашша 1951, с. 330-333; Дэжэ 1984, с. 96)). Из-за отмеченных межъязыковых расхождений русским и английским трехчленным пассивным конструкциям, как правило, соответствуют венгерские активные (а не трехчленные пассивные) предложения с инвертированным порядком слов. Ср.:

Письмо пишется Петром – The letter is being written by Peter – Levelet Péter ír; Дом разобран каменщикам – The house was pulled down by the brick-layers – A ház a kőművesek által lebontatott.

2) Кроме того, в венгерском языке пассивизация субъекта теснее, чем в русском, сопряжена с его имплицитностью, что также делает употребление трехчленного пассива окказиональным. Однако в сфере

имплицитности субъекта венгерский двучленный пассив сталкивается с сильной конкуренцией со стороны неопределенно-личной конструкции. В результате на месте русских двучленных партиципиальных или вербальных пассивных конструкций в венгерском языке появляются конструкции других типов:

а) вербальные конструкции с возвратной (непереходной) формой глагола: *Объявляется посадка на самолет Москва – Budapest – Megkezdődik a beszállás a Moszkva – Budapest járatra;*

б) неопределенно-личные предложения: *Учитель уважаем – A tanárt tisztelik; Газеты продаются на углу – A sarkon árulnak újságot; В городе построено много новых домов – A városban sok új házat építettek;*

в) активные конструкции, в которых объект олицетворяется: *Ez a cikk itt azt írja... (Эта статья здесь пишет...).*

Ср. конструкции с имплицитным субъектом в трех языках:

Ручная кладь досматривается здесь – Hand luggage is examined here – A kézipoggyászt itt vizsgálják meg.

Подробнее об особенностях взаимодействия категории залога с категорией определенности / неопределенности актантов в сопоставляемых языках будет сказано ниже.

Указанные межязыковые расхождения в сфере категории залога имеют следствием серьезные трудности в практическом овладении венграми русским языком, о которых очень образно сказал Ф. Папп: «Венгерскому способу мышления, с одной стороны, не нужны страдательные обороты; с другой стороны, в русской грамматике нет правил, определяющих, когда, при каких условиях нужно прибегать к страдательным оборотам. В результате одновременного действия этих двух причин в речи венгров, даже хорошо владеющих русским языком, возникают квазиправильные предложения: они могут написать целую книгу без единого русского страдательного оборота, вследствие чего этот текст будет отвергаться носителями языка как нерусский» (Papp 1984, p. 147-149).

Все перечисленные факторы в совокупности требуют дальнейшего многоаспектного анализа семантики и форм венгерской залоговости в сопоставлении с категорией залога и залоговостью других языков.

Итак, основной функцией категории залога как компонента релятивно-структурного подаспекта устройства предложения в сопоставляемых языках является грамматическая **характеризация актантов** семантической структуры – субъекта и объекта. В активной конструкции субъект предстает как «активный», а объект – как «пассивный»; в пассивной конструкции субъект получает грамматический признак «пассивность», а объект, соответственно, – «активность».

3.3. Семантико-функциональное поле залоговости

СФП залоговости включает в себя, кроме категории залога, различные конструкции с возвратными формами глагола. Во всех сопоставляемых языках залоговые значения и средства их выражения, по-разному комбинируясь в составе данного СФП, составляют значительную долю своеобразия организации их синтаксиса.

3.3.1. Залоговость в русском языке

Большой интерес для типологии предложения представляет анализ залоговой семантики синтаксических конструкций с глаголами на *-ся*.

Вопрос о языковой природе, значениях и функциях аффикса (постфикса, частицы) *-ся* является весьма спорным. Мы, вслед за многими учеными, видим в постфиксе *-ся* проявление агглютинативности в общем флективном строе русского языка. Природа данного постфикса рельефно проявляется при его сопоставлении с возвратными постфиксами в таком типично агглютинативном языке как венгерский (см. об этом (Пешковский 1938, с. 128; Янко-Триницкая 1962, с. 30-36)).

Семантика постфикса *-ся* настолько многообразна и значима для типологии русских предложений, что оппозиция «глаголы без *-ся* / глаголы с *-ся*» использовалась даже в качестве формального критерия деления глаголов на два класса (Светлик 1970). Однако широкого применения данный критерий пока не нашел из-за отсутствия достаточно строгой классификации самих глаголов на *-ся*. Известно множество различных вариантов такой классификации, среди которых выделяются следующие основные группы:

преимущественно семантические классификации (Шахматов 1941; Русская грамматика 1979; Веренк 1985; Корнева 1996);

классификации, в большей степени ориентированные на грамматическую категорию залога (Виноградов 1972; Грамматика русского языка 1952);

классификации, имеющие целью как распределение возвратных глаголов по значениям, так и учет значений, омонимичных пассивным формам на *-ся* (Бондарко 1967, с. 165-166; Буланин 1986, с. 76-79);

типологические исчисления по диатезам и залогам (Недялков 1978; Долинина 1989);

классификации, в которых грамматические функции постфикса *-ся* (страдательный залог, безличность) отграничиваются от лексических особенностей собственно возвратных глаголов (Распопов 1984, с. 92-94).

Иногда в синтаксических работах этому вопросу уделяется чрезмерное, на наш взгляд, внимание, в результате чего проблемы

устройства предложения растворяются в лексико-морфологических классификациях глаголов. В наименьшей степени данный недостаток присущ описанию русских возвратных глаголов, произведенному Н.А. Янко-Триницкой с опорой на работы А.А. Шахматова, С. Карцевского и В.В. Виноградова (Янко-Триницкая 1962). Отличительной чертой этой классификации является ее последовательный **синтаксический** характер и, в частности, учет субъектной и объектной семантики, выявляемой в конструкциях с возвратными глаголами путем их сопоставления с предложениями, в которых используются невозвратные глаголы. Общее значение частицы *-ся* определяется Н.А. Янко-Триницкой как «усиление самостоятельности действия». Поэтому, будучи присоединенной к переходному глаголу, частица лишает глагол связи с объектом, устраняя его различными способами, а будучи присоединенной к непереходному глаголу, она лишает этот глагол связи с субъектом действия. В зависимости от характера устранения прямого объекта невозвратного переходного глагола все значения возвратных глаголов подразделяются на отобъектные и отсубъектные (Указ. соч., с. 243-246).

Основные принципы данной классификации нашли то или иное отражение во многих работах по возвратности, однако ее важнейший, по нашему мнению, принцип – повышенное внимание к семантике актантов (особенно к объекту) – не был далее развит, возможно, в связи с доминированием в синтаксисе того времени концепции предикативного минимума предложения.

Подробную классификацию возвратных глаголов в семантико-синтаксическом плане даёт О.В. Чагина. Автор систематизирует русские возвратные глаголы с позиции уточняющего их описания, что имеет большое значение для практики преподавания русского языка как иностранного. О.В. Чагина выделяет одиннадцать разрядов возвратных глаголов: собственно-возвратные, взаимно-возвратные, возвратные глаголы эмоций, возвратные глаголы количественных и качественных изменений (декаузативные глаголы), косвенно-возвратные, возвратно-каузативные, пассивно-качественные, активно-безобъектные, побочно-возвратные, возвратные глаголы пассивного значения, возвратные глаголы квазипассивного значения (Чагина 2004, с. 306-340; 2009).

Анализ семантической структуры предложений с возвратными глаголами в релятивно-структурном подаспекте с позиций информативного минимума предложения позволяет уточнить некоторые классификационные рубрики, предложенные в работах Н.Н. Янко-Триницкой и О.В. Чагиной. Особо подчеркнем, что классификация самих глаголов на *-ся* не является в нашей работе

самоцелью, она призвана послужить лишь инструментом для выявления номенклатуры синтаксических конструкций, составляющих СФП залоговости в русском языке.

Исходя из приоритета синтаксической стороны в классификации такого разнородного материала, каким является огромный массив предложений с глаголами на *-ся*, в нем следует прежде всего выделить конструкции, являющиеся одной из форм выражения **пассивного залога**. Различительным критерием здесь является наличие в структуре предложения имплицитной или эксплицитной формы пассивного субъекта.

Ср. два предложения:

Все подозрительные задерживаются до установления личности (двуактантная конструкция, пассивная форма глагола *задерживать*, пассивный неопределенный субъект действия – *милицией, патрулями*) – *Они опять задерживаются* (одноактантная конструкция, возвратный глагол *задерживаться*).

Вторую большую группу составляют конструкции с глаголами на *-ся*, которые, не являясь формой категории залога, входят в СФП залоговости. При этом, как показало наше исследование, часть из них тяготеет к сфере выражения активности субъекта, т. е. к активным предложениям, а другая часть – к сфере пассивности субъекта, т. е. к пассивным предложениям. Предложения этих двух семантико-структурных типов и составляют предмет нашего рассмотрения.

От указанных групп двуактантных конструкций с субъектно-объектной семантикой следует отличать предложения с глаголами на *-ся*, которые не входят в СФП залоговости, поскольку выражают другие инвариантные семантические структуры (не субъектно-объектные).

Анализ материала позволил нам включить в **состав СФП залоговости** следующие конструкции.

1. Предложения, в которых глагол включает (инкорпорирует) в свое значение ситуативно определенный (иногда – единственно возможный) неодушевленный объект: *Курица несется (яйца); Он зажмурился (глаза); Собака оскалилась (пасть)*.

2. Предложения с собственно-возвратными глаголами, указывающими на то, что действие имеет своим объектом самого субъекта: *Дети умываются; Она переделалась*.

Эти предложения, как известно, восходят к активным предложениям, в которых объект был представлен формой винительного падежа энклитического местоимения *ся (себя)*. Поэтому они располагаются в непосредственной близости от категориальной залоговой формы с активным субъектом. Ср.:

Песней она поддерживала себя, поддерживала окружающих (Д. Гранин).

Однако, как отметил А.М. Пешковский, предложения с собственно-возвратными глаголами по смыслу не тождественны предложениям с невозвратными глаголами и местоимением *себя*. Предложение *Он застрелился* более цельно, чем более расчлененное *Он застрелил себя*. «Для нечаянного выстрела с выделением фактической стороны дела больше подходит второе, а для настоящего самоубийства, связанного с психологической цельностью акта, больше подходит первое» (Пешковский 1936, с. 129).

Думается, что в подобных примерах мы имеем дело с еще одним проявлением конкуренции грамматической формы – постфикса *-ся* и местоимения *себя* как способов выражения одного и того же залогового значения – направленности действия субъекта на сам субъект, выступающий объектом действия. Кстати, в английском языке, имеющем только лексические средства выражения возвратности, реализация тонких семантических различий, подмеченных А.М. Пешковским в русских предложениях, невозможна. Более того, предложение *He shot himself* вне контекста отличается двусмысленностью: *Он застрелился* или *Он стрелял сам?*

3. Предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта: *Они обнялись*; *Она поцеловалась с сестрой*.

Сопоставляя такие предложения с обычными активными, можно проследить за некатегориально выражаемыми в них оттенками реальной направленности действия:

а) *Они с братом обнялись* – *Они обняли друг друга* (действие взаимное, равнонаправленное; в первом предложении взаимность выражена грамматически, во втором – лексически);

б) *Он обнялся с братом* (действие взаимное, но доминирует направленность от субъекта *он* к объекту *брат*) – *Он обнял брата* (обычная для активных конструкций направленность действия от субъекта к объекту).

Во всех предложениях субъект выступает как грамматически активный.

4. Предложения с глаголами на *-ся* в абсолютном употреблении подразделяются на две группы:

а) активно-безобъектные конструкции: *Она ругается*; *Корова бодается*. Субъектом действия в таких конструкциях является одушевленный субъект – антропоним или зооним. Ни о какой семантической возвратности, т. е. направленности действия на сам субъект, здесь, разумеется, речи нет. Предложения данного типа интерпретируются нами как личные активные, грамматически выражающие действие активного субъекта, направленное на обобщенный объект.

б) качественно-возвратные конструкции: *Мел пачкается*. Сравнение предложений данного типа с предложением *Мел пачкает*, в котором абсолютно употреблен невозвратный глагол, показывает, что в обоих случаях речь идет об обобщенном объекте, но в первом это значение грамматически закреплено при помощи постфикса *-ся*. При этом и в том, и в другом предложении глагольный признак бывает осложнен модальными и видо-временными значениями, придающими субъекту значение вневременного действия, свойства (см. об этом (Чесноков 1992, с. 77)).

5. Предложения с косвенно-возвратными глаголами, обозначающими действия, которые совершаются субъектом в своих интересах: *Старики запаслись на зиму топливом*. Здесь речь также идет о действии активного субъекта. Ср. с предложением с лексически выраженной возвратностью *Старики запасли себе на зиму топливо* и с предложением *Старики запасли на зиму топливо*, в котором значение «себе, для себя, в своих интересах» не выражено.

6. Отдельную группу составляют предложения с возвратными глаголами ЛГР касания типа: *Он коснулся ее руки*; *Она притронулась к его лбу*. В данных предложениях глагол инкорпорирует значение неотчуждаемого инструмента – части тела активно действующего субъекта (*рукой, пальцами, губами* и т.п.), которым он, собственно и осуществляет контакт с объектом.

7. Предложения с пассивно-возвратными глаголами (ЛГР зрительного и слухового восприятия, умственного действия). Субъект представлен здесь формой дательного падежа или синтаксическим нулем как грамматически пассивный, носителем грамматического признака выступает объект, занимающий позицию подлежащего: *Издалека слышались какие-то непонятные звуки*; *Ему вспомнилась поездка на Кавказ*. Предложения данного типа регулярно противопоставляются личным активным конструкциям: *Они слышали какие-то непонятные звуки*; *Он вспомнил поездку на Кавказ*.

8. Предложения с пассивно-возвратным глаголом ЛГР обладания *иметься*: *У них имеется трехэтажный дом*. В предложениях этого типа с пассивной семантикой субъект, который всегда является одушевленным, представлен предложно-падежной формой как пассивный; объект выступает как грамматический носитель отношения обладания. Грамматическая направленность отношения (центростремительная) здесь противоположна его реальной направленности (центробежной); ср. с активной конструкцией: *Они имеют трехэтажный дом*.

9. Предложения с так называемыми пассивно-каузативными глаголами, в которых активный каузирующий субъект является в то же

время объектом действия другого неназванного или выраженного предложно-падежной формой пассивного субъекта: *Он подстригся* (он сделал так, что его подстригли); *Она лечилась у опытного невропатолога* (она устроила так, что ее лечил опытный невропатолог). Такие предложения с осложненной семантикой противопоставляются простым личным активным или неопределенно-личным предложениям, в которых актант-каузатор действия представлен как его пассивный объект, а актант-производитель действия выступает как активный: *Его подстригли* (неопределенный активный агенс); *Ее лечил опытный невропатолог* (определенный активный агенс). Ср. также с пассивными предложениями: *Он подстрижен модным парикмахером*; *Она лечится / была вылечена опытным невропатологом*.

10. Пассивно-бессубъектные предложения: *Стекло бьется*; *Золото хорошо куется*. В предложениях данного типа выражается потенциальная возможность объекта подвергнуться определенному физическому воздействию со стороны обобщенного субъекта.

Итак, в структуре СФП залоговости выделяется 10 типов конструкций с возвратными глаголами различных ЛГР. При этом предложения типов (1)-(6) относятся к сфере **активности**, а (7)-(10) – к сфере **пассивности** субъекта.

Как уже говорилось, понятия залога и залоговости применимы только по отношению к предложениям, выражающим те или иные виды субъектно-объектных отношений. Однако полевой подход к синтаксису предполагает исследование и таких форм, которые составляют разного рода **смежные** или переходные подсистемы.

1. К сфере субъектно-объектных отношений непосредственно примыкают предложения, описывающие эмоционально-психическое состояние субъекта-антропонима, вызванное воздействием на него внешней **причины**. Признаковый компонент выражается здесь глаголом на *-ся*, а обстоятельство причины – падежной или предложно-падежной формой: *Мы обрадовались ее приезду*; *Она смутилась от его слов*. Указанные предложения соотносятся с активными и пассивными субъектно-объектными конструкциями: *Ее приезд обрадовал нас* – *Мы были обрадованы ее приездом*; *Его слова смутили ее* – *Она была смущена его словами*.

2. При анализе предложений с глаголами на *-ся* в поле зрения попадают конструкции типа *Дверь открылась*; *Цены повышаются*; *Бумага порвалась*. Прежде всего в глаза бросается их лексическое сходство с субъектно-объектными предложениями различных структурных типов, ср.: 1) *Дверь открылась*; 2) *Дверь открыло*; 3) *Дверь открыта*; 4) *Дверь открыли*.

Дифференцировать такие предложения иногда затрудняются даже носители русского языка. Однако, если в предложениях (2)-(4) речь идет о воздействии на объект имплицитно представленного субъекта (во втором – агенса-каузатора, в последнем – агенса-антропонима, в третьем – агенса любого субкатегориального типа), то в (1) говорится о результате воздействия на тот же объект не агенса, а имплицитно представленной **причины**. Ср. с предложением с эксплицитной причинной формой: *Дверь открылась из-за сквозняка* (от порыва ветра и т. п.). Близость предложений с причинным компонентом к субъектно-объектным предложениям очевидна, поскольку субъект и объект обычно связаны между собой отношением, в котором просматривается и причинно-следственная взаимосвязь. См. в этой связи следующее высказывание А.А. Потевни: «Понятие действия, как и понятие субъекта и объекта, неотделимо от понятия причины: отражение действия на предмете имеет причиной действие субъекта. Причинность слагается из действия субъекта и одновременности или последовательности этого действия с состоянием объекта» (Потевня 1968, с. 7).

3. Предложение с возвратным глаголом *иметься* типа *На лобовом стекле имеется трещина* представляет собой локативно-посессивный вариант предложения локализации *На лобовом стекле (есть) трещина*. По своей номинативной семантике оно не относится к числу субъектно-объектных, но находится в отношениях вариантности с субъектно-объектной по грамматической структуре конструкцией *Лобовое стекло имеет трещину*, которая, в свою очередь, неизосемическим способом выражает инвариантную семантическую структуру «субъект и его качественный признак»: *Лобовое стекло треснутое*.

Сопоставим семантику и форму всех приведенных выше предложений: *На лобовом стекле (есть) трещина* (изосемическое предложение с ИСС локализации) – *На лобовом стекле имеется трещина* (локативно-посессивное предложение) – *Лобовое стекло имеет трещину* (посессивная конструкция, неизосемически выражающая ИСС «субъект и его качественный признак») – *Лобовое стекло треснутое* (одноактантное предложение, изосемически выражающее ИСС «субъект и его качественный признак»).

На приведенных примерах хорошо прослеживается распространенное в русском синтаксисе явление переходности, которое, кстати, весьма затрудняет анализ семантико-структурного устройства предложения.

3.3.2. Залоговость и безличность

Для типологии русского простого предложения несомненный интерес представляет анализ взаимодействия залоговости с категорией личности / безличности.

На органическую связь залоговых значений с безличностью указал А.А. Потебня (Потебня 1968, с. 413, 441). А.А. Шахматов по значению сближал безличную конструкцию со страдательной: «дополнение в винительном падеже может вызывать представление о субъекте, испытывающем на себе действие предиката, подобно тому как такое же представление вызывается дополнением при глаголе страдательного залога» (Шахматов 1941, с. 95). Ф.И. Буслаев в качестве одной из особенностей русского языка отметил возможность замены личных конструкций «безличными в форме действительного залога для обозначения залога страдательного, но в форме залога среднего, с творительным лица действующего и с винительным предметом, подлежащего действию: *Его гром убил – Его громом убило* (предмет *Он убит громом*)» (Буслаев 1959, с. 385).

1. Мнения современных синтаксистов относительно залоговой квалификации **двуактантной безличной конструкции** существенно расходятся. Так, Я. Качала полагает, что она не может быть отнесена ни к активу, ни к пассиву (Качала 1978, с. 88); другие лингвисты считают данную безличную конструкцию разновидностью активной (Иванова-Янковская 1952, с. 10-11; Мразек 1964, с. 155, 166-176; Холодович 1974, с. 363).

Анализ устройства двуактантного безличного предложения типа *Ветром сорвало крышу* в терминах категории залога позволяет установить, что, с одной стороны, пациенс представлен здесь как зависимая субстанция; в связи с этим можно говорить о центробежной грамматической направленности глагольного признака (хотя самого грамматического центра нет). С другой стороны, агенс выступает не как независимая субстанция – грамматический носитель признака (подлежащее), а как другая зависимая субстанция – дополнение (Бондарко 1978, с. 61-62).

Таким образом, ситуативная направленность воздействия от агенса к пациенсу получает в синтаксической структуре данного предложения только частичную поддержку, вследствие чего его семантика объединяет в себе грамматические признаки как активной, так и пассивной конструкций. Пациенс имеет здесь грамматический признак **пассивность** (как в личной активной конструкции), а агенс характеризуется как «активно-пассивный» или **демиактивный**, например:

Агенс	–	воздействие	→	пациенс
<i>Ветром</i>		<i>сорвало</i>		<i>крышу</i>
дополнение	–	безл. глагол	→	дополнение
«демиактивность»				«пассивность»

Выявленные грамматические признаки актантов особенно рельефно выделяются при сопоставлении личной активной (1), безличной (2) и пассивной (3) конструкций, выражающих одну и ту же ситуацию:

1) <i>Град побил</i>	<i>рассаду</i>
агенс	пациенс
активность	пассивность
2) <i>Градом побило</i>	<i>рассаду</i>
агенс	пациенс
демиактивность	пассивность
3) <i>Градом побита</i>	<i>рассада</i>
агенс	пациенс
пассивность	активность

При таком сравнении становится особенно заметным убывание степени активности агенса: активность – демиактивность – пассивность. Ср. также документированные примеры использования всех трех конструкций:

Пуля глубоко пропахала ему щеку (М. Бубеннов);
Пулей чуть задело мякоть (А. Иванов);
Моряк был убит пулей в глаз (А. Платонов).

2. Не до конца решенным является вопрос о том, какую позицию представляет в структуре **двучленной безличной конструкции** типа *Крышу сорвало* синтаксический нуль: подлежащего или дополнения. По аналогии с неопределенно-личным предложением можно было бы посчитать, что здесь имплицитно представлена позиция подлежащего, а различия между неопределенно-личной и двучленной безличной конструкциями заключаются в субкатегориальной принадлежности агенса (антропоним – в первой и каузатор – во второй):

В окно стучали (*В окно стучал сосед*) – **В окно стучало** (*В окно стучала ветка*).

Сопоставив двучленную безличную конструкцию с трехчленной безличной, в которой данная позиция эксплицитно представлена формой в творительном падеже, мы интерпретировали синтаксический нуль как имплицитную форму **дополнения**. Ср.: *Градом побило рассаду* → *Рассаду побило*. Таким образом, в двучленной безличной

конструкции неопределенный агенс-каузатор также выступает как **демиактивный**.

3. В свете вышеизложенного вопрос о соотношении залоговости и категории личности / безличности мы решаем следующим образом.

Сфера действия категории личности / безличности охватывает предложения всех ситуативно-структурных типов (с одно-, дву-, трех- и четырехактантными семантическими структурами), в то время как по категории залога противопоставляются только дву- и более актантные конструкции. Следовательно, категория личности / безличности шире по охвату, но в сфере двуктантных предложений залоговость включает в себя и категорию залога, и личность / безличность.

Таким образом, наблюдается следующая **иерархия** компонентов данных категорий:

3.3.3. Залоговость в английском языке

В современном английском языке в связи с отсутствием грамматической формы, эквивалентной русскому постфиксу *-ся*, оттенки залоговых значений выражаются **лексическими** средствами в рамках активных или пассивных конструкций.

Так, значения возвратности и взаимности реализуются как самим глаголом в активной форме (объект инкорпорирован в глагольную семантику), так и при помощи местоимений (*oneself, each other, one another*):

John dressed (himself) (Джон оделся);

They kissed (one another) (Они поцеловались).

Дж. Керм и О. Есперсен предложили также выделить в английском языке так называемый «пассив действия», образуемый сочетанием глаголов *to get, to become* и пассивного причастия: *He got infuriated by her refusal* (Сирме 1935; Есперсен 1958). Подобные предложения, не входя в систему категории залога, составляют, тем не менее, конституент СФП залоговости. Ср. с русскими предложениями с

глаголами на *-ся* с причинным компонентом: *Он взбесился от ее отказа; Он разъярился (рассердился) из-за ее отказа* (критику «пассива действия» как особой формы залога см. в работах (Жигадло 1956; Воронцова 1960)).

Русские предложения с глаголами на *-ся* других семантико-структурных разновидностей переводятся на английский язык разными конструкциями:

а) предложения типа *Он подстригся* передаются аналитическим способом: *He had his hair cut;*

б) *Ему вспомнился кошмар* – глаголом в активной форме: *He remembered the nightmare;*

в) *Внезапно послышался удар* – двучленным пассивом: *Suddenly a crash was heard;*

г) *Мне все еще не верится в это* – модальным глаголом с инфинитивом: *I still can't believe that.*

Различные оттенки залогового значения, которые исследователи относят к так называемому среднему (медiallyму) залогу (Бархударов 1975, с. 111-112), чаще всего выражаются английскими предложениями глаголом в активной форме:

The concert began (Концерт начался);

The door opened (Дверь открылась);

The book sells well (Книга хорошо продается);

The dog bites (Собака кусается).

Однако формальная невыраженность подобных значений в английском предложении переводит их описание в лексико-семантическую плоскость. Освещение этого вопроса в терминах диатез и залогов см. (Долинина 1989, с. 42-51, 148-190).

3.3.4. Залоговость в венгерском языке

В венгерском языке так называемые возвратные глаголы составляют целую подсистему форм, грамматически противопоставленных как активным, так и пассивным формам.

В отличие от русского языка с его единственным, но многофункциональным постфиксом *-ся* в венгерском языке суффиксы, выражающие оттенки залоговых значений, весьма многочисленны. Их можно разделить на две группы, в первую из которых входят суффиксы иковых глаголов, во вторую – безиковых.

Все суффиксы первой группы являются вторичными: они состоят из первичных (простых) суффиксов, из которых *-d-*, *-z-* выступает в качестве последнего компонента. Эти суффиксы выражают очень близкие друг к другу, иногда даже трудно различимые оттенки залоговых значений: возвратное, взаимное, пассивно-возвратное,

общевозвратное. Суффиксы безиковых глаголов *-ul, -ül* выражают общевозвратные оттенки залогового значения и являются непродуктивными: *tanulni* (учиться) (см. об этом подробнее (Майтинская 1959, с. 103-107)).

Если рассматривать русские и венгерские конструкции с возвратными глаголами с типологической точки зрения, то между ними обнаруживается общность в образовании и функционировании. Здесь, как и в русском языке, возвратный глагол обозначает:

1) действие, субъектом и объектом которого является то же самое лицо или предмет, т. е. субъект совершает действие над самим собой (возвратность): *ruházkodni* (одеваться); *fésülködni* (причесываться); *borotválkozni* (бриться); *öltözni* (одеваться); *takarózni* (кутаться); *mosakodik* (мыться), *védekezik* (защищаться);

2) действие, происходящее между двумя лицами, когда оба лица являются одновременно и субъектами и объектами действия (взаимность): *ölelkezni* (обниматься); *csókolózni* (целоваться); *találkozni* (встречаться); *birkózni* (бороться).

Конструкции со всеми перечисленными возвратными формами относятся к сфере **активности** (сопоставление возвратности и взаимности в венгерском, русском, английском и немецком языках см. (Джэ 1984, с. 28-31)).

Суффиксы *-ód, -őd* могут использоваться для реализации пассивно-возвратного оттенка значения: действию подвергается предмет, обозначаемый подлежащим, а субъект действия не указан, например: *íródni* (писаться (быть написанным)): *A levél lassan íródik* (Письмо пишется медленно) (т. е. оно как бы само пишется).

Как уже отмечалось, в современном венгерском языке наблюдается тенденция использовать такие конструкции вместо **двучленных пассивных**. Однако между значениями пассивно-возвратной и пассивной суффиксации еще ощущаются различия:

в пассивно-возвратном примере *A levél megíródott* (букв. Письмо написалось) состояние объекта представлено как бессубъектное (как будто само по себе);

в пассивном примере *A levél megíratott* (Письмо было написано) субъект действия представлен имплицитно.

Ср. с русскими предложениями: *Дверь открылась – Дверь открыта.*

Пассивно-возвратное значение часто легко переходит в различные подтипы общевозвратного значения. Например, в предложениях типа:

а) *A szukor a vízben oldódik* (Сахар растворяется в воде) наблюдается значение свойства объекта;

б) *A ruha gyűrődik* (Платье мнется); *A bot nem hajlik* (Палка не сгибается) выражается значение состояния (свойства) объекта и его имплицитной причины.

См. также глаголы, передающие в предложениях различные другие виды общевозвратного действия: *gúnyolódni* (издеваться); *zavarodni* (смущаться); *nyalakodni* (лакомиться); *változni* (меняться); *fogódzni* (держаться); *keveredni* (смешиваться); *maradni* (оставаться); *fáradni* (утомляться); *bezárkózni* (закрывать) и т. д.

Однако таким русским предложениям с глаголами на *-ся*, как *Собака кусается*; *Крапива жжется*, соответствуют венгерские предложения с невозвратными (активными) глаголами: *A kutya harap* (*Собака кусает); *A csalán csíp* (*Крапива жжет) или с отглагольными прилагательными: *A kutya harapós* (*Собака кусачая); *A csalán csípős* (*Крапива жгучая).

Таким образом, по разнообразию возвратных форм венгерский язык превосходит русский; по количеству оттенков залоговых значений, передаваемых конструкциями с возвратными формами глаголов, они приблизительно равны и значительно превосходят в этом отношении английский язык, в котором возвратная форма глагола вообще отсутствует. Ср. предложения в трех языках:

Ребенок причесывается – A child combs his hair – A gyermek fésülködik;

Мой приемник сломался – My radio has broken down – Elromlott a rádióm;

Мы уже раньше встречались – We've met before – Már találkoztunk;

Спектакль начинается в четыре часа – The performance begins at four o'clock – Az előadás négykor kezdődik;

После лекций они вернулись домой – After lectures they returned home – Előadások után (ők) hazatértek.

Итак, как мы видели, формы выражения значений категории залога и залоговости, взаимоотношения залога со смежными компонентами релятивно-структурного аспекта и с категориями других аспектов устройства предложения значительно варьируются от языка к языку и определяют специфику системы их предложений.

ГЛАВА 4. Категория определенности / неопределенности (обобщенности) актантов в сопоставительной типологии простого предложения

4.1. Определенность / неопределенность (обобщенность) актантов как грамматическая категория

1. Определенность / неопределенность (обобщенность) предметного компонента ситуации является одной из основных категорий устройства предложения. Как и другие категории с полевой структурой, она включает в себя равноуровневые и равноаспектные языковые средства (ТФГ 1992; Гак 1998, с. 84-99).

Методика поаспектного анализа позволяет описывать эти средства отдельно в рамках номинативного и коммуникативного аспектов. Сейчас в центре нашего внимания находится номинативный аспект устройства предложения, поэтому интересующую нас категорию мы отграничиваем от одноименной категории актуализирующего аспекта, которая во многих языках выражается прежде всего неопределенным / определенным артиклем (ТФГ 1992; Рылов 1997).

В номинативном аспекте речь должна отдельно вестись о **лексической** определенности / неопределенности, т. е. об известности / неизвестности актанта говорящему, и о **грамматической** определенности / неопределенности (обобщенности) актанта.

Если лексическая составляющая данной категории в сопоставляемых языках достаточно хорошо изучена, то относительно ее грамматической составляющей этого пока сказать нельзя. Для типологии предложения большее значение имеет, естественно, грамматическая составляющая; однако в синтаксических работах она часто подменяется описанием лексической. Поэтому при анализе устройства предложения необходимо четко отграничить грамматическую определенность актанта от его лексически обозначенной известности, а грамматическую неопределенность – от лексической неизвестности. См., например, предложение с грамматически определенными, но лексически неизвестными актантами (субъектным и объектным): *Кто-то что-то шептал ей* (Д. Гранин).

В русской синтаксической традиции, начиная с Д.Н. Овсяннико-Куликовского, который впервые выделил **неопределенно-личное предложение** в качестве особого типа простого предложения (Овсяннико-Куликовский 1912), наблюдается стремление противопоставить определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения. Однако исследования были

ориентированы, главным образом, на описание особенностей только одного, хотя и важнейшего, актанта – субъекта, что не охватывает всего многообразия конструкций, которые могут быть противопоставлены по линии определенности / неопределенности их актантов. По нашему мнению, если в синтаксической системе языка предложения четко различаются по признакам одного семантического актанта, то они точно так же могут противопоставляться и по аналогичным признакам другого актанта. Поэтому отличительной особенностью развиваемой здесь трактовки грамматической категории определенности / неопределенности является распространение ее субъектных семантических признаков на **все обязательные актанты** семантической структуры предложения, в первую очередь – на **объект**.

2. Очертив круг интересующих нас вопросов, перейдем к анализу категории определенности / неопределенности актантов.

Грамматическая составляющая данной категории проявляется в подмеченной синтаксистами асимметрии количества компонентов семантической и синтаксической структур предложения. Функциональная сущность категории заключается в возможности эксплицитного или имплицитного представления семантических актантов в синтаксической структуре предложения.

Если тот или иной обязательный актант инвариантной семантической структуры предложения (субъект, объект, адресат, локализатор) оказывается в центре внимания участников ситуации общения, прежде всего – говорящего, то он эксплицируется, т. е. представляется словоформой, занимающей определенную позицию в синтаксической структуре предложения. Другие актанты могут при этом вытесняться в зону имплицитного обозначения.

Актант, **эксплицитно** представленный в синтаксической структуре словоформой, одновременно с лексическим именованием как известного или неизвестного говорящему получает грамматическую **характеристику** по линии **категорий числа, рода и персональности**: единственное / множественное число; мужской / женский / средний род; 1-е лицо (говорящий), 2-е лицо (собеседник), 3-лицо (неучастник ситуации общения). Данные категориальные признаки актантов встречаются в конкретных предложениях в различных комбинациях и объемах, но во всех случаях актант предстает как **грамматически определенный**.

Имплицитность (неназванность) того или иного обязательного актанта в синтаксической конструкции не означает его отсутствия в предложении: в семантической структуре эта позиция остается и мысленно заполняется **неопределенной** или **обобщенной** номинацией того предмета, который обычно выполняет функцию этого актанта в

выражаемой ситуации. Имплицитное обозначение актанга объясняется и тем, что говорящий может рассчитывать на его вполне адекватное восстановление адресатом высказывания.

Имплицитно в предложении может быть представлен любой актант. Обозначение в предложении невыраженного актанга можно интерпретировать или просто как результат его нелексикализованности (о возможности словесной невыраженности в предложении семантических актангов см. (Адамец 1984, с. 113-114; Володина 1989, с. 108-109, 120)), или как представление особой формой – синтаксическим нулем (Бархударов 1966, с. 176-180; Мельчук 1974, с. 361; Ломтев 1979, с. 176; Зимек 1978, с. 82; Бирюлин 1978, с. 237-243; Блох 1986, с. 58-60).

Мы придерживаемся следующей трактовки данного явления.

Если предметный компонент ситуации в результате языкового кодирования получил статус компонента семантической структуры предложения, то в ситуативно-структурном аспекте он вербализован. На релятивно-структурном уровне любой актант может быть представлен синтаксическим нулем, который замещает в конструкции синтаксическую позицию актанга, не выражая никаких его категориально-грамматических признаков, т. е. возможные характеристики актанга по числу, роду и персональности нейтрализуются. В этом и заключается **грамматическая неопределенность** актанга. При этом такой неопределенный актант может быть как известен, так и неизвестен говорящему (на эту его лексическую характеристику может указывать сама предметная ситуация, ситуация общения, семантика глагола, широкий контекст и т.д.).

Предложения различных конструктивных типов с имплицитными актангами во взаимодействии с категориями предикативного аспекта (темпоральностью, аспектуальностью, модальностью) могут передавать значение **обобщенности** актангов. Поскольку различия между предложениями с неопределенным и обобщенным одноименным актантом лежат за пределами номинативного аспекта, выделение обобщенно-субъектных (или обобщенно-объектных) предложений в отдельные семантико-структурные типы не представляется нам оправданным, и мы относим обобщенное значение актанга к сфере неопределенности. Поэтому в наименовании рассматриваемой категории мы иногда для краткости опускаем элемент «обобщенность».

3. Категория определенности / неопределенности актангов рассматривается в нашей работе в тесной взаимосвязи с другими компонентами релятивно-структурного аспекта: категориями личности / безличности и залоговости.

Категория определенности / неопределенности актангов тесно взаимодействует и с категорией предикативного аспекта – с **категорией персональности** (лица) в той ее интерпретации, которая была предложена Р. Якобсоном (Якобсон 1972) и развита затем многими исследователями (Химик 1990; Бондарко 1991; Гак 1998, с. 84-85).

Рассматривая взаимодействие двух категорий, мы исходим из того, что основной формой выражения персональности любого актанга в русском и английском предложении является не глагольная флексия, а личное местоимение. Только в случае, когда актант занимает позицию подлежащего, подключается глагольная форма, которая дублирует его показатель персональности.

В русском языке местоименный показатель персональности субъектного актанга в некоторых случаях опускается, в результате чего образуются так называемые **определенно-личные** предложения. В других синтаксических позициях субъектный актант получает характеристику по линии персональности только при помощи личных местоимений. Подмеченная черта аналитизма в синтетическом строе русского языка сближает его в данной области с преимущественно аналитическим английским.

В английском языке в силу его тотальной подлежащности опущение субъекта, выраженного личным местоимением в позиции подлежащего, невозможно, и определенно-личная конструкция отсутствует.

В венгерском языке дело обстоит иначе. Здесь удельный вес глагольной формы в выражении персональности актангов выше, чем в русском: глагол во всех временах однозначно указывает на персональность актангов, причем часто не только субъекта, но и объекта, вследствие чего их местоименные показатели регулярно опускаются, и в синтаксической системе широко представлены определенно-субъектные и определенно-объектные предложения.

Таким образом, по степени значимости местоименного компонента в выражении категории персональности актангов сопоставляемые языки соотносятся следующим образом:

английский > русский > венгерский.

В разных языках для выражения имплицитности актангов используются различные синтаксические средства, совокупность которых во многом определяет типологию их предложения в релятивно-структурном аспекте.

Рассмотрим подробнее формы выражения определенности / неопределенности каждого из обязательных актангов в отдельности.

4.2. Определенность / неопределенность субъекта

4.2.1. Определенность / неопределенность субъекта в активных конструкциях

Сущность данной категории наилучшим образом раскрывается при противопоставлении **личной активной** и **неопределенно-личной** конструкций.

1. В ряде синтаксических работ просто констатируется, что в личной активной конструкции субъект действия (агенса) выступает как определенный, а в неопределенно-личной – как неопределенный; содержание обоих понятий при этом не раскрывается (Светлик 1970, с. 137-138). Как отметил Т.П. Ломтев, подобные формулировки тавтологичны и ничего не определяют (Ломтев 1972, с. 136). Сам ученый объясняет понятия определенности и неопределенности, опираясь на аппарат математической логики: определенность – через понятие «разделительное множество», неопределенность – через понятие «собирательное множество» (Указ. соч., с. 138-140).

Как уже отмечалось, часто грамматическую неопределенность субъекта действия, выраженного в неопределенно-личной конструкции, отождествляют с его **лексической** неопределенностью (неизвестностью говорящему). Такой подход реализован в работе С.И. Сятковского, где предложения с лексически неопределенным субъектом типа **Кто-то** *постучал в дверь*; **Какие-то** *люди постучали в дверь* отнесены к разновидности неопределенно-личных предложений – к так называемым двусоставным неопределенно-личным предложениям (Сятковский 1966, с. 6-9). Как совершенно справедливо указал А.К. Федоров, неопределенность субъекта в предложениях приведенного типа свойственна не самому предложению, а местоимению *кто-то* и ничем не отличается от «неопределенности» в предложении типа *Незнакомый человек постучал в дверь* (Федоров 1972, с. 139). Однако неопределенность и неизвестность субъекта в предложениях продолжают описывать недостаточно дифференцированно, причем зачастую с упором именно на лексическую составляющую, превалирующую в некоторых языках.

В то же время в синтаксической литературе давно известны и определения, которые базируются на грамматических понятиях. Так, у А.А. Шахматова говорится, что действующее лицо, выраженное (имплицитно) в так называемом определенно-личном предложении, характеризуется по линии грамматических категорий лица и числа, а в неопределенно-личном предложении указания на лицо и число деятеля отсутствуют (Шахматов 1941, с. 70). Об использовании неопределенно-личных предложений для «маскировки» личных заявлений (от 1-го лица) и выражения необозна-

ченности количества действующих лиц (единственное / множественное число) писал А.Н. Гвоздев (Гвоздев 1968, с. 90). Сходные интерпретации данного явления содержатся в работах (Распопов 1970, с. 77; Алисова 1971, с. 116-177; Низяева 1972, с. 51) и др. Для типологии предложения, естественно, более релевантна именно грамматическая составляющая категории определенности / неопределенности субъекта.

2. В соответствии с разделяемой нами концепцией в **личной активной конструкции** субъект выступает как грамматически **определенный**. При этом он может быть как известным, так и неизвестным говорящему.

См. примеры с грамматически определенным известным агенсом:

Фрол *ссыпал землю в ямку* (В. Шукшин); **Катерина Петровна** *осторожно перебирала пухлые бумажки* (К. Паустовский); **И вот сторож** *распахнул дверь фургона* (Г. Троепольский); **Столяры** *делали по ее заказу столики, стульчики, полочки, кубики* (В. Кетлинская).

Примеры предложений с грамматически определенным неизвестным агенсом:

На ходу кто-то *задевал кусты* (В. Шукшин); **Кто-то** *рвал дверь снаружи* (Ю. Нагибин); **Сзади меня кто-то** *тронул* (А. Бек).

Как уже отмечалось, грамматически определенный известный субъект, занимая в личных активных предложениях позицию подлежащего, характеризуется по линии категории **персональности** двояко: личным местоимением и соответствующим личным окончанием глагола (связки):

Да я *за двести рублей горло перегрызу* (Ю. Нагибин); **Никак мы** *его из норы не вытащим* (Ю. Нагибин).

См. личные активные предложения с определенным известным субъектом в английском и венгерском языках:

I was learning *my part, my lines* (M. Spark) (*Я готовила роль, учила реплики*); **You drink** *little cups of tea all day* (M. Spark) (*А вы только чай распиваете маленькими чашечками целыми днями*).

Én kifizettem *a vámot* (*Я уплатил пошлину*).

В русском языке в силу закона экономии речевых усилий избыточная местоименная форма выражения персональности регулярно опускается, образуя особый подтип личных активных предложений – так называемые определенно-личные, а точнее – определенно-персонально-субъектные предложения: *Проволочную петельку в приклад забью* (А. Иванов); *Ночью уберем его с поля* (А. Платонов).

В английском языке в силу его облигаторной подлежащности и меньшей развитости глагольных флексий опущение личного местоимения невозможно, т. е. подобная вариативность конструкций отсутствует. Ср.:

I'll get *a secretary* (M. Spark) – *Возьму секретаршу*.

В венгерском же языке, наоборот, определенно-личный вариант предложения даже более частотен, чем вариант с двойной персональностью. Ср. с русским языком:

Megkaptam a meghívását – Я получил ваше приглашение; Tanulom az orosz nyelvet – Я изучаю русский язык.

На большую распространенность определенно-личных конструкций в венгерском языке по сравнению с русским обратили внимание венгерские русисты. С позиций родного языка им кажется нелогичным использование в русском предложении личного местоимения перед спрягаемыми формами глагола настоящего времени. В качестве причины этого странного, на их взгляд, явления они выдвигают перенос структуры предложения с глаголами в форме прошедшего времени и условного наклонения, в которых личные местоимения необходимы, на предложения с глаголами настоящего времени, где эти местоимения уже избыточны. Такой перенос по аналогии становится возможным благодаря количественному преобладанию в русских текстах предложений с глаголами прошедшего времени над предложениями с глаголами настоящего и простого будущего времени, в результате чего обязательным средством выражения категории «лица – числа» во всех случаях начинают выступать и личные местоимения, а не только глагольные окончания (Болла 1977, с. 363-366).

На протяжении многих лет идет дискуссия о правомерности выделения определенно-личных предложений в отдельный типологический класс.

Многие синтаксисты с разных теоретических позиций пришли к решению не выделять данные предложения в отдельный структурно-семантический тип, включив их в класс личных активных (Пешковский 1938, с. 188; Ломтев 1958, с. 128; Скобликова 1979, с. 106) и др. Отмечается, что основные различия между этими двумя подтипами предложений лежат не в номинативной, а в стилистической плоскости: употребление определенно-личного варианта сообщает повествованию большую динамичность, энергичность, делает его более лаконичным (Бабайцева 1979, с. 121-122; Рылов 1997, с. 97-185).

3. В русском и венгерском синтаксисе личной активной конструкции с грамматически определенным субъектом категориально противостоит **неопределенно-личная** конструкция, в которой субъект лексически не выражен.

С точки зрения синтаксической формы данная конструкция является бесподлежащей (позиция подлежащего в ее структурной схеме представлена имплицитно), поэтому согласования признакового компонента с субъектом не происходит, как это имеет место и в другой разновидности бесподлежащих предложений – безличных

конструкциях. Отличительной чертой неопределенно-личной конструкции в русском и венгерском языках является фиксированная форма глагола или связочно-именного комплекса – 3-е лицо множественного числа. В английском языке в силу его тотальной подлежащности подобная конструкция отсутствует.

Ср. одноактантные, дваактантные и трехактантные предложения в русском и венгерском языках:

Стучат – Kopogtatnak; Этот дом построили в 1998 году – Ezt a házat 1998-ben építették; Мне сказали об этом – Elmondták nekem.

Что же обуславливает существование в системах этих (и многих других) языков специальной синтаксической конструкции с имплицитным субъектом? Мы различаем здесь несколько взаимодействующих разноаспектных факторов.

1) Нейтрализация лексической известности / неизвестности субъекта, являющаяся следствием его нелексикализованности в предложении. Если в личном предложении актанта может быть представлен словоформой как известный или неизвестный говорящему, то в неопределенно-личном предложении эта его лексическая характеристика оказывается нейтрализованной, хотя денотативная сущность субъекта может подсказываться самой предметной ситуацией, ситуацией общения, контекстом (в том числе семантикой глагола, наличием в предложении локативов и т. д.). Многие исследователи видят основную специфику неопределенно-личных предложений именно в том, что они позволяют не упоминать в предложении субъектный актанта (Бабайцева 1968; Алисова 1971; Лекант 1974; Химик 1990; Ломов 1994, с. 168-169).

2) Грамматическая неопределенность субъекта, обусловленная тем, что синтаксический нуль передает только информацию о синтаксической позиции (и, в некоторых конструкциях, – о субкатегориальной принадлежности актанта), нейтрализуя его собственно грамматические признаки – число, род и персональность.

3) Коммуникативная неопределенность субъекта, связанная с его устранением из коммуникативной перспективы высказывания. Результатом этого является перераспределение коммуникативной нагрузки между другими компонентами предложения, в результате чего в неопределенно-личном предложении внимание говорящего и слушающего сосредоточивается прежде всего на самом действии (Гвоздев 1968, с. 89; Бабайцева 1968, с. 34).

Итак, грамматической сущностью категории определенности / неопределенности субъекта как компонента релятивно-структурного аспекта устройства предложения мы считаем ее свойство определять / не определять субъект по линии грамматических категорий числа, рода и персональности.

4. Попутно коснемся здесь вопроса о так называемых «двусоставных неопределенно-личных» предложениях с местоимением 3-го лица множественного числа в позиции подлежащего (Федоров 1972, с. 139). Думается, что здесь имеет место контекстуально обусловленное употребление личной активной конструкции в функции неопределенно-личной. Рассмотрим пример:

Заметив опасность, всадники стянулись в одно место, построились. Озлун оставила своих людей, отправив на переговоры Чарха-Эбугена. Переговоры длились недолго. Старик возвратился, клонясь к шее лошади. Его правая рука была прижата к груди, из-под пальцев ползла кровь.

– *Они ударили меня копьём* (И. Калашников).

Из контекста видно, что здесь речь идет о множестве действующих лиц; местоимение *они* относится, однако, не ко всем этим лицам, а только к одному неизвестному лицу – ведь ударил старика копьём кто-то один из группы вражеских всадников. Следовательно, грамматическое значение местоимения *они* – множественное число – здесь не соответствует его номинативной отнесенности к единственному числу производителя действия. В форме множественного числа нейтрализуется признак рода, но сохраняется категориальная принадлежность субъекта – антропоним и его персональность – 3-е лицо, поэтому такое личное активное предложение свободно преобразуется в неопределенно-личное, ср.:

Они ударили меня копьём → *Меня ударили копьём.*

В русском языке в связи с наличием специализированной неопределенно-личной конструкции употребление подобных личных предложений с местоимением *они* окказионально. Иная ситуация сложилась в английском языке из-за отсутствия в его системе неопределенно-личной конструкции. Здесь часто используются активные предложения с местоимением *they* в позиции подлежащего, которые обычно соответствуют русским неопределенно-личным предложениям (хотя используется также двучленный пассив или другие способы перевода), например:

Молодчика вашего привезли (А. Толстой) → *They've brought in your young man*; *Его, допустим, расстреляли бы* (А. Чаковский) → *They would have shot him*; *Генератор остановят и разберутся* (Д. Гранин) → *They'll stop the generator and find out what's wrong with it.*

5. В отдельный семантико-структурный тип в русском и венгерском синтаксисе иногда выделяют предложения с **обобщенным** субъектом, называя в качестве его отличительных признаков (кроме выражения любого, обобщенного лица) вневременную окраску действия и сопутствующие ей модальные значения необходимости, неизбежности,

объективной обусловленности и т. п. (Гвоздев 1968, с. 87; Бабайцева 1979, с. 123-124; Химик 1990). Однако типологический статус подобных предложений не является общепризнанным (см. об этом (Распопов 1970, с. 83; Низяева 1972, с. 5; Скобликова 1979, с. 109-113) и др.). Как уже отмечалось, мы считаем обобщенно-личные высказывания вариантом неопределенно-личных предложений.

Ср. так называемые обобщенно-личные предложения русского и венгерского языков:

Даренному коню в зубы не смотрят – *Ajándék lónak nem nézik a fogát.*

4.2.2. Определенность / неопределенность субъекта в пассивных конструкциях

1. В русской **трехчленной** пассивной конструкции субъект (известный или неизвестный) представлен словоформой в творительном падеже. Следовательно, он характеризуется грамматическими категориями числа, рода и персональности как **определенный**, например:

*Как выяснилось, портсигар Гусева в числе многих подобных был изготовлен в начале этого года **старшиной** по прозвищу «Колянчик»* (В. Богомолов); *Вероятно, эта книга была **кем-то** отобрана до него* (К. Федин).

Как грамматически определенный субъект выступает в трехчленном пассиве в английском и, окказионально, в венгерском языках:

Sweden was beaten by the Soviet Union – *Svédország kikapott a Szovjetuniótól* – *Швеция была побита Советским Союзом* (о хоккее).

2. Семантика субъекта, представленного в **двучленной** пассивной конструкции синтаксическим нулем, давно привлекла к себе внимание синтаксистов. Вслед за В.В. Виноградовым, отметившим синонимичность предложений типа *Поле вспахано* – *Поле вспахали* (Виноградов 1972, с. 366-367), о семантической близости, но не тождественности данных конструкций с разных теоретических позиций писали многие исследователи (Золотова 1973, с. 163; Алисова 1973, с. 60-61; Адамец 1973, с. 103; Кубик 1977) и др. Поэтому отметим только признаки, по которым двучленный пассив и неопределенно-личная конструкция различаются:

а) в двучленном пассиве нулем может быть представлен субъект любого категориального и субкатегориального типа (антропоним, зооним, каузатор), в то время как в неопределенно-личной – только антропоним;

б) с точки зрения категории залога в двучленном пассиве субъект выступает как пассивный, а в неопределенно-личной – как активный.

В отличие от трехчленного пассива в двучленном субъект действия выступает как пассивный **неопределенный**. Лексическая известность / неизвестность грамматически неопределенного субъекта в двучленном пассиве во многих случаях нейтрализуется:

Материал там уже сложен (В. Кожевников); *Крылья были сделаны по указу великих государей* (К. Паустовский).

На лексическую известность субъекта здесь могут указывать те же факторы, которые действуют в сфере неопределенно-личной конструкции: прозрачность семантики признакового компонента, наличие в предложении локатива, широкий контекст:

На Красной площади уже было выстроено квадратами несколько полков пехоты (К. Симонов); *В киосках продавались альбомы с его работами, открытки с изображением его полотен* (С. Крутилин); *Но в то же время, исполняя приказ Фрунзе о занятии Уралья, Василий Чапаев, за день до «московской директивы» Деникина, начал наступление на Уральск. Казаки были разбиты* (К. Федин).

Выражаемая предложением ситуация может указывать на лексическую неизвестность агенса:

А наавтра – бац! – на двух машинах свечи покрадены (В. Кетлинская); *А эта партия была сознательно испорчена* (А. Чаковский).

См. также высказывание, в котором неизвестный неопределенный субъект параллельно выражен и двучленным пассивом, и неопределенно-личными конструкциями:

Четыре дня назад недалеко от Каменки обстреляли воинскую автомашину, шофер и сопровождающий были убиты, из кузова растащили около сорока комплектов военного обмундирования (В. Богомолов).

Неопределенный субъект в синтетической форме двучленного пассива с глаголом несовершенного вида с вневременным значением выступает как **обобщенный**:

Варится холодец из одних ног (К. Федин); *Стол сервируется самой дорогой посудой, какая есть на корабле; выставляется самое лучшее вино* (С. Крутилин).

В английском языке значение **неопределенности** субъекта выражается только двучленным пассивом. Лексическая известность / неизвестность субъекта обуславливается теми же факторами, что и в русском двучленном пассиве и неопределенно-личном предложении, например:

He was arrested (Он был арестован; Его арестовали); *He will not be elected president for the third time* (Он не будет избран президентом на третий срок; Его не изберут президентом на третий срок); *At school he was often intimidated* (В школе его часто унижали).

3. По признаку грамматической неопределенности субъекта двучленный пассив здесь одновременно противостоит активной и

трехчленной пассивной конструкциям, в которых субъект выступает как грамматически определенный. Кроме того, английский двучленный пассив по необходимости берет на себя и роль выразителя компонентов **актуализирующего** и **стилистического** аспектов.

Так, в английской активной конструкции возможен коммуникативно обусловленный эллипсис любого ее именного компонента, за исключением субъекта, занимающего здесь позицию подлежащего. Только в структуре трехчленного пассива субъект, перемещенный в позицию дополнения, при необходимости может быть опущен. Такой эллиптированный трехчленный пассив совпадает по форме с двучленным пассивом, что осложняет семантическую интерпретацию соответствующих высказываний, поскольку для их разграничения требуется опора на широкий контекст. Отметим только, что в эллиптированном пассиве субъект является грамматически определенным – он в полном объеме легко восстанавливается из предшествующего текста, в то время как в двучленном пассиве субъект, будучи выражен синтаксическим нулем, выступает как неопределенный. По подсчетам У. Аллена, как неопределенный субъект представлен в 90 % случаев использования данной конструкции (Allen 1965, p. 290).

Субъект в английском двучленном пассиве может выступать как **обобщенный**:

Obedience is expected of small children (От маленьких детей ожидается послушание / От маленьких детей ожидают послушания).

В венгерском языке пассивизация субъекта с необходимостью сопровождает его неопределенностью, так как подавляющее большинство пассивных конструкций здесь **двучленно**. Наблюдаемое в современном венгерском языке сужение сферы использования двучленного пассива в пользу неопределенно-личной конструкции свидетельствует о доминировании значения неопределенности на фоне частичной нейтрализации оппозиции активность / пассивность субъекта. Ср. переводы на венгерский язык русского двучленного пассива:

Дом был построен в срок – *Határidőre felépítették a házat* (Дом построили в срок); *Для меня забронирован номер* – *Számomra le van foglalva egy szoba* (деепричастный пассив).

4. Соотношение грамматической неопределенности субъекта с его залоговой семантикой в предложениях сопоставляемых языков можно схематично представить так.

Русский язык:

1) неопределенность + активность: неопределенно-личная конструкция: *Дело решают*;

2) неопределенность + пассивность:

а) двучленная вербальная конструкция: *Дело решается*;

- б) двучленная партиципальная конструкция: *Дело решено.*
 Английский язык:
 1) неопределенность + активность: специальной формы нет;
 2) неопределенность + пассивность: двучленная партиципальная конструкция: *The case is being solved.*
 Венгерский язык:
 1) неопределенность + активность: неопределенно-личная конструкция: *Az ügyet elintézték;*
 2) неопределенность + пассивность:
 а) двучленная вербальная конструкция (с ограничениями): *Az ügy intéződik;*
 б) двучленная деепричастная конструкция (с ограничениями): *Az ügy el van intézve.*

4.2.3. Определенность / неопределенность субъекта в безличных конструкциях

1. В **одноактантной безличной** конструкции субъект выступает как грамматически **неопределенный**, но, как отмечалось выше, это всегда агенс-каузатор или зооним, но не антропоним.

В признаковом компоненте предложений типа *Защуршало* фиксируется форма среднего рода единственного числа, которая соответствует неопределенному значению субъекта, хотя реальный субъект здесь может иметь различные показатели рода и числа (например, *бумага, мышь, тараканы* и т.п.). Неопределенный субъект также может интерпретироваться здесь как лексически известный или неизвестный; ср.:

Из носа полило; С потолка капает; В моторе стучит.

2. В **двуактантных безличных** конструкциях семантика субъекта, выраженного словоформой в творительном падеже (трехчленная конструкция), сопоставляется с семантикой субъекта, представленного синтаксическим нулем (двучленная конструкция).

1) В **трехчленной** безличной конструкции грамматически **определенный** неодушевленный субъект выступает как лексически известный или неизвестный:

а) лексически известный субъект характеризуется в предложении по линии категорий числа и рода:

Всю штабную избу разволокло снарядами (И. Акулов); *Меня тогда камнями чуть не завалило* (В. Астафьев);

б) в функции неизвестного неодушевленного субъекта здесь выступают ситуативно ограниченные разряды предметов и явлений:

Захария ударило чем-то по голове (И. Калашников).

2) Семантика субъекта **двучленной** безличной конструкции давно привлекла к себе внимание исследователей, однако только немногие из них связывали ее не только с личностью / безличностью, но и с категорией определенности / неопределенности актантов. В.В. Виноградов на примере предложений типа *Вчера на постройке задавило человека* показал, что категория безличности открывает возможности адекватного изображения процесса с неизвестным производителем, и что безличные конструкции служат средством изображения действий с неизвестным или неопределенным субъектом (Виноградов 1972, с. 369-370). По мнению Р. Мразека, творительный падеж в безличной конструкции может отсутствовать потому, что производитель действия или очевиден, или не важен и от него абстрагируются, или он неопределен, не поддается в момент совершения коммуникации точному наименованию (Мразек 1964, с. 167); см. также (Адамец 1973, с. 60-62; Кубик 1977; Воронина 1976, с. 10-11) и др.

Характерной грамматической чертой двучленной безличной конструкции является то, что субъект представлен в ней синтаксическим нулем, т. е. характеризуется как **неопределенный**. Как в других конструкциях с нулевой формой субъекта, его лексическая известность / неизвестность здесь обычно нейтрализуется. Однако, как отмечалось выше, в отличие от двучленного пассива, где субъектом может быть актант любого категориального типа, и от неопределенно-личной конструкции, где субъект – это всегда антропоним, здесь в качестве производителя действия выступает **агенс-каузатор**:

а) на лексическую известность агенс-каузатора здесь указывают следующие факторы: прозрачность семантики глагола, ситуация, контекст:

Моста не было. Его или смыло, или затопило (К. Паустовский); *От ударной волны с дребезгом посыпались стекла, сорвало занавески* (В. Кожевников);

б) лексически неизвестный агенс-каузатор встречается сравнительно редко, так как его номинативные свойства обычно с большей долей определенности подсказываются семантикой глагола или самой ситуацией в целом:

Здесь Глеба ранило (Д. Гранин); *Особенно сильно изуродовало Бубенцова* (И. Акулов); *Многие деревья расщепило, разодрало, как в грозу от удара молнии* (С. Крутилин) – (пулей, осколками снаряда и т. п.); *Должно, опять повалило мамашин забор* (К. Паустовский) – (ветром).

См. также высказывание, в котором двучленный пассив и двучленные безличные конструкции употреблены параллельно: *Левое крыло с фарой сорвано, бампер погнуло, пробоина в кожухе, маленько крышу смяло* (Ю. Нагибин).

3. В свете выявленного взаимодействия категорий определенности / неопределенности, личности / безличности и залоговости получает свое объяснение семантика некоторых безличных конструкций, издавна являющихся предметом дискуссий.

Так, становится очевидным, что одноактантное безличное предложение с адвербиальным распространителем типа *Полку весело шагается* соотносится с личным предложением *Полк весело шагает*. Если в личном предложении субъект является грамматически определенным и активным, то в безличном – определенным и демиактивным. В ряде случаев такой демиактивный субъект может обобщаться: *С песней весело шагается*.

4.3. Определенность / неопределенность объекта

В традиционной грамматике и в работах исследователей, разделяющих концепцию предикативного минимума предложения, семантика объекта с точки зрения данной категории подробно не рассматривается, поскольку объект считается второстепенным членом предложения. С позиций информативного минимума предложения объект является вторым по важности семантическим актантом, поэтому его грамматическая семантика существенным образом сказывается на сопоставительной типологии предложения.

4.3.1. Определенность / неопределенность объекта в активных конструкциях

Особенности грамматической семантики объекта в активных конструкциях обычно рассматриваются в рамках исследования глагольной **переходности / непереходности**, поэтому вопрос о переходности глаголов относится к одному из центральных как в грамматиках конкретных языков, так и в типологических исследованиях. См. в связи с этим разграничение переходности в широком смысле как действия над объектом и собственно переходности (в узком смысле) как управления винительным падежом прямого объекта у А.М. Пешковского (Пешковский 1938, с. 271-272) и противопоставление функциональной (широкой) и формальной (узкой) переходности у С.Д. Кацнельсона (1972, с. 50-51). Л.Л. Буланин называет переходными только глаголы, имеющие прямое дополнение в форме винительного падежа без предлога и обозначающие действие над объектом; глаголы, не обладающие этим свойством, считаются им непереходными (Буланин 1986, с. 73). См. об этом также (Мещанинов 1978, с. 103-109; Апресян 1967, с. 27-29; Ярцева 1972, с. 15-17) и др.

Тем не менее, остается нерешенной проблема трактовки синтагматического окружения переходных глаголов. Основное и решающее различие между переходными и непереходными глаголами заключается в их синтаксической сочетаемости.

Вопрос о наличии / отсутствии **прямого дополнения** при переходных глаголах в литературе рассматривается как на уровне лексики, так и на уровне грамматики. Если бы переходность глагола определялась только его лексической семантикой, то мы не имели бы такого обилия фактов расхождения в составе переходных / непереходных глаголов в различных языках. Решение вопроса только на синтаксическом уровне (наличие / отсутствие у глагола-сказуемого прямого дополнения) связано с проблемой **абсолютивного** употребления переходных глаголов, ср.: *Мальчик читает книгу* – *Мальчик читает* (см. об этом (Акимова 1981, с. 28)).

Мы связываем понятия переходности и абсолютивности глагола с раскрытием сущности **категории определенности / неопределенности (обобщенности) объекта**. При этом вопрос о прямой и косвенной переходности мы выносим за рамки нашего исследования как носящий преимущественно лексико-морфологический характер (анализ различных форм выражения объекта в русском языке см. (Попова 1971; Собинникова 1977; Русская грамматика 1979; Золотова 1988; Богданова 1988) и др.).

1. Грамматическая **определенность** объекта. В русской личной активной конструкции эксплицитный объект грамматически характеризуется по линии категорий числа, рода и персональности, т. е. выступает как грамматически определенный:

Через минуту два автоматчика увели Краuze (М. Бубеннов); *Их хаотичное на первый взгляд движение незаметно передвигало и тебя* (В. Дегтев); *Илька больше птичек не ловил* (В. Астафьев); *Дворники в синих рубахах подметали мостовые* (А. Толстой); *Он накидал в самовар сосновых шишек* (К. Паустовский).

Аналогичная картина наблюдается в английском языке:

They were all chasing him (M. Spark); *He was reading the letters* (M. Spark).

Поскольку в угро-финских языках, в том числе в венгерском, имеется специальная форма объектного спряжения глагола (т. е. сказуемое согласуется здесь не только с подлежащим, но и с дополнением), считается, что предложения содержат три так называемых главных члена: подлежащее, сказуемое и дополнение (Коляденков 1954, с. 191-205). В связи с этим в венгерском языке грамматическая характеристика объекта занимает почти такое же место, как и субъекта, что является одной из типологических

особенностей венгерской грамматической системы, отличающей ее и от русской, и от английской.

Прямое дополнение как один из главных членов предложения выделяется здесь на основании двух его признаков: оформленности прилепой (суффиксом) винительного падежа и способности при известных условиях вызывать изменения в личной форме глагольного сказуемого. Член предложения, оформленный прилепами элатива *-ból*, *-ből*, делатива (прилепы *-ról*, *-ről*), суперессива (прилепы *-n*, *-on*, *-en*, *-ön*), аблатива (прилепы *-tól*, *-től*), сублатива (прилепы *-ra*, *-re*), также рассматривается как прямое дополнение, если он выражает предмет, на который направлено действие:

Evet a kenyérből (Он поел хлеба); *Vett a cukorból* (Он взял сахара); *Én nem róla beszélek* (Я говорю не о нем).

Благодаря наличию безобъектного и объектного спряжения личные окончания глагола могут обозначать не только персональность субъекта-подлежащего, но и при определенных условиях указывать на персональность имплицитного (нулевого) объекта, ср.:

Látom – Я вижу его (её); *Látlak* – Я вижу тебя (вас).

Ср. также предложения с грамматически определенным (эксплицитным), но неизвестным объектом в трех языках:

Я что-то принес тебе – *I've brought you something* – *Hoztam neked valamit*.

Функционирование категории безобъектного / объектного спряжения отличается целым рядом особенностей, усвоение которых представляет значительную трудность для иностранцев. Отметим только некоторые из них. Так, в предложениях, где объектом является 1-е или 2-е лицо, всегда употребляется безобъектное спряжение: *Látsz*, *lát*, *látok*, *látnak engem(et)*, *téged(et)*. В том случае, когда объектом является 3-е лицо, употребляется объектное спряжение: *Látom*, *látod*, *látja*, *látjunk*, *látjátok*, *látják őt*. Когда же субъектом является 1-е лицо единственного числа, а объектом – 2-е лицо, глагол приобретает специальный суффикс *-lak*, *-lek*, который и указывает на 2-е лицо объекта, представленного в предложении синтаксическим нулем: *Látlak* (Видю тебя); *Nézlek* (Смотрю на тебя). Однако объектное спряжение употребляется не во всех случаях, когда в предложении есть личный объект: с объектом 1-го лица объектное спряжение невозможно. Кроме того, объектное спряжение используется только там, где действие сказуемого переходит на определенный (не в грамматическом, а в коммуникативном плане) объект 3-го лица. Ср.: *Látok egy házat* (Я вижу дом) – коммуникативно неопределенный объект; *Látom azt a házat* (Я вижу тот дом) – коммуникативно определенный объект. См. об этом подробнее (Балашша 1951, с. 265-

261; Науменко-Папп 1982, с. 244-250). Так в венгерском языке в сфере объекта проявляется взаимосвязь различных аспектов категории определенности / неопределенности актантов.

Существование в венгерском языке безобъектного / объектного спряжения глагола и специальных форм выражения определенно-личности объекта накладывает свой отпечаток на семантико-структурное устройство венгерского активного предложения.

Кроме определенно-личности субъекта (как в русском языке), здесь имеется и конструкция, выражающая **определенно-личность объекта**, хотя она и не обладает полной парадигмой.

Личной формой глагольного сказуемого указывается на нулевое прямое дополнение, которое могло бы выражаться личным местоимением 2-го лица или личным местоимением 3-го лица единственного и множественного числа, а также указательным местоимением *ez*, *az* в единственном и во множественном числе. Обязательным условием является форма объектного спряжения у глагола, а указанные местоимения мыслятся в форме винительного падежа, например: *Szeretlek én* (Я люблю тебя). Такие предложения, по аналогии с определенно-персональными субъектными, можно квалифицировать как определенно-персональные объектные.

Личной формой глагола-сказуемого одновременно указывается как на имплицитное прямое дополнение, так и на имплицитное подлежащее: *Majd megtudjuk holnap* (Узнаем (это) завтра). Такие предложения можно назвать определенно-персональными субъектно-объектными.

Таким образом, то, что в венгерском дваактантном предложении передается одной глагольной формой, в других языках выражается двумя-тремя словоформами, ср.: *Várom* – (Я) жду его – *I wait for him*. Этот факт, в свою очередь, является еще одним сильным доводом в пользу придания объекту высокого статуса в сопоставительно-типологических исследованиях устройства простого предложения.

2. Грамматическая неопределенность объекта. В лингвистической литературе «обычное» употребление переходных глаголов часто сопоставляется с их абсолютным использованием (см. об этом (Акимова 1981, с. 31-32; Ковалева 1987, с. 130-133, 155; Буланин 1986, с. 75) и др.). В соответствии с развиваемой нами концепцией в абсолютном варианте личной активной конструкции объект представлен синтаксическим нулем, т. е. является грамматически неопределенным.

В интерпретации абсолютной конструкции как формы выражения неопределенности объекта основной трудностью представляется ее отграничение от эллиптических речевых высказываний типа (*Где газета?*) – *Мама читает*.

Мы придерживаемся мнения о том, что неполнота (эллипсис) информативно минимальных предложений – это явление, лежащее целиком в плоскости речевой реализации языковых моделей (Золотова 1982, с. 201-202), поэтому описание различных эллиптических высказываний должно производиться за пределами номинативного аспекта устройства предложения. Кроме того, по подсчетам венгерского исследователя Г. Ронаи в русском языке на десять случаев использования переходных глагольных лексем приходится всего один случай их абсолютивного употребления. В этом факте автор увидел подтверждение сделанного ранее И.И. Мещаниновым (Мещанинов 1978, с. 192-203) вывода о том, что в русском языке, в отличие от венгерского, «глагол и прямое дополнение более крепко спаяны и крайне неохотно расстаются друг с другом» (Ронаи 1986, с. 182-186).

Другой объективной сложностью в анализе абсолютивных конструкций является то, что их истолкование как неопределенно-объектных вовлекает в свою орбиту целый ряд категорий других аспектов устройства предложения: предикативного (модальность, темпоральность, аспектуальность) и релятивно-номинативного (обстоятельственные распространители). Так, абсолютивное употребление глагола в предложении возможно, как правило, при соблюдении двух условий: при несовершенном виде глагола и при наличии распространителя обстоятельственного типа, который придает действию значение обычного или повторяющегося:

Он славно пишет, переводит; Мальчик читает по-английски; Она весь день пишет; Он больно бьет; По вечерам они пели; Дети ели с аппетитом.

Восприятию объекта в абсолютиве как неопределенного способствует значение настоящего актуального времени.

В предложениях типа *Ребенок видит; Пчелы жалают* с глаголами в настоящем потенциальном времени, наблюдается оттенок модального значения «обладать способностью делать что-либо» (см. об этом (Акимова 1981, с. 30-32; Ронаи 1986, с. 182-186; Ковалева 1987, с. 130-133, 155)). Ср. русские и английские абсолютивные предложения:

Маленькие щенки не видят = Маленькие щенки не могут видеть; Puppies don't see = Puppies can't see.

В венгерском языке в обоих случаях используются специальные «возможностные» формы глаголов, образуемые при помощи суффикса *-hat, -het*, который присоединяется к любому глаголу: *Láthatnak (Они могут видеть); Beszélhet (Он может говорить)*. Вообще же понятие конкретности – абстрактности содержания предложения не нашло еще своего системного описания не только по отношению к абсолютивным конструкциям, но и по отношению к личным активным предложениям. Так, пред-

ложение типа *Лошадь ест сено* может иметь три значения соответственно разным уровням абстракции: от конкретно-единичного действия, наблюдаемого в данный момент, до сообщения о свойстве класса предметов (Бондарко 1971, с. 65-74; Гулыга 1979; Золотова 1982, с. 132).

В ряде случаев в абсолютивных предложениях имплицитный объект воспринимается как **обобщенный**. Такие конструкции широко представлены в языке современной публицистики, куда они попали, очевидно, из разговорной речи: *Успехи футболистов радуют; Фильм обвиняет*.

В английском языке «полная» и абсолютивная двуклассовые вербальные конструкции также противопоставляются по признаку определенный / неопределенный (обобщенный) объект действия:

Victor doesn't smoke cigars (Виктор не курит сигар) – Victor doesn't smoke (Виктор не курит).

Аналогичная оппозиция в сфере объекта отмечена и в венгерском языке:

A tanár újságot olvas (Преподаватель читает газету) – A tanár olvas (Преподаватель читает); ср. также: A barátom jól olvas (Мой друг хорошо читает).

Кроме того, в венгерском языке значения грамматической и коммуникативной неопределенности, а также лексической неизвестности определенного объекта поддерживаются формами безобъектного / объектного спряжения глагола: *Főziünk (Мы варим); Keveset írunk (Мы мало пишем) – грамматическая неопределенность объекта; Tévét néz (Он смотрит телевизор); Látok egy házat (Я вижу дом) – коммуникативная неопределенность грамматически определенного объекта; Valamit láttok (Вы видите что-то); Valakit látnak (Они видят кого-то) – лексическая неизвестность грамматически определенного объекта.*

Ср. предложения с неопределенным объектом в трех языках:
Я не курю – I don't smoke – Nem dohányzom.

Существование оппозиции определенно-объектной и неопределенно-объектной активных конструкций в русском, английском и венгерском языках свидетельствует об универсальности категории определенности / неопределенности объекта как компонента более широкой категории определенности / неопределенности актанта.

4.3.2. Определенность / неопределенность объекта в русских пассивных конструкциях

В русском языке сфера действия данной категории распространяется не только на активные, но и на пассивные конструкции некоторых типов.

В обычных пассивных конструкциях (как трехчленных, так и двухчленных) эксплицитный объект, занимающий позицию подлежащего, характеризуется как грамматически **определенный**, например:

Он убит неделю назад (К. Симонов); *Весь прибрежный лес был искорёжен немецкой авиацией...* (М. Бубеннов).

Однако в пассивном предложении объект может предстать и как имплицитный, т. е. грамматически **неопределенный**. Это возможно в русском языке благодаря тому, что предложение здесь может быть бесподлежащим по структуре. Рассмотрим примеры.

1. В силу бесподлежащности пассивной конструкции с неопределенным объектом (и субъектом) краткое страдательное причастие со связкой получают безличную форму: *Послано было за доктором*. Такие безлично-пассивные предложения могут быть противопоставлены определенно-объектным личным пассивным: *Послано было за доктором – Старший сын был послан за доктором*. Как видим, предложения рассматриваемого типа представляют собой образец тесного переплетения категорий личности / безличности, залога и определенности / неопределенности объекта. Описание других примеров безличных пассивных предложений (*Хорошо сказано; Засечено в ледку, да в чужом погребку; Толкнул дверь. Заперто; У меня убрано; Ну вот, завинчено*) см. в работах (Галкина-Федорук 1958, с. 225-265; Пупынин 1992, с. 59-60).

Ср. с английским двучленным подлежащим пассивом: *The doctor was sent for*.

2. В пассивных предложениях краткое страдательное причастие со связкой могут иметь и неопределенно-личную форму, например: *Дома были возмущены её поздним приходом* (Низяева 1972; Князев 1978, с. 127-128; Кокорина 1979, с. 73; 1988). Имплицитный объект представлен здесь как грамматически **неопределенный**. При этом, как в неопределенно-субъектном активном предложении, объектом может быть только антропоним. Ср. с личным активным предложением с определенным объектом: *Отец был возмущен ее поздним приходом*.

Для предложений рассматриваемого типа характерно наличие локатива (*дома, в школе, на работе* и т.п.), который значительно ограничивает лексическую неизвестность объекта, делая тем самым более прозрачной и его грамматическую неопределенность:

В школе были удивлены его поведением – Учителя / одноклассники / его друзья были удивлены его поведением.

Объект в конструкции без локатива воспринимается как обобщенный:

Его поведением были удивлены – Все (кто его знал, кто был там / тогда и т.п.) были удивлены его поведением.

Таким образом, объект в предложениях данного типа обозначается двумя равноуровневыми способами: лексико-грамматическим – при помощи локатива очерчивается некоторый круг объектов, возможных в

данной ситуации, и грамматическим – синтаксическим нулем, обозначающим позицию объекта в предложении.

Отличительной чертой таких пассивных конструкций с неопределенным объектом является их малая употребительность, причиной которой мы считаем внутреннюю противоречивость категориально-грамматической семантики объекта. Грамматическая неопределенность только обозначенного локативом объекта предполагает его малую значимость для говорящего, но одновременно придаваемое объекту пассивной конструкции значение «активности», наоборот, повышает его роль в выражаемой ситуации.

Сфера действия категории определенности / неопределенности актантов в предлагаемой трактовке распространяется не только на два важнейших актанта – субъект и объект, но и на другие компоненты семантической структуры предложения – адресат и локализатор.

4.4. Определенность / неопределенность адресата

Адресат характеризуется по линии данной категории в трехактантных вербальных активных и партиципиальных пассивных предложениях.

См. вербальные активные предложения с **определенным** адресатом в русском и английском языках:

Бабушка рассказывает внучке сказки – Grandmother tells her granddaughter fairy tales;

Предложения того же типа с **неопределенным** (обобщенным) адресатом:

Бабушка рассказывает сказки – Grandmother tells fairy tales.

Такие же грамматические значения наблюдаются в русских и английских трехчленных пассивных предложениях:

Награды вручаются / были вручены директором лучшим ученикам – The awards are being handed / were handed by the head-master to the best pupils (определенный адресат); Награды вручаются / были вручены директором – The awards are being handed / were handed by the head-master (неопределенный адресат).

См. также специфическую для английского языка пассивную конструкцию с **определенным** адресатом: *The best pupils were handed the awards by the head-master.*

Ср. предложения с неопределенным адресатом в русском, английском и венгерском языках:

Я буду рекомендовать вашу отель – I'll recommend your hotel – Ajánlani fogom szállodájukat.

4.5. Определенность / неопределенность локализатора

Включение локализатора в сферу грамматической категории определенности / неопределенности (обобщенности) актантов имеет большое значение для типологии предложения.

Двуактантные предложения с определенными (эксплицитными) пространственными или временными локализаторами противопоставляются предложениям с неопределенными (имплицитными) локализаторами именно как предложения, выражающие одну и ту же инвариантную семантическую структуру «субъект – отношение локализации – локализатор (временной / пространственный)».

Ср. два предложения с ИСС временной локализации:

Утром опять был допрос. Опять были крики коменданта, крики переводчика (Б. Гранин).

В первом предложении темпоральный локализатор (*утром*) представлен эксплицитно как **определенный**, а пространственный – имплицитно; во втором предложении оба локализатора – и временной, и пространственный – имплицитированы, т.е. выступают как **неопределенные**.

Как уже отмечалось, имплицитность локализаторов во втором предложении позволяет некоторым исследователям выделять его в отдельный семантико-структурный тип – так называемое «бытийное» (экзистенциальное) предложение (см. об этом (Селиверстова 1990)).

Предлагаемый нами взгляд на данные предложения как формы выражения грамматической категории определенности / неопределенности локализатора показывает, что подобные номинативные (назывные, бытийные) предложения не представляют собой отдельного от предложений локализации ситуативно-структурного типа. Они являются категориальной формой релятивно-структурного подаспекта – конструкцией с неопределенными (обобщенными) локализаторами.

Ср. предложения с определенными и неопределенными локализаторами:

Сейчас в наших краях весна – Весна; За окном ночь – Ночь; На улице мороз – Мороз.

В обоих категориально-грамматических вариантах предложений глагол ЛГР локализации в настоящем времени представлен нулевой формой, см. предложения локализации с эксплицитным глаголом:

Была весна. Было утро, был мороз (Д. Гранин).

Ср. примеры предложений локализации двух категориально-грамматических типов в русском, английском и венгерском языках:

а) с определенными локализаторами:

Здесь есть только холодный душ – There is only a cold shower here – Csak hideg zuhany van; Сегодня спектакля нет – There's no performance today – Ma nincs előadás;

б) с неопределенными локализаторами: *Весна – Tavasz – It is spring; Места нет – There is no room – Nincs hely.*

Об особенностях функционирования двуактантных вербальных предложений локализации см. в Части IV нашей работы.

Трех- и четырехактантные предложения с локализаторами также противопоставляются по линии данной категории. Ср.:

определенность локализатора: *Он сразу спрятал деньги в карман;*

неопределенность локализатора: *Он сразу спрятал деньги.*

См. также следующие категориальные варианты одного и того же предложения:

Мы вынесли стол из комнаты в коридор (два определенных локализатора);

Мы вынесли стол из комнаты (первый локализатор определенный, второй – неопределенный);

Мы вынесли стол в коридор (первый локализатор неопределенный, второй – определенный);

Мы вынесли стол (оба локализатора неопределенные).

Суммируя изложенное, схематично представим состав и соотношение грамматических категорий и компонентов релятивно-структурного подаспекта устройства простого предложения.

Релятивно-структурный аспект устройства предложения

В соответствии с приведенной выше схемой категориально-семантических признаков **субъекта** сопоставим основные релятивно-структурные типы простого предложения русского, английского и венгерского языков. Знаком (+) в таблице отмечены типы предложений, представленные в синтаксической системе данного языка, знаком (–) – типы предложений, отсутствующие в языке, совмещенным символом (+/–) обозначены ограниченно функционирующие в языке типы предложений.

**Релятивно-структурные типы простого предложения русского,
английского и венгерского языков**

Категориальные типы предложений	Рус.	Англ.	Венг.
1. Активный (по субъекту)			
1) определенно-субъектный	+	+	+
а) определенно-персональный субъектный	+	–	+
б) определенно-объектный	+	+	+
в) определенно-персональный объектный	–	–	+
г) определенно-персональный субъектно-объектный	–	–	+
д) неопределенно-объектный	+	+	+
2) неопределенно-субъектный	+	–	+
а) определенно-объектный	+	–	+
б) неопределенно-объектный	+	–	+
2. Пассивный (по субъекту)			
1) определенно-объектный			
а) определенно-субъектный	+	+	+/-
б) неопределенно-субъектный	+	+	+
2) неопределенно-объектный			
а) определенно-субъектный	+	–	–
б) неопределенно-субъектный	+	+/-	+
3) определенно-адресатный активный			
а) определенно-субъектный определенно-объектный	–	+	–
б) неопределенно-субъектный определенно-объектный	–	+	–
3. Демиактивный (по субъекту)			
1) определенно-субъектный определенно-объектный	+	–	–
2) неопределенно-субъектный	+	–	+
а) определенно-объектный	+	–	–
б) неопределенно-объектный	+	–	+

Полученную систему категориально-грамматических признаков актантов можно использовать для дифференциации в релятивно-структурном аспекте компонентов различных семантико-функциональных полей и синонимических рядов в разноструктурных языках.

ГЛАВА 5. Семантико-структурное устройство русского предложения на фоне английского и венгерского

Принципы и критерии сопоставительной типологии предложений

Изложенные в предыдущих частях работы принципы и критерии сопоставительной типологии простого предложения в номинативном аспекте его устройства синтезируются в следующую **систему**:

1) предложения сопоставляемых языков делятся на классы в зависимости от **количества актантов** в их семантических структурах;

2) внутри этих классов предложения подразделяются по **частеречным типам**;

3) каждый выделенный таким способом ситуативно-структурный тип предложения характеризуется **инвариантной семантической структурой** и **структурной схемой** (варианты падежных или предложно-падежных форм компонентов предложения отражаются общей структурной схемой);

4) внутри того или иного ситуативно-структурного типа предложения разграничиваются по категориям релятивно-структурного подаспекта; каждый подтип предложения характеризуется специфическим комплексом **категориально-грамматических признаков актантов**;

5) за отправную точку межъязыковых сопоставлений берется наиболее разветвленная синтаксическая система **русского языка**.

5.1. Одноактантные предложения

**5.1.1. Номинативные предложения
N – (cop) N 1 / 5**

Данный частеречный тип предложений, выражающих ИСС «субъект и его определенно-объектный признак», представлен одной и той же синтаксической конструкцией во всех трех языках.

В русском языке формы координации именуют обе части именного сказуемого, поэтому в предложениях со значением настоящего времени связка *быть* регулярно получает нулевую форму: N – (cop) N:

Моя внучка – школьница; Скорость света есть величина точная; Они были офицерами.

В других временных планах связка представлена; признаковый компонент получает форму творительного падежа: N – cop N 5:

Они были / будут инженерами; Боль была главным врагом (Д. Гранин); Вместо него Блоха будет командиром отделения (А. Бек).

В английском языке, в отличие от русского и венгерского, связка обязательно представлена в структуре предложения: N – cop N:

My wife's one of your fans (M. Spark); *Annabel was a waitress in a coffee-bar* (M. Spark).

Б. Ильиш в качестве иллюстрации возможности в английском языке бессвязочных конструкций приводит в своей работе примеры предложений с так называемым «простым именным сказуемым» типа *My ideas obsolete! Splendid game, cricket* (Ilyish 1971, p. 200-207). Данные предложения являются, на наш взгляд, не особыми конструкциями, а речевыми реализациями исходной связочной модели.

Венгерский язык по этому параметру ближе к русскому языку, чем к английскому, но имеет свою специфику. Ср. русские и венгерские предложения:

Я учитель – Tanár vagyok; Они были интернационалистами (Р.) – *Internacionalisták voltak.*

В венгерских предложениях связкой реализуется значение категории персональности отсутствующего в синтаксической структуре субъекта. Но в предложениях с вербализованным субъектом 3-го лица глагол-связка *van* в 3-ем лице единственного и множественного числа настоящего времени не употребляется. Ср. бессвязочные венгерские и русские предложения:

A barátom orosz tanár – Мой друг – преподаватель русского языка; Это – предательство (Р.) – *Ez árulás; Нота Клемансо – ловушка* (Р.) – *A Clemenceau jegyűzék csapda.*

Ср. также одноактантные номинативные предложения в трех языках:

Я студент-медик – I'm a medical student – Orvostanhallgató; Я вдова – I'm a widow – Özvegy vagyok; Я англичанин – I am Englishman – Angol vagyok.

5.1.2. Адъективные предложения

(N) – (cop / cop 3 s) Adj 1 / 5 / sh

При вербализации одноактантных ситуаций с качественным признаком возможны различные способы выражения и актантажного, и признакового компонентов.

1. Субъект представлен как грамматически определенный носитель признака – подлежащее предложения. ИСС «субъект и его качественный признак».

В русском предложении прилагательное может быть в полной (в именительном / творительном падеже) или в краткой форме: N – (cop) Adj 1 / 5 / short:

Машина не новая; Мы были молодыми.

Вариантные в русском языке полная / краткая формы прилагательного в других языках передаются недифференцированно одной формой, ср.:

Ребенок послушный / послушен – The child is obedient – A gyerek szófogadó;

Венгерский язык трудный – Hungarian is a difficult language – A magyar nehéz nyelv;

Это довольно дорого для меня – That's rather expensive for me – Ez nekem nagyon drága.

В русском языке связка в форме настоящего времени не употребляется. В венгерском языке в подобных предложениях связка может как отсутствовать, так и присутствовать (см. комментарий, приведенный выше). В английском языке употребление связки обязательно.

Ср. предложения трех языков: *Она симпатичная – She's pretty – Csinos.*

Встречающиеся иногда в английских текстах высказывания без связочной формы мы относим к числу речевых реализаций рассматриваемой адъективной конструкции:

Матрац какой-то вздутый (Д. Гранин) → *The mattress, too big somehow.*

2. Носитель качественного признака-состояния, представленного кратким прилагательным в безличной форме, не лексикализуется и интерпретируется обобщенно как «окружающая человека среда»: (N 3) – (cop 3 s) Adj sh 3 s.

В зависимости от семантики признакового компонента разграничиваются два ВСС:

1) ВСС «окружающая среда и ее состояние».

В русском языке окружающая среда в предложении представлена обобщенно: *Дождливо; Темно; Было пасмурно.* Понятие окружающей среды может конкретизироваться и ограничиваться пространственными или временными локативами: *В Воронеже дождливо; В комнате темно; Вчера было пасмурно.*

В английском языке данной русской конструкции соответствует предложение с формальным *it* в позиции подлежащего: *Поздно* (Д. Гранин) → *It was too late.*

2) ВСС «состояние (ощущение) человека».

В русском языке можно разграничить два варианта данного ВСС:

а) «физическое состояние человека как следствие воздействия окружающей среды»; при этом сама среда не лексикализуется, как и в предыдущем случае, а человек часто предстает как обобщенный носитель состояния: *Холодно; Душно*; носитель состояния может быть лексикализован формой в дательном падеже: *Мне холодно; Нам душно*;

б) «психическое состояние человека, обусловленное воздействием неопределенных внешних сил»; носитель состояния может быть представлен формой дательного падежа как определенный: *Тоскливо; Мне тоскливо.*

Состояние человека может конкретизироваться в отношении времени, места и определенности носителя ощущения:

Вчера было холодно; Здесь уютно; В кабинете мне было душно; В выходные дни мне было тоскливо.

В английском языке русским предложениям с имплицитным субъектом регулярно соответствуют:

а) адекватные конструкции с формальным *it*:

Холодно что-то (Ю. Герман) → *It's rather chilly*;

б) адекватные предложения с восстановленным из ситуации или контекста субъектом: *Было весело, шумно и вкусно* (Ю. Герман) – *The dinner was jolly, noisy and delicious.*

Русским предложениям с определенным субъектом в форме дательного падежа, как правило, соответствуют английские подлежащие конструкции:

а) адекватные: *Им вдруг стало грустно* (Д. Гранин) – *Suddenly they were both sad*;

б) вербальные с полусвязочными глаголами: *Андрею стало грустно* (Д. Гранин) – *Andrei felt sad.*

В венгерском языке русской конструкции с субъектом в форме дательного падежа соответствует:

а) в некоторых случаях – такая же конструкция: *Мне хорошо* – *Nekem jó*;

б) вербальные конструкции: *Мне холодно* – *Fázom.*

Ср. предложения в трех языках:

Здесь кошмарно жарко – *It's dreadfully hot here* – *Szörnyű meleg van itt*;

На прошлой неделе было очень дождливо – *It was very rainy last week* – *Sokat esett a múlt héten.*

5.1.3. Нумеративные предложения

N / N 3 – (cop / cop 3 s) Num

Нумеративными предложениями выражается ИСС «субъект и его количественный признак». Субъект выступает как определенный: N / N 2 – (cop) Num.

В русском языке личное нумеративное предложение встречается в единичных случаях, поскольку субъект имеет форму именительного падежа только в сочетании с числительным *один*:

А Володя между тем был вовсе не один (Ю. Герман).

К числу нумеративных предложений часто относят безличные конструкции, в которых позиция подлежащего отсутствует; семантический субъект, представленный формой родительного падежа, выступает в них как определенный:

У меня таких лабораторий несколько и еще тысячи людей (Д. Гранин).

Относительно типологического статуса таких предложений высказываются различные мнения (Распопов 1971; Арутюнова 1983; Бабайцева 1995, с. 83; Чеснокова 1997; Волохина 1999, с. 55-56).

Как пишет Н.Д. Арутюнова, существуют ситуации, вызывающие к жизни предложения, коммуникативным ядром которых является указание на число предметов. Ср. следующие альтернативные возможности построения текста:

1) *В комнате было пять стульев*;

2) *В комнате были стулья*;

3) *Стульев (которые находились в комнате) было пять.*

Внутри высказываний, приспособленных к передаче сообщений о количестве, происходит передвижение коммуникативного фокуса на количественное определение имени. Вследствие этого имя в родительном падеже, т. е. падеже зависимости от количественных слов, отрывается от показателя количества и получает самостоятельную синтаксическую позицию. Глагол утрачивает согласование с количественным словом, выделенным в позицию ремы: *Праздного времени у нас было пропасть* (Салтыков-Щедрин); *Грибов здесь кот наплакал*; *Комнат в квартире всего две.* Итак, делает вывод исследователь, если актуализация приименного качественного определения ведет к частичной или полной перестройке синтаксической структуры предложения, то актуализация количественного определения в общем случае не выходит за пределы изменений в его актуальном членении (Арутюнова 1976, с. 226-228).

Не выделяя подобные предложения в отдельный семантико-структурный тип, мы также полагаем, что они представляют собой коммуникативный трансформ локативных или посессивных конструкций, в которых числительное входит в количественно-именные сочетания в качестве атрибута имени. Такое числительное в результате его рематизации в высказывании попадает в признаковую, т. е. типологически значимую позицию, что при традиционном (не многоаспектном) подходе к классификации предложений и создает условия для признания высказывания самостоятельным типом предложения:

У всех только одна жизнь → *Жизнь у всех только одна*; *В лаборатории было два осциллографа* → *Осциллографов в лаборатории было два.*

В английском языке для обозначения количества используется конструкция с *there* или двучастное предложение с глаголом *to have* и атрибутивным обозначением количества.

There are fifteen students in the classroom; there is only one teacher (С. Eckersley);

– *How many students are there in the class, Mr. F.?*

– *There are fifteen* (С. Eckersley).

Ср.: *Такого рода «открытий» было немало* (Д. Гранин) – *There had been many such 'discoveries'; Детей у них было двое* – *They had two children*.

В венгерском языке, как и в русском, употребляются высказывания посессивного или локативного типа; ср.:

Ketten vagyunk – Нас двое; A всего сыновей у него девять (Р.) – *Összesen kilenc fia van*.

2. При обозначении возраста в русском языке используется безличная конструкция, субъект которой ставится в форму дательного падежа: N 3 – (cop 3 s) Num:

Ей тогда было шестнадцать.

В английском языке здесь используется личное нумеративное предложение:

I was thirteen (M. Spark) (*Мне было тринадцать*).

То же характерно и для венгерского языка:

Én 46 éves vagyok (*Мне 46 лет*).

5.1.4. Вербальные предложения

(N) – V / 3 pl / 3 s

Предметный актанта – субъект – обычно выступает в предложении как грамматически определенный: N – V. Предложения выражают две ИСС:

а) «субъект и его действие»: *Птицы улетели; Ребенок капризничает*;

б) «субъект и его процессуальное состояние»: *Дети не болеют*.

Обе ИСС широко представлены в сопоставляемых языках идентичными по структуре предложениями, что служит хорошей платформой как для сопоставительно-типологических исследований, так и для разработки практических вопросов перевода и преподавания языков как иностранных, ср.:

Дует сильный ветер – A strong wind is blowing – Erős szél fúj;

Он уехал в Москву – He's gone to Moscow – Elutazott Moszkvába.

Наблюдаются здесь и некоторые расхождения.

Так, в английском языке русским вербальным предложениям с возвратным, фазисным или с приставочным глаголом движения (в переносном значении) в форме прошедшего времени иногда

соответствуют предложения, в признаковой части которых используются глаголы и местоименные наречия (глагольные послелогии) типа *away, in, out, up, down*:

Луна взошла → *The moon is out*; *Поезд пришел* → *The train is in*;

Занятия кончились → *The lessons are over*; *Дверь подвала широко с грохотом распахнулась* (А. Куприн) → *The cellar door crashed open*;

Дверца захлопнулась (Д. Гранин) → *The door slammed shut*;

Oh, we only looked in (M. Spark) → *Ну, мы ведь только заглянули на минутку*; *She looked round* (M. Spark) → *Она огляделась*.

1. При выражении ИСС «субъект и его действие» субъект может выступать как грамматически неопределенный: V 3pl.

Предложения данного типа широко представлены в русском и венгерском языках:

Стучат – Kopogtatnak.

В английском языке здесь используется:

а) вербальное предложение с «восстановленным» определенным субъектом:

Сплетничают (Д. Гранин) → *People gossip about each other*; *В палате пересмеивались* (Ю. Герман) → *The other patients tittered approvingly*; *В яме за невысокой насыпью обедали* (А. Бек) → *Some of the men were eating in a sand-pit, behind a small embankment*;

б) с *there* в позиции подлежащего:

В строю засмеялись (А. Бек) → *There was laughter in the ranks*.

2. ИСС «окружающая среда и ее процессуальное состояние».

В русском и венгерском языках предметный актанта может не кодироваться: V 3s:

Вечереет – Esteledik; Зухог – Льет (как из ведра).

Семантика глаголов таких безличных предложений включает в себя номинацию носителя процессуального состояния, что делает экспликацию соответствующего актанта излишней. Субъект здесь выступает как грамматически неопределенный, но это всегда агенс-каузатор или зооним, а не антропоним. Так, в признаковом компоненте предложений типа *Зашуришало* фиксируется форма среднего рода единственного числа, которая соответствует неопределенному значению субъекта, хотя реальный субъект здесь может иметь различные показатели рода и числа (например, *бумага, полиэтилен; мышь, хомяк, тараканы* и т. п.):

Из носа полило; С потолка капает; В моторе стучит; За стеной зашуришало.

В английском языке для выражения данной ИСС используются такие же «самодостаточные» глаголы, поэтому семантический актанта также не эксплицируется специальной словоформой. Лексически

пустая форма *it* служит здесь только для представления позиции подлежащего, что придает предложению статус подлежащего, т. е. грамматически личного:

Morocum – It is raining.

Используется также конструкция с *there* и номинализированным признаком, ср.:

Чуть подморозивало (А. Бек) → *There was a slight frost; В трубке щелкало и шипело* (Ю. Герман) → *There were outside noises on the line.*

Встречается здесь и адъективная конструкция со связочной или полусвязочной формой:

Темнело (Д. Гранин) → *It was nearly dark.*

Ср. предложения в трех языках: *Темнеет – It's growing dark – Sötétedik.*

3. В русских безличных предложениях с ВСС «одушевленный субъект и его состояние» и глаголами, не имеющими личных форм, субъект может быть представлен как определенный: N 4 / p N – V 3s:

Меня знобит; В горле першило.

Таковыми предложениями передается процессуальное состояние субъекта-антропонима или его неотчуждаемой части, вызванное воздействием эксплицитной или имплицитной причины: *Меня знобит (от высокой температуры); В горле першило (от дыма).*

В других сопоставляемых языках используются одноактантные адъективные (в английском) или адъективные или вербальные предложения (в венгерском), ср.:

Меня тошнит – I feel sick – Kavarog a gyomrom;

В голове шумело – His head was dizzy – Zúgott a feje.

4. В русском языке в предложениях с ВСС «субъект-антропоним / зооним и его состояние» субъект может быть представлен как определенный демиактивный: N 3 – V 3s refl:

Детям не спится; Кошке не ложится.

Специфика данной и некоторых других русских одноактантных безличных конструкций, которые издавна являются предметом дискуссий, получает свое объяснение в свете взаимодействия категорий определенности / неопределенности, личности / безличности и залоговости. Сопоставим личные и безличные предложения:

(1) *Вчера он не спал* – (2) *Вчера ему не спалось.*

В личном предложении (1) субъект предстает как нейтральный, неохарактеризованный носитель процессуального состояния – «не спал, потому что не хотел или не мог в силу каких-то причин». В безличном предложении (2) одновременно с присоединением к глаголу постфикса *-ся* изменяется форма и семантика субъектного актанта. Форма субъекта трансформируется из именительного падежа носителя

грамматического признака в дательную форму дополнения. Глагол же, лишившись координирующей его форму именной позиции – подлежащего – приобретает безличную форму. Субъект получает при этом уточняющую характеристику: «не мог спать в силу каких-то неизвестных причин». Используя залоговую терминологию, можно сказать, что в первом предложении субъект выступает как активный, во втором – как демиактивный.

И активный, и демиактивный субъект может характеризоваться как определенный (в обоих примерах) или как обобщенный, ср.:

С трех часов ночи я часто не сплю → *С трех часов ночи часто не спят; С трех часов ночи мне часто не спится* → *С трех часов ночи часто не спится.*

Таким образом, в русском языке с его развитым синтаксисом и здесь имеется возможность выбора конструкции для выражения одной и той же семантической структуры. В английском и венгерском языках вследствие отсутствия в их системах эквивалентных конструкций для передачи подобного оттенка значения используются личные предложения с модальными глаголами, ср.:

Вчера ему не спалось – Yesterday he could not sleep – Tegnap (ő) nem tudott aludni.

5. К числу средств выражения ВСС «субъект и его действие» иногда относят русское безличное предложение *Полку весело шагаются*. В соответствии с принятым нами определением собственно простого предложения, конструкции данного типа выходят за рамки типологии простого предложения как выражающие две предметные ситуации: «субъект и его процессуальный признак» (*Полк шагает*) и «субъект и его качественное состояние» (*Полку весело*).

6. Интерпретация семантики русских безличных предложений *Пахнет мятой; Здесь чем-то воняет* (V 3 s – (N 5)) не является общепринятой. Мы видим в них особый, неизосемический способ выражения признака неопределенного субъекта. Если в предложении есть форма творительного падежа N 5, то она косвенным образом указывает на этот субъект: *Пахнет мятой* → *Я чувствую, что здесь есть что-то, что пахнет так, как пахнет мята = что-то имеет мятный запах / запах мяты*. Сфера распространения признака часто эксплицитно или имплицитно очерчивается локативом (*здесь, в комнате* и т.п.).

В английском и венгерском языках таким семантически сложным русским конструкциям соответствуют личные вербальные предложения или предложения других частеречных типов, например:

Пахло сыростью и табаком (Д. Гранин) → *There was a smell of damp and tobacco; В комнате запахло лекарствами* (Д. Гранин) → *A smell of medicine pervaded the room; Потянуло холодом* (Д. Гранин) → *A*

chill breeze sprang up; It smelt only of brandy (M. Spark) → *Пахло бренди и больше ничем.*

Воняет → *Büdös*; *Пахнет приятно* → *Jó szagú*.

Ср. предложения в трех языках:

Из дома повеяло сыростью – *The hut smelt of dampness* – *A kunyhóból nedvesség szaga csapott meg.*

5.1.5. Партиципальные предложения

N – cop Part act

Партиципальными предложениями реализуется ВСС «субъект и его процессуальный качественный признак».

В русском и английском языках предложения данного частеречного типа в семантико-структурном плане идентичны одноактантным адъективным предложениям:

Лицо мальчика было сияющее – *The boy's face was shining.*

В венгерском языке также используются предложения с адъективированными причастия. Однако здесь встречаются и причастия на *-ó*, *-ő*, не утратившие в полной степени признаков глагольности. Такие предложения переводятся на русский и английский языки различными конструкциями с модальными словами:

Ez a könyv olvasható → *Эту книгу можно читать* (букв.: *Эта книга читаемая*) – *This book can be read.*

5.1.6. Деепричастные предложения

N – cop V adv

Предложения с деепричастием в качестве признакового компонента грамматически определенного субъекта регулярно используются только в венгерском языке для выражения ИСС «субъект и его состояние»:

El vagyok fáradva (букв.: *Я уставши*).

В русском языке подобные деепричастные предложения крайне редки, поскольку, как отмечалось выше, выходят за пределы литературного употребления.

Деепричастная конструкция с нелексикализованным субъектом N – cop V adv используется в венгерском языке для выражения пассивного залогового значения. Эта функция деепричастных предложений ограничена определенными условиями, поскольку деепричастия выражают длительное состояние:

Be van fejezve a nagy mű (*Закончено великое творение*); *A ruha el van szakadva* (*Одежда разорвана*); *A szerződés le van írva* (*Договор написан*); *A szoba be van bútorozva* (*Комната меблирована*).

Эту конструкцию не рекомендовалось использовать в литературном языке, когда речь идет не о состоянии, а о совершившемся действии: **El van utazva* (*Он уехавший*) – *Elutazott* (*Он уехал*), а также в форме множественного числа: **Az ablakok zárva* (*Окна закрыты*) (Балашша 1951, с. 160). См., однако, подобный пример в современном учебнике венгерского языка: *Az áruházak zárva vannak* (*Магазины закрыты*) (Науменко-Папп 1982, с. 313).

В целом венгерские деепричастные предложения сопоставимы с русскими и английскими причастными, но употребляются гораздо реже, чем последние. Ср. эквивалентные примеры в трех языках:

Я очень тронут – *I'm very much moved* – *Meg vagyok hatva*;

Это некачественно постирано – *This isn't washed properly* – *Ez nincs rendesen kimosva*;

Моя комната не убрана – *My room hasn't been cleaned* – *A szobám nincs kitakarítva*;

Я очень удовлетворен этим – *I'm very satisfied with it* – *Nagyon meg vagyok vele elégedve*.

5.2. Дваактантные предложения

5.2.1. Адъективные предложения

N – (cop) Adj sh – (N 3)

Дваактантными адъективными предложениями также реализуется ИСС «субъект сравнения – качественный признак – объект сравнения»; субъект и объект выступают как грамматически определенные: N – cop Adj sh – N 3: *Перемены подобны пожару*.

В предложениях используются прилагательные в различных формах степеней сравнения: N – cop Adj comp – N 2:

Сестра старше меня; *Береза крепче тополя*.

Кроме того, в качестве варианта выступает предложение со сравнительной конструкцией *чем что-либо*: *Береза крепче, чем тополь*.

В венгерском языке имеются обе эквивалентные конструкции:

Дунай длиннее Тисы – *A Duna hosszab a Tiszánál*; *Дунай длиннее, чем Тиса* – *A Duna hosszab, mint a Tisza*.

В английском языке имеется только сравнительная конструкция с *than* (*чем*).

Ср. русские и английские предложения:

Для Андрея этот знакомый жест был тяжелее пощечины / чем пощечина (Д. Гранин) – *For Andrei that gesture was worse than a blow in the face*; *Все наши школы вообще лучше буржуазных колледжей / чем*

буржуазные колледжи (Ю. Герман) – *By and large, all our schools are better than bourgeois colleges.*

Таким образом, если в русском и венгерском синтаксисе сравнение актантов выражается двумя способами, то в английском – только одним.

5.2.2. Вербальные предложения

N – V – N

Двуактантные вербальные предложения семантически и структурно наиболее разнообразны; не случайно они составляют во всех языках самый обширный массив фактического материала. Семантико-структурное многообразие предложений данного типа обусловлено принадлежностью их глагола к тому или иному лексико-грамматическому разряду, а также различными категориально-грамматическими характеристиками их именных актантов.

Для большей системности и наглядности межъязыковых параллелей вербальные предложения делятся на активные, пассивные и безличные. Внутри этих трех групп конструкции далее разграничиваются по признаку грамматической определенности / неопределенности их актантов.

5.2.2.1. Активные конструкции:

N – V – (N 2 / 4 / p N)

1. В активных конструкциях с ИСС «субъект – действие – объект», представленных схемой N – V – N / p N, субъект выступает как активный, объект – как пассивный. Кроме того, оба актанта представлены как грамматически определенные (известные или неизвестные говорящему). Ср. предложения русского и английского языков:

Учительница возмущенно окликнула Варю (Ю. Герман) → *The teacher called her back indignantly*; *Меня кто-то окликнул* (А. Бек) → *Someone hailed me*; *Он упорно бормотал эту фразу* (А. Бек) → *He kept muttering this sentence stubbornly*; *Андрей пробормотал в ответ жене Рейнгольда что-то невнятное* (Д. Гранин) → *Andrei mumbled something incomprehensible in reply to Rheingold's wife*.

Как видим, в обоих языках наблюдается параллелизм форм. Основные межъязыковые расхождения в данной сфере наблюдаются в используемых с одним и тем же глаголом формах объекта: кроме соответствия «прямой объект» – «прямой объект» и «косвенный объект» – «косвенный объект» возможно соотношение «прямой объект» – «косвенный объект» и наоборот:

Полунин знал его (Ю. Герман) → *Polunin knew him*; *Я посмотрел на бойцов* (А. Бек) → *I looked at the men*; *Андрей с удовольствием*

наблюдал за Виктором (Д. Гранин) → *Andrei watched Victor with pleasure*; *Андрей умышленно помедлил с ответом* (Д. Гранин) → *Andrei deliberately delayed his answer*.

В целом русскому косвенному объекту в английском языке чаще соответствует прямой объект. Конструкция с прямым объектом характерна и для венгерского языка:

И Запад этот план поддержал (Р.) → *S a Nyugat támogatta ezt a tervet*; *Темной ночью Хорти покидает Будапешт* (Р.) → *Egy sötét éjszaka Horthy elhagyja Budapestet*.

Ср. предложения в трех языках:

Я сломал очки – *I have broken my glasses* – *Eltörtem a szemüvegemet*.

2. В русском и венгерском языках активный субъект может выступать как определенно-персональный: V – N 2 / 4:

Знаю это → *Azt tudom*; *Получаю стипендию* → *Ösztöndíjat kapok*.

В английском предложении такой субъект всегда лексикализован:

Собираю старый фарфор и фаянс (Ю. Герман) → *I collect old china and pottery*; *Культурный вид станции портит* (Д. Гранин) → *You spoil the appearance of the station*; *Молоко будете получать от больницы* (Ю. Герман) → *You'll be getting your milk from the hospital farm*; *Сейчас новые части сколачивать будем* (К. Федин) → *We're going to form some new units*.

Ср. предложения в трех языках: *Помню это* – *I remember it* – *Emlékszem rá*.

В венгерском языке как определенно-персональный характеризуется не только субъект, но и объект: V obj: *Elfelejtetem* → *Я забыл это*.

Ср. предложения в трех языках:

Hallottam – *Я слышал это* – *I've heard it*.

3. В абсолютном варианте личной активной конструкции объект представлен синтаксическим нулем, т. е. является грамматически неопределенным: N – V:

Вечерами он читал (Ю. Герман); *Это слово манило и звало вперед* (Д. Гранин).

Ср. русские и английские абсолютные предложения:

Пятнадцать лет он преподает в институте (Д. Гранин) → *He has been teaching at the institute for fifteen years*; *Сейчас она пела для него одного* (Д. Гранин) → *But now she was singing for him alone*; *Володя молча слушал* (Ю. Герман) → *Volodya listened in silence*.

В некоторых случаях русский неопределенный или обобщенный объект в английском предложении при переводе лексикализуется и становится грамматически определенным:

Панфилов заражал ненаигранной, неподчеркнутой уверенностью (А. Бек) → *Panfilov inspired people around him with a feeling of natural,*

genuine confidence; Чей-то женский голос, свежий, звонкий и сильный, пел, приближаясь к хате (А. Куприн) → *A woman's voice, fresh, vibrant and strong, was singing a song as it drew near the hut.*

Оппозиция конструкций с определенным / неопределенным объектом отмечена и в венгерском языке:

A tanár újságot olvas (Преподаватель читает газету) – A tanár olvas (Преподаватель читает).

Кроме того, в венгерском языке грамматическая и коммуникативная неопределенность, а также лексическая неизвестность объекта поддерживаются употреблением форм безобъектного / объектного спряжения глагола. Ср. предложения трех типов: *Főzünk (Мы варим); Keveset írunk (Мы мало пишем) – грамматическая неопределенность объекта; Tévét néz (Он смотрит телевизор); Látok egy házat (Я вижу дом) – коммуникативная неопределенность грамматически определенного объекта; Valamit láttok (Вы видите что-то); Valakit látnak (Они видят кого-то) – лексическая неизвестность грамматически определенного объекта.*

В русском языке в абсолютном употреблении возможны предложения с глаголами на -ся: N – V refl:

Собака кусается; Мел пачкается.

От предложений с обобщенным объектом следует отличать активные предложения с возвратными глаголами, в которых объект является грамматически **определенным**, но отмечен дополнительными оттенками значения.

1) Предложения с собственно-возвратными глаголами:

Rita не защищалась (Д. Гранин) → *Rita did not defend herself;* *Андрей высвободился* (Д. Гранин) → *Andrei shook himself free;* *Она мылась из железного дребезжащего ручкомойника* (Д. Гранин) → *She washed herself under a water-can with a noisy stopper.*

2) Предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта:

Начиная с этого вечера они виделись все чаще (Д. Гранин) → *After that evening they saw each other more and more frequently;* *Врачи встречались только на «летучках»* (Ю. Герман) → *The doctors only saw one another at their daily five-minute meetings.*

В русском языке вариантными конструкциями *Он поцеловался с именинницей – Он поцеловал именинницу* выражено одно и то же отношение между субъектом и объектом, но, как отмечалось выше, в первом доминирует взаимность действия, а во втором – обычная для активных конструкций направленность действия от субъекта к объекту. В английском языке оттенок значения, присущий русскому

предложению с глаголом на -ся, нивелируется, поскольку оно переводится все той же личной активной конструкцией:

С Аглаей Родион Мефодиевич тоже поцеловался (Ю. Герман) → *Rodion kissed Aglaya too.*

4. В русском и венгерском языках существует неопределенно-личная конструкция, при помощи которой активный субъект может быть представлен как грамматически неопределенный; объект при этом характеризуется как пассивный определенный: N 4 / p N – V 3 pl:

Тибора Самуэли убили уже на австрийской границе (Р.) → *Szamuely Tibort már az osztrák határon ölték meg;* *В кострах фашистской инквизиции жгли книги, жгли мысль* (Р.) → *A fasiszta inkvizíció máglyáin könyveket, gondolatokat égettek el;* *Коня остановили на полном скаку* (Р.) → *A lovat vágta közben állították meg.*

В английском языке подобная конструкция отсутствует, в связи с чем ее значения передаются другими способами:

а) предложениями с активным определенным (известным или неизвестным) субъектом: *Зажгли свет* (К. Федин) → *The driver turned on the light;*

б) предложениями с активным субъектом, выраженным местоимением *they*: *Вместе с ними хоронили павших в боях красноармейцев* (К. Федин) → *They buried them along with the soldiers who had fallen in battle;*

в) двучленными партиципальными предложениями с пассивным неопределенным субъектом: *Допросили солдат* (А. Толстой) → *The soldiers were questioned;*

г) предложениями других конструктивных и частеречных типов.

Ср. предложения с активным неопределенным субъектом в трех языках:

И город, и его предприятия строили по советским проектам (Р.) – *A település és üzemei szovjet tervek szerint épültek – (Both the city and its factories were built under the Soviet projects / They built the city and its factories under the Soviet projects).*

В русском языке неопределенными одновременно могут быть и субъект, и объект; в таких неопределенно-личных предложениях обычно имеется ограничивающий неопределенность субъекта локатив: p N – V 3 pl:

Везде сейчас воруют; В «горячих точках» убивают.

5. Активной вербальной конструкцией типа N – V – N 2 / 4 / 5 с ядерным глаголом *иметь* выражается ИСС «субъект – поссесивность – объект». Субъект здесь всегда выступает как активный определенный, объект – как пассивный определенный:

Лаборатория учебного института не имела для этого ни оборудования, ни средств (Д. Гранин); *Каждая группа имела свои тайнички для*

инструмента, свои радости и огорчения (Д. Гранин); Никакими особо ценными военными секретами Клава не обладала (Д. Гранин).

Однако по мере развития русского литературного языка данная конструкция уступает по частотности использования конкурирующей конструкции $V N 2 - V - N$.

В английском языке конструкция $N - V - N$ является единственным синтаксическим способом выражения отношения обладания:

He had a more immediate job at hand (M. Wilson); *I don't have any appointment at all* (M. Wilson); *He's got that little wife waiting for him* (M. Wilson); *He hadn't any cash on him* (M. Spark).

В венгерском языке конструкция для выражения обладания служит конструкция с глаголом *van* и с субъектом в форме дательного падежа: $N 3 - V - N$.

Ср. предложения обладания в трех языках:

Многие люди имеют сберегательные счета / У многих людей есть сберегательные счета – Many people have saving accounts – Sok embernek van bankbetétje.

Таким образом, в сфере выражения отношения обладания между языками имеются существенные типологические различия: на одном полюсе находится английский язык с его единственной конструкцией с ядерным глаголом *иметь*; на другом полюсе – венгерский язык с конструкцией с глаголом *быть*; между этими полюсами расположен русский язык с его двумя конкурирующими конструкциями.

В русском и английском языках имеется также посессивная конструкция с субъектом в дательном падеже $N - V - N 3$. Ею выражается особый ВСС посессивности – принадлежность активного определенного объекта пассивному определенному субъекту:

Дача принадлежит отцу – The dacha belongs to my father.

В венгерском данное значение реализуется адективной конструкцией с посессивным прилагательным. Ср. предложения принадлежности в сопоставляемых языках:

Этот платок не принадлежит мне – This handkerchief doesn't belong to me → Ez a zsebkendő nem as enyém.

6. Во всех сопоставляемых языках для выражения ИСС «субъект – измерение – объект» используется конструкция $N - V - N$, в объектной позиции которой находится количественно-именное сочетание:

Обход продолжался два часа (Ю. Герман) – Making the rounds took two hours; Привить оспу стоило один соболев (Ю. Герман) – Vaccination cost one sable skin;

Это стоило двадцать форинтов – It cost twenty forints – Húsz forintba került.

5.2.2.2. Пассивные конструкции:

$N - V refl - (N 5)$

1. В русской **трехчленной** пассивной конструкции, выражающей ИСС «субъект – действие – объект», оба актанта – активный объект и пассивный субъект – выступают как определенные:

Сапожник Захар каждый день будился от сна женою одинаковыми словами (А. Платонов); *Как установлено, легковые машины... останавливались на дорогах в безлюдных местах неизвестными в форме офицеров Красной Армии* (В. Богомолов).

Конструктивным вариантом предложения данного типа с отрицанием является пассивная безличная конструкция: $N 2 - neg V 3 s refl - N 5$:

Никаких сплетен ими не собиралось.

В английском языке при переводе используется трехчленная партиципиальная конструкция:

Однако по старой памяти Гамбринус еще посещался морскими и портовыми молодцами (А. Куприн) → *Nevertheless, from habit, the house was still frequented by those young men.*

От русской трехчленной пассивной конструкции с глаголом несовершенного вида следует отличать омонимичное предложение с возвратным глаголом, активное по форме, но пассивное по грамматической семантике: *Он интересовался только их теоретической подготовкой* (Д. Гранин); ср. это предложение с активной конструкцией: *Только их теоретическая подготовка интересовала его.*

В английском языке в некоторых случаях подобного столкновения семантики и формы в устройстве предложения удается избежать за счет использования не предлога *by*, а специфической предложной формы, например:

She is overwrought by the tragedy (M. Spark); *He was interested only in their theoretical background* (M. Spark); *She was confused, now, about certain details* (M. Spark).

Если грамматическим субъектом пассивной конструкции является неодушевленный предмет, то в обоих языках наблюдается замена инструментальной формы локативной:

Огни всех люстр отражались в ее раскосых влажных глазах (Д. Гранин) → *The lights of all the chandeliers were reflected in her moist slanting eyes.*

2. В вербальной **двучленной** пассивной конструкции объект выступает как активный определенный, субъект – как пассивный неопределенный: $N - V refl$.

Предложения данного типа широко представлены в русском и венгерском языках:

Объявляется посадка на самолет Москва – Будапешт – Megkezdődik a beszállás a Moszkva – Budapest járatra.

В русском языке вариантом предложений данного типа с отрицанием является двучленная пассивная безличная конструкция: N 2 – neg V 3 s refl:

Никакие сплетни не собирались / Никаких сплетен не собиралось.

Неопределенный субъект в конструкции с глаголом несовершенного вида, имеющим вневременное значение, выступает как обобщенный:

Победа куется до боя (А. Бек).

В русских вербальных пассивных конструкциях глагол имеет форму несовершенного вида. Однако в текстах встречаются случаи употребления в пассиве глаголов на -ся совершенного вида:

Основалась ферма (А. Толстой); Получались иногда коротенькие и грустные открытки от Телегина (А. Толстой).

В английском языке двучленным вербальным пассивам, как правило, соответствуют двучленные партиципальные предложения:

Так претворялось в жизнь поначалу великое учение Листера (Ю. Герман) → And that was how Lister's great teaching was first put into practice.

В венгерском языке для реализации пассивно-возвратного оттенка значения могут использоваться суффиксы -*ód*, -*őd*; действию подвергается предмет, обозначаемый подлежащим, а субъект действия не указан:

Az áru végre eladódott → Товар, наконец, был продан (т. е. как бы сам себя продал – продался).

5.2.2.3. Безличные конструкции:

N 4 – V 3 s – (N 5)

В **трехчленной** конструкции оба актанта являются грамматически определенными: N 4 – V 3 s – N 5. Из сопоставляемых языков такие конструкции имеются только в русском языке:

Шагов на двести дорогу залило водой (В. Кетлинская); Моей гранатой и меня же чуть не убило (М. Бубеннов); Воздушным налетом прервало допрос (Д. Гранин).

В русской **двучленной** безличной конструкции N 4 – V 3 s агенкаузатор, представленный синтаксическим нулем, характеризуется как демиактивный неопределенный:

Дерево сломало.

5.2.2.4. Двухактантные вербальные предложения локализации

Двухактантными вербальными предложениями выражается ИСС «субъект – отношение локализации – локализатор»: N – (V) – (p N).

Рассмотрим подробнее межъязыковые параллели в этой сфере.

В русском и венгерском языках, в отличие от английского, глагольная позиция может быть представлена синтаксическим нулем.

1. Субъект локализации грамматически определенный, локализатор (места, времени) эксплицирован, т. е. тоже выступает как определенный: N – (V) – p N:

Отец в саду; Рынок находится в центре города; Концерт состоится завтра.

От предложений локализации следует отличать одноактантные вербальные предложения с факультативными компонентами – пространственными и временными локативами, например: *Перед самым началом занятий в Заречье загорелись лесные склады (Ю. Герман).*

Вариантом конструкции локализации в русском языке является безличное предложение с отрицанием и с субъектом локализации в родительном падеже: N 2 – neg V 3 s – p N: *Нины и здесь не было (Д. Гранин); (ср. с английским предложением с отрицанием: *Nina was not there either*).*

Предложения локализации имеются в синтаксических системах всех сопоставляемых языков. См. соответствующие примеры:

Она и сейчас у меня дома (Ю. Семенов); Шеренги письменных столов стояли от стены к стене (Д. Гранин); Карта лежала перед ним и теперь (А. Бек); Мы живем в век электричества (Д. Гранин).

Some of her bags were still here (M. Spark); The mark of his butterfly knife was on it (M. Spark).

Az ön szobája a harmadik emeleten van; Novemberben tüntetést rendeztek Budapesten (В.).

Ср. предложения локализации в трех языках:

Я остановился в гостинице «Астория» – I'm staying at the Astoria hotel – Az Astoria szállodában lakom.

Русское предложение с отрицанием приобретает безличную форму, его субъект – форму родительного падежа: p N – neg V 3 s – N 2:

Товарищ абонент, в этом районе еще мощности нет.

В предложениях с отрицанием отмечается дублетность личной / безличной конструкций, например:

На небе не сияла ни одна звезда – На небе не сияло ни одной звезды.

Ср. предложения локализации с отрицанием в трех языках:

Сегодня спектакля нет – There's no performance today – Ma nincs előadás.

2. В предложениях локализации локализатор может быть представлен как **неопределенный**: N – V – (p N):

Привидения существуют.

Вариантом предложения данного типа является безличное предложение с отрицанием и с субъектом локализации в родительном падеже: N 2 – neg V 3s:

Привидения существуют → Привидений не существует; Свободных столиков не было (Д. Гранин).

На английский язык русские предложения с неопределенным локализатором обычно переводятся конструкцией с *there*:

Больных не было ни одного (Ю. Герман) → *There was not a single patient.*

В венгерском языке имеется прямой эквивалент русской конструкции: *Tengere nincs → Морей нет.*

3. Локализатор, находящийся в препозиции, также может быть неопределенным (обобщенным): (p N) – (V) – N:

Ночь; Зима; Наводнение; Был обеденный перерыв (Ю. Герман).

См. также вариант русских предложений локализации – конструкцию с неопределенным локализатором и опущенной отрицательной глагольной формой настоящего времени: (p N) – neg (V) – N 2: *Ни облачка.*

Во многих случаях таким русским предложениям соответствуют английские с формой *it*, поскольку в синтаксической структуре предложения позиция подлежащего должна быть заполнена. Ср.:

It was the middle of May → Была середина мая.

В современном английском языке отмечены также и предложения типа *Night*, аналогичные по форме русским, ср.:

Конец восемнадцатого века – Late eighteenth century; Наступила тишина (Д. Гранин) – *Silence.*

Различные интерпретации семантики и структуры подобных предложений см. в работах (Kobrina 1965, p. 89-90; Юревич 1973; Аракин 1979, с. 212; Мухин 1980, с. 135-137; Иванова 1981, с. 164-165; Blokh 1983, p. 236-237; 277).

В венгерском языке русские предложения рассматриваемого типа имеют прямой эквивалент. Ср. переводы:

Гражданская война... Интервенция четырнадцати государств... Разруха и голод... (P.) → Polgárháború... Tizennégy állam intervenciója... Gazdasági bomlás és éhínség...; Весеннее обновление родины... (P.) → A haza tavaszi megújítása...

Здесь такие предложения используются даже чаще, чем в русском, поскольку ими выражаются и ситуации, которые реализуются русскими адъективными или вербальными предложениями:

Csend van – Тишина; Tuxo; Hideg van – Холод; Холодно.

5.2.2.5. Локативно-посессивные предложения

К числу особых семантико-структурных типов дваактантных вербальных относится также предложение с ИСС «субъект – посессивность – объект»: У N 2 – (V) – N:

У меня есть машина; У нас две внучки.

Как уже отмечалось, конструкция данного типа представлена только в русском языке. От близкой по форме конструкции с локализатором в препозиции (p N – V – N) ее отличает фиксированная предложно-падежная форма *у + N 2* и принадлежность субъекта-посессора к субкатегориям антропонимов или зоонимов:

У него семья, дети (Д. Гранин); *У него был свой, особый мир неизвестных ей радостей и тревог* (Д. Гранин); *У них оставался еще по крайней мере час* (Д. Гранин).

Наличие в русском языке двух конкурирующих посессивных конструкций: личной активной (*Он имеет машину*) и локативно-посессивной (*У него есть машина*) требует подробного описания различий, существующих в их семантике и функционировании (см. об этом в специальном разделе Части IV нашей работы).

В венгерском языке изучаемой русской конструкции соответствует дваактантное вербальное предложение с глаголом *быть (van)* в эксплицитной или имплицитной форме. Посессивное предложение представлено здесь двумя подтипами:

1) определено-персонально-субъектной конструкцией: V – N:

Van egy fiát → У меня есть сын; Rengeteg időnk van → У меня масса времени; Nincs óráim → У меня нет часов;

2) конструкцией с субъектом-посессором в дательном падеже: N 3 – V – N:

1919-ben a magyar filmseknek igen kezdetleges eszközeik voltak még (B.) → У венгерских кинематографистов в 1919 году была весьма несовершенная техника; Minden népnek megvan a maga hősei, legendái, ereklyéi, ünnepei (B.) → У каждого народа свои герои, легенды, реликвии, праздники.

Ср. локативно-посессивные конструкции в трех языках:

У меня есть кое-какие деньги – I have some money – Van pénzem;

У меня с собой денег нет – I have no money on me – Nincs nálam pénz.

5.2.3. Партиципальные предложения

N – (cop) Part pass – (N 5)

Партиципальными предложениями выражается ИСС «объект – состояние как результат действия – субъект».

1. В русской **трехчленной** партиципальной конструкции объект может быть представлен как активный определенный, субъект – как

пассивный определенный (известный или неизвестный): N – (cop) Part pass – N 5:

Вероятно, эта книга была кем-то отобрана до него (К. Федин).

Как грамматически определенный пассивный субъект выступает и в английском трехчленном партиципальном пассиве:

His long purple train was upheld by the two curliest of the choir (M. Spark); *Then he was infuriated by Annabel's alarm* (M. Spark).

При переводе русских и английских высказываний с прямым порядком слов трудностей, как правило, не возникает.

Николай Иванович, бледный, с провалившимися глазами, был окружен при выходе из суда толпой женщин (А. Толстой) → *Nikolai Ivanovich, coming out of the court pale and hollow-eyed, was instantly surrounded by a crowd of women.*

Сложности могут возникать при переводе русских партиципальных высказываний с инвертированным порядком слов: стараясь сохранить порядок слов оригинала, переводчики часто изменяют его залоговую семантику на противоположную (см. об этом в специальной главе Части IV нашей работы).

В тех случаях, когда английское причастие инкорпорирует сему пассивного субъекта-агенса, русскому трехчленному пассиву соответствует английский двучленный:

Перроны были запружены народом (Ю. Герман) → *The platforms were crowded*; *Вы будете поражены неожиданностью* (А. Куприн) → *You'll be surprised.*

Из-за межъязыковых расхождений в области залоговости и порядка слов русским и английским трехчленным пассивным конструкциям, как правило, соответствуют венгерские активные предложения с инвертированным порядком слов. Ср.:

Дом разобран каменщиками – *The house was pulled down by the brick-layers* → *A ház a kőművesek által lebontatott.*

2. В **двучленном** пассиве объект является активным определенным, субъект – пассивным неопределенным: N – (cop) Part pass:

Мост построен недавно из монолитного железобетона (С. Крутилин); *Осенним утром 1957 года был запущен первый в мире искусственный спутник Земли* (А. Чаковский).

В русских предложениях с отрицанием или с количественно-именным сочетанием в роли объекта: N 2 – neg (cop 3 s) Part pass 3 s наблюдается обезличивание связочной и причастной форм:

Больше ничего не было сказано (Ю. Герман); *Было взято четыре волка-перьярка* (К. Федин); *Построено сорок шалашей* (В. Кетлинская).

В английском языке значение неопределенности как активного, так и пассивного субъекта может быть выражено только имеющимся в его

синтаксическом арсенале двучленным партиципальным пассивом. По признаку грамматической неопределенности субъекта двучленный пассив здесь одновременно противостоит как трехчленной пассивной партиципальной, так и личной активной вербальной конструкциям, в которых субъект выступает как грамматически определенный: *He was arrested by the FBI / The FBI arrested him* → *He was arrested.*

Английскому пассиву может соответствовать:

а) русский двучленный пассив; при этом категориально-грамматическая семантика субъекта – пассивность и неопределенность – полностью сохраняется:

Frederick's script was accepted for production with Annabel as the star (M. Spark) → *Сценарий Фредерика был принят к производству с Аннабел в главной роли*; *On one of the bags the latch was unfastened* (M. Spark) → *Замочек одного из чемоданов был раскрыт*; *They had been opened* (M. Spark) → *Письма были распечатаны*;

б) русская неопределенно-личная конструкция; при этом значение неопределенности у субъекта сохраняется, а пассивность заменяется активностью:

Her flight number had been called (M. Spark) → *Объявили посадку*;

в) личная активная конструкция, в которой субъект становится не только активным, но и определенным:

A dozen Jamaicans were taken on at the motor works (M. Spark) → *Автозавод принял на работу человек двенадцать с Ямайки*; *Even in normal times I'm noticed and watched* (M. Spark) → *На меня и в обычные то дни все таращатся*; *It was carved out of oak* (M. Spark) → *Он вырезал ее из мореного дуба*;

см. также пример перевода предложения с тремя английскими пассивными причастиями русским предложением с причастием и двумя глаголами:

«Minerva Arrives at Platform 10»' was made, released and applauded (M. Spark) → *«Минерва прибывает на платформу 10» была отснята, вышла на экраны и снискала должный успех*;

г) предложения других частеречных типов:

The other suitcase was closed (M. Spark) → *Другой чемодан оказался запертым*; *I'm rather worried* (M. Spark) → *Я что-то волнуюсь*; *Frederick was seldom drunk* (M. Spark) → *Фредерик не так уж часто напивался*.

Как уже говорилось, категория английского залога отличается от русского и венгерского более широкой сферой функционирования. В партиципальном предложении здесь в качестве носителя грамматического признака может выступать не только прямой, но и косвенный объект, а также локатив:

Ваши просьбы будут рассмотрены (А. Толстой) → *Your requests will be looked into*; *А эта партия была сознательно испорчена* (А. Чаковский) → *And that had been deliberately tampered with*.

В венгерском языке пассивизация субъекта с необходимостью сопровождается его неопределенностью – большинство пассивных конструкций здесь двучленно. Однако сужение сферы использования двучленного пассива в пользу неопределенно-личной конструкции, наблюдаемое в современном языке, свидетельствует о доминировании значения неопределенности на фоне частичной нейтрализации оппозиции активность / пассивность субъекта.

См. переводы русского двучленного пассива на венгерский язык неопределенно-личными предложениями:

Но ультиматум был принят (Р.) → *De az ultimátumot elfogadták*; *Все шесть мостов через Дунай взорваны* (Р.) → *Mind a hat Duna-hidat felrobbantották*; *Заключены договоры о торговле* (Р.) → *Kereskedelmi szerződéseket kötöttek*; *Снижена квартплата* (Р.) → *Leszállították a lakbéreket*.

3. Двухактантными партиципальными предложениями (N 3) – (cop) Part pass – N выражается ИСС «объект – его качественный признак – субъект восприятия признака». Объект в таких предложениях обычно выступает как определенный, а субъект при этом может быть и определенным, и неопределенным:

субъект определенный: *Мне виден весь экран*; *Он мне противен*; *Читателю известен наш дальнейший разговор* (А. Бек);

субъект неопределенный (обобщенный): *Следы ожесточенных боев были еще заметны*.

В предложениях с отрицанием объектная позиция подлежащего может заменяться косвенной падежной формой, и предложение становится безличным: N 2 – neg (cop 3 s) Adj sh 3 s – (N 3):

Следы (нам) не видны – Следов (нам) не видно.

Некоторые предложения этих подтипов можно сопоставить с двухактантными вербальными активными конструкциями:

Мне виден весь экран → *Я вижу весь экран*; *Следы ожесточенных боев были еще заметны* → *Мы заметили следы ожесточенных боев*.

Семантическая дифференциация противопоставленных конструкций проявляется при их рассмотрении в качестве компонентов поля залоговости: в вербальных активных конструкциях субъект по определению предстает как активный, а объект – как пассивный. В адъективных предложениях субъект явно пассивизируется, а носителем признака становится объект.

В венгерском языке адъективное предложение содержит прилагательное со специальным суффиксом «возможности», отсутствующим в других сопоставляемых языках:

Láthatók a nyomok – *Следы видны*.

В английском и венгерском языках для выражения данной ИСС также часто используются вербальные предложения, ср.:

Не слышно ни звука – *No sound is (can be) heard* – *Egy hang sem hallatszík*; *Jobbról látni a partot* – *Справа виден берег*; *Селу нужны люди* – *The countryside needs hands* – *A falunak kellenek emberek*.

4. Благодаря тому, что в русском языке предложение может быть бесподлежащим по структуре, в партиципальном предложении и объект, и субъект могут предстать как грамматически неопределенные: (cop 3 s) Part pass 3s:

Толкнул дверь. Заперто; *Хорошо сказано*; *У меня убрано*; *Выпито было сильно* (А. Толстой).

См. перевод русского предложения с неопределенным объектом на английский язык: *Как и всегда в этих случаях, было много выпито* (А. Куприн) → *As usual on such occasions, a lot was drunk*.

Ср. также пассивные предложения с неопределенными субъектом и объектом в трех сопоставляемых языках:

Закрыто – *Closed* – *Zárva*.

5.2.4. Деепричастные предложения

N – (cop) V adv – (N 5)

1. Венгерские трехчленные деепричастные конструкции с определенным объектом в позиции подлежащего и со связкой, которая эксплицируется не только в прошедшем или будущем времени, но и в настоящем, выражают ИСС «объект – состояние как результат воздействия – субъект»: N – (cop) V adv – N 5. В функции признакового компонента употребляются деепричастия на *-va*, *-ve*. Эти конструкции регулярно соответствуют русским трехчленным партиципальным пассивам.

A házi feladat el van készítve a tanulók által → *Домашнее задание выполнено учениками*.

Ср. венгерские деепричастные предложения и их русские и английские переводы:

Nagyon meg vagyok vele elégedve – *Я очень удовлетворен этим* – *I'm very satisfied with it*; *A tanárok nem voltak megelégedve veletek* – *Преподаватели были вами недовольны* – *The teachers were dissatisfied with you*.

2. В подавляющем большинстве случаев, однако, венгерский деепричастный пассив бывает двучленным. Его субъект является неопределенным пассивным: N – (cop) V adv:

A csomag persze össze van kötve → *Сверток, конечно, перевязан*; *Mi ketten meg voltunk mentve* → *Мы двое были спасены*; *Be van fejezve a*

nagy mű → Закончено великое творение; *A szerződés le van írva* → Договор написан; *A szoba be van bútorozva* → Комната меблирована.

Венгерские деепричастные предложения сопоставимы с русскими и английскими двучленными партиципиальными конструкциями, например:

Az óbudai hidra nyolc év volt előirányozva – Для (постройки) Обудайского моста было запланировано восемь лет – *For (construction) of the Obuda bridge eight years were scheduled.*

При этом в венгерском литературном языке сфера функционирования данной конструкции ограничена: в будущем времени следует использовать личную активную форму соответствующего глагола: *Дом будет построен* – *A ház fel (fog) épül (ni)*. Ср. с отсутствием темпорального ограничения в партиципиальных конструкциях русского и английского языков: *Дом будет построен* – *The house will be built.*

Для данной конструкции также обязательно употребление связки. Ср. с использованием связки в русском двучленном партиципиальном пассиве: *A ház fel van építve* (настоящее время) → *Дом построен*; *A ház fel volt építve* (прошедшее время) → *Дом был построен.*

В сфере имплицитности субъекта венгерский двучленный деепричастный пассив сталкивается с сильной конкуренцией со стороны неопределенно-личной и других конструкций. В результате на месте русских двучленных партиципиальных или вербальных пассивных конструкций в венгерском языке часто появляется не двучленный деепричастный пассив, как этого следовало бы ожидать, а активные конструкции:

а) неопределенно-личные предложения: *Учитель уважаем* → *A tanárt tisztelik*; *Газеты продаются на углу* → *A sarkon árulnak újságot*; *В городе построено много новых домов* → *A városban sok új házat építettek*;

б) вербальные конструкции с возвратной (непереходной) формой глагола: *Строятся каналы и мелиоративные системы (Р.)* → *Csatornák és öntözőrendszerek épülnek*; *Возводятся гиганты индустрии в северных районах страны (Р.)* → *Ipari óriások létesülnek az ország északi vidékein*;

в) конструкции, в которых объект олицетворяется и активизируется: *В этой статье пишется о...* → *Ez a cikk itt azt írja...* (букв. Эта статья здесь пишет...).

Ср. конструкции с неопределенным пассивным субъектом в трех языках:

Это плохо постирано – *This isn't washed properly* – *Ez nincs rendesen kimosva*;

Я очень тронут – *I'm very much moved* – *Meg vagyok hatva*;

Моя комната не убрана – *My room hasn't been cleaned* – *A szobám nincs kitakarítva.*

5.3. Трехактантные предложения

В семантической структуре предложений, выражающих трехактантные ситуации, в качестве третьего актанта выступает **адресат** или **локализатор**. Соответственно, ИСС таких предложений представлена двумя разновидностями:

а) «субъект – действие – объект – адресат»: N – V – N 4 – N 3: *Я привез вам дров*;

б) «субъект – действие – объект – локализатор»: N – V – N 4 – p N: *Я повесил часы на стену*.

Трехактантные предложения представлены конструкциями двух частеречных типов: вербального и партиципиального.

5.3.1. Вербальные предложения

5.3.1.1. Активные конструкции:

N – V – N 4 – (N 3 / p N)

1. Субъект активный, остальные актанты пассивные. Все актанты, в том числе адресат или локализатор, являются определенными: N – V – N 4 – N 3 / p N

а) предложения с определенным адресатом:

русско-английские параллели:

Я недавно ее своим ребятишкам читал (Ю. Герман) → *I read it to my kids a little while*; *Я напишу вам большое письмо* (Ю. Герман) → *I'll write you a long letter*; *Ведь лишь вчера я сам это же сказал бойцу* (А. Бек) → *Why, only the day before I had said that very same thing to one of the men*; *Он с безрассудной откровенностью выложил все это Виктору* (Д. Гранин) → *He poured it all out to Victor with unthinking frankness*;

см. также русско-англо-венгерские параллели:

Я принес тебе учебник физики – *I have brought you the physics book* – *Elhoztam neked a fizikakönyvet*; *В марте 1941 года Советский Союз передал Венгрии ее национальные реликвии* (Р.) – *In March, 1941 the Soviet Union returned to Hungary its national relics* – *1941 máriusában a Szovjetunió visszaadta Magyarországnak nemzeti ereklyéit*; *Он передал книгу мальчику* – *He gave the book to the boy* – *Ánadt a könyvet a fiúnak*;

б) предложения с определенным локализатором:

русско-английские параллели:

Лиза отнесла журнал в кабинет Виктора (Д. Гранин) → *Liza took the magazine into the study*; *Андрей положил обратно на тарелку кружок колбасы* (Д. Гранин) → *Andrei put a piece of sausage back on his plate*; *Они уложили его в постель* (К. Федин) → *They laid him on the bed*; *Она швырнула письмо в огонь* (В. Кетлинская) → *She tossed the*

letter into the fire; Кирилл отложил том в сторону (К. Федин) → *Kirill put the book to one side;*

см. также русско-англо-венгерские параллели:

Я взял книгу с полки – I took the book from the shelf – Levettem a könyvet a polcról.

2. Субъект действия неопределенный, объект и адресат /локализатор – определенные: N 4 – V 3 pl – N 3 / p N

а) предложения с адресатом:

русско-английские параллели:

Ему принесли пачку бумаг (К. Федин) → *A pile of papers was brought to him; Мне показали полосу моего батальона* (А. Бек) → *I was shown my battalion's sector; Слово предоставили Лобанову* (Д. Гранин) → *Lobanov was given the floor; Все необходимые условия ей создадут* (Д. Гранин) → *She would get all the necessary facilities;*

см. русско-англо-венгерскую параллель: *Ему отказали в визе – He was refused a visa – Nem kapott vízumot;*

б) предложения с локализатором:

русско-английские параллели:

Сорокатрёхлетних мужиков брали с поля, с работ (А. Толстой) → *Forty-three-year-old men were taken straight from the plough; Однажды меня привели на совещание редакции «Золотого Руна»* (К. Федин) → *One day a friend took me to a conference of the editorial staff of The Golden Fleece; Незнакомца повели к Андрею Круглову* (В. Кетлинская) → *He was taken to Andrei Kruglov;*

см. русско-англо-венгерские параллели: *Книгу с полки взяли – The book was taken from the shelf – Levetették a könyvet a polcról.*

3. Адресат / локализатор неопределенный (обобщенный), субъект и объект – определенные: N – V – N 2 / 4 / p N:

а) предложения с неопределенным адресатом:

русско-английские параллели:

Министерство ассигнований на это не дает (Д. Гранин) → *The Ministry doesn't allot funds for that; Поведение Лобанова не обещало ничего похожего* (Д. Гранин) → *Lobanov's bearing, however, promised nothing of the kind; Андрей кратко рассказал о неудачах со своей статьёй* (Д. Гранин) → *Andrei related his failures briefly; Жена присяжного поверенного Гоголева тоже всегда жаловалась на мигрени* (Ю. Герман) → *Mrs. Gogoleva, the barrister's wife, had always complained of migraine;*

см. русско-англо-венгерские параллели: *Я буду рекомендовать ваш отель – I'll recommend your hotel – Ajánlani fogom szállodájuka;*

б) предложения с неопределенным локализатором:

русско-английские параллели:

Он вытащил новенькую папку (Д. Гранин) → *He pulled out a brand-new violet folder; Я то и дело вынимал часы* (А. Бек) → *I repeatedly took out my watch; Молодые неженатые люди всегда вносят какой-то аромат романтики* (Д. Гранин) → *Young unmarried people always give the atmosphere such a flavour of romance;*

см. русско-англо-венгерские параллели: *Я взял книгу – I've taken the book – Levettem a könyvet.*

4. Объект определенный, субъект и адресат неопределенные: N 4 – V 3 pl: см. русско-английские параллели:

А вот у немцев-то выдают по одному яйцу на человека два раза в месяц (А. Толстой) → *The Germans only get one egg per head every two weeks.*

5.3.1.2. Пассивные конструкции:

N – V refl – (N 5) – (N 3 / p N)

1. Субъект пассивный определенный или неопределенный, объект активный определенный, адресат / локализатор определенный: N – V refl – (N 5) – N 3 / p N:

а) предложения с определенным адресатом:

русско-английские параллели:

Всем играющим раздавались поровну костяные жетончики определенной цены (А. Куприн) → *All the players were given an equal number of ivory tokens of a specific value;*

б) предложения с определенным локализатором:

русско-английские параллели:

Его статьи печатались в газетах (Д. Гранин) → *His articles were published in the newspapers; Все письма и телеграммы кладутся перед обедом на столик у входа в столовую* (А. Чаковский) → *All letters and telegrams were stacked on a small table just outside the dining-room before dinner; В газетах печатались предсказания знаменитой провидицы, мадам Тэб* (А. Толстой) → *The papers printed the predictions of that famous visionary, Madam Tab; В определенный час по расписанию в ротах проводились беседы или чтения газет вслух* (А. Бек) → *At a certain time each day the companies arranged meetings for reading out of the papers and discussing the news.*

см. также русское и венгерское предложения с определенным локализатором:

Фрукты, овощи, куры и гуси, вина поставляются во многие страны мира (Р.) → *A világ számos országába szállít Magyarország gyümölcsöt, zöldségféléket, baromfit, bort.*

2. Объект и субъект характеризуются так же, как в первом случае, но адресат / локализатор выступает как неопределенный: N – V refl – (N 5):

а) предложения с неопределенным адресатом:

русско-английские параллели:

С блестящими глазами и разгоревшимися лицами рассказывались и слушались анекдоты о жизни миллионеров... (А. Куприн) → *Stories about the life of millionaires were told and listened to, with gleaming eyes and flushed faces.*

б) предложения с неопределенным локализатором:

русско-английские параллели:

Прохожие, как щепки по пути, увлекались этим потоком (А. Толстой) → *The passers-by were sucked into the stream, and floated like chips in the gathering current;*

Призывались все новые года запасных (А. Толстой) → *New age categories were constantly being called up;*

Ценные разработки не внедрялись годами (Д. Гранин) → *The valuable innovations had been ignored for years.*

5.3.1.3. Безличные конструкции:

N 4 – V 3 s – (N 5) – (p N)

1. В русских предложениях данного типа объект характеризуется как активный определенный, субъект – как демиактивный определенный или неопределенный, локализатор – как определенный: N 4 – V 3s – (N 5) – p N. В английском языке для перевода используются конструкции других типов (главным образом – двучленные партиципальные):

Нас понесло в открытое море (А. Толстой) → *We were carried out to the open sea;* *Снег сдуло к тесовым кварталам* (К. Федин) → *The snow was driven against the blocks of log houses;* *Его выбросило из самолета* (А. Чаковский) → *He was thrown clear of the plane.*

2. Семантика субъекта и объекта та же, но локализатор выступает как неопределенный: N 4 – V 3 s – (N 5):

Лодку понесло (К. Федин) → *The boat was carried downstream;* *Почти весь валежник унесло с собой водой* (К. Федин) → *The receding river had carried away almost all the dead brush.*

5.3.2. Партиципальные предложения

N – (cop) Part pass – (N 3 / p N) – (N 5)

1. Адресат / локализатор является грамматически определенным, объект – определенным активным, субъект – определенным или неопределенным пассивным: N – (cop) Part pass – N 3 / p N – (N 5).

Русско-английские параллели:

а) субъект определенный: *Катя, Даша и Телегин были принесены толпой к самому крыльцу думы* (А. Толстой) → *Katya, Dasha and Telegin were carried by the crowd right up to the entrance of the Duma;*

б) субъект неопределенный: *Бригада большевиков с артиллерией была выслана на позиции верстах в тридцати от города* (К. Федин) → *An artillery brigade was dispatched to a position some thirty versts outside the town;* *Он был вызван в Губернский комитет* (К. Федин) → *He was summoned to the Gubernia Party Committee.*

См. несколько примеров перевода партиципальных предложений с определенным локализатором:

Ибо ваши идеи и ваши сокровища будут без сожаления выброшены в мусорный ящик истории (А. Толстой) → *For your ideas and your treasures will be ruthlessly cast upon the dust heap of history;* *За повторный побег из лагеря он был посажен в старинную саксонскую крепость Кенингштайн* (К. Федин) → *As a result of a second attempt to escape from a prison camp, he had been incarcerated in the ancient Saxon fortress of Koenigstein.*

Francesca had been located at Ostia and brought back to Rome before lunch (M. Spark) → *Франческу разыскали в Остии и к полудню доставили в Рим.*

100 тысяч детей в то «красное лето» были посланы в лагеря отдыха (Р.) – *Azon a «vörös nyáron» 100 ezer gyermeket küldtek üdülőtáborba.*

В русском языке определенный адресат, представленный формой в дательном падеже, выступает как пассивный: *Новые учебники были выданы всем ученикам – Всем ученикам были выданы новые учебники.*

В английском языке возможны варианты, при которых адресат занимает в синтаксической структуре предложения не только пассивную позицию дополнения, например: *One of these was delivered to me last night* (M. Spark), но и позицию подлежащего, в которой он представлен как активный носитель признака: *The church had been given the Black Madonna by a recent convert* (M. Spark).

Ср. два английских варианта перевода русского предложения с определенным адресатом:

Нашей дивизии придано несколько артиллерийских противотанковых полков (А. Бек) → *Several anti-tank artillery regiments have been attached to our division / Our division has been reinforced with several anti-tank artillery regiments.*

2. Адресат / локализатор представлен как неопределенный: N – (cop) Part pass – (N 5):

Список представлен (К. Федин) → *A list has been presented;* *Был прислан доктор, доставлен воз дров* (К. Федин) → *A doctor was sent, a cartload of wood was delivered;* *Тотчас была дана телефонограмма о принятии соответствующих мер к обороне фольварка* (А. Толстой) →

A telephonogram was immediately sent, prescribing measures to be taken for the defence of the farmstead.

3. В русской трехактантной партиципальной конструкции имплицитно может быть представлен не только субъект, но и объект. В силу бесподлежащности конструкции признаковый компонент такого предложения получает безличную форму: (p N) – cop 3s Part pass 3s: *За доктором было послано.* Ср. с английским двучленным партиципальным пассивом: *The doctor was sent for.*

Ср. английское и русское предложения:

I was sent for to try on my new reading glasses (M. Spark) → *За мной послали, чтобы я примерила свои новые очки для чтения.*

5.4. Четырехактантные предложения

В семантической структуре четырехактантных предложений, кроме субъекта и объекта, фигурируют два локализатора: ИСС «субъект – действие – объект – локализатор – локализатор»: *Он переводит деньги из России за границу.*

5.4.1. Вербальные предложения

5.4.1.1. Активные конструкции:

N – V – N 4 – (p N) – (p N)

1. Субъект выступает в предложении как активный определенный, объект – как пассивный определенный; оба локализатора также являются определенными: N – V – N 4 – p N – p N. Ср. предложения трех языков:

Министерство перевело его из Петербурга в Москву – *The Ministry transferred him from Petersburg to Moscow* – *A minisztérium áthelyezett őt Pétervárból Moszkvaba.*

2. Один локализатор представлен как определенный, другой – как неопределенный: N – V – N 4 – p N:

Лиза потащила их к столу (Д. Гранин) → *Liza dragged them to the table;* *Вдвоем они перенесли Кук-Боста в палатку* (Ю. Герман) → *Together they carried Kuk-Bosta into the ward.*

Ср.: *Министерство перевело его в Москву* – *The Ministry transferred him to Moscow* – *A minisztérium áthelyezett őt Moszkvaba.*

3. Как неопределенные могут быть представлены оба локализатора: N – V – N 4:

Люди в комбинезонах уносили на ночь тяжелые скамейки (А. Чаковский) → *Men in overalls were removing the heavy beach seats for the night;* *Хозяин принес тюфяки* (В. Кетлинская) → *The men brought the mattresses.*

4. Субъект выступает как активный неопределенный, остальные актанты – определенные: N 4 – V 3 pl – (p N) – (p N):

Меня после этого перевели из начальников цеха в заместители (Д. Гранин) → *After that I was demoted from superintendent to assistant superintendent;*

Его перевели из Петербурга в Москву → *A minisztérium őt áthelyezett Pétervárból Moszkvaba.*

5. Неопределенными являются субъект и один из локализаторов: N 4 – V 3 pl – p N:

Больных выносили в коридор (В. Кетлинская) → *The patients were carried out into the corridor;* *Сергея увезли в больницу* (В. Кетлинская) → *Sergei was taken to hospital;*

Его перевели в Москву → *Őt áthelyeztek Moszkvaba.*

6. Субъект и оба локализатора представлены в предложении как неопределенные: N 4 – V 3 pl:

Его перевели (А. Чаковский) – *They shifted him* – *Őt áthelyeztek.*

5.4.1.2. Пассивные конструкции:

N – V refl – (N 5) – (p N) – (p N)

1. Объект активный, субъект пассивный; все актанты определенные: N – V refl – N 5 – p N – p N: *Он переводится министерством из Петербурга в Москву.*

2. Объект и локализаторы определенные, субъект неопределенный: N – V refl – p N – p N: *Он переводится из Петербурга в Москву.*

3. Объект и один из локализаторов определенные, субъект и второй локализатор неопределенные: N – V refl – p N: *Он переводится в Москву; Дела былой камеры прокурора палаты в эти дни перевозились на новое место, в помещение губернского архива* (К. Федин).

4. Субъект и оба локализатора неопределенные: N – V refl: *Он переводится.*

Способы перевода перечисленных русских конструкций на сопоставляемые языки не отличаются от приведенных в разделе о двучленных вербальных пассивных предложениях.

5.4.2. Партиципальные предложения

N – (cop) Part pass – (N 5) – (p N) – (p N)

1. В русских и английских предложениях объект – активный, субъект – пассивный; все актанты могут выступать как определенные: N – (cop) Part pass – N 5 – p N – p N:

Он был переведен министерством из Петербурга в Москву → *He was transferred by the Ministry from Petersburg to Moscow.*

В венгерском языке трехактантных партиципиальных конструкций нет. Как отмечалось, здесь им, как правило, соответствуют деепричастные предложения.

2. Субъект неопределенный, остальные актанты определенные: N – (cop) Part pass – p N – p N:

Молодой матрос был сброшен с носовой части в воду (К. Федин) → *A young sailor was blown off the bow into the water.*

В короткий срок сюда с юга было стянуто 65 немецко-фашистских дивизий (Р.) → *Rövid idő alatt német fasiszta hadosztályt vontak itt össze.*

3. Объект и один из локализаторов определенные, субъект и второй локализатор неопределенные: N – (cop) Part pass – p N:

Мешки с почтой и посылками были внесены в прихожую (А. Толстой) → *The sacks of letters and parcels were carried into the hall.*

Только в Будапеште сто тысяч человек были переселены в квартиры богачей (Р.) → *Csak Budapesten százezer embert költöztettek át a gazdagok lakásaiba.*

4. И субъект, и оба локализатора могут быть представлены как неопределенные: N – (cop) Part pass:

Минут через десять Ознобишин был приведен (К. Федин) → *Some ten minutes later Oznobishin was brought in.*

Итак, выше были представлены результаты сопоставительного анализа семантико-структурного устройства простого предложения русского, английского и венгерского языков в номинативном аспекте. Выявленные сходства и расхождения в синтаксических системах сопоставляемых языков позволят, как мы надеемся, оптимизировать процесс их изучения как иностранных, а также существенно облегчат работу переводчиков.

Некоторые семантико-функциональные подсистемы русского и английского языков будут более подробно рассмотрены в следующей части нашей работы.

ЧАСТЬ IV. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ И ВЕНГЕРСКИМ

В первой главе данной части работы предложения русского, английского и венгерского языков системно сопоставляются в общем направлении «от значения к форме».

Во второй главе кратко излагаются особенности актуализирующего аспекта высказываний русского и английского языков.

В третьей главе сформулированные в работе положения поаспектного анализа устройства предложения применяются при описании трех важнейших взаимосвязанных семантико-функциональных подсистем в сопоставляемых языках: субъектно-объектных отношений (на материале физического воздействия), локализации и посессивности.

В заключительной главе, носящей лингвопрагматический характер, синтаксис русского официально-делового стиля рассматривается на фоне американского английского.

ГЛАВА 1. Семантико-функциональная типология предложения русского, английского и венгерского языков

1.1. Основные положения семантико-функционального сопоставительного синтаксиса

В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы к коммуникативно-прагматической. В этой формирующейся парадигме центральное место продолжают занимать **функциональные** описания языка.

Как справедливо отмечает А. Николова, в отличие новейших направлений, еще не выработавших свою теоретическую платформу, функциональная лингвистика имеет уже несколько разветвлений, каждое из которых располагает сложившейся теоретической базой, понятийным аппаратом, отработанной методикой анализа и многочисленными реализациями, охватывающими большой языковой материал (Николова 2003).

Функциональный подход к описанию языка имеет прямой выход в практику перевода и преподавания языков как иностранных, поскольку овладение навыками выбора адекватных форм в процессе создания высказываний и текстов на иностранном языке путем усвоения целых

семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при объяснении отдельных форм, категорий и конструкций.

К сожалению, несмотря на актуальность, несомненные достоинства и довольно длительный период развития, нельзя сказать, что в функциональной лингвистике уже исчерпывающим образом решены все теоретические и прикладные проблемы. Как отечественные, так и зарубежные разновидности функционализма неоднократно подвергались критическому анализу, и во всех концепциях находились те или иные недостатки в вопросах теории и практики описания языков (Всеволодова 2000; Фигуровская 2001; Вишнякова 2003; Николова 2003; Мустайоки 2006; Widdowson 1979; Foley 1984; Givón 1984; 1990; Groot 1989).

Наиболее полная, по нашему мнению, теория функциональной грамматики представлена в трудах А. В. Бондарко.

Разработав на материале категории аспектуальности общую теорию функционально-семантических полей, ученый постепенно распространил морфологически ориентированный подход на описание всей системы языка (Бондарко 1984). В концепции автора грамматическая система состоит из следующих группировок взаимосвязанных полей:

1) полей с предикативным ядром (аспектуальность, темпоральность, таксис; модальность, бытийность, предикативная посессивность, состояние; залоговость, персональность);

2) полей с предметным ядром (субъектность / объектность, одушевленность / неодушевленность);

3) полей с качественно-количественным ядром (качественность, количественность, компаративность, атрибутивная посессивность);

4) полей с обстоятельственным ядром (причина, цель, условие, уступка, следствие, сравнение, локативность) (Бондарко 1985, с. 27-28).

Одним из основных понятий, на которых строится рассматриваемая модель функциональной грамматики, является «категориальная ситуация» (КС). Категориальная ситуация трактуется А.В. Бондарко как типовая содержательная структура, представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации, базирующаяся на определенной семантической категории и соответствующем функционально-семантическом поле и интерпретируемая как родовое понятие, по отношению к которому аспектуальные, темпоральные и другие ситуации являются понятиями видовыми. Собирая и анализируя высказывания, в которых заключен тот или иной комплекс КС, исследователь стремится отразить существенные признаки

семантических категорий в многообразии вариантов, представленных в речи. Тем самым данный тип анализа оказывается тесно связанным с моделированием речевой деятельности говорящего и с практикой изучения языков. Из определения КС вытекает возможность ее использования в типологических и сопоставительных исследованиях, а также в теории перевода. Основанием для сравнения могут быть универсально-понятийные аспекты КС (с опорой на отражаемые денотативные ситуации) (Бондарко 2002, с. 319-338).

Следуя по намеченному в проспекте функциональной грамматики плану, коллектив специалистов под научным руководством А. В. Бондарко в шести томах коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» подробно проанализировал следующие поля: аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность, персональность, залоговость, субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность, качественность, количественность, локативность, бытийность, посессивность, обусловленность, (Теория функциональной грамматики 1987; 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б).

В заключительной книге серии А. В. Бондарко разъясняет особенности созданной модели: «Задачи, поставленные в этой работе, ограничивались рамками системно-категориальной грамматики... Направление данной работы не затрагивало, в частности, тех задач, которые связаны со стремлением исследовать динамические аспекты развертывания процессов речи и «речевого мышления» (Бондарко 1996б, с. 215-216). В новой серии коллективных монографий, входящей под названием «Проблемы функциональной грамматики», многие высказанные ранее положения детализируются, развиваются и дополняются (Проблемы функциональной грамматики 2000; 2005).

Применяя данную теорию к многоаспектному анализу устройства предложения, можно сказать, что субъектность, объектность, залоговость, качественность, количественность, локативность, бытийность и посессивность охватывают **номинативный аспект** устройства предложения; аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность, персональность – **предикативный аспект**; в рамках полей коммуникативной перспективы высказывания и определенности / неопределенности анализируется **актуализирующий аспект** высказывания, а обусловленность можно отнести к **номинативно-релятивному аспекту**. На наш взгляд, наиболее глубоко и подробно исследованным в работах данного направления оказался предикативный аспект устройства предложения.

Параллельно с рассмотренной выше моделью функциональной грамматики успешно развивалась синтаксически ориентированная коммуникативная модель Г.А. Золотовой (Золотова 1973; 1982).

Многие разделяемые нами положения данной концепции уже упоминались в предыдущих разделах нашей работы, поэтому здесь нет необходимости вновь останавливаться на них. В коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка», продолжающей разработку функционального синтаксиса, выходящего в текст, рассматриваются, в частности, условия, в которых находится говорящий, его отношение к ситуации общения, его интенции относительно сообщаемого, речевые регистры (Золотова 1998, с. 29-35).

М.В. Всеволодовой, ее коллегами и учениками разрабатывается практическая функционально-коммуникативная грамматика русского языка (Всеволодова 1999; 2000; Амиантова 2001).

Эта модель грамматики представляет несомненный интерес для практики преподавания русского языка как иностранного и перевода, поскольку характеризуется тонкими наблюдениями над синтаксическим устройством предложения, а также над языковыми и коммуникативными «механизмами», обеспечивающими правильность речи и решение коммуникативных задач. В работах данного направления подчеркивается, что в основе формирования языковой и коммуникативной компетенции носителей русского языка лежит освоение синтаксической парадигмы и вариативности конструкций типа: *Я должен уехать – Мне нужно уехать – Мне уезжать; Я тоскую – Я томлюсь тоской – Меня томит тоска – Меня грызет тоска – Меня мучает тоска – Я пребываю в тоске* и т. д. По мнению М.В. Всеволодовой, именно такая модель должна быть положена в основу грамматики русского языка, адресованной преподавателям (Всеволодова 2007, с. 65-73).

Кратко перечислим здесь **основные положения**, на которые мы опирались при разработке своей модели семантико-функционального сопоставительного синтаксиса русского, английского и венгерского языков.

1. Практические потребности (обучение иностранным языкам и переводу) выдвинули на передний план необходимость выявления механизмов, обеспечивающих адекватное оформление языковыми средствами вычлененных языковым сознанием предметных ситуаций.

2. В процессе коммуникации говорящий всегда стоит перед проблемой выбора той вариантной единицы, которая более всего соответствует как его речевой интенции, так и ситуации общения. То, что носитель языка получает в ходе своей социализации, носитель языка должен получить в виде схемы выбора той или иной вариантной

формы. Поэтому одной из задач семантико-функционального синтаксиса является моделирование условий выбора наиболее адекватной единицы из того вариантного ряда, который имеется в данном языке.

3. Создание практически ориентированного семантико-функционального синтаксиса требует, прежде всего, разработки типологии устройства предложения, которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в синтаксической системе данного языка.

4. Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка: в данной модели очень востребованы идеи о взаимодействии грамматики и лексики, о частеречной классификации лексики, о выделении лексико-грамматических разрядов слов.

5. Поскольку в результате функционирования системы грамматических категорий одно и то же номинативное содержание может быть реализовано несколькими синтаксическими конструкциями, чрезвычайно важно выявить и описать существующие между конструкциями отношения (вариантность, синонимию, дополнительность).

6. Специфика семантико-функционального синтаксиса конкретного языка может быть выявлена только при его сопоставлении с другими языками, что обуславливает сопоставительно-типологический характер исследования.

1.2. Семантико-функциональная типология предложения русского, английского и венгерского языков

Ниже представлены результаты сопоставительного анализа предложений русского, английского и венгерского языков, систематизированные в направлении «от содержания к форме».

Напомним сформулированные нами основные принципы семантико-функциональной классификации предложений.

1. Предложения объединяются в классы и подклассы с опорой на их семантику: инвариантная семантическая структура → вариант семантической структуры.

2. Внутри полученных классов предложения разграничиваются по принадлежности признакового компонента их семантической структуры к той или иной части речи (номинативный, адъективный, нумеративный, вербальный, партиципальный и деепричастный типы предложений).

3. В семантико-функциональной типологии предложения отражены семантика и формы выражения грамматических категорий: личности / безличности, залоговости, определенности / неопределенности актантов.

4. За основу сопоставления взят русский синтаксис, поэтому в качестве примеров приводятся сначала русские предложения, затем английские и венгерские. Эквивалентные конструкции сопоставляемых языков даются через тире; основные переводческие соответствия, не эквивалентные русским предложениям, приводятся в скобках.

1.2.1. ИСС «субъект и его опредмеченный признак»

Данная семантика во всех сопоставляемых языках выражается конструкцией одного типа – номинативным предложением; в русском языке наблюдается чередование форм признака в зависимости от темпоральности высказывания: N – (cop) N 1 / 5:

Budapest – очень приятный город – Budapest is a very nice city – Budapest nagyon szép város; Я был студентом – I was a student – Egyetemista voltam.

1.2.2. ИСС «субъект и его качественный признак»

Данная ИСС выражается адъективным предложением, в котором субъект представлен как грамматически определенный носитель признака; в русском предложении прилагательное может быть в полной (в именительном / творительном падеже) или в краткой форме: N – (cop) Adj 1 / 5 / sh:

Море спокойное / спокойно – The sea is smooth – A tenger sima; Улицы были чистые / чистыми – The streets were clean – Az utcák tiszták voltak.

В русском предложении полная и краткая формы прилагательного конкурируют между собой: в их лексическое значение могут входить разные компоненты, они выражают тонкие грамматические различия и обладают стилистическими особенностями. Перечислим здесь основные дифференцирующие признаки форм.

Лексические различия между двумя формами одного заключаются в следующем:

а) некоторые прилагательные в полной и краткой формах имеют разные значения, например: *Эта девушка очень хорошая (добрая, умная, приветливая, отзывчивая и т. п. – качества характера) – Эта девушка очень хороша (красива, стройна и т. п. – внешние качества);*

б) в устойчивых словосочетаниях (фразеологизмах) исторически в одних случаях закрепилась полная форма, а в других – краткая,

сравните: *Это трудное задание мы поручаем тебе. Все знают, что рука у тебя лёгкая* (т. е. всё, что ты делаешь, получается хорошо) – *Ты легка на помине!* (Мы только что говорили о тебе, и вот ты здесь);

в) отдельные значения передаются только полной формой прилагательного, например: *Одна стена дома, стоящего на перекрёстке, глухая* (стена без окон и дверей) – **глуха; Все эти прекрасные цветы живые* (не искусственные) – **живы;*

г) ряд прилагательных в современном литературном языке используется только в краткой форме: *Я очень рад снова видеть тебя; Я согласен с твоим предложением.*

Грамматические различия между формами, выражающими одно и то же лексическое значение, можно представить в виде трёх оппозиций:

а) временные (темпоральные) различия: полной формой обозначается более постоянный признак предмета, его вневременное качество; краткая форма представляет этот признак как непостоянный, временный. Сравните: *Дети в моей группе спокойные, с ними легко и приятно работать – Кажется, они совершенно спокойны, но я знаю, что внутри у них всё кипит и бурлит;*

б) релятивно-ситуативная характеристика качественного признака субъекта (независимость / зависимость от других ситуаций): полная форма обозначает признак как абсолютный, независимый, не ограниченный другой ситуацией; краткая форма реализует тот же признак как относительный, ограниченный компонентами других ситуаций, связанных с выражаемой ситуацией. Сравните: *Все эти куртки короткие – Эта куртка мне коротка;*

в) интенсивность проявления признака: по сравнению с полной формой краткая форма прилагательного передает большую интенсивность выражаемого признака, высокую категоричность оценки говорящим предмета, часто сопровождаемую иронией. Сравните: *Она очень умная – Она очень умна.*

Стилистические различия между вариантными формами состоят в «разговорности» и даже «просторечности» полной формы и «книжности» краткой. Сравните: *Достаточно, твой ответ ясный и точный, ставлю пять (разг.) – Умозаключения и выводы, сделанные автором рецензируемой работы, ясны и точны; само диссертационное исследование заслуживает высокой оценки (кн.); Не виноватая я (прост.).*

Систему практических заданий и упражнений, способствующую усвоению данной темы, см. в учебном пособии (Копров 2006, с. 26-28).

Что касается употребления в предложении именительного / творительного падежа полной формы прилагательного, то, по

разделяемому нами мнению многих исследователей, в современном русском языке эти варианты превратились в **дублеты**.

Русские адъективные предложения обычно передаются соответствующими английскими, и наоборот:

Ваша статья неактуальна (Д. Гранин) → *Your article is not topical*;
Не все юноши так робки (Д. Гранин) → *Not all young men are so shy*;
Условия были трудные (Д. Гранин) → *The conditions were difficult*;
И Борисов, и Виктор были правы (Д. Гранин) → *Both Borisov and Victor were right*.

I'm not hungry, really (М. Spark) → *Нет, я не голодна*; *The house had been smelly and dirty* (М. Spark) → *Квартира была вонючей и грязной*;
Only the animals remain natural (М. Spark) → *Натуральны только животные*.

Отмечаются также следующие параллели:

а) русское адъективное предложение – английское предложение с *it* в позиции подлежащего и с атрибутивным прилагательным: *Вечер стоял безветренный, морозный* (Д. Гранин) → *It was a windless frosty evening*; *Время было послеобеденное, сонное* (Ю. Герман) → *It was a drowsy after-dinner hour*; *Задача была трудная* (Д. Гранин) → *It was a difficult task*; *Да, квартира была прекрасная* (Д. Гранин) → *Yes, it was a very nice flat*;

б) русское адъективное предложение – английское вербальное посессивное предложение: *Консультант у тебя опытный* (Д. Гранин) → *You've got an experienced adviser here*; *Оказывается, зрачки у тебя рыженькие* (Д. Гранин) → *You've got coppery eyes*;

в) адъективное предложение – предложение других частеречных типов: *Варя была еще совсем маленькой* (Ю. Герман) → *Varya was still a baby*; *Совесть ее была спокойна* (Д. Гранин) → *Her conscience was smoothed*;

It's true (М. Spark) → *Это истинная правда*; *But I'm sick* (М. Spark) → *Но меня же тошнит*; *It wasn't necessary* (М. Spark) → *Необходимости ведь не было*.

ВСС «окружающая среда и ее состояние».

Субъект не лексикализуется и интерпретируется обобщенно как «окружающая среда»: (N) – (cop 3 s) Adj sh 3 s:

Туманно – (*It's foggy*) – *Ködös*.

В английском языке данной русской конструкции соответствует предложение с формальным *it* в позиции подлежащего:

Поздно (Д. Гранин) → *It was too late*.

В английской конструкции предикативное прилагательное может трансформироваться в атрибутивное:

Было холодно, ветрено (А. Бек) → *It was a cold, windy day*.

Иногда в английском предложении в позицию подлежащего ставится определенное обозначение среды. Ср.:

Было нестерпимо жарко и душно (Ю. Герман) → *The day was unbearably hot and close*; *Было тепло...* (Д. Гранин) → *The room was warm...*

При этом в английском предложении субъектом – носителем признака в позиции подлежащего – иногда становится локатив русского предложения. Ср.:

Тихо и страшно сделалось за столом (Ю. Герман) → *The room grew still and frightening*; *Тихо стало в доме* (Ю. Герман) → *The house grew still*.

См. примеры обратного соответствия:

The house was very still (М. Spark) → *Было очень тихо*; *But the shop's so dark* (М. Spark) → *А там темно*.

Локатив, находящийся в русском предложении в препозиции, в английском предложении с *it* обычно перемещается в постпозицию:

На улице скользко → *It's slippery in the street*.

В других случаях позиция локатива при переводе сохраняется:

Зимой там чудесно (Д. Гранин) → *In winter it's delightful*;

Тихо было в аудитории, тихо и напряженно (Ю. Герман) → *It was quiet in the lecture hall, quiet and tense*.

См. также пример использования при переводе английской конструкции с *there*:

В лаборатории было шумно (Д. Гранин) → *There was a lot of noise in the laboratory*.

В венгерском языке в данной сфере находим:

прямой эквивалент русской адъективной конструкции с обобщенной средой: *Солнечно* → *Derült*; *Сыро* → *Nedves*;

вербальное предложение с нелексикализованным субъектом: *Пасмурно* → *Beborult*;

предложение с номинализированным признаком: *В номере холодно* → *A szobában hideg van*;

предложение, в котором русский локатив становится субъектом – носителем признака в позиции подлежащего: *На улице скользко* → *Az utca csúszós* (букв. *Улица скользкая*).

ВСС «состояние (ощущение) человека».

Субъект-антропоним может быть представлен в русском предложении двумя способами.

Субъект-антропоним представлен имплицитно, т. е. как человек вообще (обобщенно): (cop 3 s) Adj sh 3 s:

Холодно – (*It's cold*) – (*Hideg van*).

В английском языке русским предложениям с имплицитным субъектом регулярно соответствуют:

а) адъективные конструкции с формальным *it*:

Холодно что-то (Ю. Герман) → *It's rather chilly*; *Уютно* – *It's cosy*;

б) адъективные предложения с субъектом, восстановленным из ситуации или контекста:

С ней было просто и легко (Д. Гранин) → *Everything had been easy and simple with her*; *Снова стало шумно и весело* (Д. Гранин) → *Once more they were gay and noisy*; *Было весело, шумно и вкусно* (Ю. Герман) → *The dinner was jolly, noisy and delicious*.

Субъект-антропоним представлен эксплицитно – словоформой в дательном падеже: N 3 – (cop 3 s) Adj sh 3 s:

Мне тепло – (*I am warm*) – (*Melegem van*).

Русским предложениям с определенным субъектом в форме дательного падежа, как правило, соответствуют английские подлежащные конструкции:

а) адъективные:

Мне интересно (Ю. Герман) → *I'm curious*; *Им вдруг стало грустно* (Д. Гранин) → *Suddenly they were both sad*;

б) вербальные с полусвязочными глаголами: *Андрею стало грустно* (Д. Гранин) → *Andrei felt sad*; *Ему было стыдно* (Д. Гранин) → *He felt ashamed*.

Встречающиеся иногда в текстах «бесподлежащие» английские высказывания являются речевыми эллипсисами обычного подлежащего предложения, например:

– *How do you feel, Annabel?*

– *Chilly. Cold* (M. Spark) ← *I'm chilly. I'm cold*.

В венгерском языке русской конструкции с субъектом в форме дательного падежа соответствует:

а) в некоторых случаях – такая же конструкция: *Мне хорошо* → *Nekem jó*;

б) вербальные конструкции: *Ему стыдно* → *Szégyelli magát*; *Мне холодно* → *Fázom*.

Таким образом, в русском языке среди адъективных предложений имеются близкие по значению, но, тем не менее, отличающиеся по семантике и по форме конструкции. Ср.:

(1) *Я грустен* – (2) *Мне грустно*;

(3) *Кошка теплая* – (4) *Кошке тепло*.

Предложения (1-2) различаются по степени грамматически выраженной активности «ношения» субъектом признака: в (1) субъект «активный», в (2) – «демиактивный». От данной пары синонимов следует отличать предложения типов (3) и (4). В предложении (3)

сообщается о качественном признаке самого субъекта-зоонима, в то время как в (4) говорится о признаке окружающей нелексикализованной среды (*тепло*) и об ощущении субъекта-зоонима. Следовательно, конструкции (3) и (4) не являются синонимами.

В других сопоставляемых языках все эти грамматические значения нивелируются, поскольку передаются только одной конструкцией типа (1). Ср.:

Я грустен / Мне грустно → *I am sad* – *Szomorú vagyok*.

1.2.3. ИСС «субъект и его количественный признак»

В русском нумеративном предложении с числительным *один* субъект выступает в форме именительного падежа: N – (cop) Num; в английском языке – это единственная форма выражения количественного признака субъекта:

Правильный ответ был только один → *The correct answer was the only one*.

В русском языке при обозначении большего количества используется безличная конструкция: N 2 – (cop 3 s) Num:

Рабочих будет около двадцати.

В английском языке используется конструкция с *there*:

Нас двое → *There are two of us*.

В русском языке, в отличие от двух других сопоставляемых языков, при выражении возраста субъекта субъект имеет форму дательного падежа: N 3 – (cop / cop 3 s) Num (N):

Мне тридцать шесть лет – (*I'm thirty-six*) – (*Harminchat vagyok*).

1.2.4. ИСС «субъект и его действие / состояние»

Данная ИСС выражается вербальными предложениями.

Субъект действия или состояния выступает в предложении как определенный. В сопоставляемых языках используется однотипная изосемическая конструкция N – V (refl):

Лифт не работает – *The lift isn't working* – *A lift nem működik*.

Кроме того, в английском и в венгерском языках русские вербальные предложения иногда передаются адъективными предложениями:

Поезд опаздывает – *The train is late* – *A vanat késik*; *Я нервничаю* – *I'm nervous* – *Ideges vagyok*; *Я проголодался* – *I am hungry* – *Megéheztem*;

Кривицкий молчал (Д. Гранин) – *Krivitsky was silent*; *Актный зал опустел* (Ю. Герман) – *The assembly hall grew empty*; *Машина запаздывала* (А. Бек) – *The car was late in arriving*; *Опасность*

миновала (Д. Гранин) – *The danger was past*; *Воздух с каждой минутой густел* (Д. Гранин) – *Every minute the air grew thicker*.

Русским предложениям с возвратными глаголами часто соответствуют английские партиципальные предложения:

Потом он запутывался в экспериментальных данных (Д. Гранин) → *Then he got tangled up in experimental data*; *Оттуда она (бумага) вернулась быстро с уничтожающей рецензией Тонкова* (Д. Гранин) → *It was quickly returned with an annihilating comment from Tonkov*; *Очевидно, пробился конденсатор* (Д. Гранин) → *The condenser was burnt out*; *Ни одна рука не поднялась* (А. Бек) → *Not a single hand was raised*.

В русском и венгерском языках субъект может выступать как грамматически неопределенный: V 3 pl:

Стучат – (*There's a knock*) – *Kopogtatnak*.

В русском и венгерском языках при выражении ВСС «окружающая среда и ее состояние» субъект не лексикализуется и выступает как обобщенный: V 3 s:

Темнеет – (*It's growing dark*) – *Sötétedik*.

В русском языке для выражения ВСС «субъект-антропоним / зооним и его состояние» используются различные другие вербальные конструкции.

Конструкция с возвратным глаголом: N – V refl:

Я проголодался – (*I am hungry*) – (*Megéheztem*).

В предложении с возвратным глаголом субъект-антропоним или зооним может быть представлен формой в дательном падеже как определенный демиактивный: N 3 – V 3 s refl:

Сегодня мне не работается – (*I can't work today*) – (*Ma nincs kedvem dolgozni*).

В безличном предложении субъект-антропоним или зооним может быть представлен формой в винительном падеже как определенный демиактивный: N 4 / p N – V 3 s:

Меня тошнит – (*I feel sick*) – (*Kavarog a gyomrom*).

В русском языке к сфере одноактантных вербальных относятся предложения, описывающие эмоционально-психическое состояние субъекта-антропонима, вызванное воздействием на него внешней причины. Признаковый компонент выражается глаголом на *-ся*, а обстоятельство причины – факультативной падежной или предложно-падежной формой:

Мы обрадовались (его приезду); Она смутилась (от таких слов).

Указанные предложения соотносятся с двуактантными вербальными и партиципальными конструкциями:

Мы обрадовались его приезду – *Ego приезд обрадовал нас* – *Мы были обрадованы его приездом; Она смутилась от таких слов* – *Такие слова смутили ее* – *Она была смущена такими словами*.

1.2.5. ИСС «субъект и его качественный процессуальный признак»

В русском и английском языках данная ИСС выражается партиципальными предложениями: N – cop Part act:

Рассказ был волнующим – *The story was exciting*.

В венгерском языке, наряду с партиципальной конструкцией, используется специальная конструкция типа *Ez a könyv olvasható* – (*Эту книгу можно читать*) – (*This book can (should) be read*) или деепричастное предложение: N – cop V adv: *El vagyok fáradvá* (*Я устал; букв.: Я уставши*).

1.2.6. ИСС «субъект – сравнение – объект»

Отношение сравнения выражается в сопоставляемых языках двуактантными адъективными предложениями.

В русском предложении с прилагательным в краткой форме выражается равенство субъекта и объекта: N – (cop) Adj sh – N 3:

Отрезок равен метру.

Сравнение субъекта и объекта реализуется в предложении прилагательным в сравнительной степени.

В русском и венгерском языках используются две конструкции:

N – cop Adj comp – N 2: *Эта башня выше того здания* – *Ez a torony magasabb annál az épületnél*;

N – cop Adj comp – чем (*mint*) N: *Дунай длиннее, чем Тиса* – *A Duna hosszabb, mint a Tisza*.

В английском языке имеется только вторая конструкция: N – cop Adj comp – *than* N: *The Danube is longer than Tisa*.

1.2.7. ИСС «субъект – действие / состояние – объект»

Средства выражения субъектно-объектных отношений, наиболее распространенных в окружающей действительности и в отражающих ее языках, отличаются наибольшим многообразием форм.

1. Активные конструкции.

В личной активной конструкции, которая составляет основу синтаксической системы всех трех сопоставляемых языков, субъект представлен как активный определенный, объект – как пассивный определенный:

Я забыл его имя – I forgot his name – Elfelejtettem a nevét.

В русском и венгерском языках субъект в определенно-личных предложениях опущен: V 1/2 – N 2/4:

Возьму эту комнату – Kiveszem a szobát.

Определенно-личный объект (возможен только в венгерском языке): V obj:

Hívlak – (Зову тебя) – (I'm calling you).

В русском и венгерском языках для выражения неопределенности субъекта регулярно используются неопределенно-личные предложения: N 4 / p N – V 3 pl:

Учителя уважают – A tanárt tisztelik.

В английском языке подобная конструкция отсутствует, в связи с чем неопределенно-личные предложения передаются несколькими способами:

а) предложениями с активным определенным (известным или неизвестным) субъектом:

Кириллу налили вина (К. Федин) → Someone poured out a glass for Kirill; Их свалили в кучу (К. Федин) → The hunters threw them in a pile; В столовых сэкономили продукты (В. Кетлинская) → The cooks at the canteens began economizing on food; Ее окликнули (А. Толстой) → Somebody called her name; О нем и не вспомнили (Ю. Герман) → No one ever mentioned him;

б) предложениями с активным субъектом, выраженным местоимением *they*:

Вам помогут (Ю. Герман) → They will help (you); В доброту мою не верят (Ю. Герман) → They don't believe in my kindness; За едой говорили про гуся, про погоду (Д. Гранин) → Over the meal they talked of the goose and weather;

в) двучленными партиципальными предложениями с пассивным неопределенным субъектом:

Здесь, в Петербурге, в этом великолепном зале, выдумали русского мужика (А. Толстой) → Your Russian muzhik has been invented here, in Petersburg, in this splendid hall; Наконец, убрали в комнате все, кроме большого стола, оклеенного золотой бумагой (А. Толстой) → Finally, everything was taken out of it except a large table covered with gilt paper; Откуда-то раздобыли последнего по времени Сашкиного аккомпаниатора (А. Куприн) → Sashka's last accompanist was dug up from somewhere and brought in;

г) предложениями других конструктивных и частеречных типов:

В истории медицины очень скучно о них пишут (Ю. Герман) → The history of medicine makes their life-stories sound very flat; У нас в авиации тоже строго на такие безобразия смотрят (Ю. Герман) → It's just as strict with us in the air force; Ее платят только в институтах (Д.

Гранин) → Usually you can get that at an institute; И вообще, там, в министерстве, даже мыслят другими масштабами (Д. Гранин) → Yes, the whole scale of thinking is different up there; Ну, такими бумажками моего авторитета не подорвешь (Д. Гранин) → Well, a scrap of paper like this won't undermine my authority.

Возможны личные активные конструкции с неопределенным (обобщенным) объектом.

Во всех языках используются конструкции типа N – V:

Я не курю – I don't smoke – Nem dohányzom.

В русском языке используется также конструкция с возвратным глаголом: N – V refl:

Корова бодается.

В русском языке можно одновременно выразить неопределенность и субъекта, и объекта, ограниченную локативным распространителем предложения: p N – V 3 pl:

На войне каждый день убивают.

2. Пассивные конструкции.

В русском языке субъектно-объектные отношения выражаются также пассивными вербальными и партиципальными конструкциями (в английском языке – только партиципальными).

Трехчленная вербальная конструкция: субъект пассивный, объект активный; субъект и объект определенные: N – V refl – N 5:

Дом строится каменщиками.

В русском языке при отрицании пассивная конструкция становится безличной: N 2 – neg V 3 s refl – N 5:

Никаких сплетен ими не собиралось.

В русском и венгерском языках для выражения неопределенности субъекта используется двучленная конструкция, в которой объект выступает как определенный: N – V refl:

Ручная кладь досматривается здесь – A kézipoggyászt itt vizsgálják meg.

В английском языке русским двучленным вербальным пассивам, как правило, соответствуют двучленные партиципальные предложения:

По всем городам формировались пополнения (А. Толстой) → Replacement units were being formed in every town; Неожиданно разрывались прочные связи (А. Толстой) → The most solid ties were unexpectedly severed;

или предложения других семантико-структурных типов, ср.:

В последнее десятилетие с невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия (А. Толстой) → Huge enterprises sprang up with incredible rapidity during the last ten years.

В венгерском языке для реализации пассивно-возвратного оттенка значения могут использоваться суффиксы *-ód, -őd*; действию подвергается предмет, обозначаемый подлежащим, а субъект действия не указан:

A levél lassan íródik → *Письмо пишется медленно* (т. е. как бы оно само пишется).

В современном венгерском языке наблюдается тенденция использовать такие конструкции вместо двучленных пассивных. Однако между значениями пассивно-возвратной и пассивной суффиксации еще ощущаются различия: в пассивном примере *A levél megíratott* – *Письмо было написано* субъект действия имплицитно представлен; в пассивно-возвратном примере *A levél megíródott* – (букв. *Письмо написалось*) состояние объекта представлено как бессубъектное (как будто само по себе). Ср. с русскими конструкциями: *Дверь открыта* – *Дверь открылась*.

В русском языке при отрицании пассивная конструкция становится безличной: N 2 – neg V 3 s refl:

Недостатков не отмечалось.

Партиципиальные конструкции.

В трехчленной партиципиальной конструкции в русском и английском языках пассивный субъект и активный объект являются определенными: N – (cop) Part pass – N 5:

Этот документ подписан не мною – *This document was not signed by me.*

В русском языке при выражении отрицания в качестве варианта может быть использовано безличное предложение: N 2 – neg (cop 3 s) Part pass 3 s – N 5:

Никакого отчета не было составлено ими.

В английском языке, в отличие от русского, используются также конструкции с пассивным косвенным объектом, который представлен предложно-падежным сочетанием с предлогом в постпозиции: N – cop Part pass – p N:

It was thought about by the council – (*Это было продумано советом*).

В двучленной партиципиальной конструкции объект остается определенным, а пассивный субъект становится неопределенным: N – (cop) – Part pass.

Русские двучленные пассивы в большинстве случаев передаются соответствующими английскими:

Рабочие и мастера наняты по хорошим ценам (А. Куприн) → *The workmen and foremen had been hired at suitable rates*; *Воронеж освобожден* (К. Федин) → *Voronezh has been cleared of the enemy*; *Дашина честь была спасена* (А. Толстой) → *Dasha's honour was saved*; *Стол был завален ворохом рукописей, корректур* (Д. Гранин) → *The desk was heaped with manuscripts and proofs.*

Но для перевода используются и английские активные конструкции, иногда с составом, осложненным глаголом *to have*:

Все будет приготовлено (Ю. Герман) → *I'll make all the arrangements*; *У меня глубоко продумана вся тема* (А. Толстой) → *I've worked out the theme thoroughly*; *На Пролетарской установлен генератор с водяным охлаждением* (Д. Гранин) → *At Proletarskaya they've got a hydrogen-cooled generator*; *Все карманы Володиного пиджака были набиты книгами и брошюрами* (Ю. Герман) → *He had books and pamphlets stuffed in all his pockets.*

Таким способом регулярно переводятся и русские конструкции, осложненные локативной или локативно-посессивной формой:

В куче угля была воткнута лопата (А. Куприн) → *A shovel stuck out of a heap of coal*; *У обрыва к высокой ели была привязана толстая веревка* (Д. Гранин) → *On the edge of the cliff stood a tall fir-tree with a thick rope hanging from it*; *У нас в артели обнаружены три случая сибиреязвенной болезни* (Ю. Герман) → *There have been three cases of anthrax among the members of your artel.*

Об этом кое-что написано у знаменитого Крепелина (Ю. Герман) → *The famous Krepelin has written something to that effect*; *Одна работа у нас напечатана в вестнике* (Ю. Герман) → *We had one small paper published in our news bulletin too.*

Ср. предложения в трех языках:

Место занято – *The place is occupied* – (*A hely foglalt*).

В русском языке при выражении отрицания в качестве варианта предыдущей конструкции используется безличное партиципиальное предложение: N 2 – neg (cop 3 s) Part pass 3 s:

Никакого отчета не было составлено.

В английском двучленном пассиве предложно-падежным сочетанием может быть представлен косвенный объект, пассивный субъект при этом выступает как неопределенный: N – cop Part pass – p:

It was thought about – (*Об этом подумали*).

В русском языке при помощи безличной пассивной конструкции неопределенными представлены и субъект, и объект: (cop 3 s) Part pass 3 s: *Закрыто* – (*Closed*) – (*Zárva*).

В венгерском языке в качестве средства пассивизации субъекта используются деепричастные предложения.

В трехчленной деепричастной конструкции объект характеризуется как определенный активный, а субъект – как определенный пассивный: N – (cop) V adv – N 5:

Nagyon meg vagyok vele elégedve – (*Я очень удовлетворен этим*) – (*I'm very satisfied with it*).

Венгерская двучленная деепричастная конструкция характеризует объект как определенный активный, субъект – как неопределенный пассивный: N – (cop) V adv:

A szobám nincs kitakarítva – (Моя комната не убрана) – (My room hasn't been cleaned).

В русском языке для выражения ВСС «агенса-каузатор – физическое воздействие – пациент», кроме активной и пассивной конструкций, используются также безличные вербальные конструкции.

При помощи трехчленной безличной конструкции субъект характеризуется как демиактивный определенный, объект – как пассивный определенный или неопределенный: N 4 – V 3 s – (N 5):

Крышу сорвало (ветром).

В английском и венгерском языках прямых эквивалентов таких конструкций нет (о русско-английских соответствиях см. в третьей главе данной части нашей работы).

Отдельного рассмотрения заслуживают средства выражения ВСС «субъект – восприятие / эмоциональное отношение – объект».

В русском языке имеется вариантная конструкция, конкурирующая в данной сфере с личной активной: N 3 – V refl – N:

Я люблю классическую музыку – Мне нравится классическая музыка.

Субъект восприятия, представленный формой N 3, выступает как пассивный, объект – как активный; оба актанта грамматически определенные:

Все последующие действия и события запомнились (ей) в растянуто-тягучих подробностях (Д. Гранин); Ему представилась уходящая вдаль вереница дней и недель (Д. Гранин); Великое счастье отцовства открылось ему (Ю. Герман); Американским начальникам штабов не нравилась сама идея участия в широкой операции за Гибралтарским проливом (Д. Гранин); Ей нравились строй, четкость движений, щелк каблучков, отрывистые слова команды (Д. Гранин).

В английском языке русской пассивной конструкции соответствует активная:

А мне нравится ваша должность (Д. Гранин) → But I like your job; Больше всего деду понравился Мефистофель (Ю. Герман) → The old man liked Mephistopheles best.

В венгерском языке имеется прямой эквивалент русской конструкции:

Мне нравится эта площадь → Nekem tetszik ez a tér.

Ср. предложения в трех языках:

Мне нравится этот номер – Nekem tetszik ez a szoba – I like this apartment.

1.2.8. ИСС «субъект – локализация – локализатор»

Во всех сопоставляемых языках отношение локализации выражается конструкцией N – (V) – p N. Субъект локализации выступает в ней как грамматически определенный, локализатор (места, времени) – также как определенный:

Я живу на этой улице – I live in this street – Ebben az utcában lakom; Возле вокзала находится парк – Near the railway station is a park (There is a park near the railway station) – A pályaudvar mellett park van.

Локализатор может быть представлен и как неопределенный; в русском языке различаются утвердительные и отрицательные конструкции.

Предложение с утверждением: (V) – N:

Туман – Köd van – (There's fog); Наступила полная тишина – Followed a complete silence;

Предложение с отрицанием: N 2 – neg V:

Места нет – (There is no room) – (Nincs hely).

Семантико-функциональная подсистема локализации будет подробнее рассмотрена в специальном разделе нашей работы.

1.2.9. ИСС «субъект – посессивность – объект»

Семантика посессивности объединяет две конверсивные ситуации и, соответственно, две ВСС с различной направленностью отношения: от субъекта к объекту обладания и от объекта принадлежности к субъекту.

ВСС «субъект – обладание – объект».

В русском и английском языках для выражения обладания используется личная активная вербальная конструкция; в английском языке это единственная форма, в русском – один из двух возможных вариантов. Субъект здесь выступает как активный определенный, объект – как пассивный определенный: N – V – N 4:

Многие люди имеют сберегательные счета – Many people have saving accounts.

В основном варианте русской конструкции со значением обладания типа V + N 2 – V (refl) – N субъект выступает как пассивный, а объект – как активный; оба актанта грамматически определенные. Утвердительное и отрицательное предложения различаются по форме объекта обладания.

Утвердительная конструкция: V + N 2 – V (refl) – N:

У многих людей есть / имеются сберегательные счета;

Ср. предложения обладания в сопоставляемых языках:

У меня есть сын – (I have a son) – Van egy fiát; У меня на квартире имеется две тысячи двести (Ю. Герман) – I've another 2,200 at home; В некоторых отраслях промышленности имеется нехватка рабочей

силы – (*There's some labour shortage in a few branches of industry*) – (*Némely iparágban munkaerőhiány van*).

Конструкция с отрицанием: *V N 2 – neg V 3 s – N 2*:

У меня нет детей – (*I have no children*) – (*Nincs gyermekem*).

В венгерском языке для выражения обладания служит также конструкция с глаголом *van* (*быть*) и с субъектом в форме дательного падежа: *N 3 – V – N*:

Sok embernek van bankbetétje.

ВСС «объект – принадлежность – субъект».

В русском и английском языках для выражения отношения принадлежности используется конструкция с субъектом-посессором в форме адресата: *N – V – N 3*:

Земля принадлежит народу – *The land belongs to the people*.

В качестве вариантной в русском и английском языках используется неизосемическая конструкция с семантикой «субъект и его признак» – одноактантное предложение с посессивным местоимением, прилагательным или существительным со значением принадлежности:

Эта квартира моя – *This apartment is mine*; *Это ружье папину* – *This gun is my father's*.

В венгерском языке в связи с отсутствием специализированной формы эта неизосемическая конструкция представляет собой единственный способ выражения принадлежности:

A föld a népé (*Земля народная*).

Семантико-функциональная система средств выражения посессивности будет подробнее рассмотрена ниже.

1.2.10. ИСС «субъект – действие – объект – адресат»

Данная ИСС реализуется вербальными и партиципальными предложениями.

Вербальные предложения.

1. Активные конструкции.

В трех сопоставляемых языках в активной конструкции субъект представлен как активный, остальные актанты пассивные; все актанты являются определенными: *N – V – N 4 – N 3*:

Он передал книгу мальчику – *He gave the book to the boy* – *Ánadt a könyvet a fiúnak*.

В русском и венгерском языках субъект может быть представлен как неопределенный, объект и адресат – как определенные: *N 4 – V 3 pl – p N / N*:

Ему отказали в визе – (*He's been refused a visa*) – *Nem kapott vízumot*.

Во всех трех языках как неопределенный (обобщенный) может быть представлен адресат, а субъект и объект при этом выступают как определенные: *N – V – N 2 / 4*:

Я буду рекомендовать ваш отель – *I'll recommend your hotel* – *Ajánlani fogom szállodájukat*.

В русском предложении как определенный может быть представлен только объект, а субъект и адресат характеризуются как неопределенные: *N 4 – V 3 pl*:

Такие издания свободно не продают.

2. Пассивные конструкции.

Пассивные вербальные конструкции используются только в русском языке.

Субъект пассивный, объект активный; все актанты являются определенными: *N – V refl – N 5 – N 3*:

Награда вручается директором лучшему ученику – (*The award is being handed by the head-master to the best pupil*);

Объект и субъект характеризуются как определенные, а адресат выступает как неопределенный (обобщенный): *N – V refl – (N 5)*:

Награды вручаются директором – (*The awards are being handed by the head-master*).

В русском пассивном предложении как определенный может быть представлен только объект, а субъект и адресат характеризуются как неопределенные: *N 4 – V 3 refl pl*:

Такие издания свободно не продаются.

Партиципальные предложения.

Партиципальные пассивные предложения параллельно используются в русском и английском языках.

Объект является определенным активным, субъект – определенным пассивным, адресат – определенным: *N – (cop) Part pass – N 3 – (N 5)*:

Книга будет передана вам моей сестрой – *The book will be handed to you by my sister*.

Субъект выступает как неопределенный пассивный, объект и адресат являются определенными: *N – (cop) Part pass – N 3*:

Книга будет передана вам – *The book will be handed to you*.

Пассивный субъект и адресат характеризуются в предложении как неопределенные, объект выступает как определенный: *N – (cop) Part pass*:

Книга будет передана – *The book will be handed*.

Только в английском языке как активный и определенный может выступать адресат.

При этом в конструкции субъект и объект характеризуются как определенный пассивный: *N – cop Part pass – N – N*:

You will be given the book by my sister.

Субъект в предложении может быть представлен и неопределенным пассивным: N – cop Part pass – N:

You will be given the book.

1.2.11. ИСС «субъект – действие – объект – локализатор»

Данная ИСС также реализуется вербальными и партиципальными предложениями.

Вербальные предложения.

1. Активные конструкции.

В предложениях трех сопоставляемых языков субъект выступает как активный, остальные актанты – как пассивные; все актанты являются определенными: N – V – N 4 – p N:

Я взял книгу с полки – I took the book from the shelf – Levettem a könyvet a polcról.

В русском и венгерском языках субъект может быть представлен как неопределенный, объект и локализатор – как определенные: N 4 – V 3 pl – p N:

Книгу взяли с полки – (The book was taken from the shelf) – Levetették a könyvet a polcról.

В трех языках локализатор может характеризоваться как неопределенный (обобщенный), а субъект и объект – как определенные: N – V – N 4:

Я взял книгу – I took the book – Levettem a könyvet.

2. Пассивные конструкции.

В русском предложении субъект представлен как пассивный, объект – как активный; все актанты являются определенными: N – V refl – N 5 – p N:

Книга берется мною с полки.

Локализатор может быть представлен как неопределенный, объект и субъект характеризуются как определенные: N – V refl – N 5:

Книга берется мною.

Локализатор и субъект характеризуются как неопределенные, объект выступает как определенный: N – V refl – (N 5):

Книга берется.

3. Безличные конструкции.

В русских предложениях объект характеризуется как активный определенный, субъект – как демиактивный определенный, локализатор – как определенный: N 4 – V 3 s – N 5 – p N:

Ветром понесло лодку в открытое море.

Объект характеризуется как активный определенный, субъект – как демиактивный неопределенный, локализатор – как определенный: N 4 – V 3 s – p N:

Лодку понесло в открытое море.

Объект и субъект определенные, а локализатор выступает как неопределенный: N 4 – V 3 s – N 5:

Лодку понесло ветром.

Объект определенный, а субъект и локализатор выступают как неопределенные: N 4 – V 3 s:

Лодку понесло.

Партиципальные предложения.

В русских и английских партиципальных предложениях объект является определенным активным, субъект – определенным пассивным, локализатор – определенным: N – (cop) Part pass – p N – N 5:

Книга взята мною с полки – The book was taken by me from the shelf.

Субъект может быть неопределенным пассивным, объект является определенным активным, локализатор – определенным: N – (cop) Part pass – p N:

Книга взята с полки – The book was taken from the shelf.

В единичных примерах использования русской безличной партиципальной конструкции субъект и объект являются неопределенными, а локализатор – определенный: p N – (cop 3 s) Part pass 3 s:

За доктором было послано.

1.2.12. ИСС «субъект – действие – объект – локализатор – локализатор»

Данная ИСС выражается вербальными и партиципальными предложениями.

Вербальные предложения.

1. Активные конструкции.

В русском, английском и венгерском предложении субъект выступает как активный, объект – как пассивный; все актанты являются определенными: N – V – N 4 – p N – p N:

Министерство перевело его из Петербурга в Москву – The Ministry transferred him from Petersburg to Moscow – A minisztérium áthelyezett őt Pétervárból Moszkvaba.

Как неопределенный в предложениях трех сопоставляемых языков может быть представлен один из локализаторов, все остальные актанты выступают как определенные: N – V – N 4 – p N:

Министерство перевело его в Москву – The Ministry transferred him to Moscow – A minisztérium áthelyezett őt Moszkvaba.

Как неопределенные могут быть представлены и оба локализатора: N – V – N 4:

Министерство перевело его – The Ministry transferred him – A minisztérium áthelyezett őt.

В русском и венгерском языках субъект может быть представлен как неопределенный, остальные актанты остаются определенными: N 4 – V 3 pl – p N – p N:

Ego перевели из Петербурга в Москву – (He was transferred from Petersburg to Moscow) – A minisztérium őt áthelyezett Pétervárból Moszkvaba.

В этих же двух языках как неопределенные выступают субъект и один из локализаторов: N 4 – V 3 pl – p N:

Ego перевели в Москву – (He was transferred to Moscow) – Őt áthelyeztek Moszkvaba.

2. Пассивные вербальные конструкции.

В русских пассивных вербальных предложениях объект характеризуется как активный, субъект – как пассивный; все актанты определенные: N – V refl – N 5 – p N – p N:

Он переводится министерством из Петербурга в Москву.

Субъект может быть неопределенным, объект и локализаторы выступают как определенные: N – V refl – p N – p N:

Он переводится из Петербурга в Москву.

Объект и один из локализаторов определенные, субъект и второй локализатор неопределенные: N – V refl – p N:

Он переводится в Москву.

Партиципальные предложения.

В русском и английском языках объект характеризуется как активный, субъект – как пассивный; все актанты выступают как определенные: N – (cop) Part pass – N 5 – p N – p N:

Он был переведен министерством из Петербурга в Москву – He was transferred by the Ministry from Petersburg to Moscow.

Субъект может быть представлен как неопределенный, остальные актанты – определенные: N – (cop) Part pass – p N – p N:

Он был переведен из Петербурга в Москву – He was transferred from Petersburg to Moscow.

Объект и один из локализаторов определенные, субъект и второй локализатор неопределенные: N – (cop) Part pass – p N:

Он был переведен в Москву – He was transferred to Moscow.

И субъект, и оба локализатора могут быть представлены как неопределенные: N – (cop) Part pass:

Он был переведен – He was transferred.

В приведенной выше типологии для краткости и большей наглядности изложения отражены только важнейшие параметры простых предложений сопоставляемых языков. Не учитывались формы выражения многих ВСС, входящих в состав перечисленных инвариантных семан-

тических структур, наличие / отсутствие в предложении связки, а также варианты порядка слов (см. об этом ниже в Главе 2).

Результаты семантико-функционального сопоставления синтаксических систем русского, английского и венгерского языков обобщены в таблице.

№	Инвариантные семантические структуры	Количество типов предложений		
		Рус. яз.	Англ. яз.	Венг. яз.
1.	Субъект и его опредеченный признак	2	1	1
2.	Субъект и его качественный признак	6	1	3
3.	Субъект и его количественный признак	3	1	1
4.	Субъект и его действие / состояние	6	1	3
5.	Субъект и его качественный процессуальный признак	1	1	3
6.	Субъект – сравнение – объект	3	1	2
7.	Субъект – действие / состояние – объект	17	7	8
8.	Субъект – посессивность – объект	4	2	1
9.	Субъект – локализация – локализатор	3	1	2
10.	Субъект – действие – объект – адресат	9	7	3
11.	Субъект – действие – объект – локализатор	12	4	3
12.	Субъект – действие – объект – локализатор – локализатор	11	6	5
		77	33	35

Из таблицы видно, что среди сопоставляемых языков русский синтаксис отличается наибольшим разнообразием семантико-структурных типов предложений, используемых для выражения двенадцати основных инвариантных семантических структур.

В дальнейшем, по мере расширения и углубления анализа фактического материала, отдельные характеристики и типы описанных конструкций могут уточняться.

Более подробный сопоставительный анализ семантико-функциональных подсистем (7), (8) и (9) приводится в специальных разделах третьей главы нашего исследования.

ГЛАВА 2. Об актуализирующем аспекте высказывания в русском и английском языках

2.1. Актуализирующий аспект в организации предложения-высказывания

Актуализация предложения (включение его в ситуацию общения, в контекст) превращает предложение в конкретное речевое произведение – высказывание (см. об этом подробнее (Распопов 1970; Шевякова 1980; Золотова 1982; Слюсарева 1986; Дэже 1989; ТФГ 1992) и др.).

К числу важнейших средств выражения актуального членения (в другой терминологии – коммуникативной перспективы) высказывания относится, как известно, и синтаксически значимый параметр – **порядок слов**. В языках различного строя нейтральным является строго определенный порядок слов: в русском и английском языках – это «подлежащее – сказуемое – дополнение», в венгерском – «подлежащее – дополнение – сказуемое».

Относительно роли актуального членения в устройстве предложения высказываются разные мнения.

Так, одни исследователи считают, что актуальное членение является не чем-то внешним по отношению к структуре и семантике предложения, а представляет собой конституирующую силу, которая организует все словоформы в предложении так, что они вступают в те или иные синтаксические связи (Гладров 1984; Крылова 1992, с. 154; Всеволодова 1997).

Согласно другой точке зрения, синтаксическое строение предложения первично, а актуальное членение вторично: оно не меняет характера конструктивных связей, а лишь перестраивает порядок компонентов в предложении по требованию контекста (Золотова 1982, с. 152; Золотова 1998, с. 373-388).

Придерживаясь в целом второй точки зрения, мы исходим из того, что актуальное членение составляет особый аспект устройства предложения-высказывания, в рамках которого возможна и дифференциация синтаксических структур некоторых типов (например, предложений со значением локализации). В связи с этим, на наш взгляд, первое мнение более справедливо по отношению к языкам с фиксированным порядком слов, например, к английскому, а второе – к языкам с более свободным порядком слов – к русскому и венгерскому, в которых порядок слов может меняться в соответствии с коммуникативными потребностями говорящего.

Хотя русский и английский языки относятся к группе с одним и тем же основным порядком слов, категория порядка слов в них не

идентична. Само утверждение о том, что в языках флективного типа, в том числе в русском, порядок слов свободный, нуждается в уточнении, так как в ряде случаев эта свобода ограничена. В английском языке, лишившемся почти всей системы морфологических форм слов, словопорядок принял на себя выражение и грамматических отношений между компонентами предложения.

Особенности актуального членения русских и английских высказываний рельефно выявляются при их сопоставлении.

2.2. Актуальное членение предложения-высказывания в русском языке

В составе предложения, включенного в речь или текст, различается часть, которая сообщает о **теме** высказывания, и часть, которая сообщает об этой теме новую информацию – **рема** высказывания.

При **нормальном** (прямом) порядке слов тема начинает высказывание, а рема завершает его: Т – Р, например: *Вы говорите верно* (рема *верно*)

Однако такое расположение компонентов высказывания наблюдается в конкретных русских высказываниях далеко не всегда.

1. В **устной** речи говорящий имеет возможность **инвертировать** прямой порядок слов, т.е. ставить слова, выражающие рему, в препозицию (Р – Т) или в интерпозицию (Т – Р – Т) по отношению к теме. В этих «необычных» позициях рема всегда выделяется логическим ударением, и поэтому она безошибочно узнается слушающим, например:

Я поеду завтра в Петербург; Завтра я поеду в Петербург; В Петербург поеду я завтра; Я поеду в Петербург завтра; Я поеду в Петербург завтра.

2. В **письменной** речи подобное интонационное выделение ремы, естественно, не воспроизводится, поэтому его отсутствие компенсируется **категорией порядка слов**, в соответствии с которой слова, обозначающие рему, обычно располагаются после слов, обозначающих тему: Т – Р. Ср.:

Я поеду в Петербург завтра.

Завтра я поеду в Петербург.

В Петербург завтра поеду я.

Я в Петербург завтра поеду.

Таким образом, в письменной речи существуют две основные грамматические схемы порядка расположения слов в высказывании: прямая и инвертированная.

При **прямом** порядке слов в состав темы входит подлежащее предложения, а рема выражается сказуемым и / или объектом и обстоятельствами:

Моя старшая сестра отлично училась в университете;

В прошлом году мы хорошо отдохнули в Крыму.

Схема прямого порядка слов: подлежащее (Т) – **сказуемое – (объект) – (обстоятельства) (Р)**.

При **инвертированном** порядке слов в состав темы входят обстоятельства, объект и / или сказуемое предложения, а в состав ремы – подлежащее:

Главную роль в становлении личности человека играет школа.

Схема инвертированного порядка слов: (обстоятельства) – (объект) – сказуемое (Т) – **подлежащее (Р)**.

Обе эти схемы в письменной речи **стилистически нейтральны**. В реальном тексте они постоянно взаимодействуют между собой, обеспечивая логическую связность изложения.

3. Анализ коммуникативной организации русского высказывания осложняет тот факт, что в письменных художественных произведениях писатели, добиваясь естественности в передаче устной речи персонажей, часто с помощью категории порядка слов имитируют устную речь. Так, в диалогах они часто ставят слова, обозначающие ремю, перед словами, обозначающими тему (**Р – Т**).

Правильное восприятие читателем коммуникативной роли компонентов высказывания, поданных таким способом, как правило, обеспечивается широким контекстом, например, указанием темы в предшествующих репликах диалога, предшествующим описанием ситуации, в которой происходит диалог, самой ситуацией общения и т. д. Приведем лишь один пример:

– *Здорово, дядя Макар. Опять ты дежуришь? А где Трофим?*

– *Заболел твой Трофим, можешь навестить, – отвечает Макар.*

Из ситуации становится очевидным, что в соответствии с графиком дежурств в описываемое время должен был дежурить Трофим. Увидев на его месте Макара, персонаж, естественно, интересуется причиной отсутствия Трофима. В ответной реплике именно причина, объясняющая данную ситуацию, является **ремой** высказывания (*заболел*), хотя при инвертированном порядке слов (сказуемое – подлежащее) в рематической позиции находится подлежащее (*твой Трофим*).

4. В указанных выше схемах порядка слов **определения**, как правило, не занимают самостоятельной коммуникативной позиции, включаясь в состав тематической или рематической группы; то же относится и к **обстоятельствам**, определяющим глаголы. Однако и внутри атрибутивных и обстоятельственных группировок слов также

наблюдается прямой или инвертированный порядок компонентов. Прямой порядок является коммуникативно нейтральным, а «внутренняя» перестановка компонентов – инверсия – вызывает их коммуникативную **актуализацию**.

5. Таким образом, для каждого компонента синтаксической структуры русского предложения имеется определенная позиция, в которой компонент актуализируется.

1) Прилагательное-определение актуализируется в постпозиции по отношению к существительному: *красивый цветок → цветок красивый*.

2) Существительное-определение актуализируется в препозиции: *просторы родины → родины просторы*.

3) Сказуемое актуализируется перед подлежащим: *Старичок идет по дороге → Идет старичок по дороге*.

4) Дополнения (объекты) актуализируются перед сказуемым: *Он провел детство за границей → Он детство провел за границей*.

5) Обстоятельства актуализируются в позиции перед сказуемым и перед дополнениями: *Я вижу цветущую сирень за высоким забором → Я за высоким забором вижу цветущую сирень; Я вижу за высоким забором цветущую сирень*.

Актуализация компонентов высказывания придает содержащим их высказываниям определенную **эмоционально-экспрессивную** окраску: лирическую, торжественную, поэтическую, сказовую, непринужденно-разговорную и т. п.

2.3. Актуальное членение предложения-высказывания в английском языке

В английском языке также существует два типа порядка расположения компонентов высказывания: прямой «подлежащее – сказуемое» и инвертированный «сказуемое – подлежащее».

Прямой порядок следования главных членов встречается в английском языке в большинстве высказываний. Инверсия же, в отличие от русского языка, возможна только в особых, ограниченных условиях.

1. Инверсия для актуализации **подлежащего**. Подлежащее не всегда выражает тему, оно может быть также и тем, что сообщается в высказывании, т. е. ремой. Актуализация подлежащего производится различными способами.

В предложениях локализации, начинающихся с обстоятельства места или времени типа *In the corner stood a table set for three* сообщается о том, что в определенных условиях (места или времени) есть (был, будет) тот или иной предмет, который и является новым – ремой высказывания. Ср. с предложениями с локализатором в

препозиции в русском языке: *В углу стоял сервированный на троих столик.*

Как и в русском языке, в подобных предложениях локализатор может быть не лексикализован – представлен как неопределенный (обобщенный):

Came a beautiful full day, warm and languid (J. London) (*Наступил прекрасный осенний день, теплый и скучный*); *Followed a complete and deathlike silence* (*Последовала полная и гробовая тишина*) (K. Mansfield).

2. Инверсия для актуализации **сказуемого**. В невербальных предложениях отмечается следующий порядок компонентов: признаковый компонент + связка + подлежащее:

Strange is the heart of woman (S. Leacock) (*Чудно сердце женщины*).

Если же подлежащее выражено местоимением, то признаковый компонент актуализируется, но подлежащее занимает позицию перед связкой:

Terrible it had been! (K. Mansfield) (*Ужасно это было!*).

3. Инверсия для актуализации **дополнения и обстоятельства**.

1) На первое место в высказывании ставятся дополнения и обстоятельства со значением отрицания (*never, nowhere, not a word* и т. п.), ограничения (с частицей *only*), усиления (*many a time* и т. п.):

Never had he read fiction with such keen zest as he studied those books (J. London); *Little did we think that we were never to see him again* (Ch. Dickens); *Many bargains had he picked up there* (J. Galsworthy).

2) Наречия, выражающие направление движения и являющиеся компонентами глагольных сочетаний типа *to go out, to come in*. Инверсия привносит в значение предложения оттенки порывистости, стремительности или неожиданности действия (см. об этом (Аракин 1979)):

Up went the steps, bang went the door, round whirled the wheels (Ch. Dickens) (*Поднялись ступеньки, захлопнулась дверь, закрутились колеса*).

2.4. Некоторые случаи перевода русских активных и пассивных высказываний

Различия в способах актуализации компонентов высказывания в русском и английском языках необходимо учитывать при переводе.

При переводе русских активных и трехчленных пассивных высказываний с **прямым** порядком слов трудностей, как правило, не возникает.

Сложности могут иметь место при переводе русских высказываний с **инвертированным** порядком слов: стараясь сохранить актуальное членение оригинала, переводчики часто прибегают к трансформациям, изменяющим залоговую семантику предложения на противоположную. Ср.:

а) русская активная → английская пассивная конструкция:

Товар увезли позавчерашней ночью два старых маклака из Зареченска (Ю. Герман) → *The goods had been taken away in lorries the night before last by two old dealers from Zarechensk*; *Крупнейшие проблемы решают коллективы* (Д. Гранин) → *All the biggest problems are solved teams*; *Их окружили утомившиеся долгим ожиданием инженеры помоложе* (А. Куприн) → *They were surrounded by the younger engineers, who were tired of waiting*;

б) русская пассивная → английская активная конструкция:

Под Воронежем красной конницей товарища Буденного наголову разбиты два кавалерийских корпуса белых – Мамонтова и Шкуро (К. Федин) → *The Red Cavalry troops of comrade Budyonny have completely routed the White Cavalry of Mamontov and Shkuro near Voronezh*; *Видите ли, мной организована в городе драматическая студия...* (К. Федин) → *You see, I have organized a dramatic studio in the city*; *Сегодня мною окончательно решен вопрос о допустимости преступления* (А. Толстой) → *Today I've finally solved the problem of the permissibility of crime*;

в) имеются, однако, документированные примеры перевода русских залоговых конструкций с инверсией соответствующими английскими залоговыми конструкциями без инверсии, т.е. с измененной коммуникативной перспективой:

русская активная – английская активная: *Лагерь для врачей уже разворачивал «квартирмейстер» отряда доктора Лобода* (Ю. Герман) → *Dr. Loboda's "quartermaster corps" was already pitching camp for the medical personnel*;

русская пассивная – английская пассивная: *Русскими фольварк был занят две недели тому назад* (А. Толстой) → *The farmstead had been occupied by the Russians two weeks earlier*.

Глубокий анализ коммуникативной перспективы исходного высказывания и адекватности ее передачи в английском высказывании часто требует перехода на более высокий уровень языка – уровень связного текста.

ГЛАВА 3. Семантико-функциональные поля типового значения «отношение между двумя субстанциями» в разноструктурных языках

В данной главе мы подробнее рассмотрим семантико-функциональные поля (СФП) физического воздействия, локализации и посессивности, которые входят в систему средств выражения типового значения «отношение между двумя субстанциями».

3.1. Семантико-функциональное поле физического воздействия

Многие параметры средств выражения субъектно-объектных отношений уже освещались нами ранее, поскольку анализ устройства предложения трех сопоставляемых языков проводился главным образом на материале субъектно-объектных конструкций, в том числе с глаголами ЛГР физического воздействия. Поэтому здесь мы остановимся только на некоторых особенностях функционирования интересующих нас конструкций.

1. Семантика средств выражения физического воздействия субъекта на объект обозначается формулой «агенса – физическое воздействие – пациенс».

В русском языке данный вариант семантической структуры (ВСС) выражают следующие синтаксические конструкции:

- 1) личная активная: *Она приоткрыла жалюзи* (А. Толстой);
- 2) определено-личная: *Так вот под вечер останавливаем на шоссе для проверки «эмку»* (В. Богомолов);
- 3) неопределенно-личная: *Знамя дивизии вынесли* (К. Симонов);
- 4) трехчленная пассивная (вербальная и партиципальная): *Сырая казарма быстро нагревается человеческим дыханием* (А. Куприн); *При этом ими был убит техник-лейтенант Алиев...* (В. Богомолов);
- 5) двучленная пассивная (вербальная и партиципальная): *Из его трюмов выкатывались полевые орудия, зарядные ящики, лотки со снарядами, выгружались упакованные в ящики запасные части для авиационных моторов* (А. Кондаков); *Архив был эвакуирован* (К. Симонов);
- 6) трехчленная безличная: *На рассвете туманами затопило землю* (М. Бубеннов);
- 7) двучленная безличная: *Затопит участки работ* (В. Кетлинская).

В английском языке данное СФП представлено следующими конструкциями:

- 1) личной активной: *Maybe I broke a glass* (M. Spark);

2) трехчленной партиципальной пассивной: *He had just been captured and dragged back to the curb by his father* (J. Salinger);

3) двучленной партиципальной пассивной: *Many excellent and expensive houses were being erected* (T. Dreiser).

В венгерском языке данное поле составляют следующие конструкции:

1) личная (активная): *A család lakást takarít* (Семья убирает квартиру);

2) определено-личная:

а) определено-субъектная: *Eltörtem a lábamat* (Я сломал ногу);

б) определено-объектная: *Te lököd* (Ты толкаешь меня);

3) неопределенно-личная: *A ház felépítették* (Дом построили);

4) пассивная: *A ház a kőművesek által lebontatott* (Дом разобран каменщиками);

5) двучленная пассивная (деепричастная) конструкция: *Be van törve az ablak* (Окно разбито).

Сопоставление компонентов СФП физического воздействия в трех языках выявляет сходства и различия, существующие между ними.

В центре данного поля во всех сопоставляемых языках находится личная активная конструкция.

В русском и венгерском языках широко представлена неопределенно-личная конструкция.

В этих же двух языках функционируют определено-личные предложения (определено-субъектные, а в венгерском языке – и определено-объектные).

В английском языке определено-личная и неопределенно-личная конструкции отсутствуют.

Пассивные конструкции (трехчленная и двучленная) в русском языке представлены вербальным и партиципальным частеречными типами, в английском – только партиципальным типом.

Только в венгерском языке регулярно используется деепричастная конструкция.

Специфику русского СФП физического воздействия составляют безличные конструкции.

2. При дальнейшем анализе исследованию подвергалось **лексико-грамматическое наполнение** предложений.

Для установления отношений синонимичности / дополнительности конструкций необходимо рассмотреть субкатегориальную природу агенса и пациенса в каждой из них.

Различные возможные комбинации субкатегорий агенса и пациенса дают шесть подтипов ВСС «агенса – физическое воздействие – пациенс»:

- 1) агенса-антропоним – ФВ – одушевленный пациенс;

- 2) агенс-антропоним – ФВ – неодушевленный пациент;
- 3) агенс-зооним – ФВ – одушевленный пациент;
- 4) агенс-зооним – ФВ – неодушевленный пациент;
- 5) агенс-каузатор – ФВ – одушевленный пациент;
- 6) агенс-каузатор – ФВ – неодушевленный пациент.

Между некоторыми конституентами поля внутри языков выявлены существенные различия: не все из них являются синтаксическими синонимами. Синтаксические конструкции, расположенные по принципу общности подтипа выражаемого ВСС, составляют шесть **синонимических рядов**.

2.1. В русском языке личная активная, трехчленная пассивная вербальные и обе партиципальные конструкции входят в состав всех рядов и, следовательно, отличаются самой широкой синонимичностью, так как в них может фигурировать агенс любого субкатегориального типа:

Мальчик (собака / течение) принес утку / палку – Утка / палка была принесена мальчиком (собакой / течением) – Утка / палка была принесена.

Двучленная пассивная вербальная конструкция «подключается» к указанному синонимическому ряду, если в ее пациентивной позиции находится неодушевленный пациент, а в качестве имплицированного выступает агенс-антропоним, агенс-зооним или агенс-каузатор:

Палка приносит (мальчиком / собакой / течением).

Неопределенно-личная и личная активная конструкции вступают в синонимические отношения с перечисленными выше предложениями только тогда, когда последними выражается агенс-антропоним:

Утку / палку принесли – Мальчик принес утку / палку – Утка / палка была принесена мальчиком – Утка / палка была принесена.

Напротив, безличные конструкции будут синонимичны исходному ряду конструкций, только если ими выражается агенс-каузатор:

Утку / палку принесло течением – Утку / палку принесло – Течение принесло утку / палку – Утка / палка была принесена течением – Утка / палка была принесена.

Таким образом, в русском языке только личной активной, определено-личной, трехчленной пассивной вербальными и обеими партиципальными конструкциями выражаются все шесть подтипов ВСС.

Двучленной пассивной вербальной конструкцией реализуются ВСС (2), (4), (6).

Остальными конструкциями обозначаются только по два подтипа ВСС:

- определенно-личной и неопределенно-личной – (1) и (2),
безличными – (5) и (6).

2.2. Для английского языка подобная субкатегоризация актантов синтаксически не релевантна, поскольку здесь все три имеющиеся конструкции синонимичны друг другу при любом лексико-грамматическом наполнении их агентивных и пациентивных позиций, т. е. они образуют синонимические ряды, совпадающие по объему с самим СФП ФВ. Ср.:

The boy / dog / wave pushed the girl / ball (Мальчик / собака / волна толкнула девочку / мяч) – The girl / ball was pushed by the boy / dog / wave – The girl / ball was pushed.

2.3. Для венгерского языка важно противопоставление двух субкатегорий агенса: агенса-антропонима и агенса-неантропонима (единой субкатегории, объединяющей агенс-зооним и агенс-каузатор).

Здесь, как в русском и английском языках, агенсом ядерного личного предложения может выступать любая конкретная потенционная субстанция:

Viktor / macskam nem iszik semmiféle szeszes italt (Виктор / моя кошка не пьет спиртные напитки).

Агенсом неопределенно-личного предложения, как в русском языке, может быть только агенс-антропоним:

Még nem láttamozták az útleveletem (В моем паспорте еще не представили визу).

В деепричастном предложении, как в русском и английском двучленном пассиве, категориальная характеристика субъекта нейтрализована:

A ruha el van szakadva (Одежда разорвана).

Ср. венгерские синонимичные конструкции (личное, неопределенно-личное и деепричастное предложения):

A kőművesek a városban sok új házat építettek (Каменщики построили в городе много новых домов) – A városban sok új házat építettek (В городе построили много новых домов) – A városban sok új ház fel volt építve.

Таким образом, рассмотрев устройство предложений СФП физического воздействия русского, английского и венгерского языков в ситуативно-структурном аспекте, мы получили следующие результаты:

1) с применением единых критериев была выявлена синонимичность / дополнительность конституентов данного поля в каждом из сопоставляемых языков;

2) создана основа для дальнейшего поаспектного сопоставления рассмотренных синонимических рядов в трех языках.

3. Дальнейшая системная дифференциация конструкций, составляющих синонимические ряды, – это задача, для решения которой необходим анализ семантико-структурного устройства предложения в **релятивно-структурном подаспекте**.

Конструкциями, составляющими синонимические ряды в СФП ФВ, выражаются специфические наборы категориально-семантических признаков агенса и пациенса. Эти признаки актантов позволяют системно дифференцировать синонимичные конструкции как внутри одного языка, так и в сопоставительном плане.

Так, в личной активной конструкции, являющейся ядерной как во внутриязыковых подсистемах, так и в плане сопоставления трех языков, агенс характеризуется признаками «активность» + «определенность», а пациенс – «пассивность» + «определенность» или «неопределенность».

В трехчленной пассивной конструкции, наиболее широко представленной в английском и русском языках, агенс характеризуется признаками «пассивность» + «определенность», пациенс – «активность» + «неопределенность».

В двучленной пассивной конструкции, общей для микрополей всех трех сопоставляемых языков, агенс выступает как «пассивный» + «неопределенный», пациенс – как «активный» + «определенный».

В русской и венгерской неопределенно-личной конструкции агенс выступает как «активный» + «неопределенный», а пациенс – как «пассивный» + «определенный».

В русской трехчленной безличной конструкции агенс характеризуется признаками «демиактивность» + «определенность», пациенс – «пассивность» + «определенность».

В русской двучленной безличной конструкции агенс выступает как «демиактивный» + «неопределенный», пациенс – как «пассивный» + «определенный».

Итак, сходства в категориально-грамматической семантике конститuentов одноименных синтаксических рядов в разных языках наглядно демонстрируют принципиальную возможность точной передачи грамматического содержания предложения с одного языка на другой при помощи однотипных конструкций. Выявленные различия, с другой стороны, более рельефно оттеняют известные сложности, с которыми переводчики сталкиваются при переводе русских и венгерских неопределенно-личных предложений на английский язык, и трудности, возникающие при переводе и изучении русских безличных конструкций носителями других языков (Копров 2006, с. 85-93).

Вместе с тем совершенно очевидно, что выявленными в номинативном аспекте дифференциальными признаками семантико-функциональные особенности средств выражения ВСС физического воздействия не исчерпываются.

4. Каждая конструкция при рассмотрении ее функционирования в **актуализирующем аспекте** характеризуется свойственным ей

прямым, нейтральным порядком слов и выражаемой коммуникативной перспективой.

4.1. В русском языке личная активная конструкция отличается наибольшим разнообразием варьирования порядка слов:

Кирилл вытер рукавом лоб (К. Федин); *Народ могут разбудить только фабричные свистки* (А. Толстой); *Разбудили ее тяжелые шаги и беготня на палубе* (А. Толстой).

В определено-личной конструкции за счет опущения агентивной формы актуализируется пациенс: *Обслуживаю самолет комэска* (А. Чаковский).

В неопределенно-личной конструкции в качестве ремы обычно выступает глагольный признак – физическое воздействие:

Его оторвали от гудка, подняли (В. Кетлинская); *Свет не зажигали* (А. Куприн).

При инверсии в неопределенно-личном предложении актуализируется пациенс:

Стреляют зайцев (К. Федин).

В трехчленной пассивной конструкции с прямым порядком слов тематичным является пациенс, рематичным – агенс:

Здесь все до мелочей было с любовью расставлено Катиными руками (А. Толстой).

Но возможна инверсия, при которой коммуникативная перспектива высказывания меняется на противоположную:

Русскими фольварк был занят две недели тому назад (А. Толстой).

В двучленном пассиве рематизируется признаковый компонент:

«Вооруженные силы Юга России» на протяжении полугода бесперебойно снабжались через черноморские порты всеми видами военного оружия (К. Федин).

См. пример двучленного пассива с инверсией:

У берега разгружалась баржа с цементом (В. Кетлинская).

Трехчленная безличная конструкция, в силу бесподлежности структуры, допускает двоякую трактовку прямого порядка слов:

а) агенс-каузатор – тема, пациенс – рема:

К ногам Жадова течением нанесло барахтающегося человека (А. Толстой).

б) пациенс – тема, агенс-каузатор – рема:

Дым из труб сыростью и ветром сбивало к земле (А. Толстой).

В двучленной безличной конструкции порядок слов свободно варьируется, что позволяет изменять актуальное членение высказывания, ср.:

Лодку залило и опрокинуло (К. Федин); *Только спустя неделю повыбрасывало трупы рыбаков* (А. Куприн).

4.2. В английской активной конструкции порядок слов и, следовательно, коммуникативная перспектива высказывания, фиксированы:

MacDonald touched his hat (А. Christie).

Изменение актуальной перспективы, связанное с инверсией актантов, как уже говорилось, требует использования пассивной конструкции:

The door was opened by a girl (J. Priestley).

Для актуализации компонентов используется также специальная конструкция *It is ... that ...*:

Дверь им открыла Лиза (Д. Гранин) → *It was Liza who opened the door to them.*

В двучленном пассиве в качестве ремы выступает признаковый компонент – причастие со связкой:

Many excellent and expensive houses were being erected (Т. Dreiser).

5. При рассмотрении СФП физического воздействия в **эмоционально-экспрессивном аспекте** учитываются разнообразные модификации нейтральных конструкций, например:

Долго же вы чинили машину! Сколько можно долбить эту стену! Во время рабочего дня красит ногти!

6. Анализ **стилистического аспекта** функционирования средств выражения физического воздействия показывает, что в русском языке личные активные предложения стилистически нейтральны, поэтому они наиболее широко используются во всех стилях речи.

Неопределённо-личное предложение характерно для разговорной речи.

Пассивные конструкции, особенно трехчленная, чаще используются в книжной речи: в официально-деловом, научном стилях.

Безличные предложения предпочитают в разговорной речи и в художественных повествованиях (см. об этом также заключительную главу данной части нашей работы).

7. В связи с отсутствием в английском синтаксисе прямого эквивалента русских безличных конструкций с глаголами ЛГР физического воздействия русские **трехчленные безличные предложения** обычно переводятся следующими английскими:

а) личной активной: *Взрывом опалило лица двум патронным и сбросило с мостика командира дивизиона* (К. Федин) → *The blast seared the faces of two other men in the gun crew and blew the squadron commander off the bridge;*

б) трехчленной партиципальной пассивной: *He умер Данило, бревном задавило* (В. Кетлинская) → *He didn't die like a dog, he was crushed by a log; В спину ему ударило тяжелым мешком, завалило соломой* (А. Толстой) → *He was struck heavily in the back by a falling sack and half-buried in straw;*

в) вербальной или партиципальной конструкцией с обстоятельством причины: *Ветром трепало мокрый кумачовый флаг* (А. Толстой) → *A damp flag of red bunting was flapping in the wind; Шагов на двести дорогу залило водой* (В. Кетлинская) → *The ice was covered with water for a stretch of about two hundred paces ahead;*

г) другими, в том числе лексически связанными, конструкциями: *Снегом вас занести может* (А. Куприн) → *You might be snowed up; Но автомобиль уже заливало водой* (К. Федин) → *But the water was already pouring all over the car; И вдруг совсем рядом за сараем взлетел черно-огненный столб, грохотом взрыва швырнуло высоко горящие пучки соломы* (А. Толстой) → *A black column streaked with flame shot up quite near them, just behind the shed, the crash of the explosion sending tufts of straw high into the air.*

Опрос десяти информантов – стажеров из вузов Великобритании – дал некоторые статистические данные относительно предпочтительности того или иного способа перевода русских безличных предложений, заимствованных из художественной литературы:

Дым из труб сыростью и ветром сбивало к земле (А. Толстой) – студенты выбрали: трое – типа (а), шестеро – (б), один – (г);

Волной замочило руки выше локтя (А. Толстой): двое – типа (а), восемь – (б), (в) не использовал никто;

Ветром трепало края белых скатертей и женские шарфы (А. Толстой): (а) не использовал никто, трое – типа (б), семеро – (в).

При переводе с английского языка на русский учащиеся, как правило, используют эквивалентные конструкции: активная английская → активная русская, пассивная английская → пассивная русская, «забывая» о существовании вариантной трехчленной безличной конструкции, которая в русском языке при выражении ВСС с агенсом-каузаторм наиболее частотна.

В венгерском языке во всех подобных ситуациях обычно используется личная активная конструкция. См. пример перевода на венгерский язык русских синонимичных предложений различных конструктивных типов одним способом:

Завивает ветер белый снежок (А. Блок) / *Завивает ветром белый снежок* / *Завивается ветром белый снежок* → *Kerget az orkán fehér havat.*

Для перевода на английский язык русской **двучленной безличной конструкции** используются различные способы.

1) Неопределенность демиактивного агенса передается английской двучленной партиципальной конструкцией, хотя демиактивность при этом заменяется пассивностью:

3.2. Семантико-функциональное поле локализации

Предложения пространственной и временной локализации, представляя собой один из важнейших компонентов синтаксической системы языка, оказались в наибольшей степени открытыми для обсуждения с различных общетеоретических позиций.

Согласно разрабатываемой нами концепции инвариантная семантическая структура предложений локализации состоит из двух обязательных семантических актантов – субъекта и локализатора (пространственного и / или временного), связанных отношением локализации: «субъект – локализация – локализатор».

Он в Москве – *He is in Moscow* (пространственный локализатор);

Собрание будет в четверг – *The meeting will be on Thursday* (временной локализатор).

В глагольной позиции здесь находятся глаголы лексико-грамматического разряда локализации предмета во времени и пространстве (*быть, находиться, располагаться, висеть* и т.д.).

Весьма значимым при анализе устройства предложений локализации является порядок слов. В английском языке это единственный семантико-структурный тип предложения, который допускает инверсию компонентов – субъекта и локализатора.

1. В сопоставляемых языках наиболее распространены предложения локализации с **прямым порядком слов**: «субъект – локализация – локализатор».

Локализатор, находясь в постпозиции, по умолчанию выступает в качестве **ремы** высказывания.

1.1. Локализатор (места, времени), как правило, эксплицирован, т. е. выступает как определенный: N – (V) – p N:

Отец в саду; Сын был в школе; Рынок находится в центре города; Концерт состоится завтра; Заседание кафедры будет в среду в девятнадцатой аудитории.

См. аналогичные по устройству примеры в русском, английском и венгерском языках:

Она и сейчас у меня дома (Ю. Семенов); *Шеренги письменных столов стояли от стены к стене* (Д. Гранин); *Карта лежала перед ним и теперь* (А. Бек); *Мы живем в век электричества* (Д. Гранин); *Акт подписания происходил в малом зале* (Д. Гранин).

Some of her bags were still here (M. Spark); *Lamont remains at the library door* (M. Spark); *The mark of his butterfly knife was on it* (M. Spark).

Hetvenzezer ember került koncentrációs taborba (В.); *Barátok között* (В.).

См. предложения локализации в трех языках:

Я живу на этой улице – I live in this street – Ebben az utcában lakom.

Как-то разом налетел, рванул ветер, закрутился крупный снег, стало темно, как вечером, и в полчаса замело дорогу (В. Кетлинская) → *All of a sudden there was a burst of wind, the snow came whirling down in big flakes, it was as dark as night and in half an hour the road was wiped out; Его несло* (Ю. Герман) → *He was carried away; Здесь Глеба ранило* (Д. Гранин) → *Here Gleb was wounded; Все к черту залило!* (В. Кетлинская) → *Everything's swamped!*

2) Если такая пассивизация агенса нежелательна, то используется активная конструкция, но при этом, однако, происходит лексикализация агенса:

По мостовым гнало бумажонки, солому, прошлогоднюю пересохию листву, раскрошенный навоз (К. Федин) → *Down the street the wind swept papers and straw and dry leaves and manure; Влагу быстро выдуло* (К. Федин) → *The winds quickly dried up the moisture.*

3) Регулярно используются одноактантные конструкции различных частеречных типов:

Самолет сильно потрянуло (А. Чаковский) → *The plane had shaken violently; Лодку залило и опрокинуло* (К. Федин) → *The boat became swamped and capsized.*

4) Встречаются также другие способы перевода:

Ребята, Гавриле палец долой оторвало (А. Толстой) → *Gavril's had his finger chopped off, lads; На крутой яме машину подкинуло, где-то в утробе кузова инструменты весело громыхнули звонкой сталью, Анечку бросило в сторону* (К. Федин) → *They struck a particularly bad bump which caused the instruments somewhere inside the car to clatter merrily and Anochka to fall hard; Телегу, где лежал Бессонов, дернуло, повалило* (А. Толстой) → *The cart in which Bessonov was lying gave a sudden jerk and overturned.*

На венгерский язык, в котором также нет прямого эквивалента рассматриваемой русской конструкции, она может переводиться одноактантным адъективным предложением:

Артиллерист одной рукой – вторую перебило – подбил два фашистских танка (P.) → *Mint tüzér fél kézzel – a másik keze megsebesült – kilőtt két fasiszta harckocit.*

Подобным же образом на материале разноструктурных языков могут быть проанализированы и сопоставлены другие ВСС, входящие в ИСС «субъектно-объектные отношения» (сопоставительный анализ предложений с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках см. в работе (Козюра 2007); описание предложений с глаголами поля касания в русском и немецком языках см. в работе (Лебедева 2009)).

В русском языке вариантом данной конструкции является безличное предложение с отрицанием и с субъектом локализации в родительном падеже: N 2 – neg V 3 s – p N, например: *Нины и здесь не было* (Д. Гранин); (ср. с английским личным предложением с отрицанием: *Nina was not there either*).

1.2. Локализатор может быть невербализован, т. е. представлен как **неопределенный**: N – V – (p N).

Коммуникативная перспектива высказываний с неопределенными локализаторами складывается таким образом, что в конечную рематическую позицию здесь регулярно попадает глагол:

*Так что разные авторы **бывают*** (Д. Гранин); *На дипломатических приемах **бывает*** (Д. Гранин).

Актуализация глагола дает повод некоторым лингвистам, не разграничивающим номинативный и актуализирующий аспекты, выделять подобные предложения в отдельный семантико-структурный тип – так называемые «бытийные» (экзистенциальные) предложения. С позиций поаспектного анализа устройства предложения в номинативном аспекте такие высказывания представляют собой одну из регулярных категориально-грамматических реализаций предложений локализации – предложение с неопределенным локализатором.

Категориальным вариантом предложения локализации данного типа является русское безличное предложение с отрицанием: N 2 – neg V 3 s:

Но физики не было (Д. Гранин).

В английском языке русским предложениям с неопределенным локализатором обычно соответствуют конструкции с *there*:

Погони не было (Ю. Герман) → *There was no chase*; *Готовой продукции не нашлось ни одной пары* (Ю. Герман) → *There was not a pair to be found*; *Больных не было ни одного* (Ю. Герман) → *There was not a single patient*.

Регулярно отмечается и обратное (англо-русское) соответствие:

There was no party (M. Spark) → *Никакой вечеринки не было*.

См. также другие способы перевода подобных русских предложений на английский язык:

Самого Григорьева еще не было (Д. Гранин) → *Grigoryev himself had not yet appeared*;

Евгения еще не было (Ю. Герман) → *Yevgeny was not back yet*;

И опять никаких похвал не было (Ю. Герман) → *And once again no praise was forthcoming*;

С тех пор больше никаких сообщений о работах Ратна не появлялось (Д. Гранин) → *Since then no further information about Rapp's work had been published*.

В венгерском языке имеется прямой эквивалент рассматриваемой русской конструкции:

Горячей воды нет → *Nincs meleg víz*.

2. В **инвертированных** предложениях локализации, в которых локализатор находится в препозиции, в рематическую позицию попадает субъект локализации: «локализатор – локализация – субъект».

2.1. Локализаторы здесь могут выступать как грамматически определенные: p N – V – N.

В русском и венгерском языках синтаксическая структура подобных предложений совпадает. Ср.:

В коридоре висел свежий номер стенгазеты Управления (Д. Гранин); *На отмелях валялись ракушки* (Д. Гранин); *За ней оказалась крохотная, похожая на чулан комнатуха* (Д. Гранин); *У самого берега реки белели домики небольшого станционного поселка* (Д. Гранин); *Вдоль фойе расположилась выставка достижений содружества ученых и производственников* (Д. Гранин); *Вот здесь абсцесс* (Ю. Герман); *Потом состоялся разговор с врачами* (Ю. Герман).

A Gellérthegyen áll a Felszabadulási emlékmű (B.); *Ogyesszában van egy utca, amelynek Szegedszkája a neve* (B.); *Horthy Magyarországon akkor már 118 különféle adót szedtek* (B.).

В английском языке в таких случаях используются две конструкции:

а) эквивалентная конструкция с локализатором в препозиции:

At the other extreme was the market (M. Spark);

б) конструкция с компонентом *there*:

There's almost a hundred dollars in the bank (M. Wilson); *There's a pile of telegrams and phone messages downstairs* (M. Spark); *There is now Mass till 6.30* (M. Spark); *During the war there was a lot of boys like you from the States* (M. Spark).

Ср. переводы предложений локализации данного типа с русского языка на английский:

Затем наступило долгое, неприятное молчание (Д. Гранин) → *Then there was a long unpleasant silence*;

С середины мая наступила жара (Ю. Герман) → *A heat wave began in the middle of May*.

В русском высказывании локализатор может переместиться в интерпозицию, например:

И была еще в комнате с ними полячка (Д. Гранин).

2.2. Находящийся в препозиции локализатор может быть представлен в предложении как грамматически **неопределенный** (обобщенный): V – N, например:

Шел бой (А. Бек); *Было указание главного инженера* (Д. Гранин).

Во многих случаях русским предложениям с неопределенным локализатором соответствуют английские предложения локализации с *there* или с формой *it*. Ср.:

Наступило молчание (Ю. Герман) → *There was a pause*.

Стояла глубокая осень (Д. Гранин) → *It was late autumn*; *Шел обеденный час* (А. Бек) → *It was dinner-time*.

См. пример обратного соответствия:

It was the middle of Friday morning (M. Spark) → *Была пятница, позднее утро*.

См. также пример перевода русского предложения локализации с неопределенным пространственным локализатором английским предложением с определенным локализатором:

Зимой стоят морозы (В. Кетлинская) → *There are terrible frosts in these parts in winter*.

2.3. Если в таком предложении глагол представлен нулевой формой, то образуется вариант, который некоторыми лингвистами считается особым типом предложения – номинативным (назывным): (p N) – (V) – N:

Снова машины, снова дороги. Опять какие-то сараи, пыль, жара (Д. Гранин).

Отрицание, представленное нулевой формой, обезличивает русское предложение локализации: (p N) – (neg V) – N 2: *Ни звука*.

В ряде случаев русские предложения локализации с неопределенным локализатором переводятся английскими предложениями других типов:

а) одноактантными вербальными:

Шорох (Д. Гранин) → *Something rustled*; *Наступила ночь* (Ю. Герман) → *Night was approaching*;

б) одноактантными адъективными:

Серебряный снег, такая светотень (Д. Гранин) → *The snow's like silver; such a picture*.

Специфика **функционирования** данного варианта предложений локализации заключается в следующем. В некоторых ситуациях общения лексикализация локализатора и глагола локализации оказалась бы избыточной и в соответствии с законом экономии речевых усилий не производится: субъект располагается в известном обоим коммуникантам месте (здесь), а его временная локализация (сейчас) совпадает с моментом речи. Информативная насыщенность таких «усеченных» до одного компонента предложений при использовании в речи производит стилистический эффект быстрого, лаконичного, но в то же время развернутого описания, рассчитанного на подключение воображения и

предтекстового опыта адресата (Скобликова 2006, с. 162; Попов 1968, с. 336; Казарина 2007, с. 250-255).

3. Предложения пространственной локализации (с локализаторами в постпозиции и в препозиции) одновременно с основной семантикой могут выражать дополнительную. Эта семантика передается глаголами, находящимися на периферии ЛГР локализации.

1) В семантически усложненных предложениях присутствует информация о признаке локализованного предмета, которая может:

а) характеризовать положение субъекта в пространстве, например: *Оба противника стояли поодаль* (И. Тургенев); *На постели полулежал, в халате и в бумажном колпаке, Максимов* (Ф. Достоевский); *Ромашов сидел с ногами на подоконнике и тихо насвистывал вальс из «Фауста»* (А. Куприн);

б) характеризовать способ восприятия проявления локализованного субъекта: *Далеко за выемкой белели среди поля правильные ряды остроконечных палаток* (А. Куприн); *Две очень старые оливы серебрились под пригорком* (И. Ефремов);

в) указывать на действие или состояние локализованного субъекта, например: *По обеим сторонам моста дремлют тихие корабли с сигнальными огнями* (А. Блок); *Наверху была освещена только одна комната, и в ней томилась двенадцать литераторов...* (М. Булгаков); *Бронепоезд Мамонтова дымил на горизонте* (А. Толстой).

2) Усложненные предложения местонахождения могут выражать информацию о предшествовавшей ситуации – действии, каузировавшем данное местонахождение предмета. При этом в предложении сообщается:

а) о длительном, постоянном действии, обеспечивающем определенное расположение одного предмета относительно другого, например: *Сей цветок и ныне хранится в книге* (И. Гончаров) (вербальная пассивная конструкция);

б) о результирующем действии, каузировавшем перемещение предмета в данную точку пространства, например: *Книга брошена под столом; Во всех углах были устроены норки и логовища в виде будочек, пустых пней* (А. Куприн) (партиципиальная пассивная конструкция).

3) Предложения могут содержать сообщение о восприятии выражаемой ситуации локализации говорящим или другим участником описываемых событий: *У срезов берега заметны выходы лавы и вулканического пепла* (Крепе); *И что-то ощущалось за обрывом – иное озеро или страна* (А. Вознесенский).

См. об этом подробнее в работах (Золотова 1973, с. 263-285; Пронина 1988, с. 99-105); семантико-функциональный анализ

предложений пространственной локализации в русском и английском языках см. в работах (Саввина 2008; 2009).

4. В семантико-функциональном плане интересно сопоставить русское предложение локализации с глаголом *иметься*, вариантное предложение обладания с глаголом *иметь* и адъективное предложение с ИСС «субъект и его качественный признак»:

- 1) *На лобовом стекле имеется трещина;*
- 2) *Лобовое стекло имеет трещину;*
- 3) *Лобовое стекло треснутое.*

Предложение (3) может считаться в ряду средств выражения ИСС «субъект и его качественный признак» основным (изосемическим).

В предложении (2) субъект характеристики (*лобовое стекло*) становится субъектом-посессором субстантивированного признака, выраженного существительным *трещина*. Это как раз тот случай, когда посессивная конструкция используется во вторичной (неизосемической) функции. Субъект-посессор, представленный подлежащим, как бы активизируется, а объект обладания, занимая позицию дополнения, пассивизируется.

В предложении (1) в качестве субъекта локализации выступает субстантивированный признак – *трещина*. Субъект-носитель признака в предложении (3) *лобовое стекло*, он же – субъект-посессор в (2), представлен в предложении (1) в качестве локализатора обычным для предложения локализации путем – предложно-падежной формой, находящейся в препозиции. Грамматическая направленность признака противоположна его ситуативной направленности, следовательно, локализатор (бывший субъект-посессор) выступает как грамматически пассивный, а субъект локализации (бывший объект обладания) – как активный.

Таким образом, используя неизосемические конструкции (1) и (2) для выражения ИСС «субъект и его качественный признак», говорящий получает возможность как «активизировать» субъект-носитель признака (во втором предложении), так и «пассивизировать» его (в первом предложении).

5. Анализ фактического материала, заимствованного из художественных произведений и их переводов, показал, что способы перевода русских предложений с определенными локализаторами на английский язык зависят прежде всего от позиции локализатора.

См. примеры предложений с одним и тем же глаголом локализации, но с локализатором, находящимся в постпозиции (1) и в препозиции (2):

(1) *Он стоял за ее спиной* (Д. Гранин) → *He stood behind her*; (2) *На крыльце стоял генерал* (А. Бек) → *There, on the veranda, stood the general*.

(1) *Книги лежали на полу, и на гардеробе, и на подоконниках* (Ю. Герман) → *Books lay stacked on the floor, on the top of the wardrobe and*

on the window-sills; (2) *На ней лежали с отстегнутым ремешком карманные часы* (А. Бек) → *On it lay a pocket watch, with the strap loose*.

(1) *Тяжелые бои, страшные испытания мужества – все это было впереди* (А. Бек) → *Grueling battles, terrible tests of courage lay ahead*; (2) *Впереди в синей спецовке – Виктор Потепенко* (Д. Гранин) → *At their head, dressed in blue overalls, was Victor Potapenko*.

(1) *Выражение тревожной заботы появилось на его лице* (Д. Гранин) → *There was a constant expression of anxiety on his face*; (2) *В глазах появилось знакомое Степанову выражение покорной злобы* (Ю. Герман) → *An expression of resigned hatred appeared in his eyes*.

В заключение приведем примеры возможных соответствий русских предложений локализации английским и венгерским предложениям:

(1) *Я живу на этой улице* – *I live in this street* – *Ebben az utcában lakom*; *Я уже был в Венгрии* – *I've been to Hungary before* – *Már voltam Magyarországon*; (2) *Здесь есть только холодный душ* – *There is only a cold shower* – *Csak hideg zuhany van*.

3.3. Семантико-функциональное поле посессивности

1. Как уже отмечалось, ИСС посессивности, входящая в типовое значение «отношение между двумя предметами», в свою очередь, включает в себя ВСС, в основе которых лежат отношения обладания и принадлежности. В отечественных работах по языкознанию распространен термин «притяжательность», сохраняющий значение древнегреческой глагольной формы 'владею, обладаю', тогда как в зарубежной лингвистической литературе используется в основном термин «посессивность», унаследованный из латинского языка. Мы употребляем оба этих термина в значении 'собственно владение, обладание чем-либо'.

Известно, что в историческом процессе развития языка средства выражения абстрактных отношений возникали на основе средств, обозначавших конкретные отношения. Первичные конкретные отношения в сфере посессивности – это рассмотренные выше отношения пространственной локализации, доступные непосредственному зрительному восприятию, поэтому не случайно посессивность выражалась древними языками с помощью глаголов локализации в пространстве (Гак 1977). И в современных языках, как мы видели, пространственные и посессивные отношения постоянно взаимодействуют друг с другом. Сопоставление средств выражения посессивности в разных языках позволяет увидеть, что набор отношений, описываемых этими единицами достаточно устойчив (Категории бытия и обладания 1977; Категория посессивности 1989; Селиверстова 1990).

2. Формы выражения посессивности составляют семантико-функциональное поле, в котором выделяются два взаимосвязанных микрополя со своими ВСС: **обладания** и **принадлежности**.

В предложениях микрополя обладания исходным пунктом сообщения служит субъект-посессор, а само сообщение касается его «имущественного» положения, т.е. того, чем он владеет. Говорящий может построить свое высказывание и так, что в его основе будет лежать объект, который получит свою характеристику – принадлежность – через отношение к посессору. Таким образом, семантическую структуру посессивных предложений можно представлять двумя формулами:

- 1) посессор – обладание – объект;
- 2) объект – принадлежность – посессор.

2.1. ВСС «посессор – обладание – объект».

2.1.1. В русском языке для выражения данного ВСС используются следующие группы конструкций:

1) дваактантные вербальные предложения с глаголами ЛГР обладания:

а) личное: *Я имею машину; Я не имею машины; Они владели лучшими землями;*

б) определенно-личное: *Правительственных наград не имею;*

в) обобщенно-личное: *Что имеем, не храним, потерявши плачем;*

2) дваактантные предложения локализации с локализатором-посессором и глаголом *быть / иметься* (в эксплицитной или имплицитной форме):

а) личные: *У N 2 – (V) – N 1: У меня есть / имеется машина; У меня старая машина;*

б) безличные (с отрицанием): *У N 2 – neg V – N 2: У меня нет машины.*

В английском языке для выражения данного концепта используются предложения только одного типа – дваактантные конструкции с глаголами ЛГР обладания: *N – V – N:*

She has two children; He owns a prosperous firm.

Таким образом, двум русским предложениям типов (1) и (2) соответствует одно английское типа (1), ср.:

Он имеет машину; У него есть машина → He has a car.

Следствием этого межъязыкового расхождения являются разнообразные ошибки в русской речи англофонов: **Ты имеешь билет? *У меня есть мало времени* и т. п. См. также пример речи иностранца из художественного текста: *Русский врач будет иметь много работы* (Ю. Герман).

2.1.2. Опишем русские конкурирующие между собой конструкции обладания типов (1) и (2) с помощью методики поаспектного анализа их семантико-структурного устройства.

2.1.2.1. Ситуативно-структурный подаспект.

В.Г. Гак отмечает, что глаголы *быть* и *иметь* настолько употребительны в западноевропейских языках, что создается впечатление, будто язык без них вообще обойтись не может. Между тем в древних индоевропейских языках глагола *иметь* не было: до его появления для выражения обладания (принадлежности) использовали глагол *быть* с наименованием обладателя в косвенном падеже (Гак 1977а, с. 245-252). Но есть и современные языки, где глагола *иметь* нет, а обладание выражается конструкцией с глаголом *быть* (например, в венгерском языке – во взаимодействии с категорией притяжательности). Более того, в мире встречается и языковой тип, где показателем отношения посессивности вообще является не глагол, а частица: **Я конь да (У меня есть конь). *Я телега нет (У меня нет телеги)* (в тюркских языках) и тип со специальным притяжательным аффиксом **Я конястый (У меня есть конь), *Я трехлошадястый (У меня три лошади)* (в монгольском языке). Поэтому иногда проводящееся противопоставление языков по линии *быть – иметь* (см. работы (Чинчлей 1996, с. 107; Циммерлинг 2000)) носит весьма относительный характер.

В сфере предложений обладания этнокогнитивная специфика русского языка проявляется особенно ярко. Как указывает Н.Д. Арутюнова, в русском языке практически все семантические типы сообщений, касающиеся личной сферы, могут получить форму так называемых «бытийных» предложений. Эта особенность русского языка отличает его от романских и германских языков, в которых сообщения о макром мире, взятом в его предметном аспекте, моделируются по бытийному типу, в английском языке представленному конструкцией *there is*, а микромир человека изображается по «имущественному» принципу владения, принадлежности конструкцией *to have*; в мире нечто существует (есть), а человек нечто имеет (Арутюнова 1976, с. 256-257). Семантическое и функциональное разнообразие русских предложений с глаголом *быть* свидетельствует об общей ориентации русского языка на пространственно-предметный аспект мира (Арутюнова 1999, с. 790-791).

В русских личных активных предложениях типа (1) в позиции подлежащего находятся существительные, обозначающие человека, людей (субъект-антропоним), а в позиции дополнения (в вариантной форме винительного / родительного / творительного падежа) – широкая группа имен, обозначающих конкретные субстанции (*дача, квартира, книга; ребенок, собака* и т. п.). Здесь возможны также имена некоторых неконкретных субстанций, не выводимые, однако, данную конструкцию за пределы микрополя обладания (их круг еще предстоит уточнить). В позиции сказуемого наиболее частотен глагол *иметь*:

И все эти люди имели билеты (Д. Гранин); *А проклятый «аэроплан-больница» не имел вовсе никакого забора* (Ю. Герман); *Постройка не имела каркаса* (Д. Гранин)

Здесь также встречаются другие глаголы ЛГР обладания: *владеть, обладать, распоряжаться, располагать*:

Тонков располагал убедительными, многократно проверенными доказательствами (Д. Гранин); *Этот человек обладал редкой способностью мыслить творчески* (Д. Гранин).

В английских предложениях обладания позицию сказуемого занимает глагол *to have (to have got)*:

I have four dollars (M. Wilson); *The Valterras had a six-room apartment* (M. Wilson); *I've got good news for you* (M. Wilson); *You've certainly got ten days* (M. Wilson).

Используются также глаголы *to possess, to own*:

He now owned every floor in the building (M. Wilson); *She possesses a lot of jewelry*.

В именных позициях здесь встречаются имена тех же лексико-грамматических разрядов, что и в соотносимых русских предложениях. Однако необходимо обратить внимание на некоторые различия в данной области.

Так, в английском предложении глагол *to own* не сочетается с именами, обозначающими мелкие предметы обладания; у русского глагола *иметь* такого ограничения нет. В то же время свойство глагола *to possess* сочетаться с мелкими предметами обладания не характерно для соотносимых с ним русских глаголов *владеть* и *обладать*.

В русских локативно-посессивных предложениях типа (2) наиболее частотен глагол *быть* и его формы настоящего времени *есть / нет*; встречаются также и другие глаголы со значением обладания, имеющие постфикс *-ся*: *иметься, кончатся, водиться, найтись*.

В именных позициях здесь используются имена тех же разрядов, что и в предложениях типа (1):

У Песецкого был свой уголок, огороженный книжным шкафом, набитым справочниками и детективными романами (Д. Гранин); *У нас свои законы* (Д. Гранин); *Элементарной чуткости у вас нет* (Д. Гранин); *У охотника имелся большой запас продуктов; У нас кончились спички; У нее часто водятся лишние деньги*.

2.1.2.2. Релятивно-структурный подаспект.

Анализ русских конструкций типов (1) и (2) в релятивно-структурном аспекте позволяет определить **залоговые** различия в грамматической семантике, присущие их субъекту-посессору.

Так, в личных активных предложениях типа (1) *Он имеет дачу* посессор представлен как независимая субстанция – носитель

глагольного признака (подлежащее), а объект выступает как зависимая субстанция (дополнение). Вследствие этого посессор предстает в предложении как «активный» обладатель объекта.

Еще более отчетливо данный грамматический признак проявляется в предложениях с глаголами *владеть, обладать, распоряжаться*, в структуре значения которых посессивность сочетается с действием. Ср.:

Он имел несколько заводов и фабрик – Он распоряжался (владел) несколькими заводами и фабриками.

В предложениях типа (2) *У него имеется машина* семантический актант – посессор – представлен предложно-падежной формой как зависимая субстанция, поскольку позицию подлежащего здесь занимает семантический объект (ср. с семантикой пассивной субъектно-объектной конструкции). Это имеет следствием «пассивизацию» субъекта-посессора. Кроме того, по своей структуре рассматриваемое предложение является вариантом предложения локализации с препозитивным локализатором, поэтому посессор выступает в нем и в роли сферы, области существования объекта. См. высказывание В. Г. Гака о том, что посессивная конструкция вышла исторически из пространственной: *У меня (= при мне) есть – Я имею* (Гак 1998, с. 676); см. также сходное замечание в работе (Волохина 1999, с. 25).

Ср. предложения обладания, расположенные нами в порядке убывания активности их субъекта:

Он распоряжается миллионами → Он имеет миллионы → У него имеются миллионы → У него миллионы (последняя конструкция уже сближается по семантике с одноактантным номинативным предложением *Он миллионер*).

В сфере посессивных предложений с отрицанием или количественно-именным сочетанием в позиции объекта наблюдается обычное для русского языка обезличивание конструкции, при котором семантический объект приобретает падежную форму родительного падежа: $У N 2 - neg V 3 s - N 2$:

У них были дети → У них не было детей; У них было двое детей;

– В данный момент у меня нет свободного места научного сотрудника.

– Я согласен лаборантом.

– И на лаборанта нет вакансии (Д. Гранин).

И субъект, и объект обладания в предложениях всегда выступают как грамматически определенные; см., однако, фразеологизированное безличное высказывание с опущенным объектом: *У нас с собой было*.

От функции выражения отношения обладания следует отличать другие (неизосемические) функции, выполняемые конструкциями обладания: выражение признака субъекта (состояние, характер,

внешность человека) и т.д., например: *У ребенка ангина; У нее были способности к математике; У старика сохранилась спортивная фигура; Он имел бледный вид.*

2.1.2.3. Усвоение правил функционирования русских предложений типа (2) с глагольной формой *есть* и без нее представляет для неносителей русского языка значительные трудности, поскольку, например, в английском языке имплицирование глагольной формы невозможно, а в русском предложении в ряде случаев форма *есть* обязательна, в других она нормативно отсутствует, а в третьих возможны оба варианта. Перечислим некоторые основные условия функционирования данной конструкции, выявленные в **актуализирующем аспекте**.

Форма *есть* обязательна в следующих случаях:

1) В предложениях с нейтральной, общеинформативной коммуникативной перспективой, где в качестве исходного пункта высказывания (темы) выступает форма, обозначающая посессор, а все остальные элементы выражают новую информацию – ремю, например:

У меня есть дети.

2) В так называемых интродуктивных предложениях, требующих обязательного развертывания ситуации в других высказываниях:

Есть у меня в деревне один приятель. Работает он трактористом...

3) В предложениях, рема которых заключена в самой форме *есть*. К числу таких предложений относятся:

а) общие вопросы и ответы на них:

У тебя здесь есть знакомые? – Да, есть;

б) возражения против высказываний противоположного содержания:

Ты считаешь, у нее нет врагов? Ошибаешься, они у нее есть;

в) предложения с противопоставлением *есть /нет*:

Кофе у нас нет, зато чай есть.

4) В предложениях, в которых ремой является субъект-посессор:

У кого есть словарь? – Словарь есть у Ольги.

Форма *есть* отсутствует в следующих случаях.

1) Если в предложении в качестве ремы выступает качественное или количественное определение объекта:

У них трое детей; У него заботливая жена.

2) В высказываниях, ремой которых является объект:

– У вас, наверное, есть машина? – Нет, у меня пока мотоцикл.

В предложениях с общеинформативной коммуникативной перспективой, в которых сообщается о качественной характеристике не

единичного, не обязательного для посессора объекта, возможно использование обоих вариантов конструкции.

При этом в предложениях с *есть* подчеркивается особое свойство, исключительность выражаемого объекта по отношению к другим объектам того же вида, а в предложениях без *есть* качественная характеристика, выраженная определением, распространяется на весь ряд подобных объектов в целом (Арутюнова 1983, с. 83-91).

Ср.: *У этого поэта есть прекрасные стихи – У этого поэта прекрасные стихи.*

2.1.2.4. Правильное употребление русских вариантных конструкций невозможно без учета их **стилистической** окрашенности.

Так, предложения типа (2) с глаголом *быть* стилистически нейтральны – они наиболее частотны во всех стилях речи.

Те же конструкции с глаголом *иметься* характерны для официально-делового стиля; в художественных произведениях они иногда служат средством создания иронии, например:

Однако Гатенян остановил его и спросил, какие такие соображения имеются у этого лунатика (Д. Гранин).

В современном русском языке предложения типа (1) встречаются главным образом в официально-деловом и научном стилях.

Некоторые фразеологизированные сочетания с глаголом *иметь* (*иметь право, иметь отношение к чему-либо, иметь дело с кем-либо, иметь зуб на кого-либо* и т. п.) регулярно используются и в разговорной речи (о функционировании предложений обладания в русских медико-биологических текстах см. в работе (Дедова, 2002)).

2.1.3. Русские предложения типов (1) и (2) с прямым порядком слов имеют в английском языке эквиваленты в виде конструкции типа (1). Ср. следующие переводы:

(1) *Он имеет машину* → *He has (got) a car; До революции он владел крупным заводом* → *Before the Revolution he owned a big plant;*

(2) *У меня масса времени* (Д. Гранин) → *I've got heaps of time; У меня есть вакантное место в институте Академии наук* (Д. Гранин) → *I have a vacant job going in the Academy of Sciences; У Тулина было много знакомых* (Д. Гранин) → *Tulin had many friends; Больше у меня ничего нет* (Д. Гранин) – *I have nothing else; У Матвеева не было диплома* (Д. Гранин) → *Matveyev had no degree.*

Справедливо и проведение обратной параллели:

I have all the time in the world (M. Wilson) → *У меня времени сколько угодно; I've got my baby for years ahead* (M. Spark) → *У меня и через десять лет будет ребенок; Dr. Gorin has ideas about electronic controls* (M. Wilson) → *У доктора Горина есть кое-какие соображения насчет*

электронной системы управления; *They had two daughters in their teens* (M. Wilson) → *У них было две дочери-подростка.*

Однако при англо-русском переводе следует иметь в виду, что ситуативная семантика, охватываемая английской конструкцией с широкозначным глаголом *to have*, выходит далеко за пределы сферы ВСС обладания, ИСС посессивности и даже типового значения «отношение между двумя предметами» и, соответственно, ей могут соответствовать русские предложения совершенно иных семантико-структурных типов, например:

They're having a good time (M. Spark) → *Они там веселятся;*

I've had no sleep, none at all (M. Spark) → *Я не спал сегодня, совсем не спал;*

Trasker and Erik usually had lunch together at the round table in the far corner of the hall (M. Wilson) → *Эрик и Траскер обычно завтракали за круглым столом в дальнем углу зала;*

Erik and Arnie had a Martini apiece (M. Wilson) → *Эрик и Арни выпили по бокалу мартини;*

To the right of Regan's office, Professor Charles Tremaine had his lab (M. Wilson) → *Направо от кабинета Ригана находилась лаборатория профессора Чарльза Тримейна* (см. об этом также (Селиверстова 1990, с. 72-81; Никитин 1997; Ширяев 1997)).

В письменной речи в результате инверсии форма посессора или глагольная форма, перенесенная в конечную позицию, получает статус ремы высказывания. При переводе таких предложений на английский язык, где порядок слов является более жестким, приходится прибегать к специальным актуализирующим средствам:

Такие деньги он имеет → *He does have that sum of money;* *Такая марка у него есть* → *He does have that stamp.*

Этой компанией владеет он же → *It is he who owns this company.*

Предложения последнего типа (с ремой-посессором) иногда переводятся английскими конструкциями-перифразами с глаголами ЛГР принадлежности, например: *Этой компанией владеет он же* → *This company belongs to him.*

При переводе английских предложений обладания на русский язык возникает проблема выбора наиболее адекватной из двух возможных русских конструкций. В порядке предварительных рекомендаций можно сказать следующее.

Английским предложениям с формой *to have got* обычно соответствуют русские предложения типа (2) с глаголом *быть* или без него:

I've only got an hour → *У меня в запасе только час;* *Have you got a key to this door?* → *У тебя есть ключ от этой двери?*

Предложения с глаголом *to have* также обычно переводятся русскими предложениями типа (2) с глаголом *быть*:

She had a blue umbrella → *У нее был голубой зонтик;* *She doesn't have a watch* → *У нее нет часов.*

Иногда таким предложениям соответствуют русские конструкции типа (1) с глаголом *иметь*:

Maybe we never did have anything on what we thought were our own terms (M. Wilson) → *Кто знает, быть может, мы никогда и не имели того, что, по-нашему, нам было нужно.*

На практических занятиях по данной теме выявленные расхождения комментируются, и выбор наилучшего варианта мотивируется самими обучаемыми на основе изученного теоретического материала (практические задания и упражнения см. в пособии (Копров 2006, с. 99-103)).

2.2. Для выражения ВСС «**объект – принадлежность – посессор**» в русском и английском языках служат предложения одного и того же типа – двусоставные вербальные конструкции с глаголом *принадлежать* – *to belong*: N – V – N 3.

2.2.1. В позиции посессора и объекта встречаются имена тех же лексико-грамматических разрядов, что и в соответствующих позициях предложений обладания:

Дом на пригорке принадлежит моему брату; *Раньше эта книга принадлежала какому-то монаху;* *В Древнем Риме рабы полностью принадлежали своим хозяевам.*

This house belongs to John.

2.2.2. В связи с однозначным соответствием средств выражения данного ВСС в русском и английском языках усвоение материала и перевод с одного языка на другой особых трудностей не представляет:

Одна (комната) принадлежала измерителям, другая – автоматчикам и т. д. (Д. Гранин) → *One compartment belonged to the measurers, another to the automation specialists and so on.*

The apartment belonged to a chemistry instructor on leave (M. Wilson) → *Квартира принадлежала одному из преподавателей химического факультета, уехавшему в отпуск.*

Исключения составляют довольно редкие случаи, когда при переводе русского инвертированного предложения с рематичным объектом принадлежности приходится использовать перифразу – английскую конструкцию с глаголом обладания:

Ему принадлежат и филиалы компании → *He owns subsidiary companies as well.*

2.2.3. С субъектно-объектными предложениями принадлежности в обоих языках конкурируют предложения с другим типовым значением

– одноактантные конструкции с притяжательными местоимениями или именами в признаковой позиции:

Эта машина моя / отца – This car is mine / my father's.

Именно им отдается предпочтение и в русской, и в английской разговорной речи:

Но заключение-то будет его, не ваше (Ю. Герман) → But that opinion won't be yours.

Those papers you saw were mine (M. Wilson) → Статьи, которые вы видели, – мои.

Семантико-функциональное сопоставление равноуровневых средств выражения принадлежности в русском и английском языках см. в работах (Сушкова 2003; 2007).

В венгерском языке, как отмечалось, принадлежность выражается конструкцией с глаголом *van* (*быть*), взаимодействующим с существительным в нужной форме категории притяжательности (Майтинская 1955, с. 111-124):

Ez a könyv Annáé – Эта книга Аннина / Эта книга принадлежит Анне; A könyv apáé volt – Книга была отцовская / Книга принадлежала отцу.

Таким образом, в СФП посессивности между сопоставляемыми языками имеются весьма существенные расхождения, требующие особого внимания при переводе и преподавании языков как иностранных.

ГЛАВА 4. Синтаксис русского официально-делового стиля в сопоставлении с английским

В данной главе мы рассмотрим особенности использования синтаксических конструкций в официально-деловом стиле русского и английского языков.

4.1. Принципы вежливости и скромности в русской и английской официально-деловой коммуникации

В последнее время в связи с развитием антропоцентризма в лингвистике и прагмалингвистике большое внимание уделяется анализу коммуникативной деятельности человека.

Согласно П. Грайсу, в основе коммуникативной деятельности человека лежит **Принцип кооперации**. Суть этого принципа состоит в том, что в любой ситуации взаимодействия собеседники подсознательно исходят из того, что все они будут вносить такой вклад в общение, какого требует коммуникативная ситуация на каждой стадии своего развития и в соответствии с общей целью или направлением общения. Эффективность речевого взаимодействия, по мысли П. Грайса, основана на том, что все собеседники следуют четырем основным **максимумам** общения: качества, количества, релевантности, манеры (Grice 1975, p. 45). Перечисленные максимумы в естественной коммуникации служат для собеседников критериями, на основе которых они осмысливают значение сказанного и в соответствии с которыми выбирают свои дискурсивные стратегии.

Дж. Лич сформулировал второй принцип речевой интеракции – **Принцип вежливости**. Для описания механизма функционирования Принципа Вежливости Дж. Лич использует тот же терминологический аппарат, что П. Грайс. Ученый делает это намеренно, с целью показать значимость Принципа Вежливости для объяснения речевого поведения людей и его неотъемлемость от Принципа Кооперации. По мнению Дж. Лича, Принцип Вежливости реализуется следующим набором максимум: максимумом такта, максимумом щедрости (великодушия), максимумом одобрения, **максимумом скромности** (выделение наше. – В.К.), максимумом согласия, максимумом симпатии (Leech 1983, p. 123).

Важно отметить, что термин «вежливость» здесь используется не в бытовом и даже не в традиционном для отечественной лингвистики смысле, а как социопрагматический феномен. Так, если в традиционной лингвистике под вежливостью подразумевают форму этикетного поведения, детерминированного принятыми в обществе социальными

нормами, то в рамках социопрагматики вежливость рассматривается как коммуникативная стратегия (или набор стратегий), которая используется в процессе речевого общения в соответствии с Принципом Кооперации для достижения различных коммуникативных целей. Речь здесь идет не о том, насколько искренне собеседники следуют этому Принципу, а лишь о том, насколько они внешне соблюдают данную конвенцию. Таким образом, как отмечает Л.В. Цурикова, в прагмалингвистике под вежливостью понимается совокупность языковых средств, которые используются для установления социальных отношений между говорящим, слушающим и другими людьми (Цурикова 2002).

Перечисленные выше максимы вежливости Дж. Лича, объясняющие частые случаи отклонения от максим П. Грайса, в целом направлены на достижение эффекта речевого «возвышения» адресата за счет говорящего. Однако, как известно, для реального речевого общения характерно не только проявление великодушия, доброжелательности и уступчивости; не менее частотны случаи демонстрации коммуникативной агрессии в виде саморекламы, категоричности, бескомпромиссности, эгоизма и т.п.

Согласно П. Браун и С. Левинсону, агрессивные речевые стратегии, выходящие за рамки общепринятого понимания «вежливого / невежливого поведения», также являются неотъемлемой частью лингвопрагматической концепции вежливости. Исследователи предложили свою концепцию вежливости, важным отличием которой от теории Дж. Лича является то, что рассмотрение форм дискурсивного поведения осуществляется в ней не в терминах максим, а в терминах стратегий и тенденций. Все многообразие социальных отношений между людьми, в самом общем виде, ученые назвали положительной и отрицательной (негативной) вежливостью. Положительная вежливость связана с языковым выражением солидарности, включением собеседника и других лиц в одну группу с говорящим. Отрицательная вежливость характеризуется самоограничением говорящих, их стремлением избежать конфликтов; она во многом зависит от иерархии отношений в обществе и от социальной дистанции между говорящим и другими людьми (Brown, Levinson 1978). Если использовать предложенную указанными авторами терминологию, то окажется, что традиционные формы речевого этикета – это и есть формы отрицательной вежливости.

Принцип Вежливости и реализующие его коммуникативные стратегии являются универсальной основой коммуникативного взаимодействия между людьми в любых языковых сообществах. Вместе с тем, способы выражения Принципа Вежливости подвержены значительной социокультурной вариативности (Ларина 2009). Рассматривая вежливость как речевую стратегию, исследователи выдвигают на первый план проблему выбора языковых средств, а

именно ищут ответ на вопрос, почему для достижения конкретных дискурсивных целей участники коммуникации из широкого спектра имеющихся средств (от литературно-нормативных до ненормативных) отдают предпочтение тем, а не другим средствам.

В русском официально-деловом общении выражение **вежливости** связано с оказанием внимания и уважения к собеседнику (обращение по имени и отчеству, на *Вы*, широкое использование форм категории диминутивности и т. д.), которое нередко сопровождается и формами выражения **скромности** (использование определительно-личных, безличных, пассивных конструкций, личного местоимения *мы* для обозначения говорящего и т.д.). В то же время, например, в современном американском официально-деловом общении соблюдение Принципа скромности не приветствуется (примеры см. ниже).

Таким образом, при выборе коммуникативных стратегий собеседники опираются на социальные и контекстуальные параметры ситуации общения, оценивая их с точки зрения принятых в данном культурном сообществе представлений о приемлемых и неприемлемых формах речевого взаимодействия (Кашкин 2010).

4.2. Типологические и национально-культурные особенности синтаксиса русского и английского официально-делового общения

1. Интернациональные черты делового языка как особого функционального стиля речи являются следствием универсальности задач, которые он призван решать, а именно – служить инструментом межгосударственного общения, средством документирования управленческой, служебной и деловой информации. Поэтому основные требования к структурному построению, информативному наполнению и языковому оформлению официально-деловых высказываний и текстов остаются общими для разных языков.

Способ изложения информации в деловых высказываниях, документах, письмах является формально-логическим. Это означает, что предмет речи следует рассматривать с позиции не межличностных, а экономико-правовых, политических и социальных отношений. Документируемая информация должна излагаться ясно, четко и недвусмысленно, что предъявляет к языковым средствам и стилю изложения определенные требования: смысловая достаточность и лаконичность текста; однозначность используемых слов и терминов; соблюдение лексических, грамматических и стилистических норм (Введенская 2001).

Вместе с тем для деловой коммуникации на разных языках характерны и определенные особенности, которые являются

следствием различий как в типологии языков, так и в национально-культурных характеристиках их носителей.

Так, основными параметрами русской официально-деловой речи являются:

- строгая функциональность,
- рациональность,
- использование стилистически маркированных синонимичных форм и конструкций,
- соблюдение Принципа скромности,
- «надличностный» характер общения.

Англоязычное официально-деловое общение отличают следующие черты:

- персонифицированность речи,
- постулируемое стремление избегать использования пассивных конструкций,
- недифференцированное употребление форм, относящихся к разным стилям речи,
- эмоционально-экспрессивная окрашенность.

2. Рассмотрим основные синтаксические особенности русского официально-делового общения на фоне американского варианта английского.

Как известно, семантико-структурные и функциональные параметры единиц синтаксических систем разноструктурных языков выявляет сопоставительная типология. К сожалению, в наше время эта отрасль языкознания стала ареной околонучных спекуляций, заключающихся, в частности, в возвеличивании особенностей одного языка и культуры и в принижении остальных. В работах такого рода конкретные результаты исследований фактического материала подменяются поверхностными умозаключениями, якобы доказывающими неполноценность, ущербность, архаичность языкового типа (и его носителей), который противостоит родному (чаще всего английскому) языку авторов. После 1991 года о русском языке особенно часто стали писать как о пассивном, безответственном, отсталом и т.п. на том основании, что для его синтаксиса характерно использование определенно-личных, неопределенно-личных, пассивных и безличных конструкций.

Однако семантико-функциональные исследования таких разноструктурных языков, как русский и английский, показали, что номенклатура синтаксических конструкций и сферы их употребления в том или ином языке прежде всего связаны с его общим структурным типом: синтетическим (флективным) или аналитическим (изолирующим). Ср. также наличие 77 семантико-структурных типов простого предложения в русском языке и всего 33 типов – в английском.

Естественно, что и в синтаксисе русского официально-делового языка отмечается гибкое использование пассивных, безличных и определенно-личных предложений. В английском языке из перечисленных широко функционируют только пассивные конструкции, а прямых эквивалентов других русских конструкций в нем просто нет.

2.1. Хотя еще со второй половины двадцатого века американские теоретики и практики пытаются «изгнать» **пассивные** конструкции из употребления, в современном английском языке, в том числе в его официально-деловой сфере, пассив даже более распространен, чем в русском в силу целого ряда структурно-типологических факторов, которые были рассмотрены нами ранее в разделе «Категория залога в английском языке».

При этом в русском официально-деловом стиле использование пассивных конструкций вместо активных в ряде случаев считается более предпочтительным в силу национально-культурных особенностей носителей русского языка. Например, принято говорить не *Мы выполним*, а *Нами будет выполнено*; не *Вы предлагаете*, а *Вами предложено*. Страдательный залог, как правило, используется и при подчеркивании самого факта совершения какого-либо действия (*Оплата поставок гарантируется; Ваше предложение будет одобрено*). И только в случаях, когда необходимо прямо указать на конкретное лицо или организацию, используется форма активного залога (*Руководитель предприятия не обеспечил соблюдение техники безопасности*).

Сохранение данной стилистической нормы, по нашему мнению, поддерживается соблюдением **Принципа скромности**, проявления которого наблюдаются на всех уровнях русского языка. В синтаксической сфере действие данного принципа наблюдается также в следующих случаях.

2.2. Если система русского языка предоставляет говорящему выбор между вариантными личными и безличными формами, из скромности он, как правило, отдает предпочтение **безличным** конструкциям. Сопоставим некоторые личные и безличные русские формы с предложениями английского языка.

2.2.1. В русском коммуникативном поведении требования и просьбы принимают менее категоричные формы, если говорящий вместо возможной личной конструкции использует безличную форму:

Мне должны позвонить / *Я жду звонка – I am expecting a call*; **Ко мне должны прийти** / *Я жду гостей – I am expecting guests*.

2.2.2. Безличные конструкции предпочитают во многих ситуациях общения и из-за того, что личные варианты считаются слишком прямолинейными, эгоцентричными и поэтому неэтичными (Колесов 2004, с. 228):

Можно (попросить / пригласить) Ивана Ивановича к телефону? – *I would like to speak to Mr. Smith / May I speak to Mr. Smith (please)?*

2.2.3. С Принципом скромности связано более частое употребление в русском языке безличного выражения *Мне кажется, что...* по сравнению с его английским аналогом *It seems to me that....* Так, по подсчётам Е.В. Зарецкого, в «Антологии русской литературы от Нестора до Булгакова» на 80 000 страниц текста выражение *Мне кажется, что...* употребляется 300 раз. В антологии «English and American Literature from Shakespeare to Mark Twain» в том же объеме текста выражение *It seems to me that...* встречается всего 89 раз. Во многих случаях здесь фигурируют личные выражения типа *I think...*

Таким образом, путем использования безличных конструкций вместо вариантных личных, в том числе и в официально-деловом общении, русские реже, чем американцы, представляют свое мнение в качестве «истины в последней инстанции», предпочитая оставлять собеседнику свободу выбора иной точки зрения. Английский язык, будучи по своей типологии тотально подлежащим, не предоставляет говорящему самой возможности подобного выбора.

2.3. Еще одно проявление Принципа скромности в русском официально-деловом языке наблюдается в сфере **категории персональности**: вместо местоимения 1 лица единственного числа *я*, *мой* регулярно употребляется 1 лицо множественного числа *мы*, *наш*: *На нашей кафедре* вместо *На моей кафедре*.

В английском языке подобная норма также имеется, но соблюдается во всех типах дискурса все реже. Так, на интернет-странице журнала *Physical Review* в инструкции для будущих авторов утверждается, что «старое табу на употребление личного местоимения *я* уже давно порицается в самых авторитетных источниках и игнорируется лучшими авторами», поэтому ученый, желающий опубликовать свой материал, «не должен использовать *мы* в качестве простой замены для *я*, если он имеет в виду только себя. Выражение *по нашему мнению*, если оно относится к одному лицу, является неудачной попыткой проявить свою скромность, поэтому следует писать *по моему мнению...*» (см. электронный ресурс: <http://forms.aps.org/author/h8impersonalconst.pdf>).

Как видим, в данном случае системы обоих языков предоставляют в распоряжение говорящего аналогичные средства, и, следовательно, наблюдаемые при их функционировании расхождения объясняются не межъязыковыми, а именно национально-культурными особенностями русских и американцев. К тому же выводу приходят и исследователи русского и английского научного дискурса (Болдырева 2002).

2.4. В русском языке возможность выбора личной или **определенно-личной** конструкции обусловлена его флексивным (синтетическим) строем, при котором значения категории персональности могут реализовываться в предложении дважды – личным местоимением и соответствующим личным окончанием глагола (в личном предложении) или только личным окончанием глагола (в определенно-личном предложении).

В русской деловой переписке в предложениях регулярно опускается личное местоимение *я*, *ты*, *мы*, *вы*, например, вместо *Я прошу...* используется определенно-личное предложение *Прошу...*

Кроме того, при формулировке просьб, запросов, предложений и т. п. предпочитается определенно-личная конструкция со значением первого лица множественного числа: *Предлагаем Вашему вниманию...; В заключение укажем ещё раз, что...* и т.п.

В английском языке в силу аналитизма его грамматической системы и ограниченности категории персональности сама возможность подобного выбора отсутствует, и поэтому мы везде видим пресловутое **I** – «символ национального эгоизма» (Navers 1931, p. 185), нескромно пишущийся, к тому же, с прописной буквы. Кстати, в русском официально-деловом общении, как известно, с прописной буквы принято уважительно обозначать не говорящего («себя любимого»), а адресата речи. В этой норме мы также видим одно из проявлений **Принципа скромности** в русской коммуникации.

Таковы, вкратце, языковые факты, выявленные в результате семантико-функционального сопоставления синтаксиса русского и английского языков в сфере официально-делового общения. Проблемы их интерпретации и оценки в экстралингвистических терминах («что такое хорошо и что такое плохо»: скромность – наглость, коллективизм – индивидуализм, вежливость – грубость и т.п.) не входили в нашу задачу; заметим только, что, видимо, здесь проявляются различия в менталитете самих интерпретаторов одних и тех же языковых фактов.

В последние десятилетия в условиях глобализации под влиянием американского варианта английского языка в практике русского официально-делового общения наметилась тенденция к размыванию стилистической нормированности используемых лексических и грамматических средств. Думается, что из чисто прагматических соображений, например, при общении с иностранными партнерами (как на русском, так и на английском языке) допустимо временно отказываться от строгого соблюдения норм русского официально-делового общения, поскольку результативность межкультурного диалога в значительной степени зависит от учета национальных особенностей коммуникативных максим и стратегий носителей языка страны-адресата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чтобы не повторять выводов, сформулированных в конце разделов нашего исследования, обобщим основные результаты в виде тезисов.

1. В монографии теоретически обоснованы принципы и разработана методика **многоаспектного анализа** семантико-структурного устройства простого предложения языков различного строя.

2. Разграничены **семь аспектов** устройства предложения: **целевой, номинативный, предикативный, релятивно-номинативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический**.

3. В качестве основного аспекта устройства предложения, наиболее релевантного для семантико-функциональной типологии простого предложения, выдвинут **номинативный** аспект.

4. Внутри номинативного аспекта разграничены **два его подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный**.

5. Анализ устройства предложения в ситуативно-структурном подаспекте осуществлен с опорой на три иерархически взаимосвязанных уровня обобщения семантики предложения: **типовое значение, инвариантную семантическую структуру, варианты семантической структуры**.

6. В соответствии с концепцией информативного минимума простого предложения разграничены следующие **актанты** семантической структуры предложения: **субъект, объект, адресат и локализатор**.

7. При семантико-структурной классификации предложений критерий односоставности / двусоставности был заменен **критерием количества актантов** в семантической структуре предложения, в соответствии с которым предложения подразделяются на **одноактантные, двуактантные, трехактантные, четырехактантные**.

8. Уточнена система номинативных частей речи (существительное, глагол, прилагательное, числительное, причастие, деепричастие), и по принадлежности признакового компонента предложения к той или иной части речи разграничены следующие **частеречные типы предложений: номинативный, адъективный, нумеративный, вербальный, партиципальный, деепричастный**.

9. На основе единого номинативного критерия внутри частей речи выделены **лексико-грамматические разряды** слов и произведена **субкатегоризация** семантических актантов – **субъекта (антропоним,**

зооним, агенс-каузатор) и объекта (одушевленный, неодушевленный).

10. Исследована понятийная природа, семантика и формы выражения в русском, английском и венгерском языках **категорий** релятивно-структурного подаспекта: **личности / безличности, залога, определенности / неопределенности (обобщенности) семантических актантов**.

11. Прослежены основные линии взаимодействия указанных категорий между собой в структуре предложения трех сопоставляемых языков и выявлена иерархия **категориально-грамматических признаков субъекта и объекта (активность, пассивность, демиактивность; определенность, неопределенность (обобщенность))**.

12. Обозначены точки взаимодействия компонентов номинативного аспекта с категориями и компонентами **других аспектов** устройства предложения (предикативного, релятивно-номинативного, актуализирующего, стилистического).

13. В соответствии с разработанной методикой и классификационными принципами построена **семантико-функциональная типология** простого предложения русского, английского и венгерского языков.

14. Описана структура трех взаимосвязанных семантико-функциональных **полей** в трех сопоставляемых языках: **физического воздействия, локализации и посессивности**.

15. На примере синтаксиса **официально-делового стиля** русского и английского языков показана эффективность применения результатов семантико-функционального подхода в **лингвопрагматике**.

Основные результаты семантико-функционального описания синтаксиса трех разноструктурных языков могут быть использованы в лекционных курсах по теории языка и по теории перевода, в спецкурсах по сопоставительному синтаксису русского, английского и венгерского языков, а в виде практических выводов и рекомендаций – при составлении учебных пособий по грамматике и переводу для различных контингентов русских и иностранных учащихся высших учебных заведений.

Мы полагаем, что предлагаемый подход способен дать теоретически и практически значимые результаты и при семантико-функциональном описании синтаксиса других языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

- Акулов И. Крещение / И. Акулов – М.: Воениздат, 1971. – 672 с.
Ананьев А. Собр. соч. в 4-х т. / А. Ананьев. – М., 1984. – Т. 1. – 648 с.
Астафьев В. Ясным ли днем / В. Астафьев. – Вологда, 1973. – 256 с.
Бек А. Талант (Жизнь Бережкова) / А. Бек. – М.: Художественная литература, 1969. – 568 с. Beck A. Berezhkov. The story of an Inventor. – Moscow.
Богомоллов В. В августе сорок четвертого / В. Богомоллов. – М.: Современник, 1977. – 431 с.
Бубеннов М. Белая береза / М. Бубеннов. – М.: Молодая гвардия, 1952 – 672 с.
Бунин И.А. Повести и рассказы / И.А. Бунин. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 704 с.
Герман Ю. Дело, которому ты служишь / Ю. Герман. – М. – Л.: Советский писатель, 1965. – 407 с. German Yu. The Cause You Serve. – Moscow.
Гранин Д. Искатели / Д. Гранин. – Л.: Лениздат, 1974. – 336 с. Granin D. Those Who Seek. – Moscow.
Гранин Д. Еще заметен след / Д. Гранин. – Л.: Советский писатель, 1985. – 386 с.
Грудинин О. Комсомольский патруль / О. Грудинин. – М.: Молодая гвардия, 1959. – 256 с.
Дегтев В. Русская душа / В. Дегтев. – М.: ИТРК, 2003 – 416 с.
Залыгин С. Сибирские рассказы / С. Залыгин. – М.: Советская Россия, 1968. – 160 с.
Иванов А. Вечный зов. В 2 т. / А. Иванов. – М.: Художественная лит-ра, 1984. – 1276 с.
Калашников И. Жестокий век / И. Калашников. – М.: Советский писатель, 1978. – 832 с.
Кетлинская В. Мужество / В. Кетлинская. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 687 с. Ketlinskaya V. Fortitude. – Moscow, 1975.
Кожевников В. В полдень на солнечной стороне / В. Кожевников. – М., 1975. – 496 с.
Кондаков А. Последний козырь / А. Кондаков. – М.: Современник, 1976. – 255 с.
Крутилин С. Собр. соч. / С. Крутилин – М.: Современник, 1984. – 810 с.
Куприн А. Избранные произведения / А. Куприн. – М.: Детская литература, 1969. – 382 с. Kuprin A. The Garnet Bracelet and other Stories. – Moscow.
Лазутин И. Сержант милиции / И. Лазутин. – Смоленск: Смоленск. кн. изд-во, 1959. – 377 с.
Нагибин Ю. В апрельском лесу / Ю. Нагибин. – М.: Воениздат, 1964. – 515 с.
Паустовский К. Повесть о лесах и рассказы. – М.: Гослитиздат, 1954. – 320 с. Paustovsky K. The Golden Rose. – Moscow.
Платонов А. Избранное / А. Платонов. – М.: Современник, 1977. – 445 с.

- Семенов Ю. ТАСС уполномочен заявить... Собр. соч. в 5-ти т. / Ю. Семенов. – М.: Современник, 1984. – Т. 4. – 571 с.
Симонов К. Живые и мертвые / К. Симонов. – М.: Советский писатель, 1960. – 528 с.
Толстой А. Хождение по мукам. Собр. соч. в 10-ти т. / А.Толстой. – М.: Художественная лит-ра, 1984. – Т. 5. – 584 с. – Т. 6. – 408 с. Tolstoi A. Ordeal. A Trilogy. – Moscow, 1975-1976.
Трифонов Ю. Студенты. Собр. соч. в 4-х т. / Ю. Трифонов – М.: Художественная лит-ра, 1985. – Т. 1. – 751 с.
Троепольский Г. Белый Бим Черное ухо / Г. Троепольский – М.: Советский писатель 1972. – 230 с.
Федин К. Необыкновенное лето / К. Федин. – М.: Художественная лит-ра, 1979. – 895 с. Fedin K. No Ordinary Summer. – Moscow, 1967.
Чаковский А. Собр. соч. в 6-ти т. / А. Чаковский. – М.: Худ. лит-ра, 1975. Т. 1. – 821 с. Chakovsky A. The Light of a Distant Star. – Moscow, 1965.
Шукшин В. Я пришел дать вам волю / В. Шукшин. – М.: Советский писатель, 1974. – 399 с.
Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
Cusack D. Say No to Death / D. Cusack. – Kiev: Dnipro publishers, 1976. – 382 pp.
Christie A. The Seven Dials Mystery / A. Christie. – London – Glasgow: Collins, 1971. – 190 pp.
Cronin A.J. The Citadel / A.J. Cronin. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1957. – 452 pp.
Hemingway E. For Whom the Bell Tolls / E. Hemingway. – М.: Прогресс, 1981. – 560 с. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол / Э. Хемингуэй. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 576 с.
Making It All Right : Modern English Short Stories. – М.: Progress Publishers, 1978. – 458 pp.
Murdoch A. The Unicorn / A. Murdoch. – Penguin Books, 1972. – 270 pp.
Spark M. The Public Image / M. Spark. – Moscow. Спарк М. На публику / М. Спарк. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 319 с.
British National Corpus. [Электронный ресурс]. URL: www.natcorp.ox.ac.uk.
Блок А. Двенадцать. Blok A. Tizenketten. Fordította Lator László. – Magyar helikon, 1979.
Зотов В.И. Венгерско-русский разговорник / В.И.Зотов, Б. Жилицки. – М., 1989.
Barátok között – Друг рядом. – Budapest, 1975.
Andras L.T. How to Say it in Hungarian / L.T. Andras, M.Murvai. – Budapest, 1987.
Magyar Nemzeti Szövegtár. [Corpus National du Hongrois]. Académie des Sciences de Hongrie, Budapest. URL: <http://corpus.nyttud.hu/mnsz>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абраимова Е.В. Безличное предложение в кругу синтаксических синонимов / Е.В. Абраимова // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. – М., 2006. – С. 148-153.

Абдуразаков М.А. Грамматическая структура простого предложения (На материале типологического сравнения французского, русского и узбекского синтаксиса) / М.А. Абдуразаков. – Ташкент: Фан, 1978. – 166 с.

Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. I. Однобазовые предложения / П. Адамец. – Прага, 1973. – 136 с.

Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке / П. Адамец. – Praha, Universita Karlova, 1978. – 160 с.

Адмони В.Г. Структура предложения / В.Г. Адмони // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. – Л., 1935. – С. 3-26.

Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М., 1955. – 392 с.

Адмони В.Г. Типология предложения / В.Г. Адмони // Исследования по общей теории грамматики. – М., 1968. – С. 232-271.

Адмони В.Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных) / В.Г. Адмони // Вопросы теории частей речи. – Л., 1968. – С. 98-107.

Адмони В.Г. О синтаксической семантике как семантике синтаксических структур / В.Г. Адмони // Изв. АН СССР. СЛЯ. Т. 38, № 1. М., 1979. – С. 24-35.

Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 238 с.

Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. СПб.: Наука, 1994. – 151 с.

Акимова Г.Н. К вопросу о валентности переходных глаголов в русском языке / Г.Н. Акимова // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – Л.: ЛГУ, 1981. – С. 28-32.

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.

Алексеева Е.А. Второе сказуемое во французском языке / Е.А. Алексеева. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2005. – 38 с.

Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка / Т.Б. Алисова. – М.: МГУ, 1971. – 293 с.

Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи / В.М. Алпатов // Вопр. языкознания. 1986, № 4. – С. 37-46.

Алпатов В.М. Из истории изучения частей речи / В.М. Алпатов // Части речи. – М., 1990. – С. 6-24.

Альпари Ньюласне А. Сопоставление порядка слов предложений в русском и венгерском языках в экспрессивно неокрашенной речи / Агнеш Альпари Ньюласне // Межкультурная коммуникация. Lingua. 808. 2. – Будапешт, 1988. – С. 79-91.

Альтман И.В. Исследование семантики трёхчленных конструкций / И.В. Альтман // Проблемы структурной лингвистики. 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 215-233.

Альтман И.В. Локализаторы в структуре предложения / И.В. Альтман // Проблемы структурной лингвистики. 1978. – М.: Наука, 1981. – С. 91-98.

Амиантова И.Э. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы / И.Э. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всеволодова, Л.П. Клобукова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2001. № 6.

Англо-русские языковые соответствия. – М., 1981. – 82 с.

Андреева С.В. Элементарные конструктивно-синтаксические единицы в обучении русскому языку / С.В. Андреева // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня-5 июля 2003 г. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. Т. 3. Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному / Под ред. Н.А. Любимовой, Л.В. Московкина, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 214-223.

Андреева С. В. Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи / С.В. Андреева // Вопр. языкознания. 2004. № 5. – С. 32-45.

Анищева О.Н. Типология объектной лексической сочетаемости глаголов созидания и разрушения в русском языке / О.Н. Анищева. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1981. – 20 с.

Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007. – 511 с.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. М.: Наука, 1967. – 251 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

Апресян Ю.Д., Палл Э. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Т. I-II. Будапешт, 1982.

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1979. – 259 с.

Арват Н.Н. Семантическая структура простого (односоставного) предложения / Н.Н. Арват. – Черновцы: ЧГУ, 1974. – 63 с.

Арват Н.Н. Об аспекте лексического наполнения структурной схемы предложения / Н.Н. Арват // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, 1975. – С. 13-15.

Арват Н.Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения / Н.Н. Арват. – Черновцы, 1976. – 63 с.

Арват Н.Н. О взаимосвязи лексического и грамматического уровней (при обучении русскому языку как иностранному) / Н.Н. Арват // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 63-73.

Арват Н.Н. Семантическая структура простого предложения в современном русском языке / Н.Н. Арват. – Киев, 1984. – 159 с.

Аринштейн В.И. Структура предложения и семантика глаголов (К проблеме обязательности / факультативности объекта) / В.И. Аринштейн // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: ЛГУ, 1981. – С. 3-16.

Аристова Е.Б. Категория субъекта и агентивные синтаксемы в современном английском языке / Е.Б. Аристова // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. – Л.: Наука, 1982. – С. 45-65.

Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения / Н.Д. Арутюнова // Вопр. языкознания. – 1971. № 6. – С. 63-73.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976. – 384 с.

Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка (к проблеме предикативного отношения) / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1980, 4. – С. 348-358.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 340 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

Арутюнова Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н.Д. Арутюнова, Е.Н.Ширяев. – М., 1983. – 198 с.

Афанасьева О. В. Сравнительная типология английского и русского языков (практикум). Учебн. пособие. Изд. 2-е, испр. / О. В. Афанасьева, М. Д. Резвцова, Т. С. Самохина. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2000. – 232 с.

Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.

Бабайцева, В. В. Современный русский язык. В трех частях. Часть III. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1981. – 271 с.

Бабайцева В.В. Семантика простого предложения / В.В. Бабайцева // Предложение как многоаспектная единица языка. – М.: МГПИ, 1983. – С. 7-24.

Бабайцева В.В. Система структурно-семантических типов простого предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева // Предложение как многоаспектная единица. – М.: МГПИ, 1984. – С. 3-13.

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 638 с.

Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике / В.В. Бабайцева // Филол. науки. 2006. № 2. – С. 54-64.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

Бабина Т.П. К вопросу о семантическом субъекте / Т.П. Бабина, В.А. Белошапкова // НДВШ. Филол. науки. – 1984, 1. – С. 29-34.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.

Баландин А.Н. Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым субъектом» / А.Н. Баландин // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. – Л., 1967.

Баландина Л.А. Конкретно-предметное имя как знак пропозиции / Л.А. Баландина // Вестник МГУ. Серия: Филология. 1992. № 5. – С. 37-44.

Балашша Й. Венгерский язык / Й. Балашша. – М.: Изд-во иностр. лит., 1951. – 375 с.

Банару В.И. Очерк по теории предикативности (на материале французского языка) / В.И. Банару. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 44 с.

Банару В.И. Некоторые вопросы функциональной перспективы предложения (на материале французского языка) / В.И. Банару. – Кишинев: Штиинца, 1975. – 64 с.

Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка / Л.С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1966. – 200 с.

Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1975. – 137 с.

Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – М.: Высшая школа, 1973. – 424 с.

Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке / А.Я. Баудер. – Таллин, 1982. – 184 с.

Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А. Белошапкова. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.

Белошапкова В.А. Минимальные структурные схемы русского предложения / В.А. Белошапкова // Русский язык за рубежом, 1978. № 5. – С. 55-59.

Белошапкова В.А. Деривационная парадигма предложения / В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1981, № 2. – С. 43-51.

Белошапкова Т. В. Аспектуальная парадигма простого предложения / Т.В. Белошапкова // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. – М.: Индрик, 2001. – С. 20-30.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 286 с.

Бенуа Ж.-П. Предикативно-ролевая классификация ситуаций в русском языке / Ж.-П. Бенуа // Русистика сегодня. – 1996. – № 2. – С. 81-107. – № 3. – С. 88-114.

Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1986. – 159 с.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.

Богданов В.В. Залог и семантика предложения / В.В. Богданов // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 37-42.

Богданов В.В. Структурная схема и семантика предложения / В.В. Богданов // Исследования по семантике. – Уфа: БашГУ, 1985. – С. 18-26.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. – 354 с.

Болдырева А.А. Особенности выражения авторского «Я» в научном дискурсе / А.А. Болдырева, В.Б. Кашкин // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – С. 99-108.

Болла К. Курс современного русского языка / К. Болла, Э. Палл, Ф. Папп. – Будапешт, 1977. – 670 с.

Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.

Бондарко А.В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды) / А.В. Бондарко // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1973. – С. 42-62.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации системы и среды / А.В. Бондарко // *Вопр. языкознания*. – 1985а, № 1. – С. 13-21.

Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики / А.В. Бондарко // *Проблемы функциональной грамматики*. – М., 1985б. – С. 16-29.

Бондарко А.В. К системным основаниям концепции «Русской грамматики» / А.В. Бондарко // *Вопр. языкознания*. – 1987. – № 4. – С. 3-15.

Бондарко А.В. Семантика / А.В. Бондарко лица // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. – Л.: Наука, 1991. – С. 5-10.

Бондарко А. В. Переходность/непереходность глагола в системе субъектно-предикатно-объектных отношений // *ТФГ. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*. – СПб.: Наука, 1992. – С. 114-125.

Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996а. – 220 с.

Бондарко А.В. К интерпретации понятия «смысл» / А.В. Бондарко // *Словарь. Грамматика. Текст: Сб. статей / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон*. – М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. – С. 316-321.

Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 260 с.

Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность*. – СПб.: Наука, 2003. – С. 5-36.

Бондарко А. В. Аспекты теории функциональной грамматики / А.В. Бондарко // *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сб. докладов. Т. 1. / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной*. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 25-33.

Бондарко А. В. Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании / А.В. Бондарко // *40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей*. – М.: Знак, 2004. – С. 36-52.

Бондарко А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 191 с.

Бородина Н.А. Структурно-семантическая специфика структурной схемы простого предложения «кто думает о чём» / Н.А. Бородина // *Проблемы русского и общего языкознания. Вып. 6*. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2008. – С. 71-78.

Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Е.В. Бреус – М.: УРАО, 2000. – 208 с.

Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии / Л.Л. Буланин. – М.: Просвещение, 1976. – 208 с.

Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке / Л.Л. Буланин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 88 с.

Буланин Л. Л. Категория залога и функционально-семантическое поле залоговости / Л.Л. Буланин // *Теоретические проблемы функциональной грамматики. Мат-лы Всероссийской науч. конф.* – СПб.: ИЛИ РАН, 2001. – С. 179-188.

Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т.В. Булыгина // *Аспекты семантических исследований*. М.: Наука, 1980. – С. 320-355.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // *Семантические типы предикатов*. – М.: Наука, 1982. – С. 7-85.

Булыгина Т.В. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // *Вопр. языкознания*. – 1989. – № 3. – С. 51-61.

Булыгина Т. В. Языковая концептуализация (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.

Булыгина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) / М.М. Булыгина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с.

Бурлакова В. В. Синтаксические структуры современного английского языка / В.В. Бурлакова. – М.: Просвещение, 1984. – 160 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика / Ф.И. Буслаев. – М., 1959. – 624 с.

Бэбби Л. К построению формальной теории «частей речи» / Л. Бэбби // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика*. – М.: Прогресс, 1985. – С. 171-203.

Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. Части речи: Учеб. пособие / В.Н. Вагнер. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 384 с.

Вагнер В. Н. Синтаксис русского языка как иностранного и его преподавание: Учебное пособие / В.Н. Вагнер. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 167 с.

Вайс Д. Евразийский облик посессора в современном русском языке / Д. Вайс // *Типологические обоснования в грамматике*. – М., 2004. – С. 99-118.

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М.: Высшая школа, 1973. – 423 с.

Валгина Н. С. Современный русский язык. Синтаксис. Учебник для вузов. Изд. 4-ое, испр. / Н. С. Валгина. – М. Высшая школа, 2003. – 416 с.

Ван Валин Р. Референциально-ролевая грамматика / Р. Ван Валин, У. Фоли // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*. – М.: Прогресс, 1982. – С. 376-410.

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.

Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка / А.И. Варшавская. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 135 с.

Васильев Л.М. Семантические модели предложения / Л.М. Васильев // *Исследования по семантике*. – Уфа: БГУ, 1976. – С. 125-128.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 1 / Л.М. Васильев. – Уфа: Восточный ун-т, 2000. – 200 с.

Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. – Изд. 6-е. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2001. – 544 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 404 с.

Величко А.В. Разговорная речь и разговорный синтаксис в иностранной аудитории / А.В. Величко // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. Т. 3. Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному / Под ред. Н.А. Любимовой, Л.В. Московкина, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 238-243.

Величко А.В. Простое предложение. Опыт семантического описания / А.В. Величко, Ю.А.Туманова, О.В. Чагина. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 118 с.

Величко А. В. Система работы над русским предложением в иноязычной аудитории / А.В. Величко, О.В. Чагина. – М.: Русский язык, 1987. – 150 с.

Веренк Ж. Диатеза и конструкции с глаголами на -ся / Ж. Веренк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 286-302.

Виноградов В.В. «Синтаксис русского языка» акад. А.А. Шахматова / В.В. Виноградов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 75-126.

Виноградов В.В. Предикативность и интонация сообщения как основные грамматические признаки предложения / В.В. Виноградов // Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. – М., 1954. – С. 76-84.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53-87.

Виноградов В. Д. Роль функциональной грамматики при обучении русскому языку как иностранному // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. Том III. Лингвострановедческие основы обучения русскому языку как иностранному / В.Д. Виноградов. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 244-249.

Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка) / О.Д. Вишнякова. – М.: Макс Пресс, 2002. – 380 с.

Вишнякова О.Д. Функционально-когнитивная парадигма как сфера концентрации лингвистической мысли в наступившем столетии / О.Д. Вишнякова // Филол. науки. – 2003. – № 6. – С. 36-42.

Володина Г.И. Выражение факта наличия безглагольными предложениями / Г.И. Володина // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 318-330.

Володина Г. И. Описание семантических классов предложений в целях преподавания русского языка как неродного / Г.И. Володина / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989. – 128 с.

Володина Г. И. Синтаксические варианты предложений как средство передачи субъективных смыслов (в произведениях А. С. Пушкина) / Г.И. Володина // Слово. Грамматика. Речь. – М.: ПАИМС, 1999. – С. 94-101.

Володина Г. И. А как об этом сказать? Специфические обороты разговорной речи / Г.И. Володина. – М.: Русский язык. Курсы, 2003. – 264 с.

Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж, 1999. – 131 с.

Волохина Г. А. Многокомпонентные сложные предложения как микротекст / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. – 199 с.

Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1974. – 223 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 1985. – 228 с.

Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 6. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 244 с.

Воронина Д.Д. Типы агенса и значения определенности, неопределенности и обобщенности / Д.Д. Воронина // Филологические науки. – 1975. № 4. – С. 74-82.

Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н. Воронцова. – М.: ИЛИЯ, 1960. – 399 с.

Востоков В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке / В.В. Востоков. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 409 с.

Всеволодова М.В. Практикум по курсу «Функционально-коммуникативный синтаксис» / М.В. Всеволодова. – М.: ИПО «Лев Толстой», 1995. – 112 с.

Всеволодова М.В. Уровни организации предложения в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка / М.В. Всеволодова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997, № 1. – С. 52-66.

Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

Всеволодова М.В. Русская грамматика XXI века – грамматика языка функционирующего (наше представление о языке; задачи и перспективы) / М.В. Всеволодова // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. Т. 1. – София: Херон пресс, 2007. – С. 65-73.

Всеволодова М.В. Об одном классе именных синтаксем (у + род. пад.) / М.В. Всеволодова // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: РАН, Ин-т русского языка, 2002. – С. 101-108.

Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. – М.: Русский язык, 1982. – 262 с.

Всеволодова М. В. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со стальных предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка) / М.В. Всеволодова, Го Шуфень. – М., 1999. – 169 с.

Всеволодова М.В. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений / М.В. Всеволодова, О.Ю. Дементьева. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 176 с.

Вукович Й. К проблеме классификации частей речи / Й. Вукович // *Вопр. языкознания*. 1972, № 5. – С. 49-61.

Гаврилова Г. Ф. Предложение-высказывание в когнитивном аспекте / Г.Ф. Гаврилова // *НДВШ. Филол. науки*. 2001. № 6. – С. 72-78.

Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р.М. Гайсина. – Саратов: СГУ, 1981. – 195 с.

Гайсина Р.М. Синтаксис современного русского языка. Часть 1. / Р.М. Гайсина. – Уфа: БашГУ, 2001. – 282 с.

Гайсина Р.М. Язык. Философия. Семантика. Синтаксис. Избранные труды / Р.М. Гайсина. – Уфа: БашГУ, 2008. – 437 с.

Гак В.Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) / В.Г. Гак // *Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода»*. – М., 1967. – С. 14-26.

Гак В.Г. К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации / В.Г. Гак // *Типологические и психолингвистические проблемы владения языком*. – М.: МГУ, 1969. – С. 67-79.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // *Проблемы структурной лингвистики*. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 367-395.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // *Проблемы структурной лингвистики*. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977а. – 264 с.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – Л.: Просвещение, 1977б. – 300 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1981. – 208 с.

Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // *Проблемы функциональной грамматики*. – М.: Наука, 1985. – С. 5-15.

Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В.Г. Гак // *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность*. – СПб.: Наука, 1996. – С. 6-26.

Гак В.Г. Пространство времени / В.Г. Гак // *Логический анализ языка. Язык и время*. – М.: Индрик, 1997. – С. 122-130.

Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. Изд. 3-е, испр. / В.Г. Гак. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 263 с.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. – 332 с.

Гальперин П. Я. К психологии формирования речи на иностранном языке / П.Я. Гальперин // *Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку*. – М., 1972. – С. 60-68.

Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев. – М.: Просвещение, 1965. – 405 с.

Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: учебник для студентов ф-тов рус. яз. и лит. пед. ин-тов: в 2 ч. / А.Н. Гвоздев. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 1973. Ч. 2: Синтаксис. – 350 с.

Герасименко Н.А. О русской синтаксической картине мира (к проблеме односоставности / двусоставности в грамматике) / Н.А. Герасименко // *Вестник Моск. гос. областного ун-та. Серия «русская филология»*. 2006. № 3. – С. 200-202.

Гехтляр С.Я. Русский инфинитив: категориальная характеристика, функционирование / С.Я. Гехтляр. – СПб. – Брянск, 1996. – 258 с.

Гиро-Вебер М. Устранение подлежащего в русском предложении / М. Гиро-Вебер // *Изв. АН СССР. СЛЯ*. 1984, № 6. – С. 551-556.

Гладров В. К типологии простого предложения в русском языке / В. Гладров // *Актуальные проблемы русского синтаксиса*. – М.: МГУ, 1984. – С. 36-41.

Гладров В. Семантика и выражение определенности / неопределенности / В. Гладров // *ТФГ. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*. – СПб.: Наука, 1992. – С. 232-266.

Гладров В. Функциональное описание русского предложения / В. Гладров // *Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом: Тезисы докладов Международной конференции (Москва, филологический факультет МГУ, 4-6 декабря 2001 г.)*. – М.: МГУ, 2001. – С. 85-86.

Гладров В. Функциональный анализ сложноподчиненного предложения / В. Гладров // *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 254 – 267.

Голицына Т.Н. Служебные (связочные) глаголы русского языка и их полнозначные соответствия. Дисс. ... канд. филол. наук / Т.Н. Голицына. – Воронеж, 1983. – 139 с.

Головачёва А.В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста / А.В. Головачёва. – М.: РАН, Ин-т славяноведения РАН, 2000. – 153 с.

Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. – М.: АН СССР, 1954. – Ч. 1. – 704 с. – Ч. 2. – 444 с.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – М.: Академия, 2006. – 336 с.

Гришина Н.И. Ещё одна парадигма предложений / Н.И. Гришина // *Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой* / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 215-218.

Гулыга Е.В. О взаимодействии смысла и синтаксической семантики предложения / Е.В. Гулыга // НДВШ. Филол. науки. – 1976, № 1. – С. 67-75.

Гулыга Е.В. Реализация категории обобщения на синтаксическом уровне / Е.В. Гулыга // Вопросы русского языкознания. Вып. 2. – М.: МГУ, 1979. – С. 78-82.

Гулыга Е.В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 92-99.

Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие / В.В. Гуревич. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 168 с.

Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Часть I. – М.: АН СССР, 1954. – 704 с.

Грамматика современного русского литературного языка / Ответ ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 546 с.

Гухман М.М. О происхождении возвратных конструкций / М.М. Гухман // Язык и мышление. – М. – Л., 1948. – С. 104-133.

Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках / М.М. Гухман. М., 1964. – 294 с.

Дедова О. М. Предложения обладания в медико-биологических текстах / О.М. Дедова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 22 с.

Долин Ю.Т. В защиту синтаксической оппозиции «двусоставное предложение / односоставное предложение» / Ю.Т. Долин // Проблемы русского и общего языкознания. Вып. 6. – Елец: ЕГУ, 2008. – С. 94-104.

Долинина И.Б. Системный анализ предложения (на материале английского языка) / И.Б. Долинина. – М.: Высшая школа, 1977. – 176 с.

Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола / И.Б. Долинина. – Л.: Наука, 1989. – 216 с.

Дорофеева Т. М. Синтаксическая сочетаемость русского глагола / Т.М. Дорофеева. – М.: Русский язык, 1986. – 112 с.

Дорофеева Т. М. 53 модели русской грамматики / Т.М. Дорофеева, М.Н. Лебедева. – М., 1996. – 280 с.

Дручинина Г.П. Предложения с локативным субъектом / Г.П. Дручинина // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М., 2002. – С. 152-158.

Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность / Д. Дэвидсон // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 213-233.

Дэжё Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение / Л. Дэжё. – Будапешт, 1984. – 264 с.

Евтеева М.А. Формы со значением места – конкретизаторы отношений в семантической структуре простого предложения / М.А. Евтеева // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте: Межвуз. сб. науч. тр. – М., 1979. – С. 50-54.

Ельмслев Л. О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности / Л. Ельмслев // Принципы типологического анализа языков различного типа. – М.: Наука, 1972. – С. 134-152.

Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.

Жигадло В.Н. Современный английский язык: теоретический курс грамматики / В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 350 с.

Жирмунский В.М. О природе частей речи и их классификации / В.М. Жирмунский // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. – Л.: Наука, 1968. – С. 6-18.

Заметалина М. Н. Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка (диахрония и синхрония) / М.Н. Заметалина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 44 с.

Заметалина М. Н. Функционально-семантическое поле как феномен языка и речи: Учеб. пособие по спецкурсу / М.Н. Заметалина. – Волгоград: Перемена, 2004. – 88 с.

Зарецкий Е.В. О русском фатализме в грамматике / Е.В. Зарецкий // Relga. – № 12 (157). – 2007. URL: www.relga.ru/

Зарецкая Е.Н. Типология глагольного формообразования (На материале русского, английского и венгерского языков). – М.: Академический проект, 2001. – 158 с.

Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1976. – 307 с.

Зеленецкий А. Я. Сравнительная типология немецкого и русского языков / А. Я. Зеленецкий, П. Ф. Монахов. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.

Зимек Р. Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике / Р. Зимек // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 79-87.

Золотова Г.А. Синтаксическая синонимия и культура речи / Г.А. Золотова // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С.178-217.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

Золотова Г.А. К дискуссии о соотношении синтаксиса и семантики / Г.А. Золотова // Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика: Сб. науч. трудов МГПИИЯ, 1977, вып. 112. – С. 61-69.

Золотова Г.А. О роли семантики в актуальном членении предложения // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978. – С. 142-154.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Золотова Г.А. К построению функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 87-93.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М., 1988. – 440 с.

Золотова Г. А. Понятие личности / безличности и его интерпретация / Г.А. Золотова // Russian Linguistics. – Vol. 24. № 2, July 2000. – P. 103-115.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 542 с.

Ибрагимов В.Л. Семантика глагола пространственной локализации в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1994. – 47 с.

Иванов В.С. Учебник венгерского языка / В.С. Иванов. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1961. – 346 с.

Иванова В. И. Предложение, высказывание: системно-функциональный аспект / В.И. Иванова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2001. – 37 с.

Иванова Е. Ю. Логико-семантические типы предложений: Неполные речевые реализации / Е.Ю. Иванова. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. – 208 с.

Иванова Е. Ю. О перцептивности номинативных предложений / Е.Ю. Иванова // *Вопр. языкознания*. – 2004. № 1. – С. 197-117.

Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.

Иванова Л.П. Структурно-функциональный анализ простого предложения / Л.П. Иванова. – Киев: Вища шк., 1991. – 166 с.

Иванова Т. А. О содержании категории притяжательности / Т.А. Иванова // *Вестник ЛГУ*. 1975, № 8. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 2. – С. 171-174.

Ильенко С.Г. Персонализация как важнейшая сторона предикативности / С.Г. Ильенко // *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*. – Л.: Наука, 1975. – С. 154-160.

Ильина В.Ф. Субъектно-объектные отношения и их изменение / В.Ф. Ильина // *Язык и общество в синхронии и диахронии*. – Саратов: СГУ, 2005. – С. 254-260.

Исаченко А.В. О синтаксической природе местоимений / А.В. Исаченко // *Проблемы современной филологии*. – М.: Наука, 1965. – С. 159-166.

Исследования по сопоставительной типологии языков: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГПИ, 1982. – 165 с.

Казаков В. П. Роль интерпретации в синтаксисе: русский безглагольный номинатив / В.П. Казаков // *Русское слово в мировой культуре*. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сб. докладов. Т. 1. / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 110-114.

Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2002. – 227 с.

Казарина В.И. История и теория синтаксиса / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2005. – 267 с.

Казарина В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. Учебное пособие / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2007. – 337 с.

Камалова А.А. Семантические предикаты состояния в системном и функциональном аспектах / А.А. Камалова. – Архангельск, 1998. – 326 с.

Карасева Е.В. Структурная схема «кому есть какво»: компонентный состав, речевая реализация и участие в формировании речевых регистров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Карасева. – Елец, 2008. – 22 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.

Каринский М.И. Классификация выводов / М.И. Каринский // *Избранные труды русских логиков XIX века*. – М., 1956. – С. 3-176.

Карцевский С. Введение в изучение междометий / С. Карцевский // *Вопр. языкознания*. – 1984, № 6. – С. 3-13.

Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / С.И. Карцевский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 343 с.

Категоризация мира: пространство и время. Материалы научн. конф. – М., 1997. – 146 с.

Категории бытия и обладания в языке. – М., 1977. – 259 с.

Категория посессивности в славянских и балканских языках. – М.: Наука, 1989. – 264 с.

Кацнельсон С. Д. Основные задачи лингвистической типологии // *Лингвистическая типология и восточные языки* / С.Д. Кацнельсон. – М., 1965. – С. 71-77.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Кацнельсон С.Д. О категории субъекта предложения / С.Д. Кацнельсон // *Универсалии и типологические исследования*. – М.: Наука, 1974. – С. 104-124.

Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы / С. Д. Кацнельсон // *Вопр. языкознания*. – 1984. № 4. – С. 3 – 12.

Качала Я. О грамматической и семантической перспективе предложения / Я. Качала // *Проблемы теории грамматического залога*. – Л.: Наука, 1978. – С. 87-93.

Кашкин В.Б. Факторная модель грамматического действия и перевод / В.Б. Кашкин // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. – С. 62-67.

Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса / В.Б. Кашкин. Изд. 3-е. – М.: Восток – Запад, 2910. – 152 с.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке) / А.Е. Кибрик. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 335 с.

Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке. Опыт функционально-семантического анализа / Т.А. Кильдибекова. – Саратов: СарГУ, 1985. – 158 с.

Ким А.В. К вопросу о парадигматическом подходе в синтаксисе / А.В. Ким // *Система языка и речевая реализация его категорий*. – Л., 1978.

Кинэн Э.Л. К универсальному определению подлежащего / Э.Л. Кинэн // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М., 1982. – С. 111-165.

Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке / В.Ф. Киприянов. – М.: МОПИ, 1983. – 102 с.

Кириллова В. А. К вопросу о логической структуре односоставных предложений / В.А. Кириллова // *Логико-грамматические очерки*. – М.: Высшая школа, 1961. – С. 181-202.

Кириллова В.А. О «конструктивных» элементах безличных предложений (типа *снегом занесет – занесло дорогу*) / В.А. Кириллова // *Исследования по современному русскому языку*. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 90-95.

Кириллова В.А. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия / В.А. Кириллова, Н.Б. Примова // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: МГУ, 1988. – С. 116-125.

Кларк Е.В. Универсальные категории: о семантике классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми / Е.В. Кларк // Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1984. – С. 221-240.

Клауди К. Выбор залога при переводе с венгерского на русский / К. Клауди // Язык и текст. *Lingua*. 808. 2. – Будапешт, 1986. – С. 5-14.

Климов Г.А. Принципы континентальной типологии / Г.А. Климов. – М., 1983. – 224 с.

Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. (Введение в методику позиционного анализа) / Е.В. Клобуков. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 117 с.

Клобуков Е. В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности / Е.В. Клобуков // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 107-118.

Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / Под ред. А. В. Величко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 816 с.

Князев Ю.П. Нейтрализация противопоставлений по лицу и залог / Ю.П. Князев // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 122-128.

Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю.П. Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник / И.М. Кобозева. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

Ковалева Л.М. Проблема структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке / Л.М. Ковалева. – Иркутск: ИГЛУ, 1987. – 221 с.

Ковтунова И.И. О синтаксической синонимике / И.И. Ковтунова // Вопросы культуры речи, вып. 1. – М., 1955. – С. 25-30.

Козел Н. Я. Синтаксическая синонимия в способах выражения субъекта предложения: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н. Я. Козел – М., 2002. – 23 с.

Козюра Т.Н. О некоторых особенностях выражения субъектно-объектных отношений предложениями с глаголами восприятия и умственного действия в русском и французском языках / Т.Н. Козюра, В.Ю. Копров // Научн. вестник Воронеж. гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 1. – Воронеж, 2006. – С. 83-89.

Козюра Т.Н. Возвратность в семантико-функциональном поле залоговости (на материале предложений с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках) / Т.Н. Козюра. Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 151 с.

Кокорина С.И. О реализации структурной схемы предложения / С.И. Кокорина // Вопр. языкознания. – 1975. – № 3. – С. 73-83.

Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке / С.И. Кокорина. – М., 1979. – 79 с.

Кокорина С.И. Еще раз о структурной схеме простого предложения / С.И. Кокорина // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 217-234.

Кокорина С.И. Специфически русские конструкции как предмет системного описания / С.И. Кокорина // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988. – С. 75-86.

Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности / В.В. Колесов // Мир русского слова. № 2, 2000. – С. 52-59.

Колесов В. В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 237 с.

Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т.А. Колосова. – Воронеж, 1980. – 164 с.

Колпакова Н. Н. Некоторые особенности выражения посессивных отношений в угорских языках / Н.Н. Колпакова // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 6. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 51-61.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 229 с.

Коляденков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков / М.Н. Коляденков. Ч. 2. – Саранск, 1954. – 327 с.

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

Кононенко В.И. Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке / В.И. Кононенко. Киев: Наукова думка, 1970. – 144 с.

Контрастная и функциональная грамматика: межвуз. темат. сб. науч. тр. – Калинин: КГУ, 1987. – 163 с.

Копров В.Ю. Функционально-семантическое описание русских простых предложений с переходными глаголами физического действия. Дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Копров. – Воронеж, 1980. – 192 с.

Копров В.Ю. О выделении синтаксически значимых разрядов слов / В.Ю. Копров // *Studia Russica*. X. – Budapest, 1986. – С. 77-94.

Копров В.Ю. Ситуативный аспект семантико-синтаксической организации предложения как основа сопоставления языков / В.Ю. Копров // *Lingua*. 808. 2. Межкультурная коммуникация. МККЕ. – Budapest, 1988. – С. 51-63.

Копров В. Ю. О модели функционально-семантической грамматики русского языка / В.Ю. Копров // *Studia Russica*. XIII. – Budapest, 1989. – С. 19-32.

Копров В. Ю. Опыт типологии простого предложения с точки зрения категории залога и залоговости / В.Ю. Копров // Простое предложение: научный анализ и преподавание в школе и вузе. – Воронеж: ВГУ, 1990. – С. 41-49.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 160 с.

Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с.

Копров В. Ю. Изучение русских посессивных конструкций в англоязычной аудитории / В.Ю. Копров // Мир русского слова. – 2001. № 4. – С. 67-72.

Копров В.Ю. Русские предложения с возвратными глаголами и их соответствия в английском языке / В.Ю. Копров // Слово. Грамматика. Речь.

Вып. 5: Сб. научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 128-134.

Копров В. Ю. Предложения пространственной и временной локализации в русском, английском и венгерском языках / В.Ю. Копров // Язык и транснациональные проблемы: Материалы I междунар. научн. конф. 22-24 апреля 2004 г. Т. 1. – М. – Тамбов: Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2004. – С. 162-168.

Копров В. Ю. Личность / безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков / В.Ю. Копров // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. № 1. – С. 79-85.

Копров В. Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения / В.Ю. Копров. 2-е изд., испр. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 136 с.

Копров В.Ю. Аспекты описания семантико-структурного устройства предложения / В.Ю. Копров // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Т. 1. Новое в системно-структурном описании современного русского языка. Речевая деятельность: современные аспекты исследования. – Hesperos Press, Sofia, 2007. – С. 134–141.

Копров В.Ю. Типовое значение и актантная структура предложения / В.Ю. Копров // Acta Linguistica. Vol. 2 (2008), 1. – С. 3-10. URL: <http://open.slavica.org/index.php/als/article/view/133/146>.

Копров В.Ю. Русский официально-деловой язык в условиях глобализации / В.Ю. Копров // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I конгресса РОПРЯЛ. Санкт-Петербург, 14-18 октября 2008 г. / Под ред. Т.И. Поповой и Е.Е. Юркова. – В двух томах. Т. II. – СПб: Издательский дом «МИРС», 2008. – С. 318-322.

Копров В.Ю. Особенности преподавания грамматики русского языка иностранным учащимся разных форм обучения / В.Ю. Копров // Современная методика преподавания русского языка как иностранного: проблемы и их решение. Ч. 1. Сб. научно-методических статей. – М.: Изд-во «Правда-Пресс», 2010. – С. 184-189.

Корнева Е.В. Возвратность как семантическая категория (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Корнева. – Воронеж, 1996. – 19 с.

Королев Э.И. О залогах русского глагола / Э.И. Королев // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 199-215.

Красильникова Л.В. Структурные схемы (модели) простого предложения / Л.В. Красильникова // Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Величко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 17-28.

Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М.: Русский язык, 1989. – 639 с.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 581 с.

Кретов А.А. Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современном русском языке / А.А. Кретов // Проблемы глагольной семантики. – Свердловск: УрГУ, 1984. – 152 с.

Кривченко Е. Л. Предложение как средство событийной номинации. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Л. Кривченко. – М., 1987. – 28 с.

Крылов С. А. Семантическая роль как элемент метаязыков общей и специальной типологии / С.А. Крылов // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 233-252.

Крылова И.П. Грамматика современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков / И.П. Крылова, Е.М.Гордон. – 4 изд., испр. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 448 с.

Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка / О.А. Крылова. – М., 1992. – 176 с.

Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого предложения: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Л.С. Крючкова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 464 с.

Кубик М.К. Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешским / М.К. Кубик. – Praha, 1977. – 266 с.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 157 с.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997. – 331 с.

Кузнецик Т.А. Речевое функционирование трехчленного пассива в современном английском языке / Т.А. Кузнецик // Сб. науч. тр. МПИИЯ. – 1976. – № 104. – С. 51-55.

Куралева И.Р. Коммуникативно-прагматические функции посессивной конструкции у кого есть что / И.Р. Куралева // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. Т. 1. – София: Херон пресс, 2007. – С. 328-332.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

Лаптева О.А. Типология вариативных синтаксических рядов в аспекте функционирования литературного языка / О.А. Лаптева // Вопросы языкознания. – 1984, № 2. – С. 91-101.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление русских и английских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.

Лариохина Н. М. Синтаксические синонимы в преподавании русского языка как иностранного / Н.М. Лариохина // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 3. – М., 2001. – С. 37-41.

Лебедева А.Л. Семантико-синтаксическая классификация русских предложений с возвратными глаголами касания / А.Л. Лебедева // Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. № 110: Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право): Научный журнал. – СПб., 2009. – С. 201-204.

Лебедева А.Л. Семантика и функционирование предложений с глаголами касания / А.Л. Лебедева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 24 с.

Лебедева Л.Б. Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях / Л.Б. Лебедева // Известия АН СССР. СЛЯ. Т. 43. – 1984. – № 4. – С. 304-313.

Левицкий Ю.А. От высказывания к предложению, от предложения к высказыванию / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 194 с.

Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. – 419 с.

Лекант П.А. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-семантических типов в современном русском языке. Дис. ... д-ра филол. наук / П.А. Лекант. – М., 1971. – 681 с.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П.А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1974. – 160 с.

Лекант П.А. Об изучении синонимии в простом предложении / П.А. Лекант // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 187-198.

Лекант П.А. Что же такое подлежащее? / П.А. Лекант // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста / Сб. статей, посв. юбилею Г.А. Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 135-139.

Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Учебн. пособие для вузов / под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова / П.А. Лекант. – М.: Гардарики, 2003. – 780 с.

Леонтьев А.А. К теоретическому обоснованию универсально-сопоставительной функциональной грамматики / А.А. Леонтьев // Проблемы функциональной грамматики: Тезисы конф. (Звенигород, 1-2 апреля 1983). – М., 1983. – С. 27-29.

Лещенко М.И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения / М.И. Лещенко. – Минск, 1988. – 189 с.

Лобанова Н.А. Пособие по грамматике русского языка для иностранных студентов-филологов: Третий курс / Н. А.Лобанова, Т. А.Арефьева, М. А.Крючкова. – М.: Русский язык, 1984. – 141 с.

Лобанова Н.А. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс. (3 год обучения) / Под ред. В.Г. Гака / Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева. – М.: Русский язык, 1988. – 366 с.

Лобанова Н.А. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (4-5 годы обучения) / Под ред. В.Г. Гака / Н.А. Лобанова, И.П. Слесарева. – М.: Русский язык, 1988. – 366 с.

Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

Ломов А.М. Части речи в их отношении к предложению / А.М. Ломов // Русское предложение: исследование и преподавание в школе и вузе. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. – С. 74-86.

Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 279 с.

Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 400 с.

Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. – М., 1958. – 168 с.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: МГУ, 1972. – 197 с.

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке / Т.П. Ломтев. М.: МГУ, 1979. – 198 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.

Майгинская К.Е. Венгерский язык / К.Е. Майгинская. – М.: Изд-во АН СССР. Часть 1. Введение. Фонетика. Морфология. – 1955. – 304 с.; Часть 2. Грамматическое словообразование. – 1959. – 226 с.; Часть 3. Синтаксис. – 1960. – 376 с.

Малашенко В.П. Роль детерминантов в формировании семантической структуры предложения / В.П. Малашенко // Семантическая структура предложения. – Ростов н/Д: РГУ, 1978. – С. 70-85.

Мартынов В. В. Категории языка / В.В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – 190 с.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М., 1975. – 328 с.

Матезиус В. О системном грамматическом анализе / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 226-239.

Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. – 231 с.

Меликян В. Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения / В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2002. – 242 с.

Мельников Г.П. Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка / Г.П. Мельников // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 25-34.

Мельчук И.А. О синтаксическом нуле / И.А. Мельчук // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. – Л.: Наука, 1974. – С. 343-361.

Мельчук И. А. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя / И.А. Мельчук // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 286-314.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 388 с.

Мещанинов И.И. Номинативное и эргативное предложения. Типологическое сопоставление структур / И.И. Мещанинов. – М.: Наука, 1984. – 202 с.

Мигирин В.Н. Категория состояния или бесубъектное прилагательное? / В.Н. Мигирин // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970. – С. 150-157.

Мико М. Учебник венгерского языка / М. Мико. – Будапешт, 1953. – 326 с.

Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка / И.Г. Милославский. – М.: Просвещение, 1981. – 254 с.

Милославский И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка / И.Г. Милославский. – М.: Русский язык, 1987. – 284 с.

Михеев С.В. Семантические свойства залоговых конструкций / С.В. Михеев // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 20-27.

Моисеев А.И. О категории залога в русском языке (к постановке вопроса) / А. И. Моисеев // Учен. зап. ЛГУ. № 235. Сер. филол. наук, вып. 38. – Л., 1958. – С. 209-211.

Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках / С.А. Моисеева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.

Монина Т. С. Проблемы тождества предложения / Т.С. Монина. – М.: Моск. пед. ун-т, 1995. – 179 с.

Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. На материале немецкого языка / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1974. – 156 с.

Москальская О.И. Синтаксическая парадигматика и деривация / О.И. Москальская // Проблемы общего и германского языкознания. М.: МГУ, 1978. – С. 71-78.

Мразек Р. Синтаксис русского творительного / Р. Мразек. – Praha, 1964. – 285 с.

Мурзин Л.Н. Возвратная конверсия предложения / Л.Н. Мурзин // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 118-122.

Мустайоки А. Возможна ли грамматика на семантической основе? / А. Мустайоки // Вопр. языкознания. – 1997, № 3. – С. 15-25.

Мустайоки А. Функциональный синтаксис как основа сопоставления языков / А. Мустайоки // Studia Slavica Finlandensia. Т. XX. – Helsinki, 2003. – С. 100-127.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

Мухин А. М. Структура предложений и их модели / А.М. Мухин. – Л.: Наука, 1968. – 230 с.

Мухин А. М. Синтаксисный анализ и проблема уровней языка / А.М. Мухин. – Л.: Наука, 1980. – 303 с.

Мухин А. М. Функциональный синтаксис / А.М. Мухин. – СПб.: Наука, 1999. – 194 с.

Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И.П. Мучник. – М.: Наука, 1971. – 298 с.

Науменко-Папп А. Практический курс венгерского языка / А. Науменко-Папп. – М.: Высшая школа, 1982. – 351 с.

Наумова И.Ю. Основные тенденции развития синтаксической теории в конце XX – начале XXI веков / И.Ю. Наумова. – Липецк: ЛГПУ, 2002. – С. 136-144.

Недялков В.П. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций / В.П. Недялков // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 28-37.

Недялков В. П. Типология взаимных конструкций / В.П. Недялков // ТФГ: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 276-312.

Недялков В. П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) / В.П. Недялков // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 348-357.

Немченко В.Н. О разграничении частей речи в современном русском языке (Имена прилагательные в их отношении к другим частям речи) / В.Н. Немченко. – Горький: Горьк. ун-т, 1975. – 79 с.

Низяева Г.Ф. Неопределенно-личные предложения в современном русском языке. (Семантико-грамматическая организация). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Ф. Низяева. – М., 1972. – 26 с.

Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке / В.М. Никитевич. – М.: Учпедгиз, 1968. – 246 с.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. СПб., 1997. – 758 с.

Никитин М. В. Знак – значение – язык / М.В. Никитин. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 226 с.

Николова А. О функциональной модели описания языка / А. Николова // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 2. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2003. – С. 17-27.

Новицкая Т.М. Практическая грамматика английского языка: Морфология, синтаксис, словообразование и некоторые лексические проблемы перевода / Т.М. Новицкая, Н.Д. Кучин. – М.: Высшая школа, 1971. – 430 с.

Новоженова З. Л. Русское глагольное предложение: структура и семантика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / З.Л. Новоженова. – Саратов, 2001. – 51 с.

Новоженова З.Л. Структурно-семантические типы предложений / З.Л. Новоженова // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / Под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 232-260.

Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность / Б. Ю. Норман. – Минск: Изд-во БГУ, 1972. – 132 с.

Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности / Б.Ю. Норман. – Минск: Выш. школа, 1978. – 151 с.

Норман Б.Ю. Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков / Б.Ю. Норман // X Международный съезд славистов. Доклады. – Минск: Изд-во «Университетское», 1988. – 28 с.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 229 с.

Норман Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования / Б.Ю. Норман // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 394-406.

Носкина Л.В. О семантических типах предикатов-прилагательных / Л.В. Носкина // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литература. – 1988. Вып. 4. – С. 111-113.

Нунэн М. О подлежащих и топиках / М. Нунэн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М., 1982. – С. 366-375.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1972. – 565 с.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб.: Изд-во И.А. Куликовской, 1912. – 322 с.

Одинцова И.В. Структурно-коммуникативные модели с причинной семантикой в простом предложении / И.В. Одинцова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2002. № 9. – С. 49-72.

Озеров Н.Н. Краткий курс синтаксиса русского языка: простое предложение / Н.Н. Озеров. – М., 2006. – 112 с.

Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике / Н.К. Онипенко // Русистика сегодня. – 1994. – № 3. – С. 74-83.

Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – 368 с.

Павлов В.М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке / В.М. Павлов. – СПб., 1998. – 184 с.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. (Материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 291 с.

Падучева Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательных предложениях: синтаксис или семантика / Е.В. Падучева // Вопр. языкознания. – 1997. № 2. – С. 101-116.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – М.: УРСС, 2004. – 288 с.

Панде Х. Ч. К семантике есть в локативных и посессивных конструкциях / Х.Ч. Панде // Russian Linguistics. – 1981. № 5. – Р. 291-299.

Панкина М.Ф. Формирование семантических структур в лексической системе языка: на материале русского и немецкого лексико-семантических полей «кинетическое состояние агенса» / М.Ф. Панкина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 192 с.

Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1971. – 232 с.

Панов М.В. О частях речи в русском языке / М.В. Панов // Вопр. языкознания. – 1960. № 4. – С. 8-14.

Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.

Певнева Т. И. Свойства субъектов и предикатов безличного предложения (на материале конструкций, описывающих явления природы и явления внутреннего мира человека). Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.И. Певнева. – М., 1996. – 25 с.

Перельмутер И.А. Семантическое определение залога / И.А. Перельмутер // Вопр. языкознания. – 198., № 6. – С. 10-20.

Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка / К.А. Переверзев // Вопр. языкознания. – 1998. № 5. – С. 24-52.

Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии / Н.В. Перцов // Вопр. языкознания. – 2003. № 4. – С. 43-71.

Петров А.В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка / А.В. Петров; научн. ред. П.А. Лекант. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. – 295 с.

Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов / О.В. Петрова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1989. – 156 с.

Пешехонова Н.А. Предложения со значением соиздания объекта в результате физического труда: структура, семантика, функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Пешехонова. – Елец, 2008. – 20 с.

Пешковский А.М. Принципы и приёмы стилистического анализа художественной прозы / А.М. Пешковский // Сб. статей: Arts poetica. – М., 1927. – С. 29-68.

Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики / А.М. Пешковский. – М. – Л., 1930. – 278 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.

Плоткин В.Я. Семантика и синтаксис предложения и высказывания / В.Я. Плоткин // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале разных языков). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 33-43.

Плоткин В. Я. Строй английского языка / В.Я. Плоткин. – М.: Высшая школа, 1989. – 239 с.

Попов А.С. Номинативные предложения и сходные с ними по форме синтаксические конструкции в современном русском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С. Попов. – М., 1960. – 20 с.

Попов А.С. Безличные предложения, включающие местоимения с частицей «не», и их преобразование / А.С. Попов // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Т. XXI. Вып. 6. – Орел, 1962. – С. 67-71.

Попов А.С. Развитие номинативных предложений / А.С. Попов // Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – С. 322-343.

Попов А. С. Предложения типа «Кататься весело» и проблема синтаксической неопределённости / А. С. Попов // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток: ДВГУ, 1978. – С. 12 – 25.

Попов А.С. Синтаксис современного русского языка. Конспекты лекций / А.С. Попов. – Глазов: ГГПИ, 2005. – 130 с.

Попова З.Д. К вопросу о синтаксических вариантах / З.Д. Попова // НДВШ. Филол. науки. 1968, № 6. – С. 3-11.

Попова З.Д. Употребление падежных и предложно-падежных форм в современном русском литературном языке / З.Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 1971. – 74 с.

Попова З.Д. Грамматическая стилистика русского языка / З.Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 1982. – 72 с.

Попова З.Д. Общее языкознание / З.Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 1987. – 212 с.

Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема как разные уровни синтаксического анализа / З.Д. Попова // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 225-268.

Попова З. Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как порядковые знаки пропозитивных концептов / З.Д. Попова // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 219-226.

Попова З.Д. Функции русского инфинитива в свете французских переводных соответствий (на материале перевода романа Ф.И. Достоевского «Идиот») / З.Д. Попова, В.А. Федоров // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сб. научн. трудов. – Вып. 5. – Елец: Елецкий гос. ун-т им. А.И. Бунина, 2007. – С. 40-63.

Попова З.Д. Синтаксические концепты, их лингвокультурологическая информация и национальное своеобразие / З.Д. Попова // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы VII Международной научно-методической конференции / Под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: Научная книга, 2008. – С. 9-13.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.

Попова И.А. О «двусоставности» номинативных предложений / И.А. Попова // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 177-181.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. 1-2. – М., 1958. – 536 с.; Т. 3. – М., 1968. – 551 с.; Т. 4. – М., 1977. – 406 с.

Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения / Почепцов. – Киев: Вища шк., 1971. – 192 с.

Прикладное языкознание: Учебник / Отв. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 528 с.

Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения / А. Ф. Прияткина. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Проблемы сопоставительного изучения английского, французского и русского языков: межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д, 1984. – 87 с.

Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – 288 с.

Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса. – СПб.: Наука, 2000. – 346 с.

Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – 480 с.

Пронина Е.С. О предикативности безлично-инфинитивных предложений / Е.С. Пронина // Слово и словосочетание как компоненты структуры предложения: Лингв. сб. МОПИ. Вып. 12. – М., 1978. – С. 38-40.

Пронина О. А. Ситуация место нахождения и средства ее выражения в предложении / О.А. Пронина // Идеографические аспекты русской грамматики. – М., 1988. – С. 92-105.

Проничев В. П. Функционирование именных односоставных конструкций в тексте: Предметно-ситуативные номинации / В.П. Проничев. – Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1991. – 97 с.

Пупынин Ю.А. О типах субъекта в русских пассивных и активных конструкциях / Ю.А. Пупынин // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. – Л., 1988. – С. 114-129.

Пупынин Ю.А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке / Ю.А. Пупынин // Вопр. языкознания. 1992, № 1. – С. 48-63.

Распопов И.П. Стрoение простого предложения в русском языке / И.П. Распопов. – М. Просвещение, 1970. – 191 с.

Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса / И.П. Распопов. – Воронеж: ВГУ, 1973. – 220 с.

Распопов И.П. Что же такое структурная схема предложения? (По поводу ст. С. И. Кокориной «О реализации структурной схемы предложения») / И. П. Распопов // Вопр. языкознания. – 1976. – N 2. – С. 65-70.

Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981. – 128 с.

Распопов И.П. Основы русской грамматики / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 1984. – 351 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.

Розенцвейг В. Ю. Лексика имущественных отношений / В.Ю. Розенцвейг // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1964, вып. 8. – С. 104-108.

Романовская И.Э. Эмотивные глаголы в залоговых конструкциях / И.Э. Романовская // Морфология глагола и структура предложения: Сб. научн. тр. – Новосибирск, АН СССР, 1990. – С. 137-145.

Ронаи Г. К вопросу об абсолютном употреблении переходных глаголов / Г. Ронаи // Studia Russica. X. – Budapest, 1986. – С. 179-187.

Рословец Я.И. Именные (субстантивные) предложения в современном русском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Я.И. Рословец. – М., 1974. – 37 с.

Ружичка Р. Несколько соображений о теоретических понятиях «зalog» и «диатеза» / Р. Ружичка // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 16-22.

Русская грамматика / V. Barmtrova, H. Běličova, O. Leška, Z. Skoumalová, V. Starková. – Praha: Academia, makladatelství Československé akademie věd., 1979. – 664 с.

Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 462 с.

Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой / Под ред. П. А. Леканта. – М., 2006. – 140 с.

Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.

Рылов Ю.А. Очерки сопоставительного изучения синтаксиса испанского и русского языков / Ю.А. Рылов, Г.А. Бессарабова. – Воронеж: Воронеж. пед. ун-т, 1997. – 187 с.

Саввина С. Л. Средства выражения статической локализации в русском языке / С.Л. Саввина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. № 12 (85): общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право): Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 237-242.

Саввина С.Л. Определенность / неопределенность локализатора (на материале предложений локализации русского и английского языков) / С.Л. Саввина // Вестник Воронежского Государственного университета. Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2009. № 1. – С. 90-93.

Савосина Л.М. Трансформационная парадигма предложения и её соотносённость с актуализационной парадигмой / А.М. Савосина // *Вопр. языкознания*. – 2000. № 1. – С. 66-74.

Сай С.С. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке / С.С. Сай // *Вопр. языкознания*. 2007. № 2. – С. 75-91.

Сальников Н. Безличные предложения типа «Крышу сорвало ветром» / Н. Сальников // *Russian linguistics*. Dordrecht – Boston, 1977, vol. 3, № 3-4.

Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким / Я. Светлик. – Братислава: Словацкое педагогическое изд-во, 1970. – 352 с.

Седелников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений / А. Е. Седелников // *НДВШ. Филол. науки*. – 1961. – № 3. – С. 66 – 77.

Седелников Е.А. О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке / Е.А. Седелников // *Исследования по современному русскому языку*. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 212-226.

Седелников Е.А. Инфинитивные и бесподлежащно-сказуемые глагольные предложения в современном русском языке / Е.А. Седелников // *Учен. зап. Кавказ. ун-та. Сер. рус. яз.* – 1970а. – Т. 29. – С. 71-124.

Селеменова О.А. Безличные предложения со значением состояния природы и окружающей среды в современном русском языке: структура, семантика и функционирование / О.А. Селеменова. Дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2006. – 234 с.

Селиверстова О. Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом быть / О.Н. Селиверстова // *Вопросы языкознания*. – 1973. № 5. – С. 95-105.

Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

Селиверстова О.Н. Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках (их соотношение и перевод) / О. Н. Селиверстова, А. Д. Швейцер // *Текст и перевод*. – М.: Наука, 1988. – 246 с.

Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982. – 365 с.

Сергеева Ж.А. О семантических разновидностях предложений «N1 – N1» и особенностях их употребления в современном русском языке / Ж.А. Сергеева // *Филол. науки*. 2007. № 6. – С. 98-105.

Серебрянников Б.А. К проблеме сущности языка / Б.А. Серебрянников // *Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка*. – М.: Наука, 1970. – 605 с.

Сидорова М.Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации / М.Ю. Сидорова // *Русистика сегодня*. – 1994. № 2. – С. 69-79.

Сидорова М. Ю. Современный русский язык. Синтаксис: Сборник упражнений к «Коммуникативной грамматике» / М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001. – 131 с.

Сий Э. Курс венгерского языка / Э. Сий. – Будапешт, 1979. – 630 с.

Сильницкий Г.Г. Глагольная валентность и залог / Г.Г. Сильницкий // *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. – Л.: Наука, 1974. – С. 54-72.

Синичкина Н.Е. Конфигурация грамматического предиката в высказываниях с облигатным отрицанием / Н.Е. Синичкина. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – 195 с.

Синтаксическая синонимия: пособие для учителей ст. кл. / П.А. Лекант, Т.В.Маркелова, Т.С. Моница и др. – М.: Рус. слово, 1999. – 103 с.

Скаличка В. О грамматике венгерского языка // *Пражский лингвистический кружок* / В. Скаличка. – М., 1967. – С. 128-195.

Скобликова Е.С. Концептосфера человека и модели предложения / Е.С. Скобликова // *НДВШ. Филол. науки*. – 2001. № 4. – С. 45-54.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс) / Е.С. Скобликова. – М.: Флинта, 2006. – 320 с.

Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка / А.П. Сквородников. – Томск: Томск. ун-т, 1981. – 255 с.

Скорикова Т. П. Теория функционально-семантического поля и проблема соотношения системности – функциональности – коммуникативности / Т.П. Скорикова // *Языковая системность при коммуникативном обучении* : Сб. статей. – М.: Русский язык, 1988. – С. 86-95.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1957. – 284 с.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 440 с.

Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / А.И. Смирницкий. – М.: Высшая школа, 1975. – 380 с.

Слобин Д. Психолингвистика / Д.Слобин, Дж. Грин. – М.: Прогресс, 1976. – 336 с.

Слюсарева Н.А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения / Н.А. Слюсарева // *Вопр. языкознания*. – 1986. № 4. – С. 42-51.

Собинникова В.И. Падежные и предложно-падежные формы в русском языке в сопоставительном аспекте с другими славянскими языками / В.И. Собинникова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 112 с.

Собослаи И. Вопросы синтаксической синонимии в современной советской и венгерской русистике / И. Собослаи, В.Ю. Копров // *Вопросы изучения и преподавания русского языка и литературы в ВНР. Часть 1. Русский язык и методика его преподавания*. – Будапешт, 1986. – С. 107-120.

Современный русский язык: учебник / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. – М.: Дрофа, 2000. – 560 с.

Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – 559 с.

Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; Под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с.

Соколовская Ж.П. Проблемы системного описания лексической семантики / Ж.П. Соколовская. – Киев: Наукова думка, 1990. – 184 с.

Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку: сб. ст. – М.: Наука, 1987. – 238 с.

Способы именованя ситуаций экстралингвистической действительности / под ред. Е.Л. Кривченко. – Саратов: Изд-во «Стило», 2006. – 134 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение: лексические вхождения в структурные схемы / Ю.С. Степанов // Вопр. языкознания. 1988. № 1. – С. 46-65.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1989. – 248 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Степанова М.Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке / М.Д. Степанова, Г. Хельбиг. – М.: Высшая школа, 1978. – 259 с.

Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2008. – 596 с.

Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка / М.А. Стернина. – Воронеж, 1999. – 253 с.

Столярова Е. К. Синтаксическая синонимия: из истории вопроса / Е.К. Столярова // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 3. – М., 2001. – С. 177-183.

Столярова Л.П. Имя существительное в малом синтаксисе современного русского литературного языка. (Субстантивная конструкция) / Л.П. Столярова. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Днепропетровск, 1990. – 36 с.

Структурный синтаксис английского языка. – Л.: ЛГУ, 1972. – 176 с.

Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений / О.А. Сулейманова. – М., 1999. – 222 с.

Суник О.П. Общая теория частей речи / О.П. Суник. М. – Л.: Наука, 1966. – 131 с.

Супрун А.В. Грамматика и семантика простого предложения: На материале испанского языка / А.В. Супрун; Отв. ред. Г.В. Степанов. Изд. 2-е, испр.. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 264 с.

Сусов И.П. Семантическая структура предложения. На материале простого предложения в современном немецком языке / И.П. Сусов. – Тула, 1973. – 141 с.

Сусов И.П. Формальные и семантические аспекты предложения / И.П. Сусов // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л., 1975. – С. 123-129.

Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения / И.П. Сусов. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 51 с.

Сусов И.П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики / И.П. Сусов // Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. 26-30 мая 1998 г. Часть 1. – Тамбов: ТГУ, 1998. – С. 16-20.

Сухотин В.П. Синтаксическая синонимика в современном русском языке. Главные словосочетания / В.П. Сухотин. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 160 с.

Сушкова И. М. Функционально-семантическое поле принадлежности как средство выражения концепта «посессивность» (на материале русского и

английского языков) / И.М. Сушкова // Поиск. Опыт. Мастерство. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов. Сб. статей. Вып. 7. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – С. 132-139.

Сушкова И.М. Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности (на материале русского и английского языков) / И.М. Сушкова. Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 185 с.

Сюткина М.Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посессивных конструкций (на материале английского и русского языков) / М.Ю. Сюткина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2004. – 24 с.

Сятковский С. И. Неопределенно-личные предложения в современных славянских языках / С.И. Сятковский // Славянская филология. Вып. 5. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – С. 267-297.

Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: ПГУ, 1999. – 207 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов: сб. науч.-аналит. обзоров. – М.: ИНИОН, 1990. – 201 с.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 352 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.

Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – 369 с.

Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.

Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996а. – 264 с.

Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996б. – 229 с.

Тер-Минасова С. Г. «Я» и «Мы» в культурах и языках / С.Г. Тер-Минасова // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. Т. II. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 528-529.

Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке / К.А. Тимофеев // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 257-301.

Тимофеев К.А. К вопросу о залогах русского глагола / К.А. Тимофеев // Русский язык в школе. – 1958, № 2. – С. 16-22.

Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л.: Наука, 1974. – 383 с.

Томсон А.И. Общее языковедение / А.И. Томсон. – Одесса, 1906. – 416 с.

Трестерова З. Некоторые особенности русского менталитета и их отражение в некоторых особенностях русского языка / З. Трестерова // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т. 2. – Братислава, 1999. – С. 179.

Тулина Т.А. Обязательность и факультативность компонентов при описании четырёх- и пятиактантных ситуаций / Т.А. Тулина // Проблемы теории членов предложения. – Кишинёв, 1973. – С. 118-123.

Успенский Б. А. Структурная типология языков / Б.А. Успенский. – М.: Наука, 1965. – 256 с.

Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Федоров А.В. Очерки по общей и сопоставительной стилистике / А.В. Федоров. – М., 1971. – 194 с.

Федоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса / А.К. Федоров. – М.: Просвещение, 1972. – 239 с.

Федоров В.А. Семантические типы неопределенного лица и способы их выражения в простом предложении (на материале русского, немецкого, английского, польского и французского языков) / А.В. Федоров // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике (лексика, синтаксис). Воронеж, 1995. – С. 78-100.

Фёдоров В.В. Французские структурные схемы с глаголом avoir и их перевод на русский язык / В.А. Федоров // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. – С. 194-115.

Фигуровская Г.Д. Полевые модели в синтаксисе / Г.Д. Фигуровская // Русский язык вчера, сегодня, завтра. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 23-27.

Фигуровская Г.Д. Функциональная грамматика и синтаксические поля / Г.Д. Фигуровская // Проблемы изучения и преподавания языка: Межвуз. сб. науч. тр. – Елец: ЕГУ, 2001. – С. 3-17.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М., 1981. – С. 369-495.

Формы безличности / под ред. П.А. Леканта; сост. А.В. Петров. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – 188 с.

Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм – М.: Прогресс, 1986. – 393 с.

Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты / Л.А. Фурс. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2004. – 36 с.

Фурс Л.А. Когнитивное моделирование синтаксиса / Л.А. Фурс // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. № 4. – С. 81-85.

Фюреди М. Синтаксические возможности выражения пассивного залога в венгерском языке. (Описание в рамках падежно-трансформационной грамматики) / М. Фюреди // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 27. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. – С. 287-304.

Химик В.В. Неопределенно-личное предложение и персональные ситуации неопределенности / В.В. Химик // Предложение и его структура в языке (русский язык). Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МИПИ, 1986. – С. 47-55.

Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В.В. Химик. – Л., 1990. – 180 с.

Химик В. В. Практический синтаксис русского языка. Учебно-методическое пособие для иностранных учащихся / В.В. Химик. – СПб.: Златоуст, 2001. – 92 с.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.

Холодович А.А. Типология пассивных конструкций / А.А. Холодович. – Л.: Наука, 1974. – 383 с.

Холодович А.А. Проблемы грамматической теории / А.А. Холодович. – Л.: Наука, 1979. – 302 с.

Хорнби А. С. Конструкции и обороты современного английского языка / А.С. Хорнби. – М., 1958. – 336 с.

Храковский В. С. Пассивные конструкции / В.С. Храковский // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. – Л.: Наука, 1974. – С. 5-45.

Храковский В.С. История вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании / В.С. Храковский // Вопр. языкознания. – 1983. – № 3. – С. 110-117.

Храковский В.С. Залог и рефлексив / В.С. Храковский // Проблемы теории грамматического залога. – М.: Наука, 1978. – С. 50-61.

Храковский В. С. Понятие сирконстанта и его статус / В. С. Храковский // Семантика и информатика: Сб. науч. ст. – М.: Языки русской культуры. Русские словари, 1998. – Вып. 36. – С. 141 – 153.

Храковский В. С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) / В.С. Храковский // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. статей. – М.: Знак, 2004. – С. 505-519.

Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика / С.Н. Цейтлин // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 161-180.

Цейтлин С.Н. Строение предложения и речевая ситуация. (К проблеме эллиптичности предложения) / С.Н. Цейтлин // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. – Л., 1976. – С. 40-51.

Цейтлин С.Н. Система синтаксических синонимов (на материале русского языка) / С.Н. Цейтлин // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л., 1979. – С. 77-88.

Циммерлинг А. В. Обладать и быть рядом / А.В. Циммерлинг // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 179-188.

Цой А.А. Семантическая структура нераспространенных двусоставных предложений в современном русском языке / А.А. Цой. – Ташкент: Фан, 1980. – 127 с.

Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л.В. Цурикова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 257 с.

Чагина О. В. Как сказать иначе? Работа над синтаксической синонимией русского языка в иностранной аудитории / О.В. Чагина. – М.: Русский язык, 1990. – 176 с.

Чагина О.В. Возвратные глаголы / О.В. Чагина // Книга по грамматике : Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под. ред. А.В. Величко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 306-340.

Чагина О.В. Возвратные глаголы в русском языке. Описание и употребление : учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся / О.В. Чагина. – М.: Русский язык. Курсы, 2009. – 264 с.

Чайковская Н. Н. Типология русского простого предложения сквозь призму грамматического мышления / Н.Н. Чайковская // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сб. докладов. Т. 1. / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. СПб.: Политехника, 2003. – С. 181-188.

Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 436 с.

Чень Готин. О принципах установления структурных схем простого предложения / Чень Готин // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Русский текст и русский дискурс сегодня. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 410-416.

Чернякова Т. А. Синтаксическая синонимия как средство дифференциации моделей простого предложения / Т.А. Чернякова // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 223-231.

Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления / П.В. Чесноков. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1992. – 168 с.

Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции / Л.Д. Чеснокова. – Ростов н/Д: Гэфест, 1997. – 290 с.

Чинчлей К. Г. Типология категории посессивности / К.Г. Чинчлей. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 155 с.

Чинчлей К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации / К.Г. Чинчлей // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 100-117.

Шадрин В.И. Категориальная ситуация как компонент ситуативной модели перевода / В.И. Шадрин // Исследования по языкознанию. – СПб., 2001. – С. 356-359.

Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка / А. Шальга. – Будапешт: Танкеньвкиадо, 1984. – 152 с.

Шанский Н.М. Современный русский литературный язык / Н.М. Шанский, И.П.Распопов, А.Н.Тихонов, А.В.Филиппов. – Л., 1981. – 584 с.

Шарандин А.Л. Глагол в истории отечественного языкознания: К вопросу о месте глагола в системе частей речи русского языка / А.Л. Шарандин. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2003. – 123 с.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И.Б. Шатуновский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 399 с.

Шатуновский И. Б. Предложения наличия vs. бытийные и локативные предложения в русском языке / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 189-197.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 621 с.

Шахтер П. Релевные и референциальные свойства подлежащих / П. Шахтер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М.: Прогресс, 1982. – С. 317-355.

Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке / Н.Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. – С. 3-77.

Шведова Н.Ю. Структурные схемы предложений и их регулярные реализации / Н.Ю. Шведова // Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – С. 546-576.

Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм / Н.Ю. Шведова // Вопр. языкознания. – 1973, № 4. – С. 25-36.

Шведова Н.Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты / Н.Ю. Шведова // Слово и грамматические законы языка. – М., 1989. – С. 5-171.

Шелякин М.А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М.А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 312-326.

Шелякин М.А. О функциональной сущности русского инфинитива / М.А. Шелякин // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 288-302.

Шендельс Е.И. Понятие грамматической синонимии / Е.И. Шендельс // НДВШ. Филол. науки. – 1959, № 1. – С. 68-81.

Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка) / Е.И. Шендельс. – М.: Высшая школа, 1970. – 204 с.

Ширяев Е. Н. Семантико-синтаксическая структура бытийных предложений и особенности ее реализации в разных функциональных разновидностях языка / Е.Н. Ширяев // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелёва. – М.: Индрик, 2001. – С. 227-235.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М., 2002. – 496 с.

Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1976. – 150 с.

Шмелева Т.В. О семантике структурной схемы предложения / Т.В. Шмелева // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1978, № 4. – С. 354-361.

Шмелева Т.В. Продуктивность и семантика структурной схемы (на материале простого предложения) / Т.В. Шмелева // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Русский язык, 1980. – С. 235-245.

Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т.В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во МГУ, 1988а. – С. 186-187.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций / Т.В. Шмелева. – Красноярск: КГУ, 1988б. – 54 с.

Шрам А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: (На материале современного русского языка) / А.Н. Шрам. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 134 с.

Шубик С.А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке / С.А. Шубик. – Л., 1989. – 123 с.

Шубин Э. П. Основные принципы методики обучения иностранным языкам / Э.П. Шубин. – М.: Учпедгиз, 1963. – 189 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.

Щеулин В.В. Сложноподчиненные предложения, их структурно-семантические и функциональные свойства в аспекте понятия синтаксического поля / В.В. Щеулин. – Липецк: ЛГПИ. Ч. 1. 1993. – 140 с.; Ч. 2. 1993. – 144 с.; Ч. 3. 1994. – 119 с.

Щеулин В.В. О полевой природе сложноподчинённого предложения в русском языке / В.В. Щеулин // Структурно-семантическая специфика и функционально-коммуникативный статус языковых единиц. – Липецк: ЛГПУ, 2004. – С. 156-170.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

Юрченко В.С. О взаимосвязи аспектов предложения / В.С. Юрченко // Предложение как многоаспектная единица языка. – М.: МГПИ, 1984. – С. 14-25.

Юрченко В.С. Проблемы общей и русской грамматики / В.С. Юрченко. – Саратов, 1995. – 52 с.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95-113.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

Янко Т. Е. Бытование и обладание: конструкции с глаголом быть Т.Е. Янко // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 198-211.

Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н.А. Янко-Триницкая. – М.: АН СССР, 1962. – 248 с.

Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка / В.Н. Ярцева // Исследования по общей теории грамматики. – М.: Наука, 1968. – С. 5-57.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 111 с.

Яхонтов С.Е. Формальное определение залога / С.Е. Яхонтов // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л., 1974. – С. 46-53.

Allen W. Living English Structure / W. Allen. – L., 1965. – 193 pp.

Anderson J.M. The Grammar of Case: Towards a Localistic Theory / J.M. Anderson. – London: Cambridge University Press, 1971. – 244 pp.

Anderson J.M. On Case Grammar. Prolegomena to a Theory of Grammatical Relations / J.M. Anderson. – Croom Helm, Humanities Press, 1977. – 313 pp.

Autour de l'impersonnel. – Grenoble: CEDITEL, 1991. – 472 p.

Bach E. Have and be in English Syntax / E. Bach // Language, 1967. Vol. 43, 2. – P. 462-485.

Baker C.L. English Syntax / C.L. Baker. – The MIT Press, 1989. – 504 pp.

Baldi Ph. Reciprocal verbs and symmetric predicates / Ph. Baldi // Papers from the 10th regional meeting. – CSL. Chicago, 1974. – P. 17-26.

Baldinger K. Semantic Theory. Towards a Modern Semantics / K. Baldinger. – New York: St. Martin's Press, 1980. – 320 pp.

Bates E. Language and Context. The Acquisition of Pragmatics / E. Bates. – Academic Press, 1976. – 375 pp.

Bivon R. Studies in the Modern Russian Language. 7. Element Order / R. Bivon. – Cambridge UP, 1971. – 86 pp.

Beedham Ch. The passive aspect in English, German and Russian (Tübinger Beiträge zur Linguistik, 186) / Ch. Beedham. – Tübingen: Gunther Narr Verlag, 1982. – 159 p.

Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar / M.Y. Blokh. – М.: Высшая школа, 1983. – 350 с.

Boadi L.A. Reciprocal verbs and symmetric predications / L.A. Boadi // Journal of West African languages, 1975. – Vol. 10. – P. 55-77.

Brown P. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness. Strategies in social interaction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 106-229.

Byrne D. Teaching the Passive / D. Byrne // English Language Teaching. – 1966, vol. XX. 2. – P. 127-130.

Croft W. Typology and Universals / W. Croft. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 311 p.

Curme G. A Grammar of the English Language / G. Curme. III. Syntax. – Boston, 1935. – 616 p.

Dezsó L. Studies in syntactic typology and contrastive grammar / L. Dezsó. – The Hague – Paris – New-York: Mouton Publishers, 1982. – 307 pp.

Di Pietro R.J. Language Structures in Contrast / R.J. Di Pietro. – Rowley: Newbury House Publisher, 1971. – 193 pp.

Dixon R.M.W. A New Approach to English Grammar, on Semantic Principles / R.M.W. Dixon. – Oxford: UP, 1992. – 416 pp.

Everaert M. The Syntax of Reflexivization. [Publications in Language Sciences 22] / M. Everaert. – Foris Publications, 1986. – 330 pp.

Faarlund J.T. A typology of subjects / J.T. Faarlund // Studies in syntactic typology. – Amsterdam, 1988. – P. 193-208.

Foley W.A. Functional Syntax and Universal Grammar / W.A. Foley, R.D. Van Valin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 416 pp.

Ganshina M.A. English Grammar / M.A. Ganshina, N.V. Vasilevskaya. – М.: Высшая школа, 1964. – 434 с.

Givón T. Syntax: a functional-typological introduction / T. Givón. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Co. – 1984. Vol. 1. – 464 p.; 1990, vol. 2. – P. 465-1017.

Gordon E.M. A Grammar of Present-Day English: Parts of Speech / E.M. Gordon, I.P. Krylova. – М., 1974. – 334 p.

Grice P. Logic and Conversation / P. Grice // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. Ed. by Peter Cole and Jerry L. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41-58.

Groot K. de. Predicate Structure in a Functional Grammar of Hungarian / K. de Groot. – Dordrecht – Providence: Foris Publications, 1989. – 234 p.

Guiraud-Weber M. Les propositions sans nominatif en russe moderne / M. Guiraud-Weber. – Paris: Institut d'étude slaves, 1984. – P. 399.

Greimas A.J. Sémantique structurale. Recherche de méthode / A. J. Greimas. – Paris: Larousse. Langue et language, 1966. – 262 p.

Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. – London – Baltimore: E. Arnold, 1985. – 387 p.

Synonymy and Linguistic Analysis / R. Harris. – Oxford: Basil Blackwell, 1973. – 166 pp.

Havers W. Handbuch der erklärenden Syntax / W. Havers. – Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1931. – 143 s.

Horn G.M. Lexical-Functional Grammar. [Trends in Linguistics: Studies and Monographs 21. (Editor: Werner Winter)] / G.M.Horn. – Berlin, New York, Amsterdam: Mouton Publishers, 1983. – 394 pp.

Huck G. J. Ideology and Linguistic Theory. Noam Chomsky and the Deep Structure Debates. History of Linguistic Thought / G. J Huck, J. A.Goldsmith. – L. – New York: Routledge, 1995. – 186 pp.

'I', 'we' and impersonal constructions: Интернет-страница Американского Физического общества, 1994. [Электронный ресурс]: URL <http://forms.aps.org/author/h8impersonalconst.pdf>.

Ilyish B. The Structure of Modern English / B. Ilyish. – Л.: Просвещение, 1971. – 365 с.

Isacenko A.V. On 'have' and 'be' languages (A typological sketch) / A.V. Isacenko // Slavic Forum : Essays in linguistics and literature / Ed. M. S. Flier. – The Hague, Mouton, 1974. – P. 43-77.

Jacobsen B. Modern Transformational Grammar. With Particular Reference to the Theory of Government and Binding. [North-Holland Linguistic Series, 53] / B. Jacobsen. – North-Holland, 1986. – 441 pp.

Károly S. Általános és magyar jelentés / S. Károly. – Бр.: Akadémiai Kiadó, 1970. – 414 p.

Klaudy K. Original Hungarian text vs. text translated from Russian into Hungarian / K. Klaudy // Contrastive studies. Hungarian – Russian. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. – P. 127-138.

Klemm A. Magyar történeti mondat / A. Klemm. – Budapest. I, 1928; II, 1940; III, 1942.

Kobrina N.A. An outline of modern English syntax / N.A. Kobrina, N.A. Korneyeva. – М.: Высшая школа, 1965. – 210 с.

Langacker R.W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar / R.W. Langacker. – Berlin – New-York: de Gruyter, 1991. – 295 p.

Leech G. N. Towards a Semantic Description of English / G.N. Leech. – London: Longman, 1971. – 277 p.

Leech G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London: Longman, 1983. – 367 p.

Leinonen M. Impersonal sentences in Finnish and Russian: syntactic and semantic properties / M. Leinonen // Slavica Helsingiensia 3. – Helsinki, 1985. – 126 pp.

Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences // Foundations of Language. – 1967. Vol. 3. N 4. – P. 390-396.

Lyons J. Natural Language and Universal Grammar: Essays in Linguistic Theory / J. Lyons. – Vol. I. – Cambridge UP., 1991. – 290 pp.

Lieftrink F. Semantico-syntax / F. Lieftrink. – London, 1973. – 178 pp.

Levels of Syntactic Representation. [Studies in Generative Grammar 10]. – Foris Publications, 1981. – 302 pp.

Matthews P.H. Syntax. [Cambridge Textbooks in Linguistics] / P.H. Matthews. – Cambridge UP., 1987. – 306 pp.

McCawley J.D. Thirty Million Theories of Grammar. [Croom Helm Linguistics Series] / J.D. McCawley. – London – Canberra: Croom Helm, 1982. – 223 pp.

McCawley J.D. The Syntactic Phenomena of English / J.D. McCawley. – 2 vols. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1988. Vol. 1. – 366 pp. – Vol. 2. – 367-768 pp.

Miller J. Semantic and Syntax. Parallels and Connections. [Cambridge Studies in Linguistics 41] / J. Miller. – Cambridge UP, 1987. – 262 pp.

Mulder J.W.F. The Strategy of Linguistics. Papers on the Theory and Methodology of Axiomatic Functionalism / J.W.F. Mulder, S.G.J. Hervey. – Edinburgh: Scottish Academic Press, 1980. – 236 pp.

Nikolskaia E.K., Goldenberg T.Y. Grammaire française / E.K. Nikolskaia, T.Y. Goldenberg. – Moscou: Editions «Ecole Supérieure» 1974. – 364 p.

Newmeyer F.J. Generative Linguistics. A Historical Perspective / F.J. Newmeyer. – Routledge, 1996. – 218 pp.

Nida E. A. Componential Analysis of Meaning. [Approaches to Semiotics, 57] / E. A.Nida. – Mouton, 1975. – 272 pp.

Nida E. A. Language Structure and Translation. Nida E. A. [Language Science and National Development Series] / E. A.Nida. – Stanford UP., 1975. – 283 pp.

Papp F. The Russian of Hungarian people whose Russian is first-rate / F. Papp // Contrastive studies. Hungarian – Russian. – Budapest, 1984. – P. 139-154.

Studies in Relational Grammar. 2. – Chicago – London: The Univ. of Chicago Press, 1984. – 385 pp.

Podlesskaya V. External Possession, Reflexivization and Body Parts in Russian / V. Podlesskaya, E. Rakhilina // External possession. Ed. D. Payne, E. Barschi. – John Benjamins, 1999. – P. 505-521.

Pontoppidan-Sjovall K. Categories of Content and Form in Language. A Study of the personal and impersonal constructions in Russian. [Acta Universitatis Upsaliensis: Studia Slavica Upsaliensia. 5] / K. Pontoppidan-Sjovall. – Uppsala, 1968. – 101 pp.

Potter S. Language in the Modern World / S. Potter. – Harmondsworth, 1960. – 220 pp.

Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Part I. / H. Poutsma. – Groningen, 1926. – 540 pp.

Quirk R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – М.: Высшая школа, 1982. – 391 с.

Radford A. Syntax. A minimalist introduction / A. Radford. – Cambridge UP, 1997. – 283 pp.

Scheurweghs G. Present-Day English Syntax. A Survey of Sentence Patterns / G. Scheurweghs. – Longmans, 1966. – 434 pp.

Syntax and Semantics. Vol. 27. The Syntactic Structure of Hungarian. Ed. by F. Kiefer & K. E. Kiss. – Academic Press, 1994. – 475 pp.

Thrane T. Referential-Semantic Analysis. Aspects of a Theory of Linguistic Reference. [Cambridge Studies in Linguistics. 28] / Thrane T. – Cambridge at the University Press, 1980. – 256 pp.

Widdowson H.G. The communicative approach and its applications / H.G. Widdowson // Explorations in Applied Linguistics. – Oxford: Oxford University Press, 1979. – P. 163-172.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ I. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	5
Глава 1. Критический обзор концепций типологии предложения	5
1.1. Основные концепции типологии русского предложения.....	5
1.2. К типологии английского простого предложения.....	20
1.3. К типологии венгерского простого предложения	23
1.4. Цели, задачи и материал исследования	25
Глава 2. Предложение как продукт когнитивной деятельности	27
2.1. О речемыслительном процессе порождения предложения-высказывания.....	27
2.1.1. Довербальный этап	27
2.1.2. Этап языкового кодирования	28
2.2. Собственно простое предложение и «непростые» предложения.....	30
2.3. Межъязыковые сопоставления в практике преподавания языков как иностранных	32
Глава 3. Аспекты анализа семантико-структурного устройства простого предложения	34
3.1. Концепции многоаспектного описания предложения.....	34
3.2. Основные аспекты устройства и функционирования предложения-высказывания.....	37
Глава 4. О некоторых спорных вопросах синтаксической теории	45
4.1. Семантическая структура предложения	45
4.2. Структурная схема предложения и ее компоненты	48
4.3. «Составность» или актантность?.....	50
4.4. Форма <i>быть</i> в семантико-структурной типологии предложения.....	52
4.5. К проблеме синтаксической синонимии и вариантности.....	54
4.6. Об использовании в работе некоторых грамматических терминов.....	61

ЧАСТЬ II. СИТУАТИВНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДАСПЕКТ НОМИНАТИВНОГО АСПЕКТА УСТРОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глава 1. Типовые значения, инвариантные семантические структуры и ситуативно-структурные типы простого предложения	63
1.1. Типовое значение предложения.....	63
1.2. Инвариантные семантические структуры.....	64
1.3. Семантико-структурные типы простого предложения	64
Глава 2. Инвариантные семантические структуры и частеречные типы предложений	66
2.1. Система номинативных частей речи	66
2.1.1. Существительное и глагол как важнейшие номинативные части речи.....	67
2.1.2. Прилагательное как номинативная часть речи	72
2.1.3. О номинативном статусе наречия	74
2.1.4. Числительное	77
2.1.5. О номинативном статусе местоимений и междометий.....	78
2.2. Инвариантные семантические структуры и частеречные типы предложений	79
2.3. Частеречные типы простого предложения в русском, английском и венгерском языках.....	82
2.3.1. Номинативные предложения	82
2.3.2. Адъективные предложения.....	83
2.3.3. Нумеративные предложения	84
2.3.4. Вербальные предложения.....	84
2.3.5. Партиципальные предложения.....	86
2.3.6. Деепричастные предложения	86
2.4. О месте инфинитивных предложений в типологии предложения.....	87
Глава 3. Лексико-грамматические разряды слов и варианты семантической структуры предложения	99
3.1. Лексико-грамматические разряды номинативных частей речи.....	99
3.1.1. Лексико-грамматические разряды существительных	100
3.1.2. Лексико-грамматические разряды глаголов.....	104
3.1.3. Лексико-грамматические разряды прилагательных	107
3.2. Актанты вариантов семантических структур	108
3.3. Субкатегоризация агенса и пациенса	110

3.3.1. Субкатегории агенса.....	111
3.3.2. Субкатегории пациенса	114
ЧАСТЬ III. РЕЛЯТИВНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДАСПЕКТ НОМИНАТИВНОГО АСПЕКТА УСТРОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	116
Глава 1. Релятивно-структурный подаспект и его компоненты	116
1.1. Место релятивно-структурного подаспекта в сопоставительной типологии простого предложения	116
1.2. Компоненты релятивно-структурного подаспекта.....	117
Глава 2. Категория личности / безличности в типологии простого предложения.....	121
2.1. О соотношении понятий личность / безличность и подлежащность / бесподлежащность в сопоставительной типологии предложения	121
2.2. Грамматическая категория личности / безличности в типологии русского предложения.....	125
2.3. Типология русских безличных предложений на фоне венгерских и английских конструкций.....	128
2.3.1. Одноактантные безличные предложения.....	128
2.3.2. Дваактантные безличные предложения	130
Глава 3. Залог и залоговость в типологии простого предложения.....	132
3.1. О концепциях категории залога и залоговости в языках номинативного строя	132
3.2. Семантика и формы категории залога в сопоставляемых языках.....	135
3.2.1. Категория залога в русском языке.....	135
3.2.2. Категория залога в английском языке.....	137
3.2.3. О залоге в венгерском языке	140
3.3. Семантико-функциональное поле залоговости	146
3.3.1. Залоговость в русском языке.....	146
3.3.2. Залоговость и безличность.....	153
3.3.3. Залоговость в английском языке.....	155
3.3.4. Залоговость в венгерском языке.....	156
Глава 4. Категория определенности / неопределенности (обобщенности) актантов в сопоставительной типологии простого предложения.....	159
4.1. Определенность / неопределенность (обобщенность) актантов как грамматическая категория	159

4.2. Определенность / неопределенность субъекта	163
4.2.1. Определенность / неопределенность субъекта в активных конструкциях	163
4.2.2. Определенность / неопределенность субъекта в пассивных конструкциях	168
4.2.3. Определенность / неопределенность субъекта в безличных конструкциях	171
4.3. Определенность / неопределенность объекта.....	173
4.3.1. Определенность / неопределенность объекта в активных конструкциях	173
4.3.2. Определенность / неопределенность объекта в русских пассивных конструкциях	178
4.4. Определенность / неопределенность адресата	180
4.5. Определенность / неопределенность локализатора.....	181
Глава 5. Семантико-структурное устройство русского предложения на фоне английского и венгерского.....	184
Принципы и критерии сопоставительной типологии предложений	184
5.1. Одноактантные предложения	184
5.2. Дваактантные предложения.....	194
5.3. Трехактантные предложения	210
5.4. Четырехактантные предложения	215
ЧАСТЬ IV. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ И ВЕНГЕРСКИМ	218
Глава 1. Семантико-функциональная типология предложения русского, английского и венгерского языков.....	218
1.1. Основные положения семантико-функционального сопоставительного синтаксиса.....	218
1.2. Семантико-функциональная типология предложения русского, английского и венгерского языков	222
1.2.1. ИСС «субъект и его опредмеченный признак».....	223
1.2.2. ИСС «субъект и его качественный признак»	223
1.2.3. ИСС «субъект и его количественный признак».....	228
1.2.4. ИСС «субъект и его действие / состояние».....	228
1.2.5. ИСС «субъект и его качественный процессуальный признак».....	230
1.2.6. ИСС «субъект – сравнение – объект».....	230
1.2.7. ИСС «субъект – действие / состояние – объект».....	230
1.2.8. ИСС «субъект – локализация – локализатор»	236
1.2.9. ИСС «субъект – possessивность – объект»	236

1.2.10. ИСС «субъект – действие – объект – адресат»	237
1.2.11. ИСС «субъект – действие – объект – локализатор» ...	239
1.2.12. ИСС «субъект – действие – объект – локализатор – локализатор»	240
Глава 2. Об актуализирующем аспекте высказывания в русском и английском языках	243
2.1. Актуализирующий аспект в организации предложения- высказывания	243
2.2. Актуальное членение предложения-высказывания в русском языке.....	244
2.3. Актуальное членение предложения-высказывания в английском языке	246
2.4. Некоторые случаи перевода русских активных и пассивных высказываний.....	247
Глава 3. Семантико-функциональные поля типового значения «отношение между двумя субстанциями» в разноструктурных языках.....	249
3.1. Семантико-функциональное поле физического воздействия	249
3.2. Семантико-функциональное поле локализации	258
3.3. Семантико-функциональное поле посессивности	264
Глава 4. Синтаксис русского официально-делового стиля в сопоставлении с английским.....	274
4.1. Принципы вежливости и скромности в русской и английской официально-деловой коммуникации	274
4.2. Типологические и национально-культурные особенности синтаксиса русского и английского официально-делового общения	276
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	281
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	283
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	285

Научное издание

Копров Виктор Юрьевич
<http://koprov.boom.ru>

**Семантико-функциональный синтаксис
русского языка
в сопоставлении с английским и венгерским**

Издатель О.Ю. Алейников
г. Воронеж, 394024, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ИП Алейникова
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86 Б, 2. Тел. 59-24-27.